

МИХ.
ЗОЩЕНКО

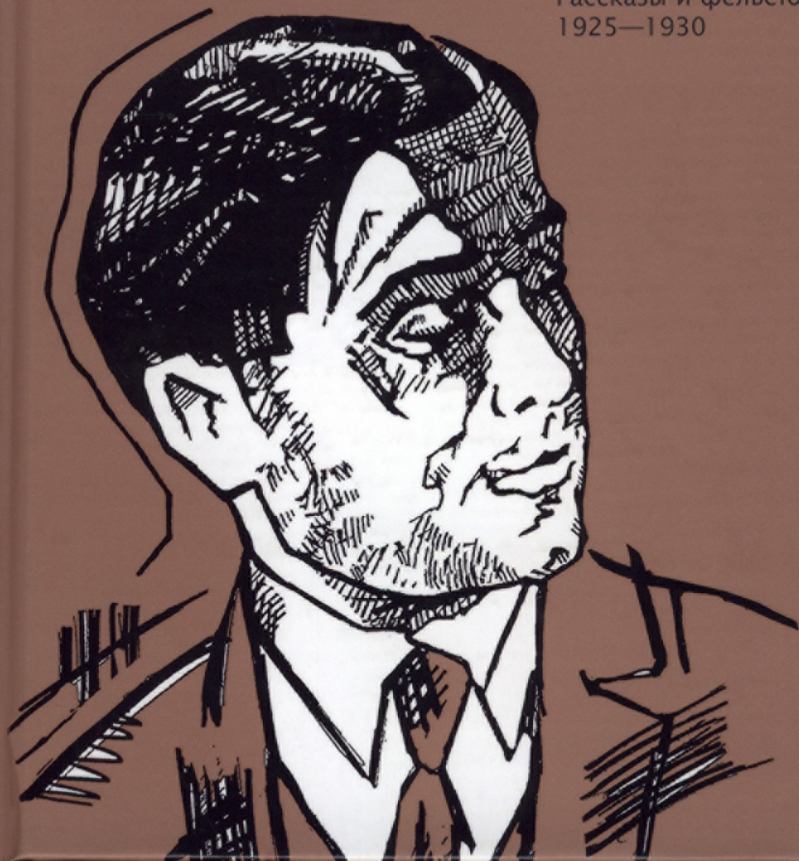
НЕРВНЫЕ ЛЮДИ

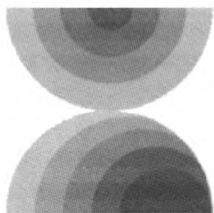
Рассказы
и фельетоны
1925—1930

МИХ.
ЗОЩЕНКО

НЕРВНЫЕ ЛЮДИ

Рассказы и фельетоны
1925—1930

РусьБанк

Мих.
Зощенко

Собрание сочинений

Мих.
Зощенко

Нервные люди

Рассказы и фельетоны
1925—1930

москва 2008

ББК 84Р7-4
378

Составление и примечания
Игорь Сухих

Макет и оформление
Валерий Калныньш

- 378 **Зощенко М. М.**
Нервные люди: Рассказы и фельетоны (1925—1930) / Собрание сочинений. — Состав. и примеч. И. Н. Сухих. — М.: Время, 2008. — 752 с.
ISBN 978-5-9691-0360-3

Собрание сочинений М. М. Зощенко — самое полное собрание прозы одного из крупнейших писателей-новаторов XX века. В него входят практически все известные произведения писателя от ранних рассказов, пародий и «Сентиментальных повестей» до книги «Перед восходом солнца» и поздних «положительных» фельетонов.

Этот том включает рассказы и фельетоны 1925—1930 гг.

ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-9691-0360-3

9 785969 103603

- Зощенко М. М., наследники, 2008
- Сухих И. Н., составление и примечания, 2008
- «Время», 2008

НЕРВНЫЕ ЛЮДИ

Рассказы и фельетоны 1925–1930

ДРОВА

И не раз и не два
вспоминаю святые слова —
дрова.

А. Блок

Это подлинное происшествие случилось на Рождестве. Газеты мелким шрифтом в отделе происшествий отметили, что случилось это там-то и тогда-то.

А я человек нервный и любопытный. Я не удовлетворился сухими газетными строчками. Я побежал по адресу, нашел виновника происшествия, втерся к нему в доверие и попросил подробнее осветить всю эту историю.

За бутылкой пива эта история была освещена.

Читатель — существо недоверчивое. Подумает: до чего складно врет человек.

А я не вру, читатель. Я и сейчас могу, читатель, посмотреть в ясные твои очи и сказать: «Не вру». И вообще я никогда не вру и писать стараюсь без выдумки. Фантазией я не отличаюсь. И не люблю поэтому растрачивать драгоценные свои жизненные соки на какую-то несуществующую выдумку. Я знаю, дорогой читатель, что жизнь много важнее литературы.

Итак, извольте слушать почти святочный рассказ.

— Дрова, — сказал мой собеседник, — дело драгоценное. Особенно, когда снег выпадет да морозец ударит, так лучше дров ничего на свете не сыскать.

Дрова даже можно на именины дарить.

Лизавете Игнатьевне, золовке моей, я в день рождения подарил вязанку дров. А Петр Семеныч, супруг ейный, человек горячий и вспыльчивый, в конце вечеринки ударил меня, сукин сын, поленом по голове.

— Это, — говорит, — не девятнадцатый год, чтоб дрова преподнестъ.

Но, несмотря на это, мнения своего насчет дров я не изменил. Дрова дело драгоценное и святое.

И даже когда проходишь по улице мимо, скажем, забора, а мороз пощипывает, то невольно похлопываешь по деревянному забору.

А вор на дрова идет специальный. Карманник против него мелкая социальная плотва.

Дровяной вор человек отчаянный. И враз его никогда на учет не возьмешь.

А поймали мы вора случайно.

Дрова были во дворе складены. И стали те общественные дрова пропадать. Каждый день три — четыре полена недочет.

А с четвертого номера Серега Пестриков наиболее колбасится.

— Караулить, — говорит, — братишки, требуется. Иначе, говорит, никаким каком вора не возьмешь.

Согласился народ. Стали караулить. Караулим по очереди, а дрова пропадают.

И проходит месяц. И заявляется ко мне племянник мой, Мишка Власов.

— Я, — говорит, — дядя, как вам известно, состою в союзе химиков. И могу вам на родственных началах по пу-

стяковой цене динамитный патрон всучить. А вы, говорит, заложите патрон в полено и ждите. Мы, говорит, петро-заводские, у себя дома завсегда так делаем, и воры оттого пужаются и красть остерегаются. Средство, говорит, богатое.

— Неси, — говорю, — курицын сын. Сегодня заложим. Приносит.

Выдолбил я лодочку в полене, заложил патрон. Замуровал. И небрежно кинул полешко на дрова. И жду: что будет.

Вечером произошел в доме взрыв.

Народ смертельно испугался — думает черт знает что, а я-то знаю и племянник Мишка знает, в чем тут запятая. А запятая — патрон взорвал в четвертом номере, в печке у Сереги Пестрикова.

Ничего я на это Сереге Пестрикову не сказал, только с грустью посмотрел на его подлое лицо и на расстроенную квартиру, и на груды кирпича вместо печи, и на сломанные двери — и молча вышел.

Жертв была одна. Серегин жилец — инвалид Гусев — помер с испугу. Его кирпичом по балде звездануло.

А сам Серега Пестриков и его преподобная мамаша и сейчас живут на развалинах. И всей семейкой с нового году предстанут перед судом за кражу и дров пропажу.

И только одно обидно и досадно, что теперича Мишка Власов приписывает, сукин сын, себе все лавры.

Но я на суде скажу, какие же, скажу, его лавры, если я и полено долбил и патрон закладывал?

Пушай суд распределит лавры.

НОВОЕ В ИСКУССТВЕ

Есть такая пьеса «Кто виноват?» Не знаете? Ну, так вот, очень любопытная пьеса. Советую посмотреть.

В одном акте там шайка грабителей купца грабит. Очень натурально выходит. Купец кричит, ногами отбивается. Жуткая пьеса. Обязательно посмотрите!

Эта пьеса шла, между прочим, в Астрахани. Любители-водники ставили в клубе имени Демьяна Бедного.

А один артист, Чесалкин (может, знаете? Он в астраханском техникуме учится. Хороший такой парнишка), — так Чесалкин этот играл роль купца.

Так вот, играет он роль купца — кричит, значит, ногами отбивается и чувствует, будто кто-то из любителей действительно в боковой карман к нему лезет.

Запахнул Чесалкин пиджачок свой.

«Игра, — думает, — игрой, а зачем же по карманам шарить?»

И сам, конечно, в сторону от артистов, которые грабителей играют. А те наседают. Вынули бумажник с деньгами (18 червонцев) и к часам прутся.

Ну, конечно, Чесалкин закричал тут не своим голосом. Караул, дескать, всерьез грабят.

От этого полный натурализм получился. Публика в совершенном восторге в ладоши жарит. А купцу не до публики.

— Последние, — кричит, — сбережения всерьез сперли. Честью прошу отдать!

Ну, которые спецы — видят — неладно. Не по пьесе слова. Суфлер тут из будки вылезает.

— Кажись, — говорит, — на самом деле бумажник у купца свистнули.

Дали занавес. Отпоили купца водой. Допросили.

— Да, — говорит, — какой-то из любителей по ходу пьесы бумажник вынул.

Немедленно устроили обыск у любителей. Однако денег не нашли. А пустой бумажник кто-то подкинул в кулисы.

Доиграл Чесалкин пьесу совершенно расстроенный и с пустым бумажником ушел домой.

Это истинное происшествие из мира искусства произошло 4-го января 1925 года.

А так, на остальном культурно-просветительном фронте все обстоит благополучно. Дела идут, контора пишет.

Отдайте, черти, бумажник! Не срамите!

СПИЧКА

Выступил у нас с докладом один докладчик. Или он от союза деревообделочников, или он от спичечного треста. Неизвестно это. На лице у него не написано.

Длинную такую, хорошую речь произнес. Много чего сказал теплого и хорошего. И производительность, говорит, улучшается. И производство, говорит, сильно вперед прет. И качество, говорит, товара становится замечательным. Сам бы, говорит, покупал, да деньги нужны.

Бодрые вещи говорил. Раз двадцать его народ перебивал и хлопал ему. Потому всем же приятно, когда производительность повышается. Сами понимаете.

А после докладчик стал цифры приводить. Для наглядности сказанного.

Привел две цифры и чтой-то осип в голосе.

Взял стакан воды, глотнул. А после говорит:

— Устал, говорит, я чтой-то, братцы. Сейчас, говорит, закурю и буду опять продолжать цифры.

И стал он закуривать. Чиркнул спичку. А спичечная головка, будь она проклята, как зашипит, как жиганет в глаз докладчику.

А докладчик схватился рукой за глаз, завыл в голос и упал на пол. И спичками колотит по полу. От боли, что ли.

После ему глаз промыли и платком завязали.

И снова его на кафедру вывели.

Вышел он на кафедру и говорит:

— Чего, говорит, цифры зря приводить и себя подвергать опасности. И так все ясно и понятно. Считаю собрание закрытым.

Ну, народ, конечно, похлопал докладчику и по домам пошел, рассуждая между собой — к чему, мол, этими цифрами мозги засорять, когда и так все видно.

САМОДЕЯТЕЛИ

Самодеятельность, граждане, слово модное. Бывают такие, например, театры самодеятельные, кружки бывают, клубы...

В столицах это явление заурядное. Обычное явление. А вот в провинции это только что внедряется.

И веришь ли, читатель, слезы умиления на глазах появляются, когда узнаешь про провинциальную самодеятельность.

Скажем, Баку. Городишко не так уж чересчур большой. А тоже, поглядите, самодеятельность развивается.

Газета «Бакинский рабочий» пишет:

Не так давно в Белгородском клубе им. Шаумяна по инициативе кружка друзей клуба проведен был вечер самодеятельности...

Далее газета сконфуженно продолжает:

Большинство членов кружка были пьяны. Между прочим, один из кружковцев до того договорился, что стал рассказывать анекдоты о евреях...

Ей-богу, слезы на глазах появляются. Кулаки сами собой сжимаются. Так бы вот взял этого самодеятельного еврейского анекдотиста, да в темном углу по мордасам, по мордасам. Заметку свою газета заканчивает с легкой грустью:

На вечере за два часа выпито было 10 ведер пива.

Слезы на глазах появляются. В зубах легкий скрип. Кулаки сами собой сжимаются. Так бы вот взял эти 10 ведер, выпил бы, а после пустым ведром по головам этих самодеятелей.

Ах, ей-право, до чего в провинции эта самая, как ее, черт ее поberi, ну, самодеятельность, что ли, внедряется!..

А так все остальное ужасно хорошо и благополучно. И дела идут, контора пишет.

Ключи на комод.

ДОРВАЛИСЬ

Ух и накрутим же мы сейчас хвост ждановским мужикам! Дайте, братцы, только отдышаться. Дайте только дух перевести. Очень уж мы, знаете, сердимся на этих ждановцев.

Сейчас объясним все по порядку: что, к чему и почему. Ну держись, ребята!

А есть, знаете, такое село Ждановка. И было в этом селе четыре трактора. Четыре новешеньких коммунальных трактора.

И пушай теперь ждановские мужики ответят, куда они, между прочим, щучьи дети, позадевали эти тракторы? Ась?

Ага, небось молчат. Корежатся от совести. Вот мы им еще пару поддадим. Хватай их за бородавки!

Так вот, между прочим, насчет этих тракторов.

Первый трактор у них, видите ли, сломался.

А отчего он, позвольте узнать, сломался? Не почесавшись, ведь и чирий не вскочит.

Оттого он сломался, что Васьки Великанова корова рогом чтой-то там прободала. Одним словом, какую-то нужную штуковину смяла рогом.

Ах какие, право, несознательные хозяева эти Великановы! Ну разве ж мыслимое дело — допускать несознательную корову до трактору? Да разве ж она понимает науку и технику? Тьфу, захворать можно от таких ненормальностей!

Теперь пойдем дальше.

Второй трактор у них в воду свалился. Отчего он в воду свалился? Оттого он в воду свалился, что ждановский мужик Иван Николаев Косоглотов некультурно управлял этим трактором. И, будучи маленько под мухой, шибко попер на этом тракторе и с обрывчика сверзился.

Пуцай этого Косоглотова теперь весь мир знает и его презирает.

У третьего трактора отчаянные ждановские парнишки какую-то немаловажную штуковину оторвали.

И теперь, ежели говорить прямо, по совести и без прикрас, то остался у них, у ждановцев, единственный один трактор.

Оно, конечно, и с одним трактором жить можно. Да только не такие это ждановские мужики. Это очень дико отчаянные мужики. Дорвались они, знаете, и до этого трактора. И трактор этот им теперь вроде автомобиля, только что без гудка. Истинная правда.

Чуть, знаете, они напьются маленько — сейчас велят трактор им предоставить. Ну и катаются на ем, что ответственные.

Председатель, подлая его душа, тоже ежедневно катается. Он до того, знаете, разленился через этот трактор, что идет, например, к куму своему, к Петровичу, через три дома — и то велит трактор себе подавать. И прет на нем стоя.

А касаясь свадеб в Ждановке и говорить не приходится. Молодых обязательно даже на тракторе развозят. Гостей тоже. А ведь гость, ежели он клюкнувши, он обязательно

блует на трактор. Разве ж это мыслимое дело — блевать на трактор?

А когда ребятенка недавно у Власовых октябрили, его тоже на тракторе везли. Ребяенок, знаете, дико орет и вообще истекает, а его прут и прут. Да еще сам папаша Власов сзади на трактор вскочивши и орет: ого-го!

Вот какие ядовитые делишки творятся у ждановцев. Пушай теперь вся республика про них знает и проклиняет.

А так на остальном деревенском фронте все обстоит довольно отлично и симпатично. За исключением, значит, тракторов.

И хотя бы в центре на этот счет небольшой декретик удумали — мол, не катайтесь, черти ситцевые, на тракторах. Это ж вам не моторы. Понимать надо.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

А вот, граждане, тихая акварельная картинка нашей провинциальной жизни.

Представь, читатель.

Вечер. Снег под ногами похрустывает. Фонарики небольшие этикие светят. И стоит себе, будка этакая, тоже небольшая, корявенькая. Воду она подает жителям.

А у будки — две домашние хозяйки с ведрами. Одна хозяйка нацедила себе два ведра, присобачивает их к коромыслу. Сейчас пойдет.

А другая хозяйка сердито отчитывает сторожа в будке.

— Почему, — говорит, — у тебя с ведра пятак, а в других будках по три? Небось, бродяга, зажиливаете две народные копейки?

Из окошечка сердито лезет лохматая голова. Голова сморкается, ловко надавив нос одним пальцем, и говорит с хрипом:

— Наживешь с вас, дьяволов! Приказано пятак — только и делов.

— Делов, делов, — возражает хозяйка. — Вода, что ли, у тебя, у бродяги, вкусней?

Хозяйки, еще побранившись слегка, отходят от будки, делаясь впечатлениями.

— Я бы, — говорит одна, — нипочем бы не стала деньги растрачивать, потому — жалко. Я бы сама на реку ходила, да только неинтересно, милая, под лед падать. Страсть склизко...

— Да уж, — говорит другая, — под лед, это верно, прохладно падать. Лучше уж я пятак заплачу, а уж чтоб с комфортом...

Хозяйки скрываются в тени.

Поскрипывает снег под ногами. Луна соперничает светом с фонарем. Тихо. Где-то жалко играет гармоника. Вот тихая провинциальная картинка!

— Где ж это такой медвежий уголок? — ядовито спросит читатель.

Как где? А в Ленинграде, милый читатель! На Большой Охте. Неужто не признал?

Водопроводов там нету, а водой торгуют разное: где три копейки берут, а где и пятак. От этого жители сильно обижаются.

А ученые профессора проекты строят: воздушные сады на крышах, фонтаны и радиоприемники.

Эх-ма! Кабы денег тьма...

ХИТЕР ЧЕЛОВЕК

Ну и хитрый же народ нынче пошел! Крыть, братцы, нечем.

Скажем — клуб. Скажем — до зарезу ремонтировать его нужно. А денег, скажем, ни черта нету. Чего, например, делать?

Может, мы с тобой, читатель, и не знаем чего, как люди неискушенные, ну а публика досконально знает. Она собаку на этом съела и кошкой закусил.

Ах, хитер народ, едят их мухи!

Конечно, клубное помещение — дело ненадежное, хрупкое дело. изнашивается быстро. Потому — не железо.

Скажем — один парнишка плюнул на стенку для блезиру. Другой плюнул. Третий плюнул. Десять плюнуло, и, глядишь, — не стена, а болото. Грибки растут. Мокрицы, например, резвятся. Каракатицы ползают. И вообще, значит, износилось помещение, и требуется до зарезу его ремонтировать.

С деньгами каждый дурак ремонтировать может. А попробуй без денег!

Хитер народ. Он и без денег может. Потому — лазейка есть. Сейчас про нее скажем. Дайте только развить фантазию насчет хрупкости помещения.

Скажем — теперь окно. Присели ребята на окно. На подоконник. А один парнишка, разговаривая насчет международной революции, размахнулся шибко рукой и выпер по нечаянности одну стекляшку.

Ну, выпер. Сегодня выпер. Завтра выпер. Послезавтра та же картина. И глядишь — через месяц холодно. Сквознячок бороды треплет. И вообще — ремонтировать нужно.

То же и насчет пола.

Одну половицу вынули для блезиру. Другую вынули. Десять вынули — крыть нечем. Сами посудите: где же ходить народу? Не летать же без пропеллера и без бензина по воздуху? А если не летать по воздуху, то, значит, срочно ремонтировать требуется.

А денег, заметьте, нету. И не то чтобы предместком расстритил. А вообще нету. Не печатать же своими средствами?

Вот тут-то и выплывает хитроумная затея.

Сейчас про нее скажем. Дайте только передохнуть и папироску выкурить.

Затея — *переехать в другое помещение.*

Так народ и делает. Одно помещение испортили — и подыскивают другое.

Три таких почтенных учреждения нам известны.

Про одно не скажем. Конфузить не желаем. Может, оно исправится.

Про другое намекнем слегка. Оно само догадается. Оно в седьмой раз переезжать хочет. И теперь на прелестный двухэтажный особняк нацелилось.

Быть особнячку пусту!

Третьего учреждения, если говорить правду, не знаем. Сказали на всякий случай. Пушай другим неповадно будет.

А так на всем остальном культурном фронте все обстоит отлично и хорошо. Дела идут, контора пишет. И спектакли ставятся.

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Перед магазином Егорьевского кредитного общества Иван Егорыч остановился. Он успокоительно похлопал рукой по брюху лошади и сказал ей:

— Входи, Маруська... Входи, не пужайся. Чичас мы тебе хомут купим, дура твоя голова. Не понимаешь своего счастья...

Лошадь тревожно фыркнула одной ноздрей и вошла вместе с хозяином в помещение.

Покупатели радостно удивились. Кто-то с восторгом махнул рукой и сказал:

— Ну-у, лошадь, братцы, в лавку пришедши. Ах, дуи их горой!

Маруська остановилась у прилавка и ткнулась мордой в конторку, рассчитывая на овес.

Заведывающий испуганно отстранился и обидчиво сказал Иван Егорычу:

— Да ты что ж это, бродяга? Ты что ж это с лошадьёу пришедши?

— Да мне хомут надо-то, — сказал Иван Егорыч. — Примерить чтоб... А лошадь, ты не беспокойся, она тихая. Не пугается посторонних предметов.

Заведывающий отмахнулся от лошадиной морды счетами и с удивлением сказал, обращаясь к покупателям:

— Да что ж это, братцы? Лошадь у меня в магазине... Да что ж это такое будет? Она и нагадить может на полу... И покупателя раздавить...

— Нету, — сказал Иван Егорыч, — она дюже смирная. Гляди, стоит, в конторке роется... Не махай на ее счетами-то. Не имеешь права махать на животную.

Заведывающий побагровел, всплеснул руками и бросился к двери, призывая на помощь милицию.

— Ладно, не расстраивайся, — сказал Иван Егорыч. — Нерви глотку-то — жрать пригодится... Ну нельзя — не надо. Эка штука. Так бы и сказал: нельзя, мол, с лошадьёу. Я и уйду. Дерьма тоже.

Егорыч потянул лошадь за уздечку, чмокнул губами и сказал:

— Что ли идем, Маруська. Гонят отсюдова, дьяволы.

Иван Егорыч вышел из лавки, плюнул сквозь зубы на дверь и сказал, обращаясь к публике:

— Ну и времечко. Лошадь в лавку не допускают... А давеча мы с ей в пивной сидели — хоть бы хны. Слова никто не

сказал. Заведывающий даже лично смеялся искренно. А этот нашелся гусь... Ну времечко.

— М-да, — сказал кто-то из толпы сочувственно, — тяжелые времена.

ДВА КОЧЕГАРА

Было это в Хабаровске. Или в крайнем случае во Владивостоке. Где-то, одним словом, в тех краях.

Началось все с сущих пустяков.

Жили, например, два кочегара. Одного кочегара фамилия, не любим сплетничать, — Рыжиков. Другого — Шеляев.

А был у Рыжикова сын — партийный пионер Костя. У Шеляева же — беспартийный младенец Васька, пяти лет.

Однажды парнишки подрались между собой. С чего это у них началось — не могу вам сказать. Или, может быть, Васька языком подразнил пионера. Или, может быть, Костя-пионер сказал какие-нибудь стишки, например: «Васька-васенок — свиной поросенок». Но только драка у них произошла форменная.

Победил пионер Костя, — надрал вихры своему противнику.

Беспартийный же Васька с громким ревом подрал жаловаться к своему папаше.

А папаша, кочегар Шеляев, сильно расстроился. Вечером пошел принимать дежурство от Рыжикова и говорит ему:

— Ну, — говорит, — берегися, Рыжиков! Я, — говорит, — твоему щенку голову оторву с корнем, ежели что. Пушай не бьется с моим Васькой в другой раз.

А папаша Рыжиков был гордый папаша.

— Не страдай, — говорит. — Не испужался! Ишь ты, — говорит, — какой нашелся характерный — детские головы с корнем отрывать. А ежели они — нам смена? Да я тебя за такие слова расстрелять, бродягу, могу.

— Ах, так! — удивился Шеляев. — Кочегаров расстреливать? Которые в союзе состоят расстреливать? Да я тебя за это в Соловки могу спрятать, сукинова сына!

Ну, слово за слово. Рассердились они друг на друга. Рыжиков ушел с дежурства, плюнул и думает.

«Я, — думает, — подсижу тебя, бродягу. Я тебе такую пакость состряпаю — не зарадуешься».

Кочегар Шеляев принял дежурство и тоже думает:

«Погоди, — думает. — Я тебя, гадюку, подковырну. Я тебе чего-нибудь в котле испорчу. Или, вот, например, возьму да с одиннадцати атмосфер на восемь спущу... Оправдывайся, бродяга, после... Будешь знать, как кочегаров расстреливать»...

Сказано — сделано.

Снизил Шеляев пар до восьми атмосфер.

На другой день принял дежурство Рыжиков.

«Эге, — думает, — пакости мне строить? Погоди, я тебе на шесть атмосфер спущу. Накось, выкуси!»

Сказано — сделано.

Спустил Рыжиков пар до шести атмосфер.

Падающая энергия, конечно, упала. Народ дивуется, а однако, что к чему и почему — не понимает.

На другой день принял дежурство обратно Шеляев.

«Эге, — думает — шесть атмосфер? Да я тебе, бродяге, четыре устрою. И воду, подлецу, с резервного котла спущу. Пущай все к чертовой матери лопается».

Сказано — сделано.

Спустил кочегар до четырех атмосфер. И пар из резервного котла выпустил. Ждет, что будет.

На другой день хотел Рыжиков до двух атмосфер спустить и крантик вообще отломить к чертовой бабушке. Но не пришлось.

Специальная комиссия взяла кочегаров в оборот.

Теперь чего будет — неизвестно.

А, впрочем, если раскинуть мозгами, то предвидеть можно.

Сыновья, Вася с Костей, непременно помирятся.

Потому счастливое безоблачное детство.

Кочегары, скорей всего, тоже помирятся. Все-таки в одном союзе состоят и живут на одной улице.

А вот со стороны комиссии предвидим едкие неприятности.

И верно: Хабаровская газета «Рабочий Путь» пишет:

Райком постановил уволить этих двух кочегаров и внести в членские книжки выговор.

Будет, ох, будет теперь время у безработных кочегаров подумать о случившемся!

СВЕТЛЫЙ ГЕНИЙ

Речь о раскрепощении женщин товарищ Фиолетов закончил с необыкновенным подъемом.

Он стукнул кулаком по столу, топнул ногой, откинул назад свои волосы и громко закричал:

— Гражданки! Вы, которые эти белые рабыни плиты и тому подобное. И которые деспот муж элемент несознательно относится. И кухня которая эта и тому подобное. Шитье, одним словом. Довольно этих про этих цепей. Полное раскрепощение, к свету нога об руку с наукой и техникой.

— Уру! — закричали женщины. — Уру-ру...

Несколько женщин бросились на оратора, скovyрнули его с ног и принялись качать, неловко подбрасывая фиолетовское тело под самую электрическую люстру.

«Не ушибся бы», — думал Фиолетов, испуганно брыкаясь и дергая ногами в белых суровых носках.

Через пять минут, когда Фиолетов начал кусаться, возторженные гражданки поставили его на пол и наперерыв жали ему руки, восхищаясь симпатичной его речью.

Какая-то немолодая гражданка в байковом платке подошла к Фиолетову и, потрясая его руку, робко сказала:

— Вы этот, как его, светлый гений человечества в окне женщины.

Фиолетов накинул на плечи пальто и вышел на улицу, слегка покачиваясь.

Фиолетовское нутро пело и ликовало.

«Да-с, — думал Фиолетов. — Тово-с. Здорово... Светлый гений... А?»

Фиолетов быстро дошел до дому и нетерпеливо принялся стучать в дверь кулаком. Ему открыла жена.

— Открыли? — ехидно спросил Фиолетов. — Два часа стоишь, как собака на лестнице... Наконец открыли.

— Иван Палыч, я враз открыла, — сказала жена.

— Враз, враз! А вам охота, чтоб не враз? Вам охота, чтоб муж восемь часов простаивал на лестнице? Вам охота восьмичасовой рабочий день тратить?! Жрать!

Жена метнулась в кухню и через минуту поставила перед Фиолетовым тарелку с супом.

— Ну, конечно, — сказал Фиолетов, — работаешь, как собака, как сукина дочь, а тут суп несоленый.

— Посолите, Иван Палыч, — простодушно сказала жена.

— Ага, теперь посолите! — заорал Фиолетов. — По-вашему, мне только и делов, что супы солить? Работаешь, как собака, а тут суп солить?!

Жена печально зевнула, перекрестила рот и пересела на другой стул.

— Пересаживаетесь! — завизжал Фиолетов. — Демонстрации мне устраиваете? Довольно мещанской идеологии! Я вам накажу кузькину мать...

Фиолетов уныло покушал, скинул с себя пиджак и сказал:

— Зашить надо. Разорвали, черти, качавши... Нечего без дела-то сидеть.

Жена взяла пиджак и принялась за шитье.

— Да электричество зря не жгите! — крикнул Фиолетов, заваливаясь на постель. — Мне же платить придется... Можете и в темноте зашить. Не узоры писать.

Жена потушила лампочку и неровными стежками стала пришивать пиджак к своей юбке.

Светлый гений, тихо посвистывая носом, спал.

С

Небось простодушный читатель удивится. Какие, подумает, пошли короткие заглавия из одной буквы. И чего это буква С значит? Может, это каналья автор ругается и выражается. Может, это означает — собака, или сукин сын, или «с Волкова кладбища»? Мало ли на букву С имеется неблагородных слов.

Нету, читатель. Нету, милый. Не такой это человек Гаврила, чтоб с нового года выражаться.

А буква С означает букву С, подписанную под одной жалобой. Вот чего.

Злополучная это была жалоба. Сейчас расскажу. Дайте, черти, папиросу выкурить, а то смех разбирает. А когда смеюсь — чихать хочется. А когда чихаю — перо дрожит и слог не такой гладкий получается.

А дело было ужасно ехидное, в городе Харькове.

В газету «Пролетарий» жалоба поступила. Насчет Наумова. Председателя УИКа откомслуга трансконторы Вукоопспилки (тьфу, черт! последний язык за ваш полтинник сломаешь...).

Ну поступила жалоба. Делов тоже!

А подпись под жалобой одна сплошная буква С.

А в жалобе ничего особенного не было. Так, мелкие неприятности Наумову.

А Наумов ужас как распалился. Расстроился. И побежал мелкой рысью в редакцию.

— Кто, говорит, буквой С жалобу подписывал? Откройте фамилию. Требую.

А в редакции (вот спасибо-то) фамилии не говорят.

«Не говорят — не надо, — подумал Наумчик. — Дерьма тоже, я и так узнаю».

И мелкой рысью побежал назад.

Прибежал, снял калоши и думает: «Сейчас, думает, посмотрю список сотрудников, которые сотрудники на букву С — тем крышка. И уж, думает, плюньте в мои бесстыжие глаза, если я злодея не открою».

А в конторе всего-навсего одна гражданка на букву С начиналась. И та Вдовицына-Сулимовская (фамилия это у ней такая).

Нажал на нее Наумчик. Уволю, говорит. В порошок сотру. Та в слезы. Не сознается. Я, говорит, могу специальный документ достать, что я невиновная.

И написала она в редакцию «Пролетария» письмо:

Настоящим прошу редакцию «Пролетарий» выдать мне справку о том, что ни я, ни мой муж (Сулимовский) никаких замечок в редакцию не давали.

Вдовицына-Сулимовская.

А ей ответ с мальчиком:

— Да, действительно.

А чем дело кончилось, нам так и не известно. Известно только то, что злодея Наумов не нашел. Хотя и предложил в случае неудачи плюнуть ему в глаза.

Плевать мы не станем. Не такой у нас характер, чтоб плеваться с нового года.

А так все остальное обстоит отлично и хорошо. Дела идут, контора пишет.

ПТИЧЬЕ МОЛОКО

Прошли, братцы мои, те тяжелые денечки, когда кооперативы торговали только пудрой да гуталином.

Будет.

Нынче в кооперативах полным-полно. Все есть, чего твоей душе угодно. Разве что птичьего молока не достать.

И то в ином кооперативе заместо птичьего молока такое есть — только диву даешься.

Думаете, сигары или шелковые чулки?

Стара штука — сигары и чулки. Подымай, братцы, выше.

Ну да не будем понапрасну томить читателя. Прямо и начистоту скажем: в некоторых кооперативах торгуют даже собачьими намордниками. Например, кооператив Нижне-Туринского лесничества (Уральской области).

В этом кооперативе имеется целая партия такого товару.

Газета «Труд» пишет:

Выбор намордников большой, на разные цены, разных фасонов, кожаные, металлические.

Конечно, в ином кооперативе так бы и пролежали эти самые намордники до скончания веков или до тех пор, пока сынишка заведывающего (даром что комсомолец) не стибрил бы их из почтительного удивления. Но не таков этот Нижне-Туринский кооператив. И не такова тамошняя администрация.

Дело в том, — пишет «Труд», — что администрация, имеющая право согласно колдоговора 60 % жалованья выдавать не деньгами, а ордерами в кооператив, этим правом не только пользуется, но и злоупотребляет.

За октябрь 85 % зарплаты выдано ордерами.

По ордеру бери чего хочешь. Хочешь, бери намордники, хочешь — гуталину. Потому выбор не ахти какой большой. «Труд» с грустью сообщает:

Нужных рабочему товаров в кооперативе нет. Рабочие берут что есть и продают на рынке за полцены.

— А на намордники спросу на базаре никакого! — жалуются рабочие.

Это странно. Такой, можно сказать, редкий, исключительный товар, вроде птичьего молока, а провинциалы отказываются покупать. Чудаки, едят их мухи!

А на всем остальном кооперативном фронте все отлично и симпатично. Товару вволю. Есть даже птичье молоко. Налетайте, граждане!

ХИМИКИ

Нынче, граждане, химия всем известна. До масс дошла. Все, скажем, химические и физические законы напролет известны.

Какой-нибудь, представьте себе, физический закон — например: от теплоты тело расширяется, — мало известный при царском режиме и при Временном правительстве, теперича ясен, как на ладони.

Однако есть физические законы, известные и раньше, при любом государственном строе. Это, например, ежели тело водой попрыскать, то тело, тово, прибавляется в весе.

Одна текстильная фабрика так и делает: обливает шерсть водой.

Ежедневный газетный орган про это с меланхолией пишет:

Ткачи сдают готовые куски товара на вес и, боясь нехватки в весе, спрыскивают товар водой.

Такой, конечно, химический подход к текстильной промышленности мне, граждане, не нравится.

Конечно, я бы не принял это так близко к сердцу, если б не брюки. А то — брюки.

Суконные брюки я люблю носить долго.

Мне не нравятся такие штаны, в которые сунешь два раза ноги, и они расползаются*.

Вот, например, бывшие брюки я носил двенадцать лет. И все они были как новенькие.

И уже революция грянула, Гражданская война, нэп, а я все ношу и ношу. Такая, представьте себе, чудная материя попала. Даже, откровенно сознаюсь, она еще лучше от носки стала. Блеск такой богатый пошел, мягкость, элегантность — дух вон.

Я бы эти брюки еще двенадцать лет носил, если б в бане не сперли. А то сперли в бане.

Конечно, пришлось купить новые. Потому — прохладно, и милиция косится. Издевательство, говорят, над общественным вкусом. Ежели, то есть, гражданин не при брюках, хотя в длинном пальто.

А какое, помилуйте, издевательство, ежели из предбанника сперли? Жутко, милые...

А новые брюки — плохие удались.

На стул, скажем, сел, за гвоздь слегка тронул — рвутся. За дверную ручку карманом зацепил — опять рвутся. В гости пришел, нагнулся под стол, чтоб тарелку или бутерброд поднять, — обратно рвутся и расползаются. Жутко, милые.

* Брюки, а не ноги расползаются.

Жена, на что уж дама прочная и сентиментальная, и то не выдержала.

— Ежедневно, говорит, шью ваши брюки, Григорь Иванович. Всю, говорит, общественную работу или сходить к управдому — за них забросила. Пущай, говорит, лучше развод, или купите новые.

— Гражданка, говорю, погодите ерепениться. Сейчас схожу в магазин — пущай обменяют.

Хорошо. Поносил я брюки еще два месяца для ровного счета, заявляюсь в магазин.

— Что вы, говорю, граждане, такое дерьмо продаете?

— Да, — говорит заведывающий, — товар порченный. Товар, говорит, для весу водой на фабрике обливают. А он прет и портится.

— Вес, говорю, в брюках мне не касается. Прошу обменять.

Менять заведывающий не стал, но предложил купить новые.

Так я и сделал.

А что текстильщики так поступают, то смешно и обидно. Ну случилась нехватка, ну привесь к общему куску какую-нибудь тяжелую ерунду или гирьку. Можно даже неклеимую. А то водой обливать! Жутко, милые.

АКТЕР

Рассказ этот — истинное происшествие. Случилось в Астрахани. Рассказал мне об этом актер-любитель.

Вот чего он рассказал.

Вот вы меня, граждане, спрашиваете, был ли я актером? Ну, был. В театрах играл. Прикасался к этому искусству. А только ерунда. Ничего в этом нет выдающего.

Конечно, если подумать глубже, то в этом искусстве много хорошего.

Скажем, выйдешь на сцену, а публика смотрит. А среди публики — знакомые, родственники со стороны жены, граждане с дому. Глядишь — подмигивают с партеру — дескать, не робей, Вася, дуй до горы. А ты, значит, им знаки делаешь — дескать, оставьте беспокоиться, граждане. Знаем. Сами с усами. Но если подумать глубже, то ничего в этой профессии нету хорошего. Крови больше испортишь.

Вот раз ставили мы пьесу «Кто виноват?»

Очень это сильная пьеса. Там, значит, в одном акте грабители купца грабят на глазах у публики. Очень натурально выходит. Купец, значит, кричит, ногами отбивается. А его грабят. Жуткая пьеса.

Так вот поставили эту пьесу.

А перед самым спектаклем один любитель, который купца играл, выпил. И в жаре до того его, бродягу, расстрясло, что, видим, не может роль купца вести. И как выйдет к рампе, так нарочно электрические лампочки ногой давит.

Режиссер Иван Палыч мне говорит:

— Не придется, говорит, во втором акте его выпускать. Передавит, сукин сын, все лампочки. Может, говорит, ты за место его сыграешь? Публика дура — не поймет.

Я говорю:

— Я, граждане, не могу, говорю, к рампе выйти. Не просите. Я, говорю, сейчас два арбуза съел.

А он говорит:

— Выручай, браток. Хотя на одно действие. Может, тот артист после очухается. Не срывай, говорит, просветительской работы.

Все-таки упростили. Вышел я к рампе. И вышел по ходу пьесы как есть в своем пиджачке, в брюках. Только что бороденку чужую приклеил. И вышел. А публика хотя и дура, а враз узнала меня.

— А, — говорят, — Вася вышедши! Не робей, дескать, дуй до горы...

Я говорю:

— Робеть, граждане, не приходится — раз, говорю, критический момент. Артист, говорю, сильно под мухой и не может к рампе выйти. Блюет.

Начали действие.

Играю я в действии купца. Кричу, значит, ногами от грабителей отбиваюсь. И чувствую, будто кто-то из любителей действительно мне в карман лезет.

Запахнул я пиджачок. В сторону от артистов.

Отбиваюсь от них. Прямо по роже бью. Ей-богу!

— Не подходите, — говорю, — сволочи, честью прошу.

А те по ходу пьесы это наседаются и наседаются. Вынули у меня бумажник (18 червонцев) и к часам прутся. Я кричу не своим голосом:

— Караул, дескать, граждане, всерьез грабят.

А от этого полный эффект получается.

Публика-дура в восхищении в ладоши бьет. Кричит:

— Давай, Вася, давай. Отбивайся, милый. Крой их, дьяволов, по башкам!

Я кричу:

— Не помогает, братцы!

И сам стегаю прямо по рылам.

Вижу — один любитель кровью исходит, а другие, подлецы, в раж вошли и наседают.

— Братцы, — кричу, — да что ж это? За какое самое это страдать-то приходится?

Режиссер тут с кулис высовывается.

— Молодец, — говорит, — Вася. Чудно, говорит, рольку ведешь. Давай дальше.

Вижу: крики не помогают. Потому, чего ни крикнешь — все прямо по ходу пьесы ложится. Встал я на колени.

— Братцы, — говорю. — Режиссер, говорю, Иван Палыч. Не могу больше! Спускайте занавеску. Последнее, говорю, сбережение всерьез прут!

Тут многие театральные спецы — видят, не по пьесе слова — из кулис выходят. Суфлер, спасибо, из будки наружу вылезает.

— Кажись, — говорит, — граждане, действительно у купца бумажник свистнули.

Дали занавес. Воды мне в ковшике принесли. Напоили.

— Братцы, — говорю. — Режиссер, говорю, Иван Палыч. Да что ж это, говорю. По ходу, говорю, пьесы ктой-то бумажник у меня вынул.

Ну, устроили обыск у любителей. А только денег не нашли. А пустой бумажник кто-то в кулисы кинул.
Деньги так и сгнули. Как сгорели.
Вы говорите — искусство? Знаем! Играли!

ВЯТКА

Вятка — город провинциальный. В Вятке волки по улицам бегают. Там даже поговорка сложилась: волков бояться — по центральной улице не ходить.

Столичная пресса отмечает это характерное вятское явление:

На Центральную улицу города забежали два крупных матерых волка...

В другом городе стрелять бы начали в волков. Но не такой это город Вятка, чтоб стрелять. Вятка город тихий. Там даже в революцию выстрелов не было. К чему же теперь, при нэпе, взбудораживать невинные вятские сердца?

Нет! Там в волков не стреляли. Там свистеть начали. «Красная газета» отмечает этот провинциальный способ:

Растерявшиеся милиционеры принялись свистеть...

А что такое, читатель, свист? Свист — это нечто нереальное, умственное, так сказать, звуковая несущественная

трель. Сами посудите, много ли свистом поделаешь с матерым волком?

Но не такой это город Вятка. Там и свист вполне пригоден в борьбе с матерыми хищниками. Там, оказывается,

на свистки милиционеров из одного дома выбежал дворник, который бросился на волка и задушил его. Второй волк убежал в лес.

Ну да. Выбежал дворник.

— Что, спрашивает, волки, что ли? Чичас мы их подомнем.

И подмял. Долго ли умеючи?!

Вот, скажем, Ленинград всегда был на первом месте. А в данном случае Ленинграду нипочем не устоять против Вятки.

В Ленинграде вызвали бы против волков пожарную команду. И волков убрали бы довольно скоро.

Но, во всяком случае, с чувством глубокого профессионального восторга мы отдаем Вятке первенство.

По слухам, герой дворник представлен к медали за спасение утопающих.

ВАЛЯЙТЕ, НАМ НЕ ЖАЛКО!

Гляди, читатель, чего на картинке видишь?

Небось, думаешь — это последний фотопортрет нашего многоуважаемого Гаврилы?

Нету, читатель. Это не наш Гаврила. Это харьковский Гаврила. Это в Харькове журнал такой будет выходить «Гаврила». А пушай выходит. Нам не жалко.

Погляди, читатель, еще раз на картинку. Ась?

Гляди: идет человек с вещами. Тут у него и папка с бумагами, и пузырек с чернилами, и ручка с пером. Все, как у богатого. И пиджак слева, гляди, оттопыривается слегка. Это не иначе как бумажник с деньгами пузырится. На три номера, небось, за глаза хватит.

Ладно. Пушай выходят. Нам не жалко.

А только для истории сообщаем: просим не смешивать нашего Гаврилу с этим Гаврилой. Наш Гаврила будет слегка плотней, и выражение лица у нашего несколько язвительней. И не курит, как этот. Потому — борьба. И кашне не носит. Братишка его двоюродный действительно носит кашне, а он — нет.

Ну, ладно. Пушай их выходят. Надо же и Харьков слегка осчастливить. Нам не жалко. Мы все советские. И наш Гаврила — советский, и этот — советский. Мы его не хаем. Это тоже ужасно способный Гаврила. Вишь, идет как смело. И аппарат в руке. И зачем ему, братцы, аппарат сдался? Фотомонтаж он делать будет, что ли? Ах, едят его мухи!

А только странно, братцы, где ж у него наш журнал «Бузотер»? Чтой-то не видно. Эге, да он в папочке спрятан. Смотрите — кусок торчит.

Пушай торчит. Разве нам жалко. Пушай их читают и пушай сами выходят.

А полупочтенному нашему тезке — Гавриле — наше вам с кисточкой.

ТЕПЕРЬ-ТО ЯСНО

Нынче, граждане, все ясно и понятно.

Скажем, пришла Масленица — лопай блины. Хочешь со сметаной, хочешь — с маслом. Никто тебе и слова не скажет. Только, главное, на это народных сумм не растрачивай.

Ну а в 1919 году иная была картина.

В 1919 году многие граждане как шальные ходили и не знали, какой это праздник — Масленица. И можно ли советскому гражданину лопать блины? Или это есть религиозный предрассудок?

Как в других домах — неизвестно, а в нашем доме в 1919 году граждане сомневались насчет блинов.

Главное, что управдом у нас был очень отчаянный. А с тех пор как он самогонщицу в № 7 накрыл, так жильцы до того его стали бояться — ужас.

И помню, наступила Масленица.

Сегодня, например, она наступила, а вчера я прихожу со службы. И кушаю, что было. А жена вытирала посуду полотенцем и говорит сухо:

— Завтра, говорит, Масленица. Не испечь ли, говорит, блинков, раз это Масленица?

А я говорю:

— погоди, говорю, Марья, не торопись, не суйся, говорю, прежде батки в петлю. Праздник, говорю, Масленица невыясненный. Это, говорю, не 1925 год, когда все ясно. погоди,

говорю, сейчас сбегая во двор, узнаю как и чего. И если, говорю, управдом печет, то, говорю, и нам можно.

И выбежал я во двор. И вижу: во дворе жильцы колбасят-ся. В страшной такой тоске по двору мечутся. И между собой про что-то шушукаются.

Говорю шепотом:

— Не насчет ли Масленицы колбаситесь, братцы?

— Да, отвечают, смотрим, не печет ли управдом. И ежели печет, из кухни чад, то вроде это декрета — можно, значит.

Вызвался я добровольно заглянуть в кухню.

Заглянул вроде как за ключом от проходного. Ни черта в кухне. И горшка даже нет.

Прибегаю во двор.

— Нету, говорю, граждане, чисто. Никого и ничего, и опары не предвидится.

А тут, помню, бежит по двору управдомовский мальчишечка семи лет — Колька.

Поманил я его пальцем и спрашиваю тихо:

— Ребятишка, говорю, будь, говорю, другом. Есть ли, скажи, опара у вас или не предвидится?

А мальчишечка, дитя природы, показал шиш из пальчиков и ходу. Отвечаю жильцам:

— Расходитесь, говорю, граждане, по своим домам. Масленица, говорю, отменяется.

А тут какой-то гражданин с восьмого номера надел пенсне на нос и заявляет:

— И это, говорит, свобода совести и печати?!

А я отвечаю:

— Ваше, говорю, дело десятое. У вас, говорю, интеллигентный гражданин, и муки-то нету. А вы, говорю, вперед лезете и задаетесь.

А он:

— Я, говорит, не из муки, я, говорит, из принципа.

Я говорю:

— Мне это не касается. Встаньте, говорю, назад. Дайте, говорю, женщинам видеть.

Ну, разгорелся классовый спор. А баба в споре завсегда визжит. И тут какая-то гражданка завизжала. А на визг управдом является.

— Что, говорит, за шум, а драки нету?

Тут я вроде делегатом от масс, выхожу вперед и объясняю недоразумение граждан и насчет опары.

А управдом усмехнулся в душе и говорит:

— Можно, говорит, пеките. Только, говорит, дрова в кухне не колите. А что, говорит, касается меня, то у меня муки нету, оттого и не пеку.

Похлопали жильцы в ладоши и разошлись печь.

Прошло шесть лет.

А многие граждане и посейчас в тоске колбасятся и не знают, можно ли советскому гражданину блины кушать или это есть религиозный предрассудок.

Не далее как вчера пришла ко мне в комнату хозяйка и говорит:

— Уж, говорит, и не знаю... Ванюшка-то, говорит, мой — ответственный пионер. Не обиделся бы на блины. Можно ли, говорит, ему их кушать? А?

Вспомнил я нашего управдома и отвечаю:

— Можно, говорю, гражданин. Кушайте. Только, говорю, дрова в кухне не колите и народные суммы на это не растрачивайте. Так-то, граждане. Лопайте со сметаной.

ПОПАЛАСЬ, КОТОРАЯ КУСАЛАСЬ

Это, кажется что, в Тамбове было. В резерве милиции. Лошадь Васька укусила милиционера, гражданина Трелецкого.

Случай вполне прискорбный

А случилось это в Тамбове. Повел Трелецкий на водопой Ваську.

А жеребец Васька играть начал. Схватил для потехи руку и рвать начал.

Ну, крики, одним словом, охи, и кровь течет. А лошадь забавляется. Ей вроде это нравится так бузить.

Собрался резерв милиции, вырвал гражданина и в больницу его в карете «скорой помощи».

А насчет преступной лошади читатель, конечно, может любопытствовать, чего, например, с ней сделали. — Думаете — ее в тюрьму посадили? Верно! Откуда вы знаете? Именно в тюрьму. Одним словом, посадили ее в губернский

дом заключенных и рапортничкой с отделом труда снеслись, дескать, —

Сообщаем, что лошадь, от которой произошел несчастный случай с милиционером, переведена в Губдомзак, где пока ведет себя прилично, причем об укусах Губдомзак предупрежден.

В дальнейшем лошадь предназначена к продаже...

Врид. Нач-ка Адм. отдела (подпись)

Одним словом, угробили лошадку. Попалась, которая кушалась. Да и куда попала — в дом заключения с изоляцией.

Иная лошадь лоб себе расшибет, начальника милиции забодает и то такой чести не дождется. Тут уж кому какое счастье, читатель. Не правда ли?

А вот жеребцу Ваське — счастье.

А лошади в Тамбове, говорят, перестали кусаться. Как рукой сняло.

СТОЛИЧНАЯ ШТУЧКА

В селе Усачи, Калужской губернии, на днях состоялись перевыборы председателя.

Городской товарищ Ведерников, посланный ячейкой в подшефное село, стоял на свежеструганных бревнах и говорил собранию:

— Международное положение, граждане, яснее ясного. Задерживаться на этом, к сожалению, не приходится. Пе-

рейдем поэтому к текущему моменту дня, к выбору председателя заместо Костылева, Ивана. Этот паразит не может быть облечен всей полнотой государственной власти, а потому сменяется...

Представитель сельской бедноты, мужик Бобров, Михайло Васильевич, стоял на бревнах подле городского товарища и, крайне беспокоясь, что городские слова мало доступны пониманию крестьян, тут же, по доброй своей охоте, разъяснял неясный смысл речи.

— Одним словом, — сказал Михайло Бобров, — этот паразит, распоряди его душу — Костылев, Иван Максимыч, — не может быть облегчен и потому сменяется...

— И заместо указанного Ивана Костылева, — продолжал городской оратор, — предлагается избрать человека, потому как нам паразитов не надобно.

— И заместо паразита, — пояснил Бобров, — и этого, яви его душу, самогонщика, хоша он мне и родственник со стороны жены, предлагается изменить и наметить.

— Предлагается, — сказал городской товарищ, — выставить кандидатуру лиц.

Михайло Бобров скинул с себя от полноты чувств шапку и сделал широкий жест, приглашая немедленно выставить кандидатуру лиц.

Общество молчало.

— Разве Быкина, что ли? Или Еремея Ивановича Секина, а? — несмело спросил кто-то.

— Так, — сказал городской товарищ, — Быкина... Запишем.

— Чичас запишем, — пояснил Бобров.

Толпа, молчавшая до сего момента, принялась страшным образом галдеть и выкрикивать имена, требуя немедленно возводить своих кандидатов в должность председателя.

— Быкина, Васю! Еремея Ивановича Секина! Миколаева...

Городской товарищ Ведерников записывал эти имена на своем мандате.

— Братцы! — закричал кто-то. — Это не выбор — Секин и Миколаев... Надоть передовых товарищей выбирать... Которые настоящие в полной мере... Которые, может, в городе поднаторели — вот каких надеть... Чтоб все насквозь знали.

— Верно! — закричали в толпе. — Передовых надоть... Кругом так выбирают.

— Тенденция правильная, — сказал городской товарищ. — Намечайте имена.

В обществе произошла заминка.

— Разве Коновалова, Лешку? — несмело сказал кто-то. — Он и есть только один приехавши с городу. Он ето столичная штучка.

— Лешку! — закричали в толпе. — Выходи, Леша. Говори обществу.

Лешка Коновалов протискался через толпу, вышел к бревнам и, польщенный всеобщим вниманием, поклонился по-городскому, прижимая руку к сердцу.

— Говори, Лешка! — закричали в толпе.

— Что ж, — несколько конфузясь, сказал Лешка. — Меня выбирать можно. Секин или там Миколаев — разве ето вы-

бор? Ето же деревня, гольтепа. А я, может, два года в городе терся. Меня можно выбирать...

— Говори, Лешка! Докладывай обществу! — снова закричала толпа.

— Говорить можно, — сказал Лешка. — Отчего ето не говорить, когда я все знаю... Декрет знаю или какое там распоряжение и примечание. Или, например, кодекс... Все ето знаю. Два года, может, терся... Бывало, сижу в камере, а к тебе бегут. Разъясни, дескать, Леша, какое ето примечание и декрет.

— Какая ето камера-то? — спросили в толпе.

— Камера-то? — сказал Лешка. — Да четырнадцатая камера. В Крестах мы сидели...

— Ну! — удивилось общество. — За что же ты, парень, в тюрьмах-то сидел?

Лешка смутился и растерянно взглянул на толпу.

— Самая малость, — неопределенно сказал Лешка.

— Политика или что слямзил?

— Политика, — сказал Лешка. — Слямзил самую малость...

Лешка махнул рукой и сконфуженно смылся в толпу.

Городской товарищ Ведерников, поговорив о новых тенденциях избирать поднаторевших в городе товарищей, предложил голосовать за Еремея Секина.

Михайло Бобров, представитель бедняцкого элемента, разъяснил смысл этих слов и Еремей Секин был единогласно избран при одном воздержавшемся.

Воздержавшийся был Лешка Коновалов. Ему не по душе была деревенская гольтепа.

Позвольте, граждане. Когда ж это было? Да это во вторник было, на прошлой неделе. Со вторника Иван Семеныч начал новую и светлую жизнь. Хотел с понедельника, да, говорит, день тяжелый.

А бросил Иван Семеныч дома кормиться. На общественное питание перешел. Стал ежедневно ходить с женой в столовую.

Обедал я с ним в одни часы. А за обедом Иван Семеныч говорил без умолку. И все восторгался, что кухню бросил.

— Это, говорит, такая выгода, такая выгода... А главное, говорит, жену от плиты раскрепостил. Пушай, думаю, и баба поживет малехонько в свободе. Ведь сколько теперь этого свободного времени останется? Уйма. Раньше, бывало, придет супруга с работы — мотается, хватается, плиту разжигает... А тут пришла, и делать ей, дуре, нечего. Шей хоть целый день. А кончила шить — постирай. Стирать нечего — чулки вязать можешь. А то еще можно заказы брать на стирку, потому времени свободного хоть отбавляй.

Вообще, Иван Семеныч был ужасно доволен своей переменной. Однажды он даже небольшую речь сказал обедающим гражданам:

— Граждане, сказал, пора ослобонить женщин от плиты! Пора бросить в болото эти кастрюльки и эти мисочки! Кормитесь, граждане, завсегда в столовой.

Обедающие, конечно, обижаются стали.

— Позвольте, говорят, что вы расстраиваетесь? Мы, говорят, и так в столовой обедаем...

Целую неделю ходил Иван Семеныч в столовую. И каждый день находил все новые и новые выгоды в своей перемене.

А после ходить перестал.

Я уж подумал, не заболел ли человек сапом. Пошел к нему на квартиру.

Нет. Гляжу — здоровый. Сидит у плиты и руки греет. Жена рядом в лоханке стирает.

— Что ж ты, говорю, друг ситный, ходить-то перестал?

— Да, говорит, так. Выходит очень странно. Я, говорит, и сейчас не пойму, как это выходит.

— А что?

— Да, говорит, начали мы, как вам известно, в столовой кормиться. Время стало гораздо много оставаться. Я говорю супруге: «Я, говорю, вас от плиты раскрепостил, но, говорю, это не значит, что вам дурой мотаться. Пошейте, говорю, или постирайте». Начала она стирать... Теперича спрашивается: плита топится ай нет, ежели стирка? Плита элементарно топится. Отчего бы, говорю, кастрюльку не поставить? Пущай кастрюлька кипит. Глупо же без пользы огонь тратить...

А теперича что выходит? Полная выгода. Кастрюльки да-ром кипят. Жену от плиты раскрепостил. И, между прочим, дома обедаем.

Такая выгода, такая выгода, прямо триста процентов выгоды! Даже и не понять враз, откуда такое счастье?

— Да, где же понять, — сказал я.

И мы попрощались.

ДЕФЕКТИВНЫЕ ЛЮДИ

Удивительно раньше люди жили!

Скажем, сто лет — небольшой срок, а поглядите, какая заметная разница.

Бывало, сто лет назад, развернешь газету, начнешь, к примеру, объявления читать. А объявления такие:

ПРОДАЕТСЯ ДЕВКА. Умеет шить и неприхотливо готовить. Цена той девке 75 рублей серебром.

ОБМЕНЮ мужика на трех девок. Мужик с бородой, дюже сильный. Могит быть дворником али чем.

Тряпичникам не являться.

ПРОДАЕТСЯ ДЕВКА, 16 лет, без обману. Умеет жарить, парить и пятки чесать. А цена той девки вне запроса 100 рублей.

Так раньше жили люди. Смешно жили. Глупо жили. Читать противно.

А нынче и времена другие, и песни другие, и... цена другая. Цена, прямо скажем, за «девку» тридцать червонцев. Это по расценке Спасского уезда.

Сейчас объясним.

Недалеко от Владивостока в Спасском уезде жил некий дефективный папаша. Была у него дочка Нюрочка.

Вот папаша и думает:

«Отчего, думает, не продать мне Нюрочку, ежели деньги требуются?»

Так и сделал. Подыскал дефективного человека и продал ему дочку за тридцать червонцев.

Газета «Ленинградская правда» пишет:

В Спасском уезде родители продали в жены за 300 рублей свою 16-летнюю дочь. Девушка была продана без ее ведома.

Очень торговались. Сам папаша в три ручья плакал.

— Ты, говорит, погляди, какая девка-то продается! Свободная, равноправная девка! Не жук нагадил. Прибавь немного. На трехстах ударили по рукам.

Одним словом, дешево купил жених.

Однако, как говорится, дешево покупают, да домой не носят. Так и тут.

Сельсовет, обсудив этот вопрос совместно с ячейкой комсомола и женщинами-делегатками, взял девушку под свою защиту и аннулировал родительскую «сделку». Над родителями и женихом был устроен показательный суд.

Отдал ли дефективный папаша жениху назад деньги — покрыто мраком неизвестности. Ничего про это газета не говорит.

Да нас это и не интересует. Нас интересует: а какая, к примеру, цена на девку в других губерниях?

Не знаем. Вот насчет Псковской губернии знаем. Там девок не продают, а за них приплачивают. Смотря по достатку.

Сделка называется п р и д а н ы м.

А на наш ничтожный взгляд — хрен редьки не слаще.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Со станции Лески повез меня Егорка Глазов. Разговорились.

— Ну как, — спросил я Егорку, — народ-то у вас в уезде сознательный?

— Народ-то? — сказал Егорка. — Народ-то сознательный. Чего ему делается?

— Ну а бабы как?

— Бабы-то? Да бабы тоже сознательные. Чего им делается?

— И много их, баб-то сознательных?

— Да хватает, — сказал Егорка. — Хотя ежели начисто говорить, то не горазд много. Глаза не разбегаются. Маловато вообще. Одна вот тут была в уезде... Да и та неизвестно как... может, кончится.

— Чего же с ней?

— Да так, — неопределенно сказал Егорка. — Супруг у ней дюже бешеный. Клопов, Василий Иваныч. Трепач, одним словом. Чуть что, в морду поленом лезет. Дерется.

— Ну а она что, молчит?

— Катерина-то? Зачем молчит? Она отвечает: «Это, говорит, вредно. Вы, говорит, Василий Иванович, полегче поленьями махайте. Эпоха, говорит, не такая».

— Так она бы в совет пошла...

— Что ж совет? Ходила в совет. Там говорят: это хорошо, бабочка, что ты пришла. Женский вопрос — это, говорят, теперича три кита нашей жизни. Разводись, милая, с этим с твоим скобарем, и вся недолга... Ну а она не хочет. Погожу, говорит, маленько. Потому — неохота, говорит, разводиться... После терпела, терпела — и в город поехала. И привозит пилюлю. И одну сама принимает, а другую ему подсыпает. Она подсыпает, а он на нее насаждает, дерется. Не действует ему пилюля. Стала она по две пилюли подсыпать и по две принимать. Ни в какую — дерется. А то враз шесть приняла и свалилась. И лежит плоской. До чего ее жалко! Главное, одна бабочка на уезд сознательная и та, может, кончится.

— Ну а другие бабы, — спросил я, — неужели еще темней?

— Другие еще темней, — сказал Егорка. — Другие совсем малосознательные... Одна, это, после драки в суд подала на мужа. Мужика к ногтю. Штраф на него. Пять целковых — не дерись, мол, бродяга... Ну а теперича баба плачет, горюет. Платить-то ей чем? Дура такая несознательная... А другая тоже в развод пошла. Мужик-то рад, время зимнее, а она голодует. Дура такая темная...

— Плохо, — сказал я.

— Конечно, дело плохо, — подтвердил Егорка. — Мужики-то у нас все наскрозь знают, все-то понимают, что к чему

и почему, ну а бабы маленько, действительно, отстают в развитии.

— Плохо, — сказал я и посмотрел на Егоркину спину.

А спина была худая, рваная. И желтая вата торчала кусками.

ОШИБОЧКА

Сегодня день-то у нас какой? Среда, кажись. Ну да, среда. А это в понедельник было. В понедельник народ у нас чуть со смеху не подох. Потому смешно уж очень. Ошибка вышла.

Главное, что народ-то у нас на фабрике весь грамотный. Любого человека разбуди, скажем, ночью и заставь его фамилию свою написать — напишет.

Потому тройка у нас была выделена очень отчаянная. В три месяца ликвидировала всю грамотность. Конечно, остались некоторые не очень способные. Путали свои фамилии. Гусев, например, путал. То «сы» не там выпишет, то росчерк не в том месте пустит, то букву «гы» позабудет. Ну, а остальные справлялись.

И вот при таком-то общем уровне такой, представьте, ничтожный случай.

Главное, кассир Еремей Миронович случайно заметил. В субботу, скажем, получка, а в понедельник кассир ведомость проверяет — просчета нет ли. И чикает он на счетах и вдруг видит в ведомости крестик. Кругом подписи, а тут в графе — крестик.

«Как крестик? — думает кассир. — Почему крестик?»

Отчего это крестик, раз грамотность подчистую ликвидирована и все подписывать могут?

Поглядел кассир, видит — супротив фамилии Хлебников этот крестик.

Кассир бухгалтеру — крестик, дескать. Бухгалтер секретарю. Секретарь дальше.

Разговоры пошли по мастерским: вот так тройка! За такое, дескать, время грамотность не могли ликвидировать.

Предзавком бежит в кассу. Ведомость велит подать. Тройка тут же, вокруг кассы колбасится. Глядят. Да, видят — крестик супротив Хлебникова.

— Какой это Хлебников? — спрашивают. — Отчего это Хлебников не ликвидирован? Отчего это все грамотные и просвещенные, а один Хлебников пропадает в темноте и в пропасти? И как это можно? И чего тройка глядела и каким местом думала?

А тройка стоит тут же и плечами жмет.

Вызвали Хлебникова. А он квалифицированный токарь. Идет неохотно.

Спрашивают его:

— Грамотный?

— Грамотный, — говорит.

— Можешь, — спрашивают, — фамилию подписывать?

— Могу, — говорит. — Три, говорит, месяца ликвидировали.

Предзавком руками разводит. Тройка плечами жмет. А кассир ведомость подает.

Дали ведомость Хлебникову. Спрашивают:

— Кто подписывал крестик?

Глядел, глядел Хлебников.

— Да, — говорит, — почерк мой. Я писал крестик. Пьяный был дуже. Не мог фамилию вывести.

Тут смех вокруг поднялся.

Тройку все поздравляют — не подкачали, дескать.

Хлебникову руку жмут.

— Ну, — говорят, — как гора с плеч. А мы-то думали, что ты, Хлебников, по сие время, как слепой, бродишь в темноте и в пропасти...

А за вторую половину месяца, при всей своей грамотности, Хлебников снова спьяна вывел крестик. Но этому никто уж не удивлялся. Потому — привыкли. И знали, что человек грамотный.

ЗАСЫПАЛИСЬ

Станция Тимохино. Минуты две стоит поезд на этой станции. Ерундовая вообще станция. Вроде полустанок. А глядите, какие там дела творятся. На ткацкой фабрике.

Стала пропадать там пряжа.

Месяц пропадает. И два пропадает. И год пропадает. И пять лет пропадает... Наконец, на шестой год рабочие взбеленились.

— Что ж это, — говорят, — пряжа пропадает, а мы глазами мигаем и собрание не собираем. Надо бы собрание собрать: выяснить — как, чего и почему.

Собрались. Начали.

Все кроют последними словами воров. И этак их, и так, и перетак.

По очереди каждый гражданин выходит к помосту и кроет. Старший мастер Кадушкин едва не прослезился.

— Братцы! — говорит. — Пора по зубам стукнуть мошенников. До каких пор будем терпеть и страдать?!

После старшего мастера вышел ткач Егоров, Василий Иванович.

— Братцы, — говорит, — не время выносить резолюции. Иначе как экстренными мерами и высшим наказанием не проймешь разбойников. Пора сплотиться и соединиться. Потому — такая чудная пряжа пропадает — жалко же. Была бы дрянь пряжа — разве плакали бы?! А то такая пряжа, что носки я три года не снимая ношу — и ни дырочки.

Тут с места встает старший мастер Кадушкин.

— Ха! — говорит, — носки. Носок, говорит, вроде как сапогом защищен. Чего ему делается! Я вот, говорит, свитер, с этой пряжи два года ношу, и все он как новенький. А ты, чудак, с носком лезешь.

Тут еще один ткач встает с места.

— Свитер, — говорит, — это тоже не разговор, товарищи. Свитер, говорит, это вроде как костюм. Чего ему делается. Я, говорит, перчатки шесть лет ношу, и хоть бы хны. И еще десять лет носить буду, если их не сопрут. А сопрут, так вор, бродяга наносится... И дети, говорит, все у меня перчатки носят с этой пряжи. И родственники. И не нахвалятся.

Тут начали с места подтверждать, дескать, пряжа, действительно, выдающаяся, к чему спорить. И не лучше ли, вместо спора, перейти к делу и выискать способ переловить мошенников.

Были приняты энергичные меры: дежурства, засады и обыски. Однако воров не нашли.

И только на днях автор прочел в газете, что семь человек с этой фабрики все-таки засыпались. Среди засыпавшихся были все знакомые имена: старший мастер Кадушкин, Василий Иванович Егоров и другие.

А приговорили их... Тьфу, черт! Мне-то что — к чему их приговорили? Недоставало адрес ихний еще сообщить. Тьфу, черт, а ведь сообщил — станция Тимохино.

Ах, читатель, до чего заедает общественное настроение.

ТАРАКАНЫ

Конечно, не такое сейчас время, чтоб про мелкие вещи писать. Тем более про тараканов. Гаврила признает, что про тараканов прямо даже неприлично сейчас писать. Тем не менее придется все-таки слегка коснуться этого мелкого насекомого.

Вниманья долго не задержим, потому много писать нет охоты — башка с непривычки к таким мелким сюжетам пухнет от напряжения.

Начнем прямо с материалов и фактов.

Вот выписка из протокола:

Протокол № 1242

Заседания Пленума Заводского Комитета при заводе «Красн. Профинтерн», 5 января 1925 г.

С л у ш а л и: Охрана труда и жилищные условия.

П о с т а н о в и л и: 2) Вторично предложить принять меры к уничтожению тараканов в общежитиях рабочих...

Теперь каждому мало-мальски сознательному читателю охота, небось, узнать, какая последовала резолюция управляющего заводами по поводу этого протокола.

Конечно, иной управляющий, идущий нога в ногу с наукой и техникой, вынес бы резолюцию — извести, например, тараканов по последнему слову техники — каким-нибудь мором или ядом или вообще специальным тараканьим средством.

Но не такой это человек наш герой управляющий...

Гаврила предполагает, что в душе этот управляющий — отсталый кустарь, идущий вразрез с научными достижениями. И в самом деле: он предпочитает ручной способ.

И резолюцию он поставил такую:

Р е з о л ю ц и я: Предложить живущим перебить тараканов.
О чем довести до сведения завкома.

Теперь Гаврила сгорает от любопытства. Охота бы знать: перебили ли живущие всех тараканов, или часть тараканов не поддавалась ручному способу и продолжает резвиться в общежитии.

Сообщите, братцы! Помираем от любопытства!

А управляющему кланяйтесь и спросите его, много ли он сам передавил тараканов. И чем давил — рукой, ногой или еще чем.

А вообще говоря, тараканий мор продается в любой лавке.

БАНЯ

Говорят, граждане, в Америке бани очень отличные.

Туда, например, гражданин придет, скинет белье в особый ящик и пойдет себе мыться. Беспокоиться даже не будет — мол, кража или пропажа, номерка даже не возьмет.

Ну, может, иной беспокойный американец и скажет банщику:

— Гут бай, дескать, присмотри.

Только и всего.

Помоется этот американец, назад придет, а ему чистое белье подадут — стиранное и глаженное. Портянки, небось, белее снега. Подштанники зашиты, залатаны. Житьишько!

А у нас бани тоже ничего. Но хуже. Хотя тоже мыться можно.

У нас только с номерками беда. Прошлую субботу я пошел в баню (не ехать же, думаю, в Америку), — дают два номерка. Один за белье, другой за пальто с шапкой.

А голому человеку куда номерки деть? Прямо сказать, некуда. Карманов нету. Крутом — живот да ноги. Грех один с номерками. К борде не привяжешь.

Ну привязал я к ногам по номерку, чтоб не враз потерять. Вошел в баню.

Номерки теперича по ногам хлопают. Ходить скучно. А ходить надо. Потому шайку надо. Без шайки какое же мытье? Грех один.

Ищу шайку. Гляжу, один гражданин в трех шайках моется. В одной стоит, в другой башку мылит, а третью шайку левой рукой придерживает, чтоб не сперли.

Потянул я третью шайку, хотел, между прочим, ее себе взять, а гражданин не выпускает.

— Ты что ж это, — говорит, — чужие шайки ворует? Как ляпну, говорит, тебя шайкой между глаз — не зарадуешься.

Я говорю:

— Не царский, говорю, режим шайками ляпать. Эгоизм, говорю, какой. Надо же, говорю, и другим помыться. Не в театре, говорю.

А он задом повернулся и моется.

«Не стоять же, — думаю, — над его душой. Теперича, думаю, он нарочно три дня будет мыться».

Пошел дальше.

Через час гляжу, какой-то дядя зазевался, выпустил из рук шайку. За мылом нагнулся или замечтался — не знаю. А только тую шайку я взял себе.

Теперича и шайка есть, а сесть негде. А стоя мыться — какое же мытье? Грех один.

Хорошо. Стою стоя, держу шайку в руке, моюсь.

А кругом-то, батюшки-светы, стирка самосильно идет. Один штаны моет, другой подштанники трет, третий еще

что-то крутит. Только, скажем, вымылся — опять грязный. Брызжут, дьяволы. И шум такой стоит от стирки — мыться неохота. Не слышишь, куда мыло трешь. Грех один.

«Ну их, — думаю, — в болото. Дома домоюсь».

Иду в предбанник. Выдают на номер белье. Гляжу — все мое, штаны не мои.

— Граждане, — говорю. — На моих тут дырка была. А на этих эвон где.

А банщик говорит:

— Мы, говорит, за дырками не приставлены. Не в театре, говорит.

Хорошо. Надеваю эти штаны, иду за пальто. Пальто не выдают — номерок требуют. А номерок на ноге забытый. Раздеваться надо. Снял штаны, ищу номерок — нету номерка. Веревка тут, на ноге, а бумажки нет. Смылась бумажка.

Подую банщику веревку — не хочет.

— По веревке, — говорит, — не выдаю. Это, говорит, каждый гражданин настрижет веревок — полът не напа-сешься. Обожди, говорит, когда публика разойдется — вы-дам, какое останется.

Я говорю:

— Братишечка, а вдруг да дрянь останется? Не в театре же, говорю. Выдай, говорю, по приметам. Один, говорю, карман рваный, другого нету. Что касаясь пуговиц, то, говорю, верхняя есть, нижних же не предвидится.

Все-таки выдал. И веревки не взял.

Оделся я, вышел на улицу. Вдруг вспомнил: мыло забыл. Вернулся снова. В пальто не впускают.

— Раздевайтесь, — говорят.

Я говорю:

— Я, граждане, не могу в третий раз раздеваться. Не в театре, говорю. Выдайте тогда хоть стоимость мыла.

Не дают.

Не дают — не надо. Пошел без мыла.

Конечно, читатель может полюбопытствовать: какая, дескать, это баня? Где она? Адрес?

Какая баня? Обыкновенная. Которая в гривенник.

НА ЖИВЦА

В трамвае я всегда езжу в прицепном вагоне.

Народ там более добродушный подбирается.

В переднем вагоне скучно и хмуро и на ногу никому не наступи. А в прицепке, не говоря уже о ногах, много привольней и веселей.

Иногда там пассажиры разговаривают между собой на отвлеченные философские темы — о честности, например, или о заработной плате. Иногда же случаются и приключения.

На днях ехал я в четвертом номере.

Вот два гражданина против меня. Один с пилой. Другой с пивной бутылкой. Бутылка пустая. Держит человек бутылку в руках и пальцами по ней щелкает. А то к глазу поднесет и глядит на пассажиров через зеленое стекло.

Рядом со мной — гражданка в теплом платке. Сидит она вроде сильно уставшая или больная. И даже глаза по

временам закрывает. А рядом с гражданкой — пакет. Этакий — в газету завернут и бечевкой перевязан.

И лежит этот пакет не совсем рядом с гражданкой, а несколько поодаль. Гражданка иногда косо на него поглядывает.

— Мамаша! — говорю я гражданке. — Гляди, пакет сопрут. Убери хотя на колени.

Гражданка сердито посмотрела на меня, сделала таинственный знак рукой и, приложив палец к своим губам, снова закрыла глаза.

Потом опять с сильным неудовольствием посмотрела на меня и сказала:

— Сбил ты меня с плану, черт паршивый...

Я хотел было обидеться, но гражданка язвительно добавила:

— А может, я нарочно пакет этот отложила. Что тогда? Может, я и не сплю, а все как есть вижу и нарочно глаза прикрываю?

— То есть как? — удивился я.

— Как, как... — передразнила гражданка. — Может, я во-ра на этот пакет хочу поймать...

Пассажиры стали прислушиваться к нашему разговору.

— А чего в пакете-то? — деловито спросил человек с бутылкой.

— Да я же и говорю, — сказала гражданка. — Может, я нарочно туда костей-тряпок напихала... Потому — вор не разбирается, чего в ем. А прет и прет, что под руку попадет... Знаю я, не спорьте. Я, может, с неделю так езжу...

— И что же — попадают? — с любопытством спросил кто-то.

— А то как же, — воодушевилась гражданка. — Обязательно попадают... Давеча дамочка вкапалась... Молоденькая такая, хорошенькая из себя. Черненькая брунеточка... Гляжу я — вертится ето дамочка. После цоп пакет и идет... «А-а-а, говорю, вкапалась, подлюга»...

— С транвая их, воров-то, скидывать надоть, — сказал сердито человек с пилой.

— Это ни к чему с трамвая, — вмешался кто-то. — В милицию надоть...

— Конечно, в милицию, — сказала гражданка. — Обязательно в милицию... А то еще другой вкапался... Мужчина, славный такой, добродушный... Тоже вкапался. Взял прежде пакет и держит. Привыкает. Будто свой. А я молчу. И в сторону будто гляжу.

А он после встает себе и идет тихонько... «А-а, говорю, товарищ, вкапался, гадюка»...

— На живца, значит, ловишь-то? — усмехнулся человек с бутылкой. — И много это попадают?

— Да я же и говорю, — сказала гражданка, — попадают.

Она замигала глазами, глянула в окно, засуетилась и объявила пассажирам, что проехала свою остановку.

И, уходя из вагона, она сердито посмотрела на меня и снова сказала:

— Сбил ты меня с плану, черт паршивый.

И ушла.

УЖАСЫ ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА

Не хотел бы Гаврила служить в МСНХ. Очень уж там, братцы, внутренний распорядок строгий! Ну его совсем!

Например, так одна гражданка опоздала. И всего-то она опоздала на две минуты за полмесяца. Республика разве от этого разорится? А вот администрация МСНХ разоряется: посылает в письменной форме нахлобучку. А нахлобучка такая:

Товарищу такому-то — имя рек.

Управление делами МСНХ сообщает, что в первой половине месяца вы опоздали на службу на 2 минуты.

Ввиду незначительного времени опоздания Управление Делами МСНХ находит возможным на первый раз ограничиться предупреждением, что в дальнейшем при опоздании на службу к вам будут применены меры административного взыскания согласно существующих правил внутреннего распорядка.

*Управделами МСНХ
Зав. Секретариатом*

Конечно, проступок гражданки важный. Что уж говорить. Благодаря ей две минуты драгоценного рабочего времени навсегда вычеркиваются из жизни. Но если б это было только две минуты! А то больше, ох, больше! Ох, извольте сами взглянуть, дорогие и многоуважаемые граждане.

1. Письменная нахлобучка составлялась, ну, скажем, 6 минут.

2. Машинистка пропечатывала эту нахлобучку на «Ундервуде» — 4 минуты.

3. Секретарь и управделами подписывали — 2 минуты.

4. Курьер относил нахлобучку опоздавшей гражданке — 7 минут.

5. Опоздавшая гражданка читала — 10 минут.

6. Плакала — 8 минут.

7. Нюхала валерианку — 6 минут.

8. Жаловалась на несчастную свою судьбу соседке — 15 минут.

9. Соседка грустно качала головой — 2 минуты.

10. Беспокоилась за свою судьбу — 3 минуты.

11. Нюхала валерианку — 1 минуту...

Теперь давайте считать. Оказывается, на одну запоздавшую гражданку зря затрачивается 64 минуты драгоценного рабочего времени.

А ежели к этой цифре добавить еще минут 10, непроизводительно затраченных Гаврилой на этот фельетон, то и совсем получается обидно и досадно.

Ох, граждане, не опаздывайте больше! Сами видите, чего получается: ерунда получается.

О ВРЕДЕ ГРАМОТНОСТИ

Председателя Ногинского сельсовета гражданина Захарава мы не хаем. Работник он чудный. Специальный работник. Орел прямо-таки.

И насчет денежных сумм — ни-ни. Не растратит.

Вот разве только бумагу иной раз растрачивает зря. Такой уж у него, знаете ли, характер отчаянный. Чуть что — пишет. И все официальные бумаги пишет. Надо ему, например, стакан чаю принести — пишет. Стол передвинуть — опять пишет. Газета «Рабочий Край» сообщает:

Ногинский сельсовет очень уж увлекается канцелярией. Даже пишет официальные отношения исполкомовской сторожихе. Сторожиха же, Павлова Клеопатра, живет тут же, через стенку. В один прекрасный момент (а таких моментов было много!) она получает пакет.

А в пакете, дорогие граждане, черным по белому сказано:

СССР	Гр. Павловой-Клеопатре Ивановне
Ногинский	
Сельский Совет	Ногинский сельсовет предлагает вам при-
крест. депутат.	мыться в здании Исполкома в обеих ком-
Ногин. в., Серед. у.	натах завтра.

За неисполнение вами настоящего будут приняты меры к удалению из квартиры.

Пред. Захаров

И хорошо, ежели Клеопатра Иванна — грамотная бабочка. Тогда полбеда. Прочтет бумажку, дескать, примыться требуется — пойдет и примоется.

А каково, если Клеопатра Иванна неграмотная?

Ну, получит бумажку — побежит к родственнику. Да хорошо, ежели родственник не надрался с утра, а сидит трезвый и хомут чинит. А ежели надрался? Куда бежать Клеопатре Иванне? К Гавриле не побежишь. К Гавриле пущай председатель бежит. Надо бы посмотреть, какой он с наружности.

Ну да, впрочем, председателя мы не хаем. Дорвался до бумаги, так и пущай пока пишет. Потому мы вполне понимаем, по каким причинам у него такая канцелярская блажь. Вот только нам Клеопатру Иванну ужас как жалко.

Ах, Клеопатра Иванна, Клеопатра Иванна! Трудно, небось, вам живется при вашей малограмотности у столь грамотного председателя.

А так все остальное хорошо и отлично. Дела идут, сельсовет пишет. И бумажный кризис изживается.

ПАСХАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

Вот, братцы мои, и праздник на носу — Пасха православная.

Которые верующие, те, что бараны, потащат свои куличи святить. Пущай тащат! Я не потащу. Будет. Мне, братцы, в прошлую Пасху на кулич ногой наступили.

Главное, что я замешкался и опоздал к началу. Прихожу к церковной ограде, а столы все уже заняты. Я прошу православных граждан потесниться, а они не хотят. Ругаются.

— Опоздал, — говорят, — черт такой, так и становь свой кулич на землю. Нечего тут тискаться и пихаться — куличи посроняешь.

Ну, делать нечего, поставил свой кулич на землю. Которые опоздали, все наземь ставили.

И только поставил, звоны и перезвоны начались.

И вижу, сам батя с кисточкой прется.

Макнет кисточку в ведерко и брызжет вокруг. Кому в рожу, кому в кулич — не разбирается.

А позади бати отец-дьякон благородно выступает с блюдцем, собирает пожертвования.

— Не скупись, — говорит, — православная публика! Клади монету посередь блюда.

Проходят они мимо меня, а отец-дьякон зазевался на свое блюдо и — хлоп ножищей в мою тарелку.

У меня аж дух захватило.

— Ты что ж, — говорю, — длинногривый, на кулич-то наступаешь? В пасхальную ночь...

— Извините, — говорит, — нечаянно.

Я говорю:

— Мне с твоего извинения не шубу шить. Пушай мне теперь полную стоимость заплатят. Клади, — говорю, — отец-дьякон, деньги на кон!

Прервали шествие. Батя с кисточкой заявляется.

— Это, — говорит, — кому тут на кулич наступили?

— Мне, — говорю, — наступили. Дьякон, — говорю, — сукин кот, наступил.

Батя говорит:

— Я, — говорит, — сейчас кулич этот кисточкой покроплю. Можно будет его кушать. Все-таки духовная особа наступила...

— Нету, — говорю, — батя. Хотя все ведро свое на его выливай, не согласен. Прошу деньги обратно.

Ну, пря поднялась. Кто за меня, кто против меня.

Звонарь Вавилыч с колокольни высовывается, спрашивает:

— Звонить, что ли, или пока перестать?

Я говорю:

— Обожди, Вавилыч, звонить. А то, — говорю, — под звон они меня тут совсем обьегорят.

А поп ходит вокруг меня, что больной, и руками разводит.

А дьякон, длинногривый дьявол, прислонился к забору и щепочкой мой кулич с сапога счищает.

После выдают мне небольшую сумму с блюда и просят уйти, потому, дескать, мешаю им криками.

Ну, вышел я за ограду, покричал оттеда на отца-дьякона, посрамил его, а после пошел.

А теперь куличи жру такие, несвяченные.

Вкус тот же, а неприятностей куда как меньше.

БЕЛИБЕРДА

Вот и Пасха православная наступила.

Верующий народ самосильно молится, свечечки ставит и к иконам прикладывается. И не знает, чего, например, в Святогорской церкви, что в Шуйской волости, произошло.

А в Святогорской церкви произошло такое, что хоть святых оттуда вон выноси. И, наверное, вынесут.

Верующие там в панике. Заместо, говорят, святых апостолов наши же мужики обнаружились.

Фу, дайте объяснить по порядку!

Сейчас мы, братцы, весь церковный фронт можем разгромить. Очень уж факт отчаянный. Газета вологодская «Красный Север» тоже про это написала. Только она мало знает, мы больше знаем.

А висела, значит, в Святогорской церкви иконка апостола Павла. Десять лет висела — ничего. На одиннадцатый год все и обнаружилось.

А пришла в церковь старая старуха Крутикова. Из деревни Пустошное. Пришла и говорит:

— Бросьте, говорит, вы, граждане, молиться и креститься вот этой иконе. Это, говорит, мой муж изображен.

Ну, народ к старухе.

— Как это? Почему такое? Говори, не то изувечим.

Вот старуха и начала каяться:

— Это, говорит, граждане, при царском еще режиме. Нарядили, говорит, моего мужа в одежду и на карточку сняли. А после на икону списали. И велели молчать... Я, говорит, десять лет молчала, а теперича помирать скоро... Охота покаяться... Извините меня, худую... А вон та, другая икона с Петром — это опять же Ваня Каретников нарисован... Извините меня, худую...

Посмотрел народ на иконы. И враз признал.

— Ну, говорят, а ведь верно! Это, говорят, сразу видно — Крутиков. А этот, как на ладони. Ванька Каретников. И нос у его тоже пухлый и бороденка веером.

Ну, смех вокруг поднялся. Хохочет народ, узнает знакомые рожи, лапами трогает. Такая чепуха поднялась — хоть святых вон выноси.

И действительно придется вынести. Нельзя же, граждане, оставлять, раз этакая грубая подделка обнаружилась.

Ах, чего на церковном фронте творится! Белиберда сущая!

КРЕСТЬЯНСКИЙ САМОРОДОК

Фамилию этого самородка и крестьянского поэта я в точности не запомнил. Кажется — Овчинников. А имя у него было простое — Иван Филиппович.

Приходил Иван Филиппович ко мне три раза в неделю. Потом стал ходить ежедневно.

Дела у него были ко мне несложные. Он тихим, как у таракана, голосом читал свои крестьянские стишки и просил, по возможности скорей, пристроить их по знакомству в какой-нибудь журнал или в газетку.

— Хотя бы одну штуковину напечатали, — говорил Иван Филиппович. — Охота посмотреть, как это глядит в печати.

Иногда Иван Филиппович присаживался на кровать и говорил, вздыхая:

— К поэзии, уважаемый товарищ, я имею склонность, прямо скажу, с издетства. С издетства чувствую красоту и

природу... Бывало, другие ребята хохочут, или рыбку удют, или в пятачок играют, а я увижу, например, бычка или тучку и переживаю... Очень я эту красоту сильно понимал. Тучку понимал, ветерок, бычка... Это все я, уважаемый товарищ, очень сильно понимал.

Несмотря на понимание бычков и тучек, стишки у Ивана Филипповича были весьма плохие. Надо бы хуже, да не бывает. Единственно подкупало в них полное отсутствие всяких рифм.

— С рифмами я стихотворения не пишу, — признавался Иван Филиппович. — Потому с рифмами с этими одна путаница выходит. И пишется меньше. А плата все равно — один черт, что с рифмой, что без рифмы.

Первое время я честно ходил по редакциям и предлагал стишки, но после и ходить бросил — не брали...

Иван Филиппович приходил ко мне рано утром, садился на кровать и спрашивал:

— Ну как? Не берут?

— Не берут, Иван Филиппович.

— Чего ж они говорят? Может, они, как бы сказать, в происхождении моем сомневаются? То пушай не сомневаются — чистый крестьянин. Можете редакторам так и сказать: от сохи, дескать. Потому кругом крестьянин. И дед крестьянин, и отец, и которые прадеды были — все насквозь крестьяне. И женились Овчинниковы завсегда на крестьянках. Ей-богу. Бывало даже смех вокруг стоит — «да чего вы, говорят, Овчинниковы, все на крестьянках женитесь? Женитесь,

говорят, на других...» «Нету, говорим, знаем, что делаем». Ей-богу, уважаемый товарищ. Пушай не сомневаются...

— Да не в том дело, Иван Филиппович. Так не берут. Не созвучно, говорят, эпохе.

— Ну, это уж они тово, — возмущался Иван Филиппович. — Это-то не созвучные стихотворения? Ну, это они объелись... Как это не созвучные, раз я с издетства природу чувствовал? И тучку понимал, бычка... За что же, уважаемый товарищ, не берут-то? Пушай скажут. Нельзя же голословно оскорблять личности! Пушай хотя одну штуковину возьмут.

Натиск поэта я стойко выдерживал два месяца.

Два месяца я, нервный и больной человек, отравленный газами в германскую войну, терпел нашествия Ивана Филипповича из уважения к его происхождению. Но через два месяца я стал сдавать.

И, наконец, когда Иван Филиппович принес мне большую поэму или балладу, черт ее разберет, я окончательно сдал.

— Ага, — сказал я, — поэмку принесли?

— Поэмку принес, — добродушно подтверждал Иван Филиппович, — очень сильная поэмка вышла... Два дня писал... Как прорвало. Удержу нет...

— С чего бы это?

— Да уж и не знаю, уважаемый товарищ. Творчество нашло. Пишешь и пишешь. Руку будто кто водит за локоть. Вдохновенье...

— Вдохновенье! — сказал я. — Стишки пишешь... Работать нужно, товарищ, вот что! Дать бы тебе камни на солнцепеке колоть, небось бы...

Иван Филиппович оживился и просиял:

— Дайте, — сказал он. — Если есть, то дайте. Прошу и умоляю. Потому до крайности дошло. Второй год без работы пухну. Хотя бы какую работишку найти...

— То есть как? — удивился я. — А поэзия?

— Какая поэзия, — сказал Иван Филиппович тараканьим голосом. — Жрать надо... Поэзия!.. Не токо поэзия, я, уважаемый товарищ, черт знает на что могу пойти... Поэзия...

Иван Филиппович решительным тоном занял у меня трешку и ушел.

А через неделю я устроил Ивана Филипповича курьером в одну из редакций. Стишки он писать бросил.

Нынче ходит ко мне бывший делопроизводитель табачной фабрики — поэт от станка.

Да что я — биржа труда, что ли?

БЕДНЫЙ ТЫРКИН

1

Лицо свободной профессии Яков Абрамович Тыркин две недели ходил в расстроенных чувствах. Бедный Тыркин сильно сомневался: подать ли фининспектору верные сведения о своих доходах или приврать чуточку.

Выходило и так и так плохо.

— Ну, ладно, — говорил себе Тыркин. — Ну, хорошо. Ну, подал верные сведения... Да что мне, помилуйте, спасибо за это скажут? Ручку пожмут? Штаны купят? Ха! Довольно дураками жили. Пора и поумнеть...

Однако умнеть Тыркину было жутковато.

«Ну, ладно, — думал Тыркин. — Ну, приврал. Ну, убавил доходы... А вдруг откроют? Вдруг какая-нибудь комиссия или там какой-нибудь черт в ступе обнаружит?.. Ведь это имущество опишут, хвост накрутят, в тюрьму посадят...»

И бедный Тыркин, вытирая холодный пот со лба, мучился в своей нерешительности.

2

Две недели ходил Яков Абрамович Тыркин осоловевший, не зная, чего ему предпринять. Но, наконец, гражданская доблесть одержала верх, и Тыркин решил подать верные сведения.

— Довольно! — говорил Тыркин. — Баста! Все мы заврались. Пора начинать честно жить... А то один приврет, другой соврет, третий надует... Каково это республике?..

И вот двадцать второго числа, в ясный солнечный день, Яков Абрамович Тыркин, восхищенный собой, своей честностью и решимостью, подал декларацию с верным указанием всех доходов о своей свободной профессии.

Больше того: Тыркин имел даже мужество указать о всех своих случайных доходах — выигрыш в преферанс 7 р. 50 к. и найденный двугривенный на передней площадке трамвая.

Итого вся сумма тыркинских доходов за полугодие выразилась в точной цифре 1207 р. 70 к.

Склони голову, читатель, перед честным лицом свободной профессии Яковом Абрамовичем Тыркиным.

3

Фининспектор сорок седьмого района Иван Иванович Гусев просматривал поданные декларации.

— Так, так, — говорил фининспектор, покуривая папироску. — Тыркин Яков... Гм... Это какой же Тыркин?.. Лицо свободной профессии... Так, так... Сколько же этот Тыркин указал?.. Гм... Тысячу двести указал... Жулик народ пошел. Тысячу двести указал — значит, приврал наполовину... Знаем мы эти штучки. Гм, Тыркин... Сейчас мы ему припаем... Считаем ему две тысячи пятьсот. Вернее будем... Так, так...

4

А это время Яков Абрамович Тыркин, утомленный своей гражданской доблестью, спал и видел сон, будто все фининспекторы города Ленинграда и его окрестностей стоят перед ним и в порядке живой очереди жмут ему руки и восхищаются его доблестью. И будто какой-то представитель откомхоза является с золотыми часами и надевает эти часы на грудь Тыркина. А сам будто Тыркин машет руками и упрашивает фининспекторов не напирать...

5

Пожалей, дорогой читатель, честного Тыркина.

Прошу запомнить. Это номер рабкора Овсянникова. То-го, значит, самого Овсянникова, который на станции Обду-лино живет.

Сейчас мы ему, граждане, хвост накрутим, не стеснясь расстоянием.

Дайте только объяснить по порядку.

Случилось это вечером в городе Белебее. Какой это город Белебей, — не беремся описать. Не знаем этого города. И по совести говоря, в первый раз слышим о нем. Единственно, чего знаем, это что там стенная газета выходит. Местком белебеевский кант'юстиции ее выпускает.

А какая это газетка — хороша она или дрянь газетка, — опять-таки не знаем. Не читали.

Вот рабкору Овсянникову эта газетка сильно не нравится. Не одобряет ее рабкор.

Раз как-то проходил он мимо витрины, остановился, прочитал, сплюнул в сторону.

Эх, думает, плохо пишут. Учить чертей надо...

И карандашиком, знаете ли, почиркал кое-что. И на полях приписал свои туманные заключения. А одну статейку даже совсем вымарал, к чертовой бабушке. И приписал сбоку: «Бросьте ерунду писать! — рабкор № 1028 “Гудок”». И исполнив этот свой светлый гражданский долг, рабкор пошел от витрины, тихонько и весело посвистывая.

Но не свисти, рабкор Овсянников! Обожди свистать-то, милый. Дело есть.

Увидел местком, чего с ихней газетиной сделано, обиделся и распалился. А жалобу подал в белебеевское кантонное отделение. А кантонное отделение — нам: дескать, товарищ Гаврила, будьте любезны.

Вот бумажка за № 828, полученная из города Белебея:

Препровождая при сем копию акта месткома Белебеевской Кант'юстиции, из коего усматривается, что рабкор «Гудка» № 1028 т. Овсянников позволил себе выходки, свойственные старорежимному Царскому цензору по отношению к издаваемой месткомом стенной газете, а потому Правление убедительно просит тов. Гаврилу «расписать» рабкора Овсянникова так, чтобы в будущем отбить у него аппетит на звание Царского цензора.

Поступок у рабкора вредный — не заступаемся. Но только зачем же, товарищи, такие строгие слова выносить — царский цензор? Да ведь, может, это он по глупости делал? Просим ему снисхождения.

В другой раз пушай с нас пример берет. Разве мы чиркаем ерунду? Да вот недалеко ходить. Вот эта самая бумажка за № 828, которую нам из Белебея прислали. Да там слово «царский» дважды с большой буквы написано. Явная ерунда. А мы ничего — печатаем без особых заключений. А ведь ерунда такая, что читать от этого противно.

Так-то, товарищи. Кто из нас без греха...

Ну а касаясь № 1028 — надо бы ему слегка хвост накрутить. Потому, действительно, уж очень поступок вредный. Не защищаем. Хотя и просим снисхождения.

МОКРОЕ ДЕЛО

Давеча возвращаюсь домой из гостей. Одиннадцать вечера. Темно. Безлюдно.

На сердце неясная тревога. В груди трепет и волнение по причине позднего часа.

«Только бы, думаю, с бандитами не встретиться или с хулиганами. Время такое — в самый раз. А уж если, думаю, суждено встретиться, то пушай лучше с хулиганами встречусь. Хулиганы, они как-то симпатичней. Ну пошалят, ну по морде трахнут, ну зуб-другой вынут. Только и всего. Пальто же они снимать не будут. Это уж не ихнее дело пальто снимать. А это очень благородно с ихней стороны — не трогать чужую собственность».

Вот с такими грустными мыслями иду домой. Подхожу к дому.

«Теперь, думаю, самый беспокойный промежуток остался — лестница. Нет, думаю, ничего страшней, как с бандитом на лестнице встретиться. Главное — узка. Бежать худо. И вообще, очень серьезно свалиться можно».

Поднимаюсь по лестнице. Дохожу до второй площадки. Вдруг слышу, на верхней площадке кто-то ногами чиркает.

А лестница у нас, конечно, не ярко освещена. Лампочка угольная. Мутная. Кошку в двух шагах и то узнать трудно — за тигра принимаешь.

Поглядел я наверх. Вижу, стоит какой-то ренегат. И в руках что-то держит. Какое-то тупое оружие.

Сразу я, конечно, остановился. Затаил дыхание. Стою. Только сердце в груди отчаянно бьется.

«Влип», — думаю.

И слышу, тот тоже меры принял. Тоже замер, прекратил дыхание и ногами не ходит. Ждет, когда я до него дойду.

В эту минуту, действительно верно, башка у меня стала очень ясно работать.

«Либо, думаю, бежать надо, либо назад возвращаться. А как это сделать, не знаю. Если, думаю, обернусь назад — пес его знает, может, ринется за мной, догонит и душу вытряхнет».

Стою и не дышу, только зубы удерживаю, чтоб зря не лязгали.

А стою я на площадке второго этажа. Недалеко чья-то квартира.

«Бежать во двор, думаю, поздно. Сейчас, думаю, осторожно подвинусь к двери, нащупаю звонок и позвоню. Пущай будет тревога по всему дому».

Стою, глаз с верху не спускаю и сам рукой позади себя шарю. Нашел ручку. Стал ее легонько дергать.

Вдруг сверху как ринется бандит на меня. Ноги у меня подкосились. И дух замер. «Сейчас, думаю, душу вытряхнет».

Собрался с силами. Скакнул в сторону. Он за мной. Я вниз. Он по пятам. Прямо, чувствую, за воротник хватает. А воротник барашковый.

Я по двору. Через ворота. На улицу. Кричу.

Хватает он меня за воротник и роняет на пол.

Тут толпа собирается. Милиция свищет.

Гляжу: за воротник держит меня Петька Водкин, жилец с нашей коммунальной квартиры.

Петька Водкин на меня глядит. Я гляжу на Петьку.

Петька Водкин говорит:

— Эва, кого поймал. А я, говорит, тебя за жулика принял. Что ты там упражнялся у чужой двери?

Я говорю:

— Надо лучше глядеть, Петя Водкин. Я, говорю, у дверей просто дух перевел. А ты меня за воротник хватаешь. Оторвать можно.

Тут объясняем милиции и возвращаемся домой.

Всю ночь, конечно, не мог спать. Ворочался с боку на бок. Все думал и мечтал о том счастливом времени, когда наконец начнется спокойная жизнь для всех граждан.

Все — на борьбу с бандитизмом!

МЕЩАНСТВО

О мещанстве Иван Петрович имел особое мнение. Он крайне резко и зло отзывался об этой накипи нэпа. Не любил он этой житейской плесени.

— Для меня, — говорил Иван Петрович, — нету ничего хуже, как это мещанство. Потому через это вся дрянь в человеке обнаруживается... Давеча, например, я Васькино пальто накинул. За керосином побежал в лавку. Так Васька сразу в морду лезет. Дерется. Зачем ему, видите ли, пальто керосином залил.

— Воняет, говорит.

— Да брось, говорю, ты, Вася, свои мещанские штучки! Ну залил и залил, сегодня я залил, завтра ты заливай. Я с этим не считаюсь. А если, говорю, воняет — нос зажми. Пора бы, говорю, перестать запахи нюхать. Мещанство, говорю, какое.

Так нет, недоволен, черт сопатый. Бубнит чтой-то себе под нос.

Или, например, хозяйка. Квартиру держит. И чуть первое число наступает — вкатывается в комнату. Деньги ей, видите ли, за квартирную площадь требуются.

— Да что вы, говорю, гражданка, объелись? Да что, говорю, я сам деньги делаю? Оставьте, говорю, при себе эти мещанские штучки. Обождите, говорю, месяц.

Так нет — вынь да положь ей за квадратную площадь.

Ну да когда старый паразит в мещанстве погрязши, это еще куда ни шло. А вот когда молоденькая в мещанство зарывается — это больно и обидно.

Например, Катюшка из трепального отделения. Довольно миленькая барышня, полненькая. По виду никогда не скажешь, что мещанка. Потому поступки видны, идеология заметна, ругаться по матери может. А поближе тронешь — мещанка. Не подступись к ней.

Давеча в субботу после получки говорю ей запросто, как дорогой товарищ дорогому товарищу:

— Приходите, говорю, Катюша, ко мне на квартиру. У печки, говорю, посидим. После фильму пойдем посмотрим. За вход заплачу.

Не хочет.

Спасибо ребята срамить начали.

— Да брось ты, говорят, Катюшка, свое мещанство. Любость свободная.

Ломается. Все-таки, поломавшись, через неделю зашла. Зашла и чуть не плачет, дура такая глупая.

— Не могу, говорит, заходить. Симпатии, говорит, к вам не ощущаю.

— Э, говорю, гражданка! Знаем мы эти мещанские штучки. Может, говорю, вам блондины эффектней, чем брюнеты? Пора бы, говорю, отвыкнуть от мещанской разницы.

Молчит. Не находит чего сказать.

— Пуцай, говорит, мещанство лучше, а только не могу к вам заходить. В союз пойду жалиться.

Я говорю:

— Да я сам на тебя в Петросовет доложу за твои мещанские штучки.

Так и махнул на нее рукой. Потому вижу, девчонка с головой погрязши в мещанство. И добро бы старушка или паразит погрязши, а то молоденькая, полненькая, осьмнадцати лет нет. Обидно.

СУКОННОЕ РЫЛО

Недавно сижу я в Летнем саду. Курю папиросу. И сидит рядом со мной на скамейке гражданин какой-то. По виду не то монтер, не то техник. Сидит и морщится от моего дыма.

Я уж этак и так, стараюсь вообще не попасть в его рожу дымом. А ветер на него.

Вдруг монтер трогает меня за рукав и говорит:

— Бросьте вы, товарищ, такое дерьмо курить. Нуте-ка я вас угощу настоящим английским табачком. Мне бывший дядя из Англии прислал...

Вынимает он из кармана коробку и подает.

Я говорю:

— Ну что ж я вас разорять-то буду?

— Да нет, говорит, этим мне даже счастье доставите. Потому у меня, прямо скажу, слабость к заграничной продукции. Очень одобряю заграничные продукты. Возьмите.

Я взял папиросу.

— Да, говорю, заграничная продукция — это действительно. Выдающая продукция. Много, говорю, вещей стоящих.

— Не только много, — говорит монтер, — а все. Чего ни возьмите. Раз это заграничное — баста, заранее одобряю. Да взять, например, хотя бы кроликов. Давеча нам в кооперативе давали мороженных австралийских кроликов... Это действительно кролики! Этого кролика ешь и на зубах прямо чувствуешь культуру и цивилизацию. А наш кролик? Дрянь кролик. Четыре ноги, хвост — вот вам и кролик. Да, может, это вовсе и не кролик, а очень просто собака или петух дохлый. И никакой цивилизации... А давеча я положил на окно полфунта ливерной колбасы, возвращаюсь — нету колбасы. Кошка слопала. Вот вам и советское производство!.. Ну, какова папиросочка?

— Да, — говорит монтер, — хороши ихние кролики, а табачок каков, а? Бывший дядя из Англии прислал... Эми-

грант... Кури, пишет, братишечка, знавай нашу продукцию... Да вы затянитесь нарочно поглубже... Это такой табак, что я три дня курю и мне помирать неохота. А дым-то, дым-то какой голубой! Феерия, а не дым. Да разве у русских этакий дым бывает? Ну да табак хвалить нечего. Это все умы признали. А вот производство. Чистота. Порядок. Набивка какая! Вы нарочно посмотрите, какая набивка. А взять, например, коробку. На вид — дрянь коробка. Ну чего в ней? Коробка и коробка. А какая изящная простота. Ничего лишнего. Ничего не болтается из нее. Не скрипит. Английская надпись, и ничего больше... Эх, далеко нам до заграницы! Куда уж нам с суконным рылом в калашный ряд...

Я взял коробку, полюбовался. Действительно, коробка была хорошая. И на крышке было что-то объяснено по-английски. А внизу мелко-мелко было напечатано: «Гублит. Типогр. Акад. Наук. Тучкова наб.».

— Послушайте, — сказал я монтеру, — тут что-то пропечатано.

Монтер взглянул на коробку, задумчиво побарабанил по ней пальцами и сказал:

— Подсунули, подлецы. То-то я и смотрю, что такое? Будто бы и не то. Три дня курю — голова болеть начала, тошнит...

Он затянулся.

— Так и есть, — сказал он. — Дрянь папиросы. И дым-то едкий какой. От бумаги, наверное. Жженой тряпкой воняет. Тыфу, черт! Тоже продукция! Далеко нам с суконным рылом до ихней цивилизации.

НАСЧЕТ ЭТИКИ

Конечно, некоторым товарищам неизвестно это слово — этика.

Некоторые товарищи, небось, думают, что это какое-нибудь испанское трехэтажное словечко. Но это не так, дорогие товарищи. Это довольно хорошее, симпатичное слово. Его даже употребляют на некоторых собраниях. Даже говорят: союзная этика...

А означает оно, ну, вроде, что ли, как бы сказать — поведение или правильное отношение. А, впрочем, черт его разберет! Уж очень заковыристое слово. А, главное, понимают его по-разному. В одних местах так, в других — этак. А, например, — Земетчинский сахарный завод и совсем глупо понимает.

Сейчас расскажем про этот завод. Все отпоем.

Держись, братцы! Начинается.

Однажды тяжкое горе постигло этот завод. Любимого, можно сказать, начальника и друга, директора Григория Федоровича Каратаева перевели на другой завод. А именно — к боринцам.

Очень горевали земетчинцы.

— Братцы, — говорят, — надо хотя ознаменовать уход этого дорогого директора. Давайте, товарищи, поднесем ему душевный адрес с указанием, так сказать, всех его драгоценных качеств.

Согласились. И, не заявляя в завком, взяли и написали.

«Глубокоуважаемый... Вы — этот, который... Отдали силы... Тяжелые условия... Мы лишаемся... Желаем... Многие годы...» И прочее тому подобное.

Написали и поднесли.

Григорий Федорович прочел и едва не прослезился. Спрятал адрес в карман, распрощался дружески и отбыл на Боринский завод.

Тут-то все и начинается.

Узнал об этом адресе земетчинский завком и в срочном порядке собрание собрал. И на собрании объявил:

Выдача всяких адресов и аттестатов может происходить только через завком, как через союзную организацию. В данном случае вы нарушили союзную этику. Надо потребовать адрес обратно.

Тут начали робко возражать, дескать, какой же это аттестат? Это так, вроде как в альбом на память написано.

Никаких возражений не стал слушать завком и через боринский завком потребовал:

Возвратить случайно выданный адрес.

Тут-то все и началось. Земетчинцы кричат:

— Отдайте адрес! Потому — это явное нарушение союзной этики.

Боринцы отвечают:

— Адреса не отдам. Потому адреса назад отдавать — это против союзной этики. И за это оскорбление мы вам еще хвост накрутим.

А сам Григорий Федорович тихонько охает:

— Братцы, — говорит, — да я-то при чем? Я же не против этики. Берите все назад. Ну вас к лешему!

Вот тут, граждане, и разберись. Одно небольшое слово, а как понимают его в разных уездах!

А мы, Ленинградского уезда, совсем от этого с толку сбились.

А москвичи, например, не сбились. И говорят, будто даже ЦК сахарников уволил земетчинского предзавкома за нарушение союзной этики.

Вот оно как!

А чего думают про это слово в Дорогобуже — неизвестно. Скорей всего — ничего. Не дошло, небось, до них это слово. Ну, и к лучшему.

КУЗНЕЦА ОБИДЕЛИ

Лесопильное дело — легкое и веселое производство. Вредности в нем никакой. Опилки хотя и летят, так ведь не в рот летят. И ежели рта не раскрывать во время работы, так и не вредно получается.

Кузнечное дело — это другой коленкор. Тут угли все-таки, огонь, дым. Обжечься опять же можно. Или захворать от дыма. Это — безусловно вредное производство.

Ну, а вот теперь взять, к примеру, кузнеца и поставить его на работу в кузницу на лесопильный завод? Ну-те, чего получится? Вредно или не вредно?

Вопрос этот оказался до того тонкий и ехидный, что вокруг него целая каша заварилась. Каша заварилась, а мы — расхлебывай!

Все произошло на ст. Енисей на лесозаводе.

Поступил туда кузнецом наш задушевный друг и приятель дорогой товарищ Ушкалов. Поработал он год и просит выдать ему денег вместо отпуска за вредность. И подает он заявление в РКК.

РКК думает: «Раз это кузнец, то хотя он и на лесозаводе работает, дело и вредность от того не меняются. И пушай кузнец за эту вредность огребаёт деньги лопатой».

Одним словом, разрешили. Только послали свое постановление начальнику района Сибтранслеса, чтоб утвердил.

Начальник района на эту бумажку отвечает заносчиво: пушай, дескать,

РКК укажет пункт законодательства о вредности лесопильного производства.

Прочел эту резолюцию начальник завода товарищ Филимонов и не растерялся. Написал даже завкому:

Препровождаю бумагу для конкретного указания законодательства о вредности работ на лесозаводе.

Одним словом, плакали кузнецовы денежки. Отказали ему начальники. И хотя этих начальников слегка и обложили в газете «Красноярский рабочий», но будет ли с того какой толк — не знаем. Не ручаемся. Уж очень вопрос сложный.

На этот вопрос массу мозгов растратить нужно. А мозги-то нынче в большой цене. Издалека видно.

Эх, не видать, кажись, кузнецу денег, как своих ушей!

Сочувствуем, братишечка.

ДОМАШНЕЕ СРЕДСТВО

Неохотно нынче народ на собрания ходит! Чего с ним сделалось — непонятно.

Писалось про это множество раз. Сколько перьев испортили! Один даже общественный работник от этого чесоткой захворал. Истинная правда. Конечно, может, он и от знакомого пуделя заразился, — не в этом дело.

Теперь он поправился. А дело насчет собраний не улучшилось. Выходит, что зря болел, бедняга.

Вот тоже, например, в Ростове. Фабрика там такая есть.

Трудно так выговаривается — Донгостабфабрика. Фабком уж и так и сяк уговаривал рабочих ходить на собрания — не слушают. Тогда фабком плакатик вывесил, — дескать, музыка будет играть на собраниях. Духовой оркестр.

Не знаем, подействовало это или нет. А то, если не подействовало, пушай фабком не горюет. Много есть еще домашних средств привлечь на собрания. Танцы, например, бу-

фет с прохладительными напитками или, скажем, выдавать всем пришедшим на собрания какие-нибудь недорогие вещицы или бутерброды с колбасой. А то можно еще за ногу веревкой привязать человека и тащить его.

Масса средств имеется в природе. А какие употреблять — зависит от общего развития граждан. Например, про себя Гаврила скажет — развития среднего, за ногу тащить не надо, достаточно, чтоб с музыкой.

Так-то, братцы! Ходи веселей!

КОНТРОЛЕР

Организм у слесаря Гаврилыча был неважный. Была ли селезенка в неисправности или какой другой орган был с изъянцем — неизвестно. А только мучила человека жажда беспрестанно.

Как, например, получит человек деньги, отойдет от кассы, так и шабаш. Такая настает жажда — беда. Прямо беги в первую портерную и пей дюжину. И то мало. Не залить всей жажды.

До чего же организмы бывают у людей неудачные!

А в субботу слесарь Гаврилыч подсчитал получку, отошел от кассы и вдруг как раз и почувствовал сильный прилив жажды.

«Выпить надоть, — подумал слесарь. — Главное, что тискаются, черти, у кассе, пихаются... Жажду только вызывают, дьяволы».

Положил слесарь деньги в карман. Вышел за ворота. Посмотрел по сторонам с осторожностью. Так и есть. У ворот собственной своей персоной стояла супруга Гаврилыча, драгоценная Марья Максимовна.

Марья Максимовна стояла в толпе женщин и, поминутно оглядываясь на ворота, говорила:

— Главное, милые мои, за ворота-то нас не пускают. За воротами-то, милые мои, способней. Тут, например, густо поперет мужчина и не увидишь, который какой супруг с деньгами-то...

— Верно, Максимовна, — подтверждали в толпе. — Верно!

— Конечно, верно, — говорила Марья Максимовна. — А только, бабоньки, деньги-то у супругов враз отымать не к чему. Злеют супруги от этого... А контроль наблюдать надо бы. Супруг, например, в портерную — и ты в портерную. Супруг биллиарды гонять — и ты не то что гонять, но стой, не допусай зарываться...

Слесарь Гаврилыч сделал равнодушное лицо и осторожно пошел вперед, стараясь пройти незамеченным.

— Вон он твой-то, павлин! — закричали в толпе.

Марья Максимовна всплеснула руками и ринулась за супругом.

— Прикатилась? — спросил слесарь.

— Прикатилась, Иван Гаврилыч, — сказала супруга. И вдруг почувствовала, что ее распирает сильная злоба.

Хорошо было бы, конечно, тут же сцепиться и отчихвостить при всех Гаврилыча. Ах, дескать, ирод, окаянная твоя сила! Такие-то поступки! Так-то ты растого, разэтого, тово...

Но Марья Максимовна сдержалась и сказала приветливо: — А идите сюда, Иван Гаврилыч. Мы не препятствуем. А только мы от вас сегодня ни на шаг не отстанем. Вы в портерную — мы в портерную. Вы бильярды гонять — и мы бильярды гонять...

У слесаря Гаврилыча сильно чесался язык. Хорошо бы, думал Гаврилыч, стукануть сейчас по скуле Марью Максимовну. Или на худой конец отчехвостить при народе. Ах, дескать, контроли строить! Муж, может, неограниченную сдельщину делает, преет и потеет, а ты контроли наблюдать...

Но Гаврилыч сдержался и, махнув рукой, вошел в портерную.

Жена решительно шагнула за Гаврилычем.

А через час супруги вышли из портерной, обнявшись. Оба были сильно навеселе. Гаврилыч, надрывая свой козлетон, пел «Бывали дни веселые». Марья Максимовна ему подтягивала дрожащим голосом.

Они шли в обнимку и, слегка покачиваясь, пели.

ВРЕДНЫЕ МЫСЛИ

Вот, граждане, иную газетку прочтешь, и настроение станет паскудное.

Давеча попалась нам под руку ростовская газета. Взяли мы эту ростовскую газету и пошли на травке поваляться. После обеда это очень даже симпатично выходит... Лежишь,

а тут знаете ли, кругом природа, птички и букашки порхают, червячки чирикают...

Так пришли мы с этой газеткой. И надо бы эту газетку не читать, а от мух, например, ею прикрываться. А мы сдуру читать начали. А в газетине такие вещи напечатаны, что не только себе, а и дорогим своим читателям сейчас настроеньице попортим. Уж извините. Не можем иначе.

А дело все в работниках просвещения шахтинского совпрофа. Захотели эти отчаянные просвещенцы, представьте себе, собственный клуб иметь. Ну, и натурально шахтинскому окрсовпрофу сообщили об этом своим безумным желанием. Дескать, разрешите. А совпрофу это оказалось — нож вострый. Нету, говорят, не разрешим. Атанде!

В письменной форме этот отказ звучит примерно так:

Межсоюзная организация никогда не допустит, чтобы работники просвещения имели свой клуб, потому что это — стремление к кастовой замкнутости.

Извольте работать в межсоюзном клубе...

Ну, и не допустили.

И действительно: наглость этих работников просвещения не поддается описанию. Ишь, черти, чего захотели: собственный клуб иметь!

Да это если так пойдет, то и металлисты тоже того же захотят. А там, глядишь, и деревообделочники туда же сунутся.

И чего, собственно, смотрит шахтинский окрсовпроф? Под самым евонным носом находятся такие, можно сказать,

вредные «кастовые» организации, как разные там союзы — просвещенцы и прочие, а совпроф их не распускает. Распустить надо этих отчаянных крамольников. За глаза хватит одного совпрофа. А то от этих союзов одни только вредные мысли идут насчет клубов и всякие неприятности этому шахтинскому окрсовпрофу.

А неприятностей ему теперь действительно не обобратся.

Мы, при всей нашей доброте сердечной, и то, с удовольствием пихнем. На те!

ТУМАН

А ведь сейчас, граждане, ни черта не разберешь — кто грамотный, а кто неграмотный.

Один, например, гражданин знает свою фамилию с закорючкой подписывать, а писать вообще не знает. Другой гражданин писать знает, а прочесть, чего написал, не может. Да и не только он не может, а дайте ученому профессору, и ученый профессор ни черта не разберется. Даром что профессор. Такое написано — будто кура наследила или дохлая муха нагадила.

Ну а теперь, дорогие товарищи, как же этих граждан считать прикажете? Грамотные эти граждане или они неграмотные? Одни говорят: да, грамотные. Другие говорят: да нет. Вот тут и разбирайся.

Или, например, Василий Иванович Головешечкин. Да он и сам не знает, грамотный он или нет. Человек, можно сказать, совсем сбился в этом тумане просвещения.

Председатель однажды чуть даже не убил его за это. Главное, что два дня всего осталось до полной ликвидации неграмотности. Скажем, к Первому мая велено было в губернии начисто ликвидировать неграмотность. А за два дня до этого бежит Василий Иванович в сельсовет и докладывает, запыхавшись, — дескать, неграмотный он.

Председатель чуть его не уколошил на месте.

— Да ты, говорит, что ж это, сукин сын? Да как же ты ходишь не ликвидировавшись, раз два дня осталось?

Василий Иванович разъясняет положение, дескать неспособен, способностей, дескать, к наукам нету.

Председатель говорит:

— Ну что, говорит, я с тобой, с чучелой, делать буду? Кругом, говорит, начисто ликвидировано, а ты один декреты нарушаешь. Беги, говорит, поскорей в тройку, проси и умоляй. Может, они тебя в два дни как-нибудь обернут. Пущай хотя гласные буквы объяснят.

Василий Иванович говорит:

— Гласные, говорит, буквы я знаю. Чего их всякий раз показывать. Голова заболит.

Тут председатель обратно чуть не убил Василия Ивановича.

— Как, говорит, знаешь? Может, ты и фамилию писать знаешь?

— Да, говорит, и фамилию.

— Значит, ты, сукин сын, грамотный?

— Да выходит, что грамотный, — говорит Василий Иванович. — Да только какой же я грамотный? Смешно.

Председатель опять чуть не убил Василия Ивановича после этих слов.

— Нет, говорит, у меня инструкций разбираться в ваших образованиях, чучело, говорит, ты окаянное! Только, говорит, людей пугаешь перед праздником. А еще грамотный.

И опять чуть не убил Василия Ивановича.

А теперь Василий Иванович сильно задается. И говорит, что он грамотный. И вообще с высшим образованием. Даже может в вузах преподавать, а только неохота ему преподавать и жена вообще не пускает, да и детишки, между прочим, плачут — пугаются, что папашку в вузах убьют.

Так и живет теперь человек с высшим образованием. И ведь чудно как случилось. Еще неделю назад скулил человек, что неграмотный, а теперь этакое образование ему выпало. Как говорится — не было ни гроша, а вдруг пуговица.

ЧЕЛОВЕК С НАГРУЗКОЙ

Эх, поздно я со своим рассказом сунулся! Кажись, брачную-то реформу уж утвердили? А надо бы туда еще один малюсенький пунктик присобачить. Один самый мелкий параграф разъяснить. Потому теперь этот мелкий параграф уж очень часто в жизни встречается. А никто не знает, как в таких случаях поступать.

Да вот, недалеко ходить. Возьмем, например, из жизни Василия Ивановича Серегина. Он, как известно, на пивоваренном работает. Ежедневно две бутылки пива даром и жалование — сорок пять целковых.

И хотя, скажем, семья имеется — жена с младенцем, а жить можно. Хватает.

Только раз приходит Серегин Василий Иванович домой и говорит жене с младенцем:

— Ну-с, говорит, друзья, хорошего понемножку. Пожили вместе, и будет. Вы налево, я направо. И через суд алименты... Воспитывайте моего младенца на эти алименты лучше, пускай он вроде меня будет — передовым товарищем.

Подала жена в суд. Стали по суду брать с Серегина на младенца третью часть жалования — пятнадцать целковых.

Стал теперь Серегин получать тридцать. «При бесплатном, думает, пиве и если не курить, этого за глаза хватит. И даже в случае ежели чего — жениться опять можно».

И вскоре действительно Серегин Василий Иванович женился. Миловидную такую барышню взял. И к лету от нее младенца прижил.

Прижил младенца и говорит своей миловидной супруге:

— Человек, говорит, я передовой. Мещанство для меня нож вострый. И вообще, говорит, пеленки мне неохота нюхать... Вы налево, я направо. И через суд алименты.

Присудили на младенца третью часть жалования.

Стал Серегин Василий Иванович пятнадцать получать. «При бесплатном, думает, пиве и если ничего не жрать, то оно и хватит».

А тут еще на жизненном пути гражданка подвернулась. Носатенькая такая брюнеточка.

Серегин думает:

«Жениться не напасть, как бы после не пропасть. Женюсь все-таки».

Взял и женился на носатенькой. А она теперь на последнем месяце в капоте ходит.

Василий Иванович хотел с ней развестись немедленно, да не тут-то было.

Ходит теперь человек, башку чешет и все удивляется.

— Милые, говорит, товарищи! Да ведь я теперь-то и развестись не могу. Придется мне теперь с носатенькой всю жизнь трепаться.

— А что? — спрашивают.

— Да как же, говорит, милые товарищи! Ну хорошо, ну разведусь я, скажем, с носатенькой. Ну возьмут с меня остатние пятнадцать рублей... А я-то что, человек или дырка? Я-то обязан жрать? Или мне прикажете пиво лакать без закуски?... Ведь это что же такое, братцы? Ведь это выходит, что человек больше трех раз и жениться не могли...

Все руками разводят и башками крутят. И никто не знает, как из этого немыслимого положения выйти.

Один человек, впрочем, знает. Это сам Василий Иванович. Он говорит:

— Пущай тогда мне платят за нагрузку, черт с ним!

ДОХОДНАЯ СТАТЬЯ

Ну, чем разжиться безработному человеку в наше бедное время? Да, прямо сказать, нечем.

Ну, спасибо, велосипед задавит. Ну, сорвешь целковый с неосторожного проезжающего. Или, скажем, какая-нибудь хозяйская собачонка за штаны схватит. Рублей десять набежит за это самое.

Да только ядовитое как-то на земле пошло: велосипеды тормозят, собачки не кусаются. Беда прямо-таки безработному человеку!

А другая собачка и кусит, да хозяина после не найдешь. Смылся хозяин. Сорвать не с кого. И выходит, что совсем зря собачка кусила безработного человека.

Очень масса препятствий встречается в случайном заработке!

Другой раз привалит счастье — вот оно, бери его, хватай руками, — так нет, закон, скажем, не предусматривает этой статьи.

Вот раз гуляем мы печально в саду Трудящихся. Глядим — собачка с бантиком. Этакая мелкая комнатная собачонка на хвосте сидит у скамейки. Тут же и хозяева весенним воздухом дышат. Гражданин с дамочкой.

И вот осеняет нас мысль насчет собачки. Сажусь рядом на скамейку и тихонько ногой накручиваю у собачьей морды. А сапог рваный.

Другая комнатная собачка за такой сапог враз бы за штаны схватила, и тогда выкладывай хозяева денежки не менее

десятки. А эта подлая собачка сидит все время на хвосте и глазами за сапогом водит.

— Вз-з, говорю, куси!

Не кусает. Жирная такая, что ли, собачка попалась — неохота ей кусать.

— Хватай, говорю, тубо, проклятая.

Не хватает. Сидит по-прежнему на хвосте и глазами мигает.

«Ах так!» — думаю.

Встаю и ногой как махну эту комнатную собачку со злобы.

Визг. Шум. И крики. Народ толкается. Дамочка в истерике мечется. Гражданин рукой махает, ударить, наверное, меня хочет. Тут же и старушка какая-то подначивает. Дескать, ударь, батюшка, подлеца за собачку. Такой же, мол, собачка человек, как и мы, грешные.

А гражданин подначки послушался, развернулся и шмяк меня по уху.

«Так, думаю, рублей пятнадцать, а то и все двадцать пять набейт за это самое. Это тоже статья доходная. В царское, думаю, время не менее пяти за это платили. Эх, думаю, дурак, дурак! Ударил себе на голову...»

— Граждане, говорю, дозволено ли, говорю, безработных по роже бить на глазах у публики?

Тут шум, визг и крики поднялись.

— Не дозволено, кричат, братишка! Волоки в милицию.

Я говорю:

— Может, без милиции, граждане, обойдемся. Мне бы, говорю, рублей двадцать пять.

Народ говорит:

— Не соглашайся на двадцать пять, братишечка! Это за двадцать-то пять, может быть, каждый ударить захочет. А тут проучить надо зарвавшихся. Волоки в милицию.

Ну, пошли в милицию.

Шум, крик, стоны. Протоколы пишут. Свидетелей очень масса выступает. И все за меня.

Я говорю:

— Менее как за сорок не соглашусь, граждане, раз такое полное единодушие наблюдается. Это, говорю, не при Николае Кровавом меня по роже ударили, понимать надо... Может, говорю, у меня рожа теперь болеть два дня будет. Что тогда?..

Наконец протоколы написаны, свидетели подписаны и просят всех до суда уйти честью.

Уходим.

Возвращаемся домой. Объясняем в доме как и чего. И все рады за меня, поздравляют, угощают.

Квартирная хозяйка три рубля в долг отваливает. Дворник Иван в счет будущих благ — полтинник. Андрей Иванович с пятого номера — двугривенный и обедом кормит.

Живу три дня хорошо и отлично. Мечтаю, чего куплю. Сапог, думаю, покупать не буду. Куплю сандалии. И еще полгода жить буду что богатый.

Через три дня суд наступает.

Все по закону. Кодекс лежит на столе. Портреты висят. Губпрокурор сбоку сидит. Речи происходят, а все за меня.

«Менее сорока пяти, — думаю, — не соглашусь».

И вдруг выносят резолюцию: полгода со строгой изоляцией.

А мне, безработному человеку, хоть бы кто плюнул.

— Граждане, говорю, народные судьи! Господин губпрокурор. Мне бы, говорю, рублей десять...

Молчат. Только по губам деньгами помазали.

— Да что ж это, говорю, граждане, народные судьи! Хозяйке-то, говорю, кто платить будет? Андрей-то, говорю, Иваныч обождет. А хозяйка-то, говорю, повесится. Войдите, говорю, в положение. Эх, говорю, жизнь-жестянка!

Так и ушел, с чем пришел.

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Вчера, граждане, сижу я в Таврическом саду на скамейке. Кручу папиросочку. По сторонам гляжу. А кругом чудно как хорошо! Весна. Солнышко играет. Детишки-ребятишки на песочке резвятся. Тут же, на скамейке, гляжу, этакий шибздик лет десяти, что ли, сидит. И ногой болтает.

Посмотрел я на него и вокруг.

«Эх, — думаю, — до чего все-таки ребятишкам превосходней живется, чем взрослому. Что ж взрослый? Ни ногой не поболтай, ни на песочке не поваляйся. А ногой поболтаешь — звон, скажут, балда какая ногой трясет. По морде еще ударят. Эх, думаю, несимпатично как-то взрослому человеку... Комиссии всякие, перекомиссии. Доклады и собрания... На три минуты, может, вырвешься: подышать свежей атмосферой,

а жена, может, ждет уж, уполовником трясет, ругается на чем свет стоит, зачем, мол, опоздал. Эх, думаю, счастливая пора, золотое детство! И как это ты так незаметно прошло и вон вышло»...

Посмотрел я еще раз на ребятишек и на парнишечку, который ногой болтает, и такая, прямо сказать, к нему нежность наступила, такое чувство — дышать нечем.

— Мальчишечка, — говорю, — сукин ты сын! Не чувствуешь, говорю, подлец, небось, полного своего счастья? Сидишь, говорю, ногой крутишь, тебе и горюшка никакого. Начихать тебе на все с высокого дерева. Эх ты, говорю, милый, ты мой, подлец этакий! Как, говорю, звать-то тебя? Имя, одним словом.

Молчит. Робеет, что ли.

— Да ты, — говорю, — не робей, милашечка. Не съест тебя с хлебом старый старикашка. Иди, говорю, садись на колени, верхом.

А парнишечка обернулся ко мне и отвечает:

— Некогда, говорит, мне на твоих коленках трястись. Дерьма тоже твои коленки. Идиёт какой.

Вот те, думаю, клюква. Отбрил парнишечка. Некогда ему.

— С чего бы, — говорю, — вам некогда? Какие, извините за сравнение, дела-то у вас?

А парнишечка, дитя природы, отвечает басом:

— Стареть начнешь, коли знать будешь много.

Вот, думаю, какая парнишечка попалась.

— Да ты, — говорю, — не сердись. Охота, говорю, паршивому старикашке узнать, какие это дела приключаются в вашем мелком возрасте.

А парнишечка вроде смягчился после этого.

— Да делов, — говорит, — до черта! Комиссии всякие, перекомиссии. Доклады и собрания. Сейчас насчет Польши докладывать буду. Бежать надо. И школа, конечно. Физкультура все-таки... На три минуты, может, вырвешься подышать свежей струей, а Манька Блохина или Катюшка Семечкина, небось, ругаются. Эх-ма!

Парнишечка вынул «Пушку», закурил, сплюнул через зубы что большой, кивнул головой небрежно и пошел себе.

А я про себя думаю:

«Счастливая пора, золотая моя старость! И в школу, между прочим, ходить не надо. И с физкультурой все-таки не наседают».

После закурил «Пушку» и тоже пошел себе.

НЕРВЫ

А думается мне, граждане, что женскому классу маленечко похуже существовать, чем нам.

Конечно, за эти слова какая-нибудь ханжа мне может плюнуть в глаза.

— Позвольте, скажет, почему такое хуже, раз своевременно объявлено равенство?

Эх, братишечки! Берите самый громадный камень с мостовой и бейте меня этим громадным камнем по башке — не отступлюсь от своих слов.

Вчера, например, соседка мой по комнате кинулся стулом в свою супругу.

С благородным негодованием разлетелся я в ихнюю комнату.

— Гражданка, говорю, немедленно перестаньте жить с подлецом. Уходите от него.

Она на меня же и взъелась.

— Да ты, говорит, что, обалдел? Куда я уйду? К тебе, что ли?

Я говорю:

— Не ко мне. Зачем же, помилуйте, ко мне? Ко мне, говорю, не надо. Это, говорю, я так отвлеченно выражаюсь.

А она на меня же стулом размахивается. Еле вышел.

Конечно, может, это была слабая женщина. Другие, может, крепче в жизни держатся. И не отступают от своих намеченных идеалов. Только таких-то в своей жизни я встречал маловато. Одну только вот и встретил, Марусю Блохину.

Эта действительно ушла от мужа. И стала самостоятельно жить. И ничего себе жила. Раз только впала в отчаяние. Хотела даже на улицу идти. Да сдержалась. А уж даже брови пробкой намазала, и губы подвела, и блузку эффектную надела. Вышла и стоит у ворот.

И вдруг какой-то к ней хахаль подходит.

Тут у ней сразу и перелом случился.

— Да ты, — говорит ему, — подлая твоя душа, что же это подходишь? Да, может, это порядочная дама вышедши к воротам подышать вечерней прохладой? Да как же, говорит, не лопнут твои бесстыжие глаза?

Мужчина несколько оробел и в сторону подался, а она его не пускает. За рукав держит.

— Да может, говорит, это та самая дама, которая не отступает от намеченных идеалов? Да, говорит, таких подлецов об тумбу головами крошить надо! Ах ты, говорит, подлая твоя морда!

Уж и отвела же она тогда свою душеньку. Хотела по морде его лупцевать, да сдержалась. Дворник Иван сдержал.

Покричала она еще на дворника Ивана немножко и ушла.

Пришла домой, головой тряхнула и думает: «Нет, думает, не отступлюсь от своих идеалов. Проживу как-нибудь. Будущая я, например, дамские шляпки делать».

И действительно, стала она дамские шляпки делать. И на рынке их продавала. А материал... А вот насчет материала — черт ее знает, откуда она достала? Не иначе как какой-нибудь добродушный мужчина за спасибо дал.

Эх, братцы, держите камень и бейте меня — не отступлюсь от своих слов: маленечко будто похуже бабам жить. А может, мне это только кажется. Может, это у меня нервы развинтились.

А если нервы развинтились, так везите меня в курорт. Какого черта!

ПАССАЖИР

И зачем это, граждане, позволяют пассажирам на третьих полках в Москву ездить? Ведь это же полки багажные. На багажных полках и пуцай багажи ездят, а не публика.

А говорят — культура и просвещение! Или, скажем, тепловоз теперь к поездам прикрепляют и ездят после. А между прочим — такая дикая серость в вагонах допускается.

Ведь это же башку отломить можно. Упасть если. Вниз упадешь, не вверх.

А может, мне в Москву и не надо было ехать. Может, это Васька Бочков, сукин сын, травил меня в поездочку.

— На, — говорит, — дармовую провизионку. Поезжай в Москву, если тебе охота.

— Братишечка, — говорю, — да на что мне в Москву-то ехать? Мне, говорю, просто неохота ехать в Москву. У меня, говорю, в Москве ни кола ни двора. Мне, говорю, братишечка, даже и остановиться-то негде в Москве этой.

А он говорит:

— Да ты для потехи поезжай. Даром все-таки. Раз, говорит, в жизни счастье привалило, а ты, дура-голова, отпихиваешься.

С субботы на воскресенье я и поехал.

Вхожу в вагон. Присаживаюсь сбоку. Еду. Три версты отъехал — жрать сильно захотелось, а жрать нечего.

«Эх, — думаю, — Васька Бочков, сукин сын, в какую длинную поездку травил. Лучше бы мне, думаю, сидеть теперь на суше в пивной где-нибудь, чем взад и вперед ездить».

А народу, между тем, многовато поднабралось. Тут у окна, например, дяденька с бородкой. Тут же рядом и старушечку Бог послал. И какая это вредная, ядовитая старушечка попалась — все локтем пихается.

— Расселся, — говорит, — дьявол. Ни охнуть ни вздохнуть.

Я говорю:

— Вы, старушечка, божий одуванчик, не пихайтесь. Я, говорю, не своей охотой еду. Меня, говорю, Васька Бочков втравил.

Не сочувствует.

А вечер, между тем, надвигается. Искры с тепловозу дождем сыплются. Красота кругом и природа. А только мне не охота на природу глядеть. Мне бы, думаю, лечь да прикрыться.

А лечь, гляжу, некуда. Все места насквозь заняты.

Обращаюсь к пассажирам:

— Граждане, — говорю, — допустите хотя в серединку сесть. Я, говорю, сбоку свалиться могу. Мне в Москву ехать.

— Тут, — отвечают, — кругом все в Москву едут. Поезд не плацкартный все-таки. Сиди, где сидел.

Сижу. Еду. Еще три версты отъехал — нога зачумела. Встал. И гляжу — третья полка виднеется. А на ней корзинка едет.

— Граждане, — говорю, — да что ж это? Человек, говорю, скрючившись должен сидеть, и ноги у него чумеют, а тут вещи... Человек, говорю, все-таки важней, чем вещи... Уберите, говорю, корзину, чья она.

Старушечка кряхтя поднимается. За корзиной лезет.

— Нет, — говорит, — от вас, дьяволов, покою ни днем ни ночью. На, говорит, идол, полезай на такую верхотуру. Даст, говорит, Бог, башку-то и отломишь, на ночь глядя.

Я и полез.

Полез, три версты отъехал и задремал сладко.

Вдруг как пихнет меня в сторону, как кувыркнет вниз. Гляжу — падаю, мать твою так. Спросонья-то, думаю, како-во падать.

И как шваркнет меня в бок, об башку, об желудок, об руку... Упал.

И спасибо, ногой при падении за вторую полку зацепился — удар все-таки мягкий вышел.

Сижу на полу и башку щупаю — тут ли. Тут.

А в вагоне шум такой происходит. Это пассажиры шумят, не сперли бы, думают, ихние вещи в переполохе.

На шум бригада с фонарем сходится.

Обер спрашивает:

— Кто упал?

Я говорю:

— Я упал. С багажной полки. Я, говорю, в Москву еду. Васька Бочков, говорю, сукин сын, втравил меня в поездочку.

Обер говорит:

— У Бологое завсегда пассажиры вниз сваливаются. Дюже резкая остановка.

Я говорю:

— Довольно обидно упавшему человеку про это слышать. Пушай бы, говорю, лучше бригада не допускала на верхних полках ездить. А если лезет пассажир, пушай спихивают его

или урезонивают — дескать, не лезьте, гражданин, скатиться можно.

Тут и старушка крик поднимает:

— Корзину, — говорит, — башкой смял.

Я говорю:

— Человек важнее корзинки. Корзинку, говорю, купить можно. Башка же, говорю, бесплатно все-таки.

Покричали, поахали, перевязали мне башку тряпкой и, не останавливая поезда, поехали дальше.

Доехал до Москвы. Вылез. Посидел на вокзале.

Выпил четыре кружки воды из бака. И назад.

А башка до чего ноет, гудит. И мысли все скабрезные идут. Эх, думаю, попался бы мне сейчас Васька Бочков — я бы ему пересчитал ребра. Втравил, думаю, подлец, в какую поездку.

Доехал до Ленинграда. Вылез. Выпил из бака кружку воды и пошел, покачиваясь.

КОМИКИ

Я, граждане, не особенно долюблю концерты и всякие там балы. Мне на них всегда скучновато бывает. Даже, признаться, ко сну клонит, ежели тихое, например, пение или музыка без барабанов.

А вот один концерт-бал мне действительно понравился. В Петергофе было. Военно-железнодорожники устроили. Это действительно был вечер.

Конечно, весь концерт-бал был не ахти какой. Как говорится: бал — кот с печки упал. Но вот один номер был выдающийся. Главное, уж очень смешно было. Многих слабосильных дамочек даже заживо выносили в истерике, до того они хохотали.

И нельзя было не смеяться. Потому выстроили железнодорожники все свои батальоны и объявляют: сейчас, дескать, произойдет комический номер. Каждому железнодорожнику выдадут по фунтовой булке и какой батальон скорее скушает, тому премия в размере двух пирожных и вообще слава в петергофском масштабе.

И вот роздали по булке, и по сигналу началось.

Я, граждане, видал, как едят, и сам едал, а такой еды не видывал. Многие давятся, мотают башками, шипят, плюются... Многие, что жабы, захватили зубами булки и ни туда ни сюда, ни чихнуть, ни сморкнуться...

В публике стон стоит от хохота. Слабосильных дамочек заживо выносят в истерике... А те жуют наспех.

А тут с одного батальона молодой парнишка умял свою булку и кричит:

— Братцы, неужели же осраим оружие! Наляжем по возможности.

Тут, конечно, и налегли. И через две секунды объявляют, дескать, этот батальон выиграл. И могут получать премию.

Тут публика начала бис требовать. Начали просить за свои деньги, чтобы и с пирожными устроили такой же номер: кто скорей.

Но батальон стал категорически отказываться.

— Не можем, говорят. У нас, говорят, некоторые несознательные товарищи захворали.

И действительно, выходит вперед один блондин и икает. А у самого рот раскрыт, глаза выпучены и пот со лба капает.

— Граждане, говорит, я булкой подавился. Я, говорит, ее враз проглотил... Проскользнула она внутрь.

Начали его расспрашивать, куда, дескать, проскользнула и дошла ли до живота.

— Не знаю, говорит.

Начали блондина успокаивать, дескать, вполне переварится — не тарелка ведь. Тарелка, это действительно, может не перевариться, а булка, хоть и целая, всегда размякнет и со временем, даст Бог, вон выйдет.

Но этот случай не омрачил праздника. Веселье продолжалось. И даже в газете «Красная Звезда», № 81, густым шрифтом был отмечен необыкновенный успех вечера:

4 апреля военно-железнодорожники гор. Петергофа в присутствии гостей и петергофской молодежи устроили комбинированный вечер...

Все остались довольны, особенно одним комическим номером, а именно: участникам соревнования дано по фунтовой булке и кто первый съест, тот получает еще премию — два пирожных. Пальму первенства получил Н. батальон, который в этом спец.

Далее корреспондент расстроился и пишет от себя разные слова — дескать, безобразие, обжорство, унижение и

тому подобное. Но это он не иначе как из зависти. Дай ему, каналье, фунтовую булку, так он минут двадцать лопать будет да еще корочки оставит.

Знаем мы этих писателей. Сами пишем.

ВОРЫ

Что-то, граждане, воров нынче много развелось. Кругом прут без разбора.

Человека сейчас прямо не найти, у которого ничего не сперли.

У меня вот тоже недавно чемоданчик унесли, не доезжая Жмеринки.

И чего, например, с этим социальным бедствием делать? Руки, что ли, ворами отрывать?

Вот, говорят, в Финляндии в прежнее время ворами руки отрезали. Проворует, скажем, какой-нибудь ихний финский товарищ, сейчас ему чик, и ходи, сукин сын, без руки. Зато и люди там пошли положительные. Там, говорят, квартиры можно даже не закрывать. А если, например, на улице гражданин бумажник обронит, так и бумажника не возьмут. А положат бумажник на видную тумбу, и пуцай он лежит до скончания века... Вот дураки-то!

Ну, деньги-то из бумажника, небось, возьмут. Это уж не может того быть, чтоб не взяли. Тут не только руки отрезай, тут головы начисто оттяпывай — и то, пожалуй, не поможет. Ну да деньги — дело наживное. Бумажник остался — и то мерси.

Вот у меня, не доезжая Жмеринки, чемоданчик свистнули, так действительно начисто. Со всеми потрохами. Ручки от чемодана и той не оставили. Мочалка была в чемодане — пятачок ей цена — и мочалку. Ну на что им, чертям, мочалка?! Бросят же, подлецы. Так нет. Так с мочалкой и сперли.

А главное, присаживается ко мне вечером в поезде какой-то гражданин.

— Вы, — говорит, — будьте добры, осторожней тут ездите. Тут, говорит, вору очень отчаянные. Кидаются прямо на пассажиров.

— Это, — говорю, — меня не пугает. Я, говорю, завсегда ухом на чемодан ложусь. Услышу.

Он говорит:

— Дело не в ухе. Тут, говорит, такие ловкачи — сапоги у людей снимают. Не то что ухо.

— Сапоги, — говорю, — опять же у меня русские. Не снимут.

— Ну, — говорит, — вас к черту. Мое дело — предупредить. А вы там как хотите.

На этом я и задремал.

Вдруг, не доезжая Жмеринки, кто-то в темноте как дернет меня за ногу. Чуть, ей-богу, не оторвал... Я как вскочу, как хлопну вора по плечу. Он как сиганет в сторону. Я за ним с верхней полки. А бежать не могу.

Потому сапог наполовину сдернут — нога в голенище болтается.

Поднял крик. Всполошил весь вагон.

— Что? — спрашивают.

— Сапоги, — говорю, — граждане, чуть не слимонили.
Стал натягивать сапог, гляжу — чемодана нету.

Снова крик поднял. Обыскал всех пассажиров — нету чемодана.

На большой станции пошел в особый отдел заявлять.

Ну, посочувствовали там, записали.

Я говорю:

— Если поймаете, рвите у него к чертям руки.

Смеются.

— Ладно, — говорят, — оторвем. Только карандаш на место положите.

И действительно, как это случилось, прямо не знаю. А только взял я со стола ихний чернильный карандаш и в карман сунул.

Агент говорит:

— У нас, говорит, даром что особый отдел, а в короткое время пассажиры весь прибор разворовали. Один сукин сын даже чернильницу унес. С чернилами.

Извинился я за карандаш и вышел.

«Да уж, — думаю, — у нас начать руки отрезать, так тут до черта инвалидов будет. Себе дороже».

РАБОЧИЙ КОСТЮМ

Вот, граждане, до чего дожили! Рабочий человек и в ресторан не пойдя — не впускают. На рабочий костюм косят-ся. Грязный, дескать, очень для обстановки.

На этом самом Василий Степаныч Конопатов пострадал. Собственной персоной. Выперли, братцы, его из ресторана. Вот до чего дожили.

Главное, Василий Степаныч как только в дверь вошел, так сразу почувствовал — будто что-то не то, будто швейцар как-то косо поглядел на его костюмчик. А костюмчик известно какой — рабочий, дрянь костюмчик, вроде прозодежды. Да не в этом сила. Уж очень Василию Степанычу до слез обидным показалось отношение.

Он говорит швейцару:

— Что, говорит, косишься? Костюмчик не по вкусу? К манишечкам, небось, привыкши?

А швейцар Василия Степаныча цоп за локоть и не пускает. Василий Степаныч в сторону.

— Ах так! — кричит. — Рабочего человека в ресторан не пущать? Костюм неинтересный?

Тут публика, конечно, собралась. Смотрят, Василий Степаныч кричит:

— Да, говорит, действительно, граждане, манишечки у меня нету, и галстуки, говорит, не болтаются... И может быть, говорит, я шею три месяца не мыл. Но, говорит, я, может, на производстве прею и потею. И может, некогда мне костюмчики взад и вперед переодевать.

Тут пищевики наседать стали на Василия Степаныча. Под руки выводят. Швейцар, собака, прямо коленкой поднажимает, чтоб в дверях без задержки было.

Василий Степаныч Конопатов прямо в бешенство пришел. Прямо рыдает человек.

— Товарищи, — говорит, — молочные братья! Да что ж это происходит в рабоче-крестьянском строительстве? Без манишечки, говорит, человеку пожрать не позволяют...

Тут поднялась катавасия. Потому народ видит — идеология нарушена. Стали пиццевиков оттеснять в сторону. Кто бутылкой махает, кто стулом...

Хозяин кричит в три горла, — дескать, теперь ведь заведение закрыть могут за допущение разврата.

Тут кто-то с оркестра за милицией сбегал.

Является милиция. Берет родного голубчика Василия Степаныча Конопатова и сажает его на извозчика.

Василий Степаныч и тут не утих.

— Братцы, — кричит, — да что ж это? Уж, говорит, раз милиция держит руку хозяйчика и за костюм человека вытирает, то, говорит, лучше мне к буржуям в Америку плыть, чем, говорит, такое действие выносить.

И привезли Васю Конопатова в милицию и сунули в каталажку.

Всю ночь родной голубчик Вася Конопатов глаз не смыкал. Под утро только всхрапнул часочек. А утром его будят и ведут к начальнику.

Начальник говорит:

— Идите, говорит, товарищ.

Вася говорит:

— Личность оскорбили, а теперь — идите... Рабочий, говорит, костюмчик не по вкусу? Я, говорит, может, сейчас сяду и поеду в Малый Совнарком жаловаться на действия.

Начальник милиции говорит:

— Брось, товарищ, трепаться. Пьяных, говорит, у нас правило — в ресторан не допускать. А ты, говорит, даже на лестнице наблевал.

— Как это? — спрашивает Конопатов. — Значит, меня не за костюм выперли?

Тут будто что осенило Василия Степаныча.

— А я, — говорит, — думал, что за костюмчик. А раз, говорит, по пьяной лавочке, то это я действительно понимаю. Сочувствую этому. Не спорю.

Пожал Вася Конопатов ручку начальнику, извинился за причиненное беспокойство и отбыл.

ШИПЫ И РОЗЫ

Ну вот, граждане, наконец-то и мы с вами дожили. Наконец-то и у нас, как у людей, — по-европейски и без всякой Азии.

Поезда-то, милые граждане, теперь без единого звоночка отходят. Без малейшего шума. Ах ты, красота какая!

Даже душа, знаете ли, радуется. Поезд, например, отходит, а ты сидишь где-нибудь на подножке или на каком-нибудь торчке и не знаешь, из Лондона ли ты выезжаешь или из Берлина. Красота!

А действительно, товарищи, ведь осточертели эти глупые звонки до последней степени!

Главное, чего в них хорошего? Ну, висит, скажем, колокол. Тут же из-под него какая-то грязная веревка тянется. С узелком. И сторож, что ненормальный, дергает за эту веревку. А ведь этому сторожу, может, сорок три года. Может, у него детишки есть. Смотреть ведь неохота.

На каждой станции посмотришь на такую картину, — и домой тянет. Потому это и дома можно в кастрюлю ударять, не тратя на поезд ни копейки. А тут денежки плати, да еще собственное ухо засорять мещанскими звуками.

Ну да спасибо, кончилась эта канитель. Дожили и мы, граждане, с вами до настоящей жизни.

Конечно, сперва даже как-то странно без звонка-то. Даже как-то глуповато себя чувствуешь с непривычки. Например, едешь ты в дачную местность. Так сказать, на лоно природы. Предположим, выехали без шума, без звонка, и вообще строго придерживаясь расписания... Едем...

Доехали, предположим, до какой-нибудь дрянной станции. Тут бы поезду по расписанию минуту стоять, а он, подлец, семнадцать минут стоит и еще стоять будет. Потому встречного-то поезда надо ждать или нет? Как ваше драгоценное мнение? Напролом ведь не поедешь, раз путь занят другим поездом. Ну и стоишь. А то и по другим причинам стоишь. Мало ли.

Пассажиры, например, кинутся на волю — на травке полежать или вообще папирос купить и квасу выпить, а поезд в это время возьмет и уйдет. Так если бы со звонком — успели бы, сами понимаете. А так слабые дамочки и инвалиды

остаются. Потому поезд бесшумно враз дергает и скрывается на глазах изумленной публики.

Конечно, на одноколейной дороге, мы сами отлично понимаем, — разве можно тютелька в тютельку поезда отправлять? Никак не можно.

Но тогда хотя бы при отправлении свистали до трех раз. Звонок-то, он ни к чему. Черт с ним — со звонком, если уж такой против него зуб имеют. Ну а вот свистулечка какая-нибудь прямо является насущной необходимостью на одноколейных линиях. Так до трех раз и пушай бы свистали вместо глупого дерганья в звонок.

И стоило бы недорого. Глиняная, например, свистулечка всего три копейки стоит. А то можно и в пальцы свистать. Ежели оберу жалованье платить с небольшой нагрузкой и вообще аккуратно, то он в неделю обучится. Ей-богу.

А так вообще все хорошо и отлично. Дела идут, контора пишет, и поезда без шуму отправляются.

Вот только через мосты еще жутковато ехать. Ну да ко всему привыкнуть можно.

УЛИЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Иду я по улице Третьего Июля. Спешу на работу. И смотрю, будто несколько советских граждан довольно странно идут по панели и смотрят чего-то. И все мимо проходящие подходят к ним, смотрят и пальцами указывают.

Может, только минута прошла, покуда я добежал до места происшествия, — густо уже, не протискаться. Спрашиваю:

— Что случилось, дорогие граждане?

Говорят:

— Это, дорогой гражданин, мильтон самогонщицу волокет в милицию.

Протискаюсь. Встаю на тумбу. Вижу — действительно: волокет милиционер какую-то вредную гражданку.

А та вроде как сильно упирается, мелко-мелко шагает и с испугом на граждан поглядывает — самосуда, может, боится. Даже к конвоиру жметя — защиты просит в случае чего.

Тут задняя публика напирать начала. Потому и задним тоже охота посмотреть, какая это из себя самогонщица.

Давка началась образовываться.

Милиционер прямо сопрел просивши. Кричит:

— Граждане, разойдитесь, прошу вас. Ничего такого подобного не происходит. Дайте прохожим проходить.

Куда там! Не пропускают.

Какая-то старушечка пробирается сквозь толпу.

— Да это, говорит, может, и не самогонщицу ведут. С чего народ взял? Это, может, убийцу своего мужа как раз и волокут в милицию.

Тут толпа гукать, конечно, стала.

— А-а, дескать, жаба толстомясая... Давить, мол, таких надо без амнистии... Дали им волю, а они мужчин портить начали...

Милиционер видит: дело дрянь — сомнует сейчас арестованную гражданку.

— Граждане, кричит, разойдитесь, или в свисток свистать буду.

— Свисти, говорят, жалко, что ли.

Вскоре конная милиция прибыла.

Осадили народ на тротуар. Очистили дорогу.

Старший из милиции кричит:

— Да разойдитесь же, граждане! Все в порядке. Ничего такого не случилось... Это просто милиционер прогуливается со знакомой гражданкой под руку...

Ну, конечно, толпа стала понемногу редеть. Потому дело обычное — отчего, мол, милиционеру в свободное от дежурства время не погулять со знакомой гражданкой? Пожалуйста!

Так и разошлись.

СТАКАН

Тут недавно маляр Иван Антонович Блохин скончался по болезни. А вдова его, средних лет дамочка, Марья Васильевна Блохина, на сороковой день небольшой пикник устроила.

И меня пригласила.

— Приходите, — говорит, — помянуть дорогого покойника, чем Бог послал. Курей и жареных утей у нас, говорит, не будет, и паштетов тоже не предвидится. Но чаю хлебайте сколько угодно вволю и даже можете с собой домой брать.

Я говорю:

— В чае хотя интерес небольшой, но прийти можно. Иван Антонович Блохин довольно, говорю, добродушно ко мне относился и даже раз бесплатно потолок побелил.

— Ну, — говорит, — приходите тем более.

В четверг я и пошел.

А народу приперлось множество. Родственнички всякие. Деверь тоже, Петр Антонович Блохин. Ядовитый такой мужчина со стоячими кверху усиками. Против арбуза сел. И только у него, знаете, и делов, что арбуз отрезает перочинным ножом и кушает.

А я выкушал один стакашек чаю, и неохота мне больше. Душа, знаете, не принимает. Да и вообще чайшко неважный, надо сказать, — шваброй малость отзывает.

И взял я стакашек и отложил к черту в сторону.

Да маленько неаккуратно отложил. Сахарница тут стояла. Об эту сахарницу я прибор и кокнул, — об ручку. А стакашек, будь он проклят, возьми и трещинку дал.

Я думал не заметят. Заметили, дьяволы.

Вдова отвечает:

— Никак, батюшка, стакан тюкнули?

Я говорю:

— Пустяки, Марья Васильевна Блохина. Еще продержится.

А деверь нажрался арбуза и отвечает:

— То есть как это пустяки? Хорошие пустяки. Вдова их в гости приглашает, а они у вдовы предметы тюкают.

А Марья Васильевна осматривает стакан и все больше расстраивается.

— Это, — говорит, — чистое разорение в хозяйстве — стаканы бить. Это немыслимое дело — бить. Это, говорит, один — стакан тюкнет, другой — крантик у самовара начисто оторвет, третий салфетку в карман сунет. Это что ж и будет такое?

А деверь, паразит, отвечает:

— Об чем, говорит, речь. Таким, говорит, гостям прямо морды надо арбузом разбивать.

Ничего я на это не ответил. Только побледнел ужасно и говорю:

— Мне, говорю, товарищ деверь, довольно обидно про морду слушать. Я, говорю, товарищ деверь, родной матери не позволю морду мне арбузом разбивать. И вообще, говорю, чай у вас шваброй пахнет. Тоже, говорю, приглашение. Вам, говорю, чертям, три стакана и одну кружку разбить — и то мало.

Тут шум, конечно, поднялся, грохот.

Деверь наиболее других колбасится. Съеденный арбуз ему, что ли, в голову бросился.

И вдова тоже трясется мелко от ярости.

— У меня, — говорит, — привычки такой нету — швабры в чай ложить. Может, это вы дома ложите, а после на людей тень наводите. Маляр, говорит, Иван Антонович, в гробе, наверное, повертывается от этих тяжелых слов... Я, говорит, щучий сын, не оставлю вас так после этого.

Ничего я на это не ответил, только говорю:

— Тьфу на всех, и на деверя, говорю, тьфу.

И поскорее вышел.

Через две недели после этого факта повестку в суд получаю по делу Блохиной.

Являюсь и удивляюсь.

Нарсудья дело рассмотрел и говорит:

— Нынче, говорит, все суды такими делами закрючены, а тут еще не угодно ли. Платите, говорит, этой гражданке двугривенный и очищайте воздух в камере.

Я говорю:

— Я платить не отказываюсь, а только пушай мне этот треснувший стакан отдадут из принципа.

Вдова говорит:

— Подавись этим стаканом. Бери его.

На другой день, знаете, ихний дворник Семен приносит стакан. И еще нарочно в трех местах треснувший.

Ничего я на это не сказал, только говорю:

— Передай, говорю, своим сволочам, что теперь я их по судам затаскаю.

Потому, действительно, когда характер мой задет, — я могу до трибунала дойти.

СВОБОДНЫЙ ХУДОЖНИК

Сейчас красят дома. Украшают. Балконы синенькой краской разрисовывают. Улицы от этого принарядились. Любодорого ходить.

Наш дом тоже подновили. Прямо теперь не дом, а картинка.

Низ вроде кирпичной краской расписан, а верх весь желтенький. На солнышке так, знаете ли, и сияет, что бриллиант.

Тышу целковых на окраску ухлопали. Одни дождевые трубы в триста рублей вскочили. Потому трубы у нас голубой масляной краской пущены. Ей-богу.

Управдом наш, Щукин Ефим Петрович, говорит, что придется у жильцов вперед плату просить. Потому маленько не хватает — лепные украшения вылепить. А может, наш голубчик управдом и так обернется. Он у нас прямо орел и свободный художник. Сам всюду лезет, малярам показывает, где красить. К вечеру прямо зеброй домой возвращается.

Зато и домик вышел действительно выдающийся.

Раньше, бывало, прохожему противно было под ворота зайти по своим надобностям. А теперь ничего. Очень уж приятный домик вышел после окраски.

И несмотря на это, многие жильцы недовольны и ворчат даже.

Из седьмого, например, номера жилец Корюшкин ворчит.

— Тоже, говорит, выкрасили дом! Лучше бы, говорит, перила на лестнице поставили. Мне, говорит, не за вашу краску держаться, а за перила.

А он, этот жилец Корюшкин, недавно, видите ли, себе ножку сломал. Пьяненький возвращался, ну и в темноте сунулся в пролет. Перил-то в этом месте не было. Сломаны были перила. Вот теперь этот Корюшкин и ворчит насчет перил.

А кто виноват? Сам и виноват. Пьяному человеку на что перила? Пьяный может и на четвереньках домой возвратиться.

Или за стену может придерживаться. Ну а он, дура, влево сунулся. А теперь скулит.

А что парнишка его — Васька Корюшкин — с этой же лестницы вниз сверзился, то опять-таки нет ничего удивительного. Дите, оно постоянно крутится и мотается — ему, может, сам Бог велел упасть.

А что старушка Корюшкина свалилась, то опять же при чем тут управдом? Может, это у них, у Корюшкиных, наследственное — вниз падать.

С двенадцатого номера слесарь Васильев тоже ворчит на управдома.

— Я, говорит, не посмотрю, что ты управдом, а как трахну тебя по физике — перестанешь дом красить. Ты, говорит, вместо краски лучше бы мне пол в квартире настлал. Третий, говорит, год пола нету. Прямо хоть на потолке живи.

С других номеров тоже есть недовольные жильцы. Кто с печкой пристаёт, кто с ватером, у кого крантик неправильно открывается и вода вытекает. У кого входной двери нету...

Голубчик управдом прямо кричать замаялся:

— Братцы, говорит, не волнуйтесь, не беспокойтесь... Ну на что вам в летнее время ватер или, скажем, входная дверь?... Перебейтесь до осени. Осенью, может, справим.

Так нет, ворчат. Очень уж народ неблагодарный. Управдом, можно сказать, запарился, все денежки ухлопал на художественную окраску и на восстановление лепных украшений, а тут кругом черная неблагодарность, невежество и неуместные требования, вроде ватера в летнее время. Скажите пожалуйста, до чего народ стал капризничать!

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ

Дело это такое, граждане, что надо бы его самым крупным шрифтом набрать. Да только жалко нам такие жирные шрифты на такие дела растрачивать.

Да и контора, поди, ругаться будет.

— Что вы, скажет, объелись, какие шрифты изводите? Это, скажет, вам не реклама.

И действительно — не реклама. А напротив того. Для Пищетреста.

Ну, ладно. Пущай будет мелко. В крайнем случае близорукие граждане могут пенсне на нос надеть.

А дело все случилось в Пищетресте. Давненько. Месяца полтора назад.

Полтора, значит, месяца никто не ругал Пищетреста. И вообще многие граждане, небось, думали, что все уже заглохло. Но нет. Только что начинается. Держитесь, братцы!

Так вот, кажется, двадцать шестого мая был устроен грандиозный концерт. Концерт в пользу бывших политка-торжан и ссыльных, в Малом оперном театре.

Конечно, все учреждения с охотой брали билеты и раздавали своим служащим и рабочим.

И Пищетрест тоже взял. Рублей, говорят, на триста.

Ну, взял. Посмотрел, чего другие учреждения с этими билетами делают. Видит — раздают. Ну, и тогда раздал. А может, и не успел всем раздать. Мы только про одного гражданина знаем.

А перед самым концертом все и случилось.

Близорукие граждане, надевайте очки!

Два начальника, по фамилии, не любим сплетничать, Куклин и Еремичев, испугались. И, испугавшись, подумали:

«Эге, подумали, билеты-то мы купили, денежки заплатили, а где ж оправдательные документы?»

Испугались, задрожали и велят поскорее отобрать эти выданные билеты и пришить их к делу.

Так и сделали. Отобрали и пришили. Ну и, конечно, на концерте из Пищетреста никого не было. Да и быть не могло. Потому, сами посудите, раз билеты пришиты к отчетности, то не тащить же на концерт бухгалтерские книги и столы?

Вот и все.

А теперь, ежели спросить какого-нибудь сотрудника из Пищетреста, был ли он, например, на концерте, сотрудник сконфузится и скажет:

— Да нет, знаете, не пришлось.

— А что так?

— Да так, знаете ли, как-то.

И махнет рукой.

И как же ему, читатель, не махать рукой, раз этаким скверный анекдот произошел в Пищетресте?

А так все остальное в Пищетресте хорошо и отлично. Дела идут, контора пишет.

А касаясь этого фактика — он проверен и подтвержден. В чем и расписуемся.

СПЕЦ

Неохота мне, граждане, писать про растратчиков. Да ну их совсем в болото! Надоели.

Мне, скажем, трамвайный воришка и тот будет дороже и симпатичней, чем какой-нибудь, например, Васька Егоров, который растратил сто целковых во вверенном ему доме.

Про этого Ваську Егорова я и писать бы не стал, а взял бы чернильницу да тиснул бы по его башке — вот вам и весь фельетон. Но дело тут, к сожалению, несколько изменяется.

Захотел Васька, с перепуту, что ли, скрыть эту растрату. Будто, значит, ее и не было, а грабители будто в масках и с пистолетами в квартиру вперлись и унесли денежки.

Нашел Васька такого разностороннего субчика Гришу Жукова — отчаянного спеца по своим делам. Угостил его пивком. Всплакнул немножко.

— Вот дескать, Гриша, какие житейские обстоятельства. Из-за каких немногих денег человеку пропадать приходится. Не можешь ли, например, Гриша, обработать меня. Вроде как ограбить... Тряпочкой там рот закрыть, руки скрутить и вещи разбросать по комнате. Обращаюсь как к спецу.

Гриша говорит:

— Отчего не можно? Очень даже можно, раз это наша специальность. Для верности мы можем, дорогой товарищ, даже стукануть тебя или, например, зуб или два выбить... И будет вся эта музыка стоять тебе трешку. С других я обыкновенно по пять червяков за это самое взимаю, а ты уж больно мне понравился своей фантазией, потому много

нам приходилось работать, а такой фантазии, чтобы сами пассажиры напрашивались — нету...

Ударили по рукам. Пошли к дому. Васька Егоров немножко задрожал.

— Ты, говорит, Гриша, Христа ради, не сильно бей. И зубья не выбивай. Их, говорит, вставлять дороже. А смажь меня, подлеца, слегка по морде, и хватит. И тряпочку не сильно в глотку пихай, я же задохнуться могу.

— Ладно, — говорит Гриша, — не учи ученого.

Пришли. Кинулся Гриша на Ваську Егорова. Уронил его на пол. Скрутил руки. Пихнул в рот тряпку. Ударил два раза по уху. Плюнул в морду и принялся за работу.

Раскидал все вещички по полу, раскрыл фомкой шкафы и комоды и стоит и любитесь на свою работу.

— Ну, говорит, чисто сделано. Прямо, говорит, товарищ, жалко так уходить. Душа прямо протестуется. Я, говорит, еще маленько тут в комодке пороюсь. Кое-какие ценности с собой прихвачу...

Тут неизвестно, чем бы все это кончилось, да только Васька Егоров тряпку со страха выплюнул и орать начал.

Тут-то их двоих голубчиков и накрыли.

Ну а раз накрыли и вообще все в порядке, то вопрос напрашивается: к чему всю эту канитель писать и чистым искусством людей от дела отрывать? Не лучше ли действительно тиснуть чернильницей по башке и идти по своим делам? И вообще, какая польза для республики от этого чистого искусства?

Да, пользы-то действительно, граждане, маловато. Хотя как сказать. Прочтет, представьте себе, эту штуку какой-нибудь отчаянный растратчик и испугаться может.

— Эге, скажет, про нашего брата авторы уж и писать не хотят — цельной чернильницей размахиваются.

Ну и испугается. А испугавшись, растрачивать перестанет. А другой с испугу еще свои денежки доложит. Чего не бывает на свете.

ЧУДНЫЙ ОТДЫХ

Человеку обязательно отдохнуть надо. Человек все-таки не курица. Курица — та, может, действительно в отпусках не нуждается. А человеку без отпуска немислимо.

А я, например, сорок лет не отдыхал. Как с двухлетнего возраста зарядил, так и пошла работа без отдыха и сроку.

А что касается воскресений или праздничных дней, то какой же это отдых? Сами понимаете: то маленько выпьешь, то гости припрутся, то ножку к дивану приклеить надо. Мало ли делов на свете у среднего человека? Жена тоже вот иной раз начнет претензии выражать. Какой тут отдых?

А в это лето очень отдыхать потянуло. Главная причина — все вокруг отдыхают. Ванюшка Егоров, например, в Крым ездил. Вернулся черный, как черт. И в весе сильно прибавился... Петруха Яичкин опять же на Кавказе отдыхал. Миша Бочков в свою деревню смотался. Две недели отлично прожил. Побили

его даже там за что-то такое. Вернулся назад — не узнать. Карточку во как раздуло на правую сторону!..

Вообще все, вижу, отдыхают и все поправляются, один я не отдыхаю.

Вот и поехал этим летом. «Не курица, — думаю. — В Крым, — думаю, — неохота ехать. На всякие, — думаю, — трусики разоришься. Поеду куда поближе».

Поехал. В дом отдыха.

Очень все оказалось отлично и симпатично. И отношение внимательное. И пища жирная.

И сразу, как приехал, на весах взвешали. По новой метрической системе. И грудь смили. И рост.

— Поправляйтесь, — говорят.

— Да уж, — говорю, — маленько бы в весе хотелось бы прибавиться. Рост-то, — говорю, — пес с ним. Пущай прежний рост. А маленько потяжелеть не мешает. Не курица, — говорю, — гражданин фельдшер.

Фельдшер говорит:

— Вес — это можно. Нам весу не жалко. Валяйте.

Начал отдыхать. И сразу, знаете, обнаружилась очень чрезвычайная скука. Нечего делать — прямо беда. И пища жирная, и уход внимательный, и на весах вешают, а скука, между тем, сильная.

Утром, например, встал, рожу всполоснул, пошамал и лежи на боку. А лежать неохота — сиди. Сидеть неохота — ходи. А к чему, скажите, ходить без толку? Неохота ходить без толку. Привычки такой за сорок лет не выработалось.

Один день походил — хотел назад ехать. Да, спасибо, своих же отдыхающих ребят в саду встретил.

Сидят они на лужку и в картишки играют.

— В козла, что ли? — спрашиваю.

— Так точно, — говорят, — в козла. Но, — говорят, — можно и в «очко» перейти. На интерес. Присаживайтесь, уважаемый товарищ! Мы с утра дуемся...

Присел, конечно.

Сыграли до ужина. Там маленько после ужина. Там утречком пораньше. А там и пошло у нас каждый день. Глядишь — и дней не видно. Не только, скажем, скука, а рожу помыть или кофейку выпить некогда.

Две недельки прошли, как сладкий сон. Отдохнул, можно сказать, за все сорок лет и душой и телом.

А что вес маленько убавился, то вес — дело наживное. Вес и на производстве нагулять можно. А рост, спасибо, остался прежний. Чуть маленько только убавился. Фельдшер говорит — от сидячей жизни.

ТОРМОЗ ВЕСТИНГАУЗА

Главная причина, что Володька Боков маленько окосевши был. Иначе, конечно, не пошел бы он на такое преступление. Он выпивши был.

Если хотите знать, Володька Боков перед самым поездом скляночку эриванской выпил, да пивком добавил. А насчет

еды, — знаете, чего он съел? Одну охотничью сосиску. Разве ж это еда?

Ну и развезло парнишку. Потому состав сильно едкий получается. И башку от этого крутит, и в груди всякие идеи назревают, и поколбаситься перед уважаемой публикой охота.

Вот Володя сел в поезд и начал маленько проявлять себя. Дескать, он это такой человек, что все ему можно. И даже народный суд, в случае ежели чего, завсегда за него заступится. Потому у него — пушай публика знает — происхождение очень отличное. И родной дед его был коровьим пастухом, и мамаша его была наипростая баба...

И вот мелет Володька языком, — струя на него такая нашла — погордиться захотел. А тут какой-то напротив Володьки гражданин обнаруживается. Вата у него в ухе, и одет чисто, не без комфорта. И говорит он:

— А ты, говорит, потрепись еще, так тебя и заметут на первом полустанке.

Володька говорит:

— Ты мое самосознание не задевай. Не могут меня заметить в силу происхождения. Пушай я чего хочешь сделаю — во всем мне будет льгота.

Ну, струя на него такая напала. Пьяный же.

А публика начала выражать свое недовольство по поводу. А которые наиболее ядовитые, те подначивать начали. А какой-то в синем картузе, подлая его душа, говорит:

— А ты, говорит, милый, стукани вот вдребезги по окну, а мы, говорит, пушай посмотрим, — заметут тебя, или

тебе ничего не будет. Или, говорит, еще того чище, — стекла ты не тронь, а останови поезд за эту ручку... Это тормоз...

Володька говорит:

— За какую за эту ручку? Ты, говорит, паразит, точнее выражайся.

Который в синем картузе — отвечает:

— Да вот за эту. Это тормоз Вестингауза. Дергани его слева в эту сторону...

Публика и гражданин, у которого вата в ухе, начали, конечно, останавливать поднатчика. Дескать, довольно стыдно трезвые идеи внушать окосевшему человеку.

А Володька Боков встал и слева как дерганет ручку...

Тут все и онемели сразу. Молчание сразу среди пассажиров наступило. Только слышно, как колесья чукают. И ничего больше.

Который в синем картузе, тот ахнул.

— Ах, — говорит, — холера, остановил ведь...

Тут многие с места повскакали. Который в синем картузе — на площадку пытался выйти от греха. Пассажиры не пустили.

У которого вата в ухе, тот говорит:

— Это хулиганство. Сейчас ведь поезд остановится... Транспорт от этого изнашивается. Задержка кроме того.

Володька Боков сам испугался малость.

— Держите, — говорит, — этого, который в синем картузе. Пушай вместе сядем.

А поезд, между тем, враз не остановился.

Публика говорит:

— Враз и не может поезд останавливаться. Хотя и дачный поезд, а ему после тормоза разбег полагается — двадцать пять саженой. А по мокрым рельсам и того больше.

А поезд, между тем, идет и идет себе. Версту проехали — незаметно остановки. У которого вата в ухе — говорит:

— Тормоз-то, говорит, кажись, тово...

Володька говорит:

— Я ж и говорю: ни хрена мне не будет. Выкусили?

И сел. А на остановке вышел на площадку, освежился малость — и домой прибыл трезвый, что стеклышко.

ПАУКИ И МУХИ

Дядя Семен выехал в город порожним. Четыре часа подряд ехал он по шоссе и четыре часа подряд пел «Кари глазки». А когда стал подъезжать к городу, долго, пока не вспотел, рылся за пазухой и наконец выволок оттуда табачный кисет с деньгами.

С громадными предосторожностями и оглядываясь поминутно, дядя Семен стал считать.

«Три рубля будет стоить мануфактура, — думал Семен. — Кроме того, сахару и, например, земляничного чаю... Кроме того...»

Вдруг откуда-то сбоку вынырнул какой-то парень в пиджачке и в кепке.

Парень одним махом сиганул через канаву и подошел поближе.

— Подвези, папа, до городу, — сказал парень. — Устал чтой-то... Можно?..

Семен испуганно сунул деньги обратно и сердито крикнул:

— Нету. Не можно. Проходи себе мимо... Не трожь телегу руками. Не трожь, говорю... Я тебя колом сейчас по башке трахну!

— Ишь ты сурьезный какой. Характерный! — сказал парень, усмехаясь.

— Не характерный, — сказал Семен, — а мало ли... Может, ты мне, сукин кот, сейчас сонных капель дашь понюхать... Я не знаю... Нашего брата тоже очень даже просто завсегда объегоривают в городах.

— Ну?

— Ей-богу, — сказал Семен. — В нашенской деревне, может, ни одного мужика нету, который, значит, не всыпавшись.

— Ну?

— Истинная правда. У которого, значит, лошадь утнали, которому что ни на есть дерьмо вручили заместо ценности... Мало ли... Пахому, скажем, не настоящую брошечку вручили. Три рубля псу под хвост кинул...

— Да что ты?

— Да я тебе говорю. Нашенские мужики прямо как летучие мухи попадаются... Кроме меня... Не трожь, ей-богу,

телегу погаными руками! Иди вровень... Вот я тебе сейчас колом по башке трахну.

— Ну, ну, — сказал парень. — Не трогаю. Я иду вровень. Не пужайся.

— Мне пужаться нечего, — сказал Семен. — А только мне пятьдесят три года. Мне довольно позорно попадаться. Мне мудрость мешает попадаться. Я, может, насквозь все знаю. Ты, парень, прямо говори: чего тебе, сукин кот, надоть?

— Да мне прямо ничего, дядя, — сказал парень. — Ничего не надо... Часы вот тут я хотел загнать задешево...

Дядя Семен зажмурился и замахал руками.

— Уйди, — сказал Семен. — Нашенские мужики с часами тоже много раз попадались. Уйди, милый человек, окаянная твоя сила. Я пятьдесят три года без часов живу... Уйди... Я тебе колом башку сломаю.

Парень шел за телегой, усмехаясь.

— Хмурый какой, — сказал парень. — Часы-то ведь ходячие, с пробой!..

— Да, с пробой! — сказал Семен. — Может, это ты зубом надкусил. С пробой!..

Парень протянул часы Семену.

— Да ты посмотри. Не лайся.

— Мне не надо смотреть! — заорал Семен. — Мне мудрость мешает смотреть.

Через час все-таки дядя Семен был хозяином часов. Часы остановились сразу, как только парень слез с телеги и исчез из виду.

Дядя Семен сунул часы в сено и хитро усмехнулся.

— Ладно, — сказал Семен. — Хотя стоячие часы, а все-таки дешево. Чуть не даром... Мне мудрость мешает обмануться. Еще неизвестно, кто кого надул. Едят его блохи...

А за мануфактуру дядя Семен расплачивался кусочками газетной бумаги.

Как бумага попала в кисет — дядя Семен при всей своей мудрости так и не узнал.

Он с изумлением вывернул свой кисет и каждый клочок бумаги разглядывал на свет и выл в голос.

МУЖ

Да что ж это, граждане, происходит на семейном фронте? Мужьям-то ведь форменная труба выходит. Особенно тем, у которых, знаете, жена передовыми вопросами занята.

Давеча, знаете, какая скучная история. Прихожу домой. Вхожу в квартиру. Стучусь, например, в собственную свою дверь — не открывают.

— Манюся, — говорю своей супруге, — да это же я, Вася, пришедши.

Молчит. Притаилась.

Вдруг за дверью голос Мишки Бочкова раздается. А Мишка Бочков сослуживец, знаете ли, супругин.

— Ах, — говорит, — это ты, Василь Иваныч. Сей минуту, говорит, мы тебе отопрем. Обожди, друг, чуточку.

Тут меня, знаете, как поленом по башке ударило.

«Да что ж это, — думаю, — граждане, происходит-то на семейном фронте — мужей впускать перестали».

Прошу честью:

— Открой, — говорю, — Миша, курицын сын. Не бойся, драться я с тобой не буду.

А я, знаете, действительно, не могу драться. Рост у меня, извините, мелкий, телосложение хлибкое. То есть не могу я драться. К тому же, знаете ли, у меня в желудке постоянно что-то там булькает при быстром движении. Фельдшер говорит: «Это у вас пища играет». А мне, знаете, не легче, что она играет. Игрушки какие у ей нашлись. Только, одним словом, через это не могу я драться.

Стучусь в дверь.

— Открывай, — говорю, — бродяга такая.

Он говорит:

— Не тряси дверь, дьявол. Сейчас открою.

— Граждане, — говорю, — да что ж это будет такое? Он, говорю, с супругой закрывшись, а я уж ему и дверь не тряси и не шевели. Открывай, говорю, сию минуту, или я тебе сейчас шум устрою.

Он говорит:

— Василь Иванович, да обожди немного. Посиди, говорит, в коридоре на сундучке. Да коптилку, говорит, только не оброни. Я тебе нарочно ее для света поставил.

— Братцы, — говорю, — милые товарищи. Да как же, говорю, он может, подлая его личность, в такое время мужу про коптилку говорить спокойным голосом?! Да что ж это происходит!

А он, знаете, урезонивает через дверь:

— Эх, дескать, Василь Иванович, завсегда ты был беспартийным мешанином. Беспартийным мешанином и скончаешься.

— Пушай, — говорю, — я беспартийный мешанин, а только сию минуту я за милицией сбегая.

Бегу, конечно, вниз, к постовому.

Постовой говорит:

— Предпринять, товарищ, ничего не можем. Ежели, говорит, вас убивать начнут, или, например, из окна кинут при общих семейных неприятностях, то тогда предпринять можно... А так, говорит, ничего особенного у вас не происходит... Все нормально и досконально. Да вы, говорит, побегите еще раз. Может, они и пустят.

Бегу назад — действительно, через полчаса Мишка Бочков открывает дверь.

— Входите, — говорит. — Теперь можно.

Вхожу побыстрее в комнату — батюшки светы — накурено, наляпано, набросано, разбросано. А за столом, между прочим, семь человек сидят — три бабы и два мужика. Пишут. Или заседают. Пес их разберет.

Посмотрели они на меня и хохочут.

А передовой ихний товарищ, Мишка Бочков, нагнул над столом и тоже, знаете, заметно трясется от хохоту.

— Извиняюсь, — говорит, — пардон, что над вами подшутили. Охота нам было знать, чего это мужья в таких случаях теперь делают.

А я ядовито говорю:

— Смеяться, говорю, не приходится. Раз, говорю, заседание, то так и объявлять надо. Или, говорю, записки на дверях вывешивать. И вообще, говорю, когда курят, то проверять надо.

А они посидели-посидели — и разошлись. Я их не задерживал.

ТРАМБЛЯМ В САРАТОВЕ

Печатники — народ, конечно, веселый. А касаемо саратовских печатников, так и говорить не приходится. Это очень даже веселые парни.

Но при всей своей веселости саратовские печатники культработу никогда не забывают.

Ура этим саратовским печатникам!

Конечно, в летнее время какая же культработа, сами посудите? Ну, разве экскурсия, например, или массовая лекция на лоне природы.

Это печатники очень обожают. Их мухами не корми — допусти только до этой культработы.

Ну и допустили однажды.

Культотдел союза допустил.

В воскресенье выехали. Кружки тоже всякие выехали — спортивный кружок, кружок физкультуры, пионеры опять же.

И поехали. По Волге. За пять верст. В Шусейку, кажется.

Едут по Волге, а кругом сушая благодать. Водичка кругом плескается. Буфет опять же с крепкими напитками. Два оркестра гремят, один на носу, другой на корме.

Роскошно ехали.

А на место приехали, а там специальная площадка устроена для гуляющих.

Хотел народ расположиться на этой площадке, ан нет. Начальники говорят:

— Атане, погодите, товарищи. Сейчас мы эту площадку на уголки разобьем. Пущай будет организованно. Здесь пущай будет уголок технический, здесь пущай рабочие, здесь производственный уголок...

Народ говорит:

— Нам все едино — уголки так уголки. В каком уголке пить — безразлично нам. Один пес, как говорится. Пиво от этого не портится.

Но тут оркестры, конечно, грянули, начался трамблям по всем уголкам.

Пили ужасно много. И все под музыку. Дрались тоже под музыку. Одному человеку под музыку рожу совсем набок смяли. Но ничего, отдышался. Все-таки воздух благотворно действует на саратовских печатников.

А после опять пили. А после назад поехали. Не пить же до бесконечности!

А что протокольчик милиция составила, так это не на площадке вовсе, а на пароходе. Это, можно сказать, не считается. Да к тому же и не за драку вовсе и не за убийство, а просто за хулиганство.

А какое было хулиганство — не знаем: два оркестра очень сильно гремели — не слышно было.

Да оно и к лучшему, что не знаем. К чему нам драгоценную московскую кровь портить всяким саратовским трамблямом.

ГЕНИЙ ИЗ АЛЕШЕК

Номерок-то, граждане, заметьте, на день раньше вышел.

Это мы поторопились. Очень уж, охота была читателей порадовать. Народный судья 12-го участка Херсонского округа товарищ Дедов вылечился наконец-то от продолжительной и тяжелой болезни.

А вылечил его Яровенко, Александр Иванович. Простой знахарь.

Конечно, этот Яровенко очень популярный медик. Прямо замечательный гений. Он и от секретных болезней лечит, и от всяких. Народ к нему тучей ходит. Красноармейцы его тоже очень одобряют.

Там, в Алешках, ихняя часть стоит. Так, бывало, командир придет в околодок и удивляется:

— Да где ж это наши больные венерики лечатся?

А доктор говорит:

— А кляп их знает. Наверно, к Яровенке пошедши.

Вот какой это популярный медик!

У него и лечился нарсудья. И даже благодарственный аттестат ему выдал на руки.

Однажды обыск сделали у знахаря Яровенки и нашли этот аттестат. На казенном бланке написано. И печать поставлена. Истинная правда. И все душевные переживания высказаны в этом аттестате. Прямо хоть в рамку и под стекло такой аттестат. Вот он:

УССР
НКЮ

Народный судья 12-го вчастку
Дніпровськ. повіту

Уважаемый Александр Иванович.

Наконец, из среды цивилизованного общества могут с уверенностью сказать, что может торжествовать не только наука, но и практика... Вы достигли недостижимого лечения сифилиса. Многие из дальних краев России отзовутся и скажут — Вы Генний... После вашего лечения моего люеса вот уж 3-й год прошел, а я чувствую себя очень здоровым, несмотря на то, что ежедневно выпиваю всевозможные напитки.

Поэтому еще раз благодарю, до свиданья. Остаюсь жить, пить и вас вспоминать и вам несчастных клиентов рекомендовать.

Нарсудья 12-го участка Херс. окр. *Дедов*

Хотел нарсудья еще это письмишко в «Известия» послать и в московскую «Правду», да с радости начал всевозможные напитки выпивать, ну, и запомятовал.

Ну, ничего, что запомятовал. Мы и в «Бузотере» катнем это письмишко. Зачем же гению в тени оставаться? Пущай про него все знают.

А мы остаемся жить, всевозможные напитки выпивать, народного судью вспоминать и прокурора к нему рекомендовать.

ХИТРЕЕ МУХИ

Делишки-то нынче поганные пошли. Главное, что честному человеку нет спасенья. Для примеру скажем: у честного, благородного кассира сперли казенные деньги.

Раньше, бывало, ну, год назад, пойдет этот честный кассир до своего начальства и покается:

— Ограбили, дескать.

Ну и ничего. Ну, может, какой-нибудь ошалевший начальник и скажет:

— Башку-то, скажет, товарищ, не потеряли ли?

Ну, и ничего больше. А сейчас? Ах, ах, чего сейчас происходит! Да вот тут один землячок наш всыпался. Из кассиров он.

А сперли у него в трамвае с заднего кармана тыщу рублей казенных денег. Да собственных денег трешку.

Ужаснулся, конечно, парень.

«Не жалко, думает, собственной трешки. Пес с ней. А жалко, думает, народную тыщу».

И побежал парень поскорей до милиции.

— Так и так, говорит, сперли тыщу три рубля.

Усмехнулся начальник милиции.

— Бросьте, говорит, товарищ. Знаем мы эти штучки. К нам, может, по семь симулянтов в день заявляются. Катись колбасой.

Кассир наш бочком, бочком, да и вышел поскорее.

«Вот те, думает, клюква! А ведь действительно, думает, никто не поверит. Нет, думает, дудки. Не на простачка напали. Не пойду докладывать по начальству».

Так и не пошел. И не сказал никому.

А распродал поскорей свою мебелишку. Коврик такой у него был у кровати — тоже продал. Штаны опять же. Подштанники. Три кастрюли. Веник. Одним словом, дочиста все продал. И сорок рублей выручил.

А пятерку у замужней сестры призял. А 955 целковых хотя у него и не хватало, да он не сильно горюет.

— Я, говорит, у кого-нибудь в трамвае сопру. Не погибать же честному человеку.

Ну и спер. Вот до чего хитрый кассир оказался. Хитрее мухи.

ОБШТОПАЛИ

Очень смешно в Херсоне вышло. Там транспортники в лучшем виде обштопали своих хозяйственников.

До того их, любезных, обштопали, что те и посейчас сидят, глазами мигают, поминутно сморкаются и руками разводят — как же, мол, так это произошло?

А произошло очень даже просто.

Началось дело из-за денег. Очень уж небольшие ставки были в херсонском союзе транспортников. Транспортники сильно обижались на эти ставки.

— Разве ж, говорят, это ставки? Не только, скажем, пальтеца купить, а прямо на культурно-просветительные цели не хватает — в баню, например, сходить или носки приобрести. Пушай союз прибавляет.

Вокруг этого вопроса споры поднялись.

Одни члены говорят:

— Бросьте, братцы, брызгать, ни черта из этого не выйдет — хлопочи не хлопочи. Хозяйственники скорей подойдут раньше времени, чем на новые ставки согласятся.

Другие члены говорят:

— Смешно, товарищи! Да много ли этих хозяйственников? Да мы этих хозяйственников шапками закидаем. Мы их всегда в лучшем виде обштопаем. Нам бы дорваться только до собрания.

Ну, вскоре и дорвались до собрания.

Совещание в союзе было устроено. Пригласили профдеlegates, членов месткома — массу народу пригласили. Трех хозяйственников тоже позвали. Хотели вместо трех одного хозяйственника позвать, а после говорят:

— Пес с ними. Мы и трех можем обработать. Нам раз плюнуть!

Началось совещание.

Притулились три хозяйственника сбоку и сидят. И с испугом смотрят, чего вокруг говорится. А говорится насчет новых ставок. Так и говорят:

— Надо прибавить, какого лешего. Разве ж это ставка, когда на культурно-просветительные цели — в банку, например, не сходи — не хватает.

Хозяйственники, натурально, лепечут в три голоса:

— Не можем, дескать, братцы-сестрицы, повесить ставки, потому — убыточно. Не бейте, Христа ради, нас.

Члены говорят:

— Бить мы вас не станем. Неохота нам рук марать. А вопрос решим большинством голосов. Кто за увеличение ставок — поднимайте руки. Кто против — держите руки в карманах. Пущай все будет по закону.

Хозяйственники, натурально, лепечут в три голоса:

— Мол, братцы-сестрицы, рук-то у нас маловато. Всего три руки. А вас множество. Не переплюнуть же вас.

Председатель говорит:

— Ладно. Там разберем. Кто за?

Тут враз 75 рук поднялось. Только трое и были против. И то были хозяйственники. Председатель подсчитал руки и говорит:

— Ага, Бог правду видит...

Ну, тут же сразу на совещании и решили и постановили, чего хотели.

И все форменно по закону вышло.

Прямо не собрание, а дышло — как повернул, так и вышло.

С повышением ставок, граждане! С вас приходится.

ЗЕЛЕНый УЖАС

Такие дела, граждане, бывают на свете, что надо не менее трех бутылок пива подряд выкушать, прежде чем понять, что к чему и почему.

Да и то много ли поймешь после трех бутылок, раз башка, сами понимаете, крутится и вертится? Так ни черта и не поймешь.

Одна надежда, — может, какой-нибудь башковитый читатель подвернется и поймет все союзные тонкости.

Дело это случилось в Киеве. Был там такой безработный товарищ, Ваня Шевелев. Два года искал он работишки, тыкался на биржу — ни черта. Наконец посредбюро осчастливило Ваню Шевелева. Предложили ему место управдома в арендованном доме.

Сильно обрадовался Ваня Шевелев. Приступил к работе и, как честный, сознательный товарищ о союзе вспомнил.

«Надо, думает, в союз записаться. Вот-то там, поди, радуются».

Пошел Ваня Шевелев в союз.

— Будьте, говорит, любезны принять в члены. Потому как я выбыл в двадцать первом году по безработице.

В союзе говорят:

— Нету, говорят, принять не можем, *как вы есть теперь администратор у частного лица.*

Ваня Шевелев говорит:

— Здравствуйте! Какой я администратор, раз у меня под командой всего один дворник, и тот чуть по роже меня не бьет?

В союзе говорят:

— Не знаем. Подайте в крайнем случае заявление. Подумаем.

Проходит что-то неделя. И получается вдруг бумага из райкома домработчих. Пишут арендатору:

Немедленно снять с работы т. Шевелева как не члена союза и заменить его членом профсоюза.

Побежал бедняга Шевелев поскорей в союз. А там ему говорят:

— Раз вы уволены, то и дело ваше не рассматривалось. Катитесь себе колбаской.

Охнул Ваня Шевелев и покатился. Прикатился домой, попрощался с арендатором и с квартирантами, нагрузил тележку своим барахлом и отбыл неизвестно куда.

Но это, дорогие, любезные товарищи, не все.

Ежели бы это было бы все, то мы и бумаги марать бы не стали. А нарисовали бы на этом месте какую-нибудь потешную рожу или вообще карикатуру на текущие события. Оно бы и смешней даже вышло.

Но тут дело оказалось важней какой-нибудь рожи.

Давайте вот мысленно представим себе, что получилось в арендованном доме.

Скажем, заявился на место уволенного голубчика Шевелева какой-нибудь товарищ из союза.

Служит он, например, месяц. После ему бумажка из союза: раз, мол, вы, собачий пес, теперь администратор у частного лица, то из союза вы увольняйтесь.

Через неделю ему опять бумажка: раз вы, каналья, в союзе не состоите, то снимайтесь к черту с работы, не ваше, мол, место, мы лучше настоящего союзного парня поставим.

Ну, и поставят на его место настоящего парня, который в союзе состоит.

Послужит союзный парень неделю. После ему бумажка: раз, мол, вы, каналья и собачий пес, являетесь теперь администратором у частного лица, то из союза выпираетесь.

Выпрут из союза, а после ужаснутся, что несоюзный парень небо коптит, и снова погонят его с должности.

И так до двадцати раз.

Гаврила полагает, что на двадцать первом разе эта система не выдержит. Потому найдется же какой-нибудь уволенный парень, который сгоряча стукнет кого-нибудь, или в воздух выстрелит, или повесится на дверях союза. Тогда эту мрачную систему пересмотрят.

Ну а если такого парня не найдется, то придется Киев объявить на осадном положении. Иначе в короткое время по этой системе кучу союзного народа перепортят. Жалко же.

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

Поход против неграмотности, граждане, начинает принимать размеры стихийного бедствия. Вроде землетрясения.

Потому некоторые товарищи на местах наш дорогой лозунг «Долой неграмотность!» поняли несколько в буквальном смысле.

Раз, мол, «долой», то чего там, в самом деле, стесняться: крой, братва, до полной победы.

А в Новоузенске так даже наш дорогой лозунг на свой лад переделали:

БЕЗГРАМОТНЫЙ недостоин быть членом профсоюза.

Этак, говорят, мягче звучит и смысл конкретный получается: мол, обходи, братишка, стороной, пока кости целы!

А алтайские железнодорожники, те деловые ребята, совсем без лозунгов обошлись: зачем, говорят, драгоценные слова на ветер бросать! Академия наук 200-летие отпраздновала, а у нас неграмотными олухами хоть пруд пруди. Неловко как-то.

И вынесли алтайцы постановление:

Не принимать в члены союза неграмотных рабочих.

Но самые ужасные размеры все же это стихийное бедствие приняло в Енисейской губернии. Насчитывается даже пятьдесят две человеческих жертвы. Отчет Енисейского губотдела нарпита за второй квартал так и говорит:

С 1-го января л и к в и д и р о в а н о 52 неграмотных.

Что же это, граждане-товарищи, получается? Новое бедствие на нас надвигается. Небось, иностранные капиталисты, акулы разные, уже ручки от удовольствия потирают: «Вот, мол, теперь крышка: сами себя ликвидируют».

Только шалишь! Не таков человек Гаврила, чтобы сидеть сложа руки.

Для начала он экстренно учреждает «Общество помощи пострадавшим от ликвидации неграмотности».

Вступайте, граждане! Общество строго добровольное, членских взносов не надо.

Вместо членских взносов присылайте лучше сводки, как у вас проходит стихийное бедствие и кто из «ликвидаторов»

особенно отличается. Мы таких в «Бузотере» на красной доске черным печатать будем.

Дорогу таким Ломоносовым! Попутного ветру!

ОПАСНАЯ ПЬЕСКА

Нынче все пьют помаленьку. Ну, и артисты тоже, конечно, не брезгают.

Артистам, может, сам Госспирт велел выпить.

Вот они и пьют.

Во многих местах пьют. А на Ср. Урале в особицу.

Там руководители драмкружка маленько зашибают. Это которые при Апаевском рабочем клубе.

Эти руководители, как спектакль, так обязательно даже по тридцать бутылок трехгорного требуют. В рассуждении жажды.

Ну а раз дорвались эти артисты до настоящей пьесы. Там по пьесе требуется подача вина.

Обрадовались, конечно, артисты.

— Наконец-то, — говорят, — настоящая художественная пьеса современного репертуара!

Потребовали артисты у клуба сорок рублей.

— Потому, — говорят, — неохота перед публикой воду хлебать. И вообще для натуральности надо обязательно покрепче воды.

Выдал клуб от чистого сердца двадцать целковых. Артисты говорят:

— Мало. Для наглядности не менее как на сорок требуется. И приперлись эти артисты на спектакль со своими запасами.

Которые горькую принесли, которые — пиво. А некоторые и самогону раздобыли.

Вот спектакль и начался.

Мы-то на этом спектакле не были. И потому не можем описать в подробностях. Но один знакомый парнишка из зрителей сообщает нам с явным восхищением и завистью:

— По ходу пьесы спиртные напитки подавались в таком огромном изобилии, что к концу второго действия все артисты были пьяны вдребезги.

И еще спасибо, благородные артисты оказались. Другие бы, наклюкавшись, стали блевать в публику или, например, декорациями кидаться. А эти — ничего. Эти тихо и благородно, без лишних криков и драки опустили занавес и попросили публику разойтись от греха.

Публика, конечно, и разошлась.

Гаврила предлагает в срочном порядке и вообще поскорей снять эту современную пьеску с репертуара, как явно опасную и несозвучную с эпохой.

ГИБЕЛЬ СТРОИТЕЛЕЙ

Оказывается, граждане, в Слепцовской станице Дворец Труда имеется. Прямо что в Москве. Только что климат другой и постройка не та.

Постройка, прямо скажем, на манер хаты. Три оконца, дверка, ручка и труба. Вот вам и весь дворец.

Но раз так называется дворцом, то и пущай называется. Москва от зависти не подохнет.

А жизнь в этом дворце роскошная. Даже специальная уборщица имеется. Мало ли — убрать чего или, например, подмести какую-нибудь нужную бумажку.

И размещены в этом дворце разные союзы. Вообще всякие. Только что строителей нету. Был этот союз, да весь вышел. Ликвидировали его.

А почему его ликвидировали? Потому, товарищи, что он не в состоянии был поддерживать шикарную дворцовую жизнь.

Все, например, союзы плакали, а вносили уборщице свою долю — 3 руб. 61 к. А строителям не по карману была такая безумная роскошь и мотовство. Они не вносили. Раз или два внесли и разорились вчистую.

Тут их и к ногтю.

— Либо, — говорят, — восстанавливайтесь в своих делах и вообще уборщице вносите, либо ликвидируйтесь налево.

Ну и ликвидировали.

«Потому, — думают, — на кой черт нам эти строители? И чего вообще они будут без денег строить? Только небо копят».

Ну и распустили.

И стоит этот дворец в станице, в Сунженском округе, что на Северном Кавказе. Разные там союзы имеются. А строителей нету. Погибли строители. Не выдержали роскошной жизни.

И жалко нам этот союз. Хороший был союз, нужный!

Со временем мог бы он и построить что-нибудь. Например, настоящий дворец заместо хижины. Или, например, крылечко починить, если сломается. Или трубу вычистить.

Зря уели этот союз!

ЕЩЕ КАСАЕМО ТОГО ЖЕ!

А вот и Ленинград сейчас малость подковырнем. Город это крупный, большой, и масштабы там довольно обширные, и аппетиты такие же. Потому это вам не провинция.

Провинция, например, растратит рупь семь гривен и враз показательный суд устроит над отчаянным растратчиком. А Ленинград на рупь семь гривен не позарится. Ему крупней подавай. Ему тыщи выкладывай.

А рупь семь гривен там, может, за один конец трамвая платят. Вот какой это город!

А речь тут, как читатель небось догадался, идет касаясь того же самого перманентного, насчет растраты то есть.

Тамошний райкомвод просматривал как-то ведомости. Глядит — чего такое? Какая, глядит, огромная задолженность в торговом порту? Все, например, другие прочие учреждения вполне вносят членские взносы, а торговый порт как проклятый — ничего не вносит.

Сразу от райкомвода специального человечка в порт снарядили, чтоб пристыдить членов.

Начал человечек стыдить. А народ не стыдится.

— Брось ты, говорят, специальный человек, языком трепать. Мы в крайнем случае очень исправно членские взносы вносим. Ступай себе мимо.

Ну, комиссия образовалась. Копнула комиссия туда, сюда и вообще. И вопиющая картина обнаружилась. Одиннадцать тысяч местком слимонил.

Брали все кому не лень. Пили. И в картишки ударялись, и мало ли.

Одиннадцать тысяч! Тьфу, и писать-то после такой цифры неохота!

Взять бы, например, пузырек с чернилами да вместо окончания фельетона тиснуть бы этим пузырьком по едалам каждого растратчика — оно бы и верней было.

А то пишешь, пишешь — один черт. Все равно республика страдает ежедневно. Да еще деньги бесцельно платит за писанье против растраты.

Гляди, товарищ редактор, поменьше плати за этот фельетон. Пуцай республика хотя на этом отыграется.

КТО ПРОСТ — ТОМУ КОРОВИЙ ХВОСТ

Больше всего на свете Гаврила учителей любит. Очень, знаете, симпатичные, милые люди. Очки, знаете, на носе. Бороденочка. Штаны этикие с темной заплатинкой. Тесемка непременно от подштанников болтается...

Гаврила очень обожает учителей.

Гаврила за них завсегда горой стоит. И ничего для них, голубчиков, не пожалеет.

А когда, например, может, помните, в городе Орске съезд работников просвещения происходил, — Гаврила сильно радовался, сколь торжественно все это было обставлено.

Троих, наиболее старинных, учителей даже чествовали. Даже по отрезу сукна им дали. Ей-богу, правда.

Быков такой, председатель УИКА, очень торжественную речь произнес, когда сукно это давал.

— Вы, говорит, которые ветераны и прочее... Сукно вам даем...

Ну и еще что-то такое сказал трогательное.

Учителя, голубчики, от умиления плакали даже. И Быков тоже чуть не заплакал. Дрожащим таким голосом сказал:

— Кроме, говорит, сукна еще, говорит, учителю Гребенчикову для сына стипендия будет.

Восторг был, конечно, общий. Хотя какой-то ненасытный учителишка и крикнул:

— Газетку бы, дескать, неплохо... Годами, мол, газетки не видим...

— Газетку! — воскликнул Быков. — Не только газетку, а всем ветеранам труда — кроме сукна и газет — журналы специальные выпишем. Ладно уж. Получайте. Сосите нашу кровь, хватайте за горло!

Тут кругом рыдания начали раздаваться. Это старые ветераны, десятки лет работающие на ниве просвещения и не привыкшие к такому отношению, плакали от восторга и умиления.

Хотели качать Быкова, да не поднять было. Много ли силенки у голубчиков? А Быков — дядя все-таки здоровый.

Постояли так маленько и разошлись кто куда.

Прошло четырнадцать лет. Учитель Гребенщиков, поставший лет на шестьдесят за последние четырнадцать лет, сидел на койке и говорил своему приятелю:

— Опутали, дьяволы... Четырнадцать лет назад обещали, черти шершавые, сыну стипендию дать, и ни черта в волнах не видно.

Другой старикашечка, приятель Гребенщикова, сморкнулся в кулак и сказал:

— Да уж, знаете. Отрез только и дали. А касаемо газет и журналов и прочего — опутали. Газетенку-то все-таки полгода выписывали, а после заглохло.

Старички замолчали, вспоминая свою молодость.

Лучина в избе догорала.

Вот и все, граждане.

А насчет четырнадцати лет Гаврила маленько преувеличил. По совести-то говоря, год всего и прошел.

Но оно и четырнадцать лет смело может пройти при таком вульгарном отношении. Знаем.

А на остальном фронте просвещения все обстоит довольно отлично и симпатично. Дела, как говорится, идут, контора на ундервуде пишет, и жалование работникам просвещения помаленьку выплачивается.

А касаемо этого товарища Быкова — при встрече Гаврила ему голову с корнем оторвет. Потому — не обещай понапрасну.

Так ему, дорогие учителя, и передайте.

Да, между прочим, не забудьте штрипку-то от подштанников спрятать. Некрасиво.

А вообще извините, если кого обидели.

СЕЛЬСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Это дельце, граждане, развернулось в селе Арбузове.

Где это село расположено и сколько, например, в нем несчастных жителей — неизвестно.

Сама газета «Красный Алтай» про это туманно отзывается.

Во всяком случае, в этом селе произошло недавно любовное происшествие. Арбузовский житель Звягин влюбился, представьте себе, в одну постороннюю арбузовскую дамочку.

Влюбился. Стал, конечно, бывать у ней и прочее все такое.

А звягинская женка натурально в это время скучает. И это, представьте себе, на восьмом году революции!

А раз эта звягинская женка и говорит своему отчаянному супругу.

— Я, говорит, не потерплю этого. Я, говорит, товарищ супруг, на вас жаловаться пойду. Мыслимое ли дело влюбляться на восьмом году революции!

А влюбленный Звягин никого и ни черта не слушает и все по-прежнему бывает у своей дамочки.

А раз сидит себе дома арбузовский предсельсовета гражданин Ряховский и кушает кашу с коровьим маслом.

И вдруг вбегает к нему гражданка Звягина и орет:

— Мой, говорит, Звягин обратно пошедши к этой чертовой дамочке. И чего на это смотрит администрация? Нельзя ли, мол, прекратить эту любовную вакханалию? Это, говорит, не восемнадцатый год. Запретите, говорит, ему влюбляться.

Председатель, нажравшись каши, отвечает:

— Прекратить можно. Я, говорит, такую сильную безнравственность на восьмом году революции не могу у себя на селе вытерпеть. Я, говорит, вашего Звягина сейчас арестую с поличным и доставлю к вам, к законной владельнице.

Председатель докушал кашу, взял понятых и попер к дому этой самой любовной дамочки.

Обшарили понятые весь дом — нету отчаянного любовника.

Председатель говорит:

— Ройте в подвале.

Сунулись в подвал. Так и есть. Сидит Звягин и трясется.

Тут же выволокли за ноги любовника и акт на него сочинили. Каковой акт и напечатан в газете «Красный Алтай» жирным петитом:

...При обыске у гражданки такой-то в подполье обнаружен спрятанный мужчина, принадлежащий гражданке Звягиной. По изъятию и сопровождению его приняты энергичные меры...

Как изъяли этого Звягина — неизвестно. И били ли его по животу или только по морде — тоже неизвестно. Во всяком случае, его доставили по месту принадлежности.

Так и кончилась эта любовь.

Вообще Гаврила презирает этого Звягина. Робкий и нестоящий мужчина.

Другой бы вроде Гаврилы накостылял бы этому председателю по первое апреля — мол, не суйся, бродяга, куда тебе не показано. А этот испужался и в подвал спрятался.

И как это бабы любят такого! Тьфу!

«ВЕЛИКАЯ ГОДОВЩИНА»

Где кто что празднует! В Москве — Октябрьскую годовщину. В Ростове-на-Дону — годовщину смерти бывшего хозяина кафе «Ампир».

Прошу читателя встать! И стоя читать этот фельетон из уважения к памяти бывшего хозяина «Ампира».

Но прежде чем приступить к описанию удивительных ростовских событий, дозвольте, дорогие граждане, хорошенько выругаться. Потому, ей-богу, нет сил удержаться!

Итак, с вашего разрешения... Вот черти-то! Вот обормоты! Вот олухи-то!..

Эта отчаянная ругань относится к некоторым ростовским жителям, членам профсоюза нарпита. Более мягкого к себе отношения они не заслуживают.

Сейчас все объясним по порядку. Дайте дух перевести.

Итак, при царском еще прижиме в городе Ростове-на-Дону было отличное уютное кафе «Ампир».

Хозяина этого кафе мы, к сожалению, не знали. Не имели, так сказать, чести знать. И потому не можем даже любопытному читателю сказать, какой это был хозяин — блондин или брюнет.

В настоящее же время хозяин этот помер. Однако все события разыгрались именно из-за него.

А надо сказать, что этого кафе тоже больше не существует. А вместо его открылась в свое время столовая ЕПО № 3. Очень, знаете, уютная столовая. И кормят там хорошо. И на чай не берут.

На чай не берут, да только лучше бы они на чай брали, чем вот это самое. А это самое такое.

Недавно была годовщина смерти бывшего хозяина кафе.

Эх, братцы, товарищи! Нет у нас специального красноречия, да и нет особой охоты описывать этот торжественный траурный день. Вместо этого разрешите, многоуважаемые, предложить вашему благосклонному вниманию небольшую, но ядовитую выписочку из протокола касаясь этой самой славной годовщины. Итак, извольте:

Протокол № 9 Заседания Президиума Край-отдела Профсоюза Нарпит. Ростов-на-Дону.

С л у ш а л и: О выставке венка на витрину в столовой № 3 ЕПО.

П о с т а н о в и л и: Поставить вопрос перед президиумом ЕПО о допущении зав. столовой т. Григорьевым выставку венка на витрину в кооперативной столовой в день смерти бывшего хозяина данной столовой (кафе «Амфир»).

Читатель, ежели ты сидишь — встань!

Почти вставаньем великую память.

А насчет траурного веночка мы так, извините, и не узнали — красовался ли он в витрине или нет.

Должно быть, нет.

Горе президиума крайотдела не поддается никакому описанию.

Должно быть, им теперь и праздник не в праздник.

ЧТО ЗА ШУМ, А ДРАКИ НЕТУ?

Нынче мы, граждане, юбилей свой справляем. Истинная правда.

Оттого кругом такой шум и веселье.

В прошлом годе мы об это время как раз, знаете, и приступили к работе.

Теперича вот год отработали и шабаш — празднуем. Какого лешего!

Другие граждане все больше сорокалетние юбилеи справляют. Ну а мы за сроком не гонимся. Мы не гордые. Мы вот год оттяпали — и празднуем. Еще год оттяпаем и опять будем праздновать.

Характер у нас, знаете, быстрый, вспыльчивый. Нам чем чаще, тем лучше.

Мы даже хотели два раза в год справлять. Да редактор не допустил.

— Что вы, говорит, обалдели? Вы бы, говорит, еще каждую неделю праздновали. И так-то, говорит, с опозданием выходите.

— Ну, говорим, ладно, пущай раз в год. Только пущай попышней и с музыкой.

Ну и действительно праздновали пышно. Слов нет.

Конечно, особой пышности не было. Потому народ у нас все ужасно строгий и непьющий. Писатели у нас не то что, знаете, к вину — к пиву не притрагиваются. Вот какие писатели. Истинная правда. Горох пожуют — им и хватит.

А художники даже и гороха, дьяволы, не жуют. Воблу пососут, а уж их и развозит с непривычки. «Мама» сказать не могут. Вот какие у нас художники.

С такими художниками какая уж там, знаете ли, пышность. Посидели, посидели и разошлись кто куда. Вот вам и весь юбилей.

Зато чествований было ужасно как много. Это, действительно, пышно прошло.

Одних поздравительных писем больше тыщи было. Охапками волокли. 870 писем.

Адресов тоже до черта. Три адреса. Один на конверте смешной такой адрес. «Москва — Гавриле». Вот вам и весь адрес. И дошло. Ничего. Мы боялись, что не дойдет. Дошло.

Другой адрес тоже очень отчаянный. Ни черта не понять, чего на ем нацарапано. Тоже дошло. Ух и почта же у нас геройская!

А писем действительно много было. 835 писем, как в аптеке. Со всех концов СССР письма.

С Саратовской губернии даже неграмотные разошлись — написали. Пишут:

Поздравляем, всего лучшего желаем.

С Танбовской губернии опять же в стихах:

Птичка прыгает на ветке.
Честь имеем вас проздравить
Со днем ваших именин.

Кроме писем еще вчера телеграмма пришла.
Сотрудник Михал Михалыч с Ленинграду пишет:

Пора бы денег выслать.

Надо будет выслать.
А так все хорошо и отлично. Дела идут. Контора пишет.
Ключи на комод.
С праздничком, товарищи.

ПАПАША

Недавно Володьке Гусеву припаяли на суде. Его признали отцом младенца с обязательным отчислением третьей части жалованья. Горе молодого счастливого отца не поддается описанию. Очень он грустит по этому поводу.

— Мне, — говорит, — на младенцев завсегда противно было глядеть. Ножками дрыгают, орут, чихают. Толстовку тоже очень просто могут запачкать. Прямо, житья нет от этих младенцев.

А тут еще этакой мелкоте деньги отваливай. Третью часть жалованья ему подавай. Так вот — здорово живешь. Да от этого прямо захворать можно.

Я народному судье так и сказал:

— Смешно, — говорю, — народный судья. Прямо, говорю, смешно, какие ненормальности. Этакая, говорю, мелкая крошка, а ему третью часть. Да на что, говорю, ему третья часть. Младенец, говорю, не пьет, не курит и в карты не играет, а ему выкладывает ежемесячно. Это, говорю, захворать можно от таких ненормальностей.

А судья говорит.

— А вы как насчет младенца? Признаете себя ай нет?

Я говорю:

— Странные ваши слова, народный судья. Прямо, говорю, до чего обидные слова. Я, говорю, захворать могу от таких слов. Натурально, говорю, это не мой младенец. А только, говорю, я знаю, чьи это интриги. Это, говорю, Маруська Коврова насчет моих денег расстраивается. А я, говорю, сам тридцать два рубля получаю. Десять семьдесят пять отдай, — что ж это будет? Я, говорю, значит в рваных портках ходи. А тут, говорю, параллельно с этим Маруська рояли будет покупать и батистовые подвязки на мои деньги. Тьфу, говорю, провались, какие неприятности!

А судья говорит:

— Может, и ваш. Вы, говорит, припомните.

Я говорю:

— Мне припоминать нечего. Я, говорю, от этих припоминаний захворать могу... А насчет Маруськи — была раз на

квартиру пришедши. И на трамвае, говорю, раз ездили. Я платил. А только, говорю, не могу я за это всю жизнь ежемесячно вносить. Не просите...

Судья говорит:

— Раз вы сомневаетесь насчет младенца, то мы сейчас его осмотрим и пущай увидим, какие у него наличные признаки.

А Маруська тут же рядом стоит и младенца своего разворачивает.

Судья посмотрел на младенца и говорит:

— Носик форменно на вас похож.

Я говорю:

— Я, говорю, извиняюсь, от носика не отказываюсь. Носик, действительно, на меня похож. За носик, говорю, я за всегда способен три рубля или три с полтиной вносить. А зато, говорю, остатний организм весь не мой. Я, говорю, жгучий брюнет, а тут, говорю, извиняюсь, как дверь белое. За такое белое — рупь или два с полтиной могу только вносить. На что, говорю, больше, раз оно в союзе даже не состоит.

Судья говорит:

— Сходство, действительно, растяжимое. Хотя, говорит, носик весь в папашу.

Я говорю:

— Носик не основание. Носик, говорю, будто бы и мой, да дырочки в носике будто бы и не мои — махонькие очень дырочки. За такие, говорю, дырочки не могу больше рубля вносить. Разрешите, говорю, народный судья, идти и не задерживаться.

А судья говорит:

— Погоди маленько. Сейчас приговор вынесем.

И выносят — третью часть с меня жалованья.

Я говорю:

— Тьфу на всех. От таких, говорю, дел захворать можно.

УТОНУВШИЙ ДОМИК

Шел я раз по Васильевскому острову. Домик, гляжу, не-
большой такой.

Крыша да два этажа. Да трубенка еще сверху торчит. Вот
вам и весь домик.

Маленький вообще домишко. До второго этажа если на
плечи управдому встать, то и рукой дотянуться можно.

На этот домик я бы и вниманья своего не обратил, да ка-
кая-то каналья со второго этажа дрянью в меня плеснула.

Я хотел выразиться покрепче, поднял кверху голову —
нет никого.

Спрятался, подлец, думаю.

Стал я шарить глазами по дому. Гляжу, у второго этажа
досочка какая-то прибита. На досочке надпись: «Уровень во-
ды 23 сентября 1924 г.» — «Ого, — думаю, — водица-то где
была в наводнение. И куда же, думаю, несчастные жильцы
спасались, раз вода в самом верхнем этаже ощущалась? Не
иначе, думаю, на крыше спасались»...

Тут стали мне всякие ужасные картины рисоваться. Как
вода первый этаж покрыла и ко второму прется. А жильцы,

небось, в испуге вещички свои побросали и на крышу с отчаяния лезут. И к трубе, пожалуй что, канатами себя привязывают, чтобы вихорь в пучину не скинул.

И до того я стал жильцам сочувствовать в ихней прошлой беде, что и забыл про свою обиду.

Вдруг открывается окно, и какая-то вредная старушенция подает свой голос.

— Чего, — говорит, — тебе, батюшка? Из соцстраха ты или, может, агент?

— Нету, — говорю, — мамаша, ни то и ни это, а гляжу вот и ужаюсь уровнем. Вода-то, говорю, больно высока была. Небось, говорю, мамаша, тебя канатом к трубе подвязывали?

А старушка посмотрела на меня дико и окошко поскорей закрыла.

И вдруг выходит из ворот какой-то плотный мужчина в жилетке и с беспокойством спрашивает:

— Вам чего, гражданин, надо?

Я говорю:

— Чего вы все ко мне пристали? Уж и на дом не посмотри. Вот, говорю, гляжу на уровень. Высоко больно.

А мужчина усмехнулся и говорит:

— Да нет, говорит, это так. В нашем районе, говорит, хулиганы сильно балуют. Завсегда срывали фактический уровень. Вот мы его повыше и присобачили. Ничего, благодаря Бога, теперь не трогают. И лампочку не трогают. Высоко потому... А касаясь воды — тут мельче колена было. Кура могла вброд пройти.

А мне как-то обидно вдруг стало вообще за уровни.

— Вы бы, — говорю, — на трубу еще уровень свой прибили.

А он говорит:

— Ежели этот уровень отобьют, так мы и на трубу — очень просто.

— Ну, — говорю, — и черт с вами. Тоните.

ИНЖЕНЕР

В этом году Володька Гусев окончил школу второй ступени.

Мамаша Володькина, вдова полотера, дамочка вовсе простая и в науке неискушенная, была очень этим обрадована.

Цельную осень она по гостям шаталась и все про своего Володьку разговаривала.

— Наконец-то, — говорит, — и мой сын инженером будет. Только, — говорит, — вот не знаю, как насчет квартирной площади? Не назначил бы мошенник управдом высокую плату, как инженеру... Только это и есть беспокойство, а так все остальное очень отлично.

Вообще очень мамаша была обрадована.

А насчет самого Володьки, так и говорить нечего. У парня нос аж заострился от переутомления и радости.

Все знакомые в доме поздравляли Володьку. Спрашивали, в какой, мол, высший вуз он намерен поступить и вооб-

ще какой Володька себе путь жизни избрал и не хочет ли он по красной кооперации удариться.

На это Володька говорил просто:

— Уважаемые товарищи, конечно я в инженер-строители пойду. Об чем речь? Надо все-таки республике малость помочь. Сами видите, какое положение: домов нет, крематория нет, — все строить заново надо... Кроме этого, — призвание у меня к этому с детства.

Мамаша Володькина, дамочка, можно сказать, ни уха ни рыла не понимающая в науке, и та подтверждала насчет призвания.

— И все-то, — говорит, — он в детстве строил и лазил и даже раз со второго этажа вниз сверзился.

Тогда же вот весной, по окончании школы, я и встретил Володьку.

Поздравил его. И, черт меня тогда попутал, вынул я кошелек и дал Володьке от чистого сердца трешку, чтоб фуражку себе купил.

Думаю, от трешки я не разорюсь, а парню все-таки радость. Может, со временем инженером будет — дом мне построит.

Тогда же при мне Володька и купил фуражку. Этакая, знаете, с бархатным бортиком и канты красные. И в середке загугуленка — значок.

Только дом мне Володька не построил.

Осенью встретил я его. Идет хмурый. И нос у него заострился от переутомления и горести.

— А, — говорю, — инженер-строителю! Мое почтение.

А Володька махнул рукой и говорит:

— Какой там, — говорит, — инженер! Я, — говорит, — между прочим, в ветеринарный институт поступил. Ваканций, знаете, не было в гражданский.

Постояли мы минутку друг против друга и разошлись. А вдогонку Володька кричит мне:

— Фуражку-то, — говорит, — я занесу вам назад. Не пригодилась.

— Пушай, — кричу, — лежит у тебя! Может, — говорю, — внук у тебя будет... Может, внуку пригодится, если вакансии в то время будут.

А он ручкой махнул и пошел.

А фуражка так за ним и осталась. Наверное, на что-нибудь пригодилась. Пушай. Ладно.

КРИЗИС

Давеча, граждане, воз кирпичей по улице провезли. Ей-богу!

У меня, знаете, аж сердце затрепетало от радости. Потому строимся же, граждане. Кирпичи-то ведь не зря же везут. Домишко, значит, где-нибудь строится. Началось, — тьфу, тьфу, не сглазить!

Лет, может, через двадцать, а то и меньше, у каждого гражданина, небось, по цельной комнате будет. А ежели на-

селение шибко не увеличится, и, например, всем аборты разрешат — то и по две. А то и по три на рыло. С ванной.

Вот заживем-то когда, граждане! В одной комнате, скажем, спать, в другой гостей принимать, в третьей еще чего-нибудь... Мало ли! Делов-то найдется при такой свободной жизни.

Ну а пока что трудновато насчет квадратной площади. Скуповато получается в виду кризиса.

Я вот, братцы, в Москве жил. Недавно только оттуда вернулся. Испытал на себе этот кризис.

Приехал я, знаете, в Москву. Хожу с вещами по улицам. И то есть ни в какую. Не то что остановиться негде — вещей положить некуда.

Две недели, знаете, проходил по улицам с вещами — оброс бороденкой и вещи порастерял. Так, знаете, налегке и хожу без вещей. Подыскиваю помещение.

Наконец, в одном доме какой-то человечек по лестнице спускается.

— За тридцать червяков, — говорит, — могу вас устроить в ванной комнате. Квартирка, говорит, барская... Три уборных... Ванна... В ванной, говорит, и живите себе. Окно, говорит, хотя и нету, но зато дверь имеется. И вода под рукой. Хотите, говорит, напустите полную ванну воды и ныряйте себе хоть целый день.

Я говорю:

— Я, дорогой товарищ, не рыба. Я, говорю, не нуждаюсь нырять. Мне бы, говорю, на суше пожить. Сбавьте, говорю, немного за мокроту.

Он говорит:

— Не могу, товарищ. Рад бы, да не могу. Не от меня целиком зависит. Квартирка коммунальная. И цена у нас на ванну выработана твердая.

— Ну что ж, — говорю, — делать? Ладно. Рвите, говорю, с меня тридцать и допустите, говорю, скорее. Три недели, говорю, по панелям хожу. Боюсь, говорю, устать.

Ну ладно. Пустили. Стал жить.

А ванна, действительно, барская. Всюду, куда ни ступишь — мраморная ванна, колонка и крантики. А сесть, между прочим, негде. Разве что на бортик сядешь, и то вниз валишься, в аккурат в мраморную ванну.

Устроил тогда за тридцать червяков настил из досок и живу.

Через месяц, между прочим, женился.

Такая, знаете, молоденькая, добродушная супруга попала. Без комнаты.

Я думал, через эту ванну она от меня откажется, и не увижу я семейного счастья и уюта, но она ничего, не отказывается. Только маленько нахмурилась и отвечает:

— Что ж, — говорит, — и в ванне живут добрые люди. А в крайнем, говорит, случае перегородить можно. Тут, говорит, для примера, будуар, а тут столовая...

Я говорю:

— Перегородить, гражданка, можно. Да жильцы, говорю, дьяволы, не позволяют. Они и то говорят: никаких переделок.

Ну ладно. Живем как есть.

Меньше чем через год у нас с супругой небольшой ребенок рождается.

Назвали его Володькой и живем дальше. Тут же в ванне его купаем — и живем.

И даже, знаете, довольно отлично получается. Ребенок, то есть, ежедневно купается и совершенно не простужается.

Одно только неудобство — по вечерам коммунальные жильцы лезут в ванную мыться.

На это время всей семьей приходится в коридор подаваться.

Я уж и то жильцов просил:

— Граждане, говорю, купайтесь по субботам. Нельзя же, говорю, ежедневно купаться. Когда же, говорю, жить-то? Войдите в положение.

А их, подлецов, тридцать два человека. И все матерятся. И, в случае чего, морду грозят набить.

Ну что ж делать — ничего не поделаешь. Живем как есть.

Через некоторое время мамаша супруги моей из провинции прибывает в ванну. За колонкой устраивается.

— Я, — говорит, — давно мечтала внука качать. Вы, говорит, не можете мне отказать в этом развлечении.

Я говорю:

— Я и не отказываю. Валяйте, говорю, старушка, качайте. Пес с вами. Можете, говорю, воды в ванную напустить — и ныряйте с внуком.

А жене говорю:

— Может, гражданка, к вам еще родственники приедут, так уж вы говорите сразу, не томите.

Она говорит:

— Разве что братишка на рождественские каникулы...

Не дождавшись братишки, я из Москвы выбыл. Деньги семье высылаю по почте.

ЮБИЛЕЙ

Юбилей, граждане, праздновать лучше всего печатникам. Все-таки, знаете, бумага под рукой, наборщики. Мало ли! Можно, например, пригласительные билеты отпечатать с золотым обрезом. Или, например, салфеточки с портретом — губы вытирать, ежели на юбилее жирное шамать придется.

Тут вот недавно праздновался юбилей одного печатника, т. Лаврикова (заведующий типографией имени т. Соколовой). Так юбилейная комиссия так и сделала. Даже больше. Кроме салфеточек и карточек еще и книженицу сварганила с застольными песенками.

Конечно, мы не хотим обидеть юбиляра. Может, он ни при чем. Может, это юбилейная комиссия расстаралась. Мы в этом не разбирались. Мы только против несправедливости идем.

Как же, помилуйте. Книженица, можно сказать, была отпечатана на лучшей бумаге. Шестнадцать страниц все-таки. Портрет опять же... А кто видел эту книженицу? Мало кто видел. Гублит даже не видел. Несправедливо. Там

славные песенки есть. Может, Гублит наизусть их хочет разучить.

Пушай разучивает. И поет, ежели голос есть.

Вот, например, на цыганский мотив — «Выпьем мы за Мишу...» Там так и сказано:

(Выпьем мы за...)

Споем, друзья, про Мишу,
Мишу дорогого,
И пока не кончим,
Не нальем другого...

Или, например, на мотив «Цыпленок жареный, цыпленок пареный, цыплята тоже хотят жить...». Вот-с, извольте, стр. 2-я:

(Цыпленок жареный...)

...Друг Миша Лавриков,
Будь вечно жив, здоров,
Юмóр тебя не покидай...

... ..

(Оживительная пауза)

«Оживительная пауза» это, небось, — рюмочку пропустить и селедочкой закусить.

После «оживительной паузы» можно опять что-нибудь более серьезное. Например, из жизни самого юбиляра. На мотив «Лесом частым»:

(Лесом частым...)

«Красный наш директор» Миша твердо на посту,
Только вечером, изредка, сядет «на углу».
Сохрани нам *провиденье* еще много лет
Друга Мишу, а «Прибою» полный дай расцвет.
Ну, нальемте рюмки...

Ну, даст Бог, «провиденье» не подкачает! И «Прибой»
расцветет, и «Миша» по-прежнему будет «на углу» са-
диться.

Там, «на углу», юбиляр

«Алле нейне» кричал,
И ивушку выпивал,
Пока сам не закачается.
Дру адэ, адэ друм...

Эту песенку сказано петь на мотив «Собирайтесь,
друзья». Однако ее можно петь и под «Цыпленок жареный».
Выходит. «Бегемот» пробовал.

Есть в книжке и гражданские мотивы. Например, о «Пет-
ропечати»:

(Похоронный марш)
Упомянем сегодня и «Петропечать». .
Она жила недолго.
Друг Миша помог ее погребать
И пел при этом «По Волге»...

Есть и гимн печатников:

(Гимн печатников по-немецки, со сладким кофе)
Штост ан мейстер Гутенберг лебе хурра, хох! (2 раза)
Денн эр хат ди вархейт анс пихт гебрахт...

Далее, начиная с одиннадцатой страницы, все песни идут на немецком языке. Туго разбираясь в нем, «Бегемот» не рискует перепечатывать. Нам, знаете, до юбиляра далеко. Зато он бойко говорит по-немецки. Про него так и сказано на стр. 3:

...Каждый вечер в «Штамлокале» «байриш бир» он пил,
С немцами он по-немецки всегда говорил.

Эту песенку велено петь на мотив «Лесом частым». Но как ее ни пой — все скверно получается.

Одно хорошо. Это то, что юбиляр работает в полиграфическом производстве. А нуте-ка, работал бы он у химиков или, тьфу-тьфу, по артиллерийскому направлению? Ведь юбилейная комиссия в одночасье весь Ленинград ухлопала бы салютами по поводу его юбилея... Все же под рукой — пушки, снаряды. Стреляй — не хочу. Страшно, знаете, подумать.

В этом отношении еще поперло Ленинграду.

А так все остальное — отлично и симпатично. Дела идут, контора пишет и полиграфическое производство улучшается.

НЕРВНЫЕ ЛЮДИ

Недавно в нашей коммунальной квартире драка произошла. И не то, что драка, а цельный бой. На углу Глазовой и Боровой.

Дрались, конечно, от чистого сердца. Инвалиду Гаврилову последнюю башку чуть не оттапали.

Главная причина — народ очень уж нервный. Расстраивается по мелким пустякам. Горячится. И через это дерется грубо, как в тумане.

Оно, конечно, после гражданской войны нервы, говорят, у народа завсегда расшатываются. Может, оно и так, а только у инвалида Гаврилова от этой идеологии башка поскорее не зарастет.

А приходит, например, одна жиличка, Марья Васильевна Щипцова, в девять часов вечера на кухню и разжигает примус. Она всегда, знаете, об это время разжигает примус. Чай пьет и компрессы ставит.

Так приходит она на кухню. Ставит примус перед собой и разжигает. А он, провались совсем, не разжигается.

Она думает:

«С чего бы он, дьявол, не разжигается? Не закоптел ли, провались совсем?»

И берет она в левую руку ежик и хочет чистить.

Хочет она чистить, берет в левую руку ежик, а другая жиличка, Дарья Петровна Кобылина, — чей ежик, посмотрела, чего взято, и отвечает:

— Ежик-то, уважаемая Марья Васильевна, промежду прочим, назад положьте.

Щипцова, конечно, вспыхнула от этих слов и отвечает:

— Пожалуйста, отвечает, подавитесь, Дарья Петровна, своим ежиком. Мне, говорит, до вашего ежика дотронуться противно, не то что его в руку взять.

Тут, конечно, вспыхнула от этих слов Дарья Петровна Кобылина.

Стали они между собой разговаривать. Шум у них поднялся, грохот, треск.

Муж, Иван Степанович Кобылин, чей ежик, на шум является. Здоровый такой мужчина, пузатый даже, но, в свою очередь, нервный.

Так является этот Иван Степаныч и говорит:

— Я, говорит, ну ровно слон работаю за тридцать два рубля с копейками в кооперации, улыбаюсь, — говорит, — покупателям и колбасу им отвешиваю, и из этого, — говорит, — на трудовые гроши ежики себе покупаю, и нипочем, то есть, не разрешу постороннему чужому персоналу этими ежиками воспользоваться.

Тут снова шум и дискуссия поднялись вокруг ежика. Все жильцы, конечно, поднаперли в кухню. Хлопочут. Инвалид Гаврилыч тоже является.

— Что это, — говорит, — за шум, а драки нету?

Тут сразу после этих слов и подтвердилась драка. Началось.

А кухня, знаете, узкая. Драться неспособно. Тесно. Кругом кастрюли и примуса. Повернуться негде. А тут двенадцать человек вплотную. Хочешь, например, одного по хारे смазать — троих кроешь. И, конечно, дело, на все натыка-

ешься, падаешь. Не то что, знаете, безногому инвалиду — с тремя ногами устоять на полу нет никакой возможности.

А инвалид, чертова перечница, несмотря на это, в самую гущу вперся. Иван Степаныч, чей ежик, кричит ему:

— Уходи, Гаврилыч, от греха. Гляди, последнюю ногу оборвут.

Гаврилыч говорит:

— Пущай, говорит, нога пропадает! А только, говорит, не могу я тепереча уйти. Мне, говорит, сейчас всю амбицию в кровь разбили.

А ему, действительно, в эту минуту кто-то по морде съездил. Ну, и не уходит, накидывается. Тут в это время кто-то и ударяет инвалида кастрюлькой по кумполу.

Инвалид — брык на пол и лежит. Скучает.

Тут какой-то паразит за милицией кинулся.

Является мильтон. Кричит:

— Запасайтесь, дьяволы, гробами, сейчас стрелять буду!

Только после этих роковых слов народ маленько очухался. Бросился по своим комнатам.

«Вот те, думает, клюква, с чего ж это мы, уважаемые граждане, разодрались?»

Бросился народ по своим комнатам, один только инвалид Гаврилыч не бросился. Лежит, знаете, на полу скучный. И из башки кровь каплет.

Через две недели после этого факта суд состоялся.

А нарсудья тоже нервный такой мужчина попался — прописал ижицу.

СИЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Говорят, против алкоголя наилучше действует искусство. Театр, например, карусель. Или какая-нибудь студия с музыкой.

Все это, говорят, отвлекает человека от выпивки с закуской. И, действительно, граждане, взять для примера хотя бы нашего слесаря, Петра Антоновича Коленкова. Человек пропадал буквально и персонально. И вообще жил, как последняя курица.

По будням после работы ел и жрал. А по праздникам и по воскресным дням напивался Петр Антонович до крайности. Беспредельно напивался.

И в пьяном виде дрался, вола вертел. И вообще пьяные эксцессы устраивал. И домой лежа возвращался.

И уж, конечно, за всю неделю никакой культуры не нес этот Петр Антонович. Разве что в субботу в баньку сходит, пополощется. Вот вам и вся культура.

Родные Петра Антоновича от такого поведения сильно расстраивались. Стращали даже.

— Петр, — говорят, — Антонович! Человек вы квалифицированный, не первой свежести, ну мало ли, в пьяном виде трюхнетесь об тумбу — разобьетесь же! Пейте несколько полегче. Сделайте такое семейное одолжение.

Не слушает. Пьет по-прежнему и веселится.

Наконец, нашелся один добродушный человек с месткома. Он, знаете ли, так и сказал Петру Антоновичу:

— Петр, — говорит, — Антонович, отвлекайтесь, я вам говорю, от алкоголя. Ну, говорит, попробуйте заместо того в театр ходить по воскресным дням. Прошу вас честью и билет вам дарма предлагаю.

Петр Антонович говорит:

— Ежели, говорит, дарма, то попробовать можно, отчего же? От этого, говорит, не разорюсь, ежели то есть дарма.

Упросили, одним словом.

Пошел Петр Антонович в театр. Понравилось. До того понравилось — уходить не хотел. Театр уже, знаете, окончился, а он, голубчик, все сидит и сидит.

— Куда же, — говорит, — я теперя пойду на ночь глядя? Небось, говорит, все портерные закрыты уж. Ишь, говорит, дьяволы, в какое предприятие втравили.

Однако поломался, поломался и пошел домой. И трезвый, знаете ли, пошел. То есть ни в одном глазу.

На другое воскресенье опять пошел. На третье — сам в местком за билетом сбегал.

И что вы думаете? Увлекся человек театром. То есть первым театралом в районе стал. Как завидит театральную афишку, — дрожит весь. Пить бросил по воскресеньям. По субботам стал пить. А баню перенес на четверг.

А последнюю субботу, находясь под мухой, разбился Петр Антонович об тумбу и в воскресенье в театр не пошел. Это было единственный раз за весь сезон, когда Петр Антонович пропустил спектакль. К следующему воскресенью, небось, поправится и пойдет. Потому — захватило человека искусство. Понесло.

АВАНТЮРНЫЙ РАССКАЗ

1. Таинственная западня

На площадке четвертого этажа человек остановился.

Он пошарил в карманах, вынул спички и чиркнул.

Желтое, короткое пламя осветило медную дверную дощечку. На дощечке было сказано буквально следующее:

«Зубной врач Яков Петрович Фишман».

— Здесь, — прошептал незнакомец. И, не найдя звонка, постучал ногой в дверь.

Вскоре щелкнул французский замок, и дверь бесшумно раскрылась.

— Звоняюсь, зубной врач принимают? — спросил незнакомец, с осторожностью входя в полутемную прихожую.

— Вам придется немного обождать, — сухо ответил врач. — У меня сейчас пациент.

— Ну что ж, можно обождать, — добродушно согласился незнакомец.

Врач острым сверлящим взглядом посмотрел на незнакомца и, недобро усмехнувшись, добавил:

— Прошу вас пройти в столовую. Следуйте за мной.

И едва незнакомец сел, как врач, быстро обернувшись назад, выскочил из комнаты и захлопнул за собой тяжелую, массивную дверь.

Раздалось злое щелканье замка.

Незнакомец смертельно побледнел и пытливым взглядом окинул помещение. Комната была почти пуста. Кроме стола,

покрытого скатертью, и пары деревянных стульев, ничего в ней не было.

2. Врач принимает незнакомца

Через двадцать минут зубной врач Яков Шишман принял незнакомца.

— Я очень извиняюсь, — сказал врач, — что мне пришлось закрыть вас в столовой. Прислуги у меня, видите ли, нету. А знаете, какое нынче времечко? Давеча у меня пациенты два пальто с вешалки унесли. Перед тем — шубу... А сегодня, знаете, один дьявол последнюю медную плевательницу из прихожей вынес. Прямо хоть бросай работу. Пока тут, знаете, возишься с пациентом, ожидающие выносят. Приходится принимать такие меры... Я очень извиняюсь... Откройте рот.

— Хм, — неопределенно сказал незнакомец и открыл рот.

3. Чистая работа

Незнакомец вышел на улицу, остановился у фонаря и саркастически усмехнулся.

— Тэк, — сказал незнакомец, — посмотрим теперича что за дерьмо.

Он вынул из-под пальто столовую скатерть и развернул ее.

— А скатеришка-то дрянь. Латаная скатеришка, — прошептал сквозь зубы незнакомец и с остервенением сплюнул.

Затем потоптался на месте и пробормотал:
— Ну, пес с ней, какая есть! Окроме ее ни черта же не было. Не стулья же, граждане, выносить.
Незнакомец махнул рукой и побрел дальше.

СВЯТОЧНАЯ ИСТОРИЯ

Нынче святочных рассказов никто не пишет. Главная причина — ничего такого святочного в жизни не осталось.

Всякая рождественская чертовщина, покойники и чудеса отошли, как говорится, в область предания.

Покойники, впрочем, остались. Про одного покойника могу вам, граждане, рассказать.

Эта истинная быль случилась перед Рождеством. В сентябре месяце.

Поведал мне об этой истории один врач по внутренним и детским болезням.

Был этот врач довольно старенький и весь седой. Через этот факт он поседел или вообще поседел — неизвестно. Только действительно был он седой, и голос у него был сиплый и надломленный.

То же и насчет голоса. Неизвестно, на чем голос он пропил. На факте или вообще. Но дело не в этом.

А сидит раз этот врач в своем кабинете и думает:

«Пациент-то, думает, нынче несостоящий пошел. То есть каждый норовит по страхкарточке лечиться. И нет того, чтобы к частному врачу зайти. Прямо хоть закрывай лавочку».

И вдруг звонок.

Входит гражданин средних лет и жалуется врачу на недомогание. И сердце, дескать, у него все время останавливается, и вообще чувствует он, что помрет вскоре после этого визита.

Осмотрел врач больного — ничего такого. Совершенно как бык здоровый, розовый, и усы кверху закручены. И все на месте. Прописал врач больному нашатырно-анисовых капель, принял за визит семь гривен, покачал головой. На том они и расстались.

На другой день в это же время приходит к врачу старушонка в черном платке. Поминутно сморкается и плачет. Говорит:

— Давеча, говорит, приходил к вам мой любимый племянник Василий Леденцов. Так он, видите ли, в ночь на сегодня скончался. Нельзя ли ему после этого выдать свидетельство о смерти.

Врач говорит:

— Очень, — говорит, — удивительно, что он скончался. От анисовых капель редко кончаются. Тем не менее, говорит, свидетельство о смерти выдать не могу — надо мне увидеть покойника.

Старушонка говорит:

— Очень великолепно, идемте тогда за мной. Тут недалеко.

Взял врач с собой инструмент, надел, заметьте, галоши и вышел со старушкой.

И вот поднимаются они в пятый этаж. Входят в квартиру. Действительно, ладаном пахнет. Покойник на столе

расположен. Свечки горят вокруг. И старушка где-то жалобно хрюкает.

И так врачу стало на душе скучно и противно.

«Экий я, — думает, — старый хрен, каково смертельно ошибся в пациенте. Какая канитель за семь гривен».

Присаживается он к столу и быстро пишет удостоверение. Написал, подал старушке и, не попрощавшись, поскорее вышел.

Вышел. Дошел до ворот. И вдруг вспомнил — мать честная, галоши позабыл.

«Экая, — думает, — неперка за семь гривен. Придется опять наверх ползти».

Поднимается он вновь по лестнице. Входит в квартиру. Дверь, конечно, открыта. И вдруг видит: сидит покойник Василий Леденцов на столе и сапог зашнуровывает. Зашнуровывает он сапог и со старушкой о чем-то препирается. А старушка ходит вокруг стола и пальцем свечки гасит. Послунит палец и гасит.

Очень удивился этому врач, хотел с испугу вскрикнуть, однако сдержался, и как был без галош — кинулся прочь.

Прибежал домой, упал на кушетку и со страху зубами лязгает. После выпил нашатырно-анисовых капель, успокоился и позвонил в милицию. А на другой день милиция выяснила всю эту историю.

Оказалось: агент по сбору объявлений, Василий Митрофанович Леденцов, присвоил три тысячи казенных денег. С этими деньгами он хотел начисто смыться и начать новую великолепную жизнь. Одначе не пришлось.

Галоши врачу вернули к Рождеству, в самый сочельник.

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Уважаемый читатель! Я не знаю, какие газеты будут через сто лет.

Может быть, газет и совсем не будет. Может быть, у каждого гражданина над кроватью будет присобачен особый небольшой радиоприемник, по которому и будут узнаваться последние сенсационные политические новости.

Однако, может, газета и будет. Конечно, это будет иная газета, чем теперь. Будет она, небось, напечатана на бристольском картоне с золотым обрезом, в 24 страницы.

Но одно в ней сохранится — это отдел жалоб.

Говорят: ничто не вечно под луной. Явно врут. Отдел жалоб будет вечно.

На наш ничтожный взгляд, в 2025 году отдел этот будет примерно в таком виде:

1. *Аэроразврат*

Уважаемый товарищ редактор! Вчерась, возвращаясь со службы на казенном «фармане», мне представилась в воздухе такая картина. Летит под пропеллером двухместная колбаса, на которой облокотившись летит заведывающий 10-й радиокухней со своей кассиршей Есиповой.

Не разобравши за шумом, про чего они говорят, я пролетел мимо.

А пушай-ка спросит редакция, на какие это народные деньги летит на колбасе зарвавшийся заведывающий радиокухней?

А кассиршу давно бы пора по зубам стукнуть — пушай не тратит бензин на свои любовные прихоти.

А когда я на нее с казенного «фармана» посмотревши, так она трудящемуся язык показывает.

Служащий 10-й радиокухни Чесноков

2. Халатность

Гражданин редактор! Пора, наконец, упорядочить дело с пеплом.

Отвезши мою помершую бабушку в крематорий и попросив заведывающего в ударном порядке сжечь ее остатки, я являюсь на другой день за результатом.

Оказалось, что мне перепутали пепел, выдав вместо ее пепла пепел какой-то гражданки.

На вопрос: где же старушкин пепел? — заведывающий нагло ответил, что пепел безразлично какой чей и что ему нету времени возжаться с пеплом.

На вопрос, что эта старушка была свидетельницей Революции и что это — великая старушка, — заведывающий явно испугался и просил не доводить дело до центра, предложив мне, кроме того, взять еще сколько угодно пеплу.

На вопрос, как же я могу разобраться, какой чей пепел, заведывающий заявил, что он не в курсе и что он на следующих моих родственниках будет делать специальные метки.

Уважаемый редактор, пора бы поднять вопрос о правильной постановке дела на страницах вашего органа.

С приветом Лучкин

3. Тормозят науку

Уважаемый редактор и дорогие наборщики!

Наблюдая из окна в телескоп Марс и другие планеты с научной целью, я заметил какое-то затемнение рефрактора.

Влезши немедленно на подоконник, чтоб узнать, в чем дело, и удостовериться, отчего это затемняется и не планета ли заслонила трубу, увидел, что сбоку кто-то пронзительно свистнул и чья-то фигура скрылась за углом трехэтажного небоскреба.

При ближайшем осмотре оказалось, что неизвестная фигура сперла с телескопа увеличительную стекляшку, через что смотреть на небесные миры.

Заявив милиции о пропаже стекляшки, прошу кроме того уважаемый печатный орган продернуть лиц, тормозящих науку и прущих из-под носа научные стекляшки.

Ник. Кушаков

4. Старая история

Отличаясь слабостью организма, я ежедневно поднимаясь на колбасе для принятия солнечных ванн.

Вчера, поднявшись на небосвод, я обратил внимание, что на бывшем Петропавловском шпилье торчит какая-то шутовинка.

Подлетев ближе, выяснилось, что это торчит небольшая бывшая коронка.

Доколе же, гражданин редактор и наборщики?

Неужели же смотритель Петропавловки мечтает еще о возврате царского режима?

Потомственный крестьянин Егор Бабичев

ЧЕРТ ЗНАЕТ ЧТО ТАКОЕ

1. *Национальное самосознание*

Оказывается, Титюковская ячейка РКСМ работает само-
сильно. Шадринская «Трудовая Правда» печатает следую-
щее ее постановление:

Единогласно постановили иностранное название «галифе» за-
менить словом «бутылники»...

Неплохо придумано. Галифе — бутылники. Значит, по-
лугалифе — полубутылники. Не назвать ли трусики —
мерзавчиками?

2. *На театральном фронте*

Разные бывают актеры. Бывают хорошие, бывают пло-
хие. А бывают и этакие. Газета «Красноярский Рабочий» пе-
чатает письмо, полученное Ботаневским сельсоветом от од-
ного этакого актера:

СССР.

Артист Бибишев

Распор. Алексеенко

Отправ. № 16.

16 апреля.

С нарочным

В Ботаневский сельсовет.

Прошу Вас Товариш Притчедатель приготовить помещение Для Рапклуба и Цырклуба. Приедем 19 апреля. 2. Мы сычьяс в селе Знаменки устраиваем канцерту а именно бьем на груди камень 25 пуд. Кодем на лбу дрова. После канцертины ставим пиеску вдвух девствиях. А именно живая карусель, адин на плахе семерых будет таскать, и второе дествии на парю любой не сташит нашего артиста спола за уши или за волосное правление. Дак вот прошу Подыскать подходящую помещению.

Артис Бибишев
Распорядитель Алексеенко

А вот Гаврила любого вашего актера берется стащить с пола за уши и за волосное правление. Больше того — Гаврила всю эту многоуважаемую труппу берется стащить из союза рабис в другой, более подходящий союз. А так как труппа дрова на лбу колет, то, на наш взгляд, более подходящий союз — деревообделочников. Хотя и те не примут. Факт.

3. Кстати о деревообделочниках

На общем собрании союза деревообделочников был поднят вопрос о недостаточности товарного индекса для имеющих большую семью. На что докладчик ответил:

Государство ничуть не виновато, что у данного рабочего явилось перепроизводство семьи.

(«Трудовая Правда»)

Это верно. Не виновато. И еще государство не виновато в том, что и среди деревообделочников бывают ученые, передовые люди.

А любопытно знать: пять человек детей — это перепроизводство или недобор?

4. Веселый директор

Крестьяне — народ, конечно, темный. Крестьянин увидит, например, окно и непременно сядет на подоконник. Ежели особенно в комнате скамеек нету.

А директора сахзавода (им. Карла Маркса, что на Уманщине) это сильно раздражало. Думал он, думал, как отучить крестьян на окна присаживаться, и придумал:

По распоряжению директора в передней конторы, где крестьяне ожидают часами всяких справок и выдач, к подоконнику был прибит кусок доски, утыканный острыми гвоздями.

А то можно еще фунта два нитроглицерина заложить. Сядет, например, мужичонко по глупости на окно, а его как дерганет. Куда руки, куда ноги. Еще смешней.

А то можно еще лишнюю скамеечку в приемной поставить. Тоже действует.

5. Подкрепил

Газета «Красный Север» сообщает, что крестьянин деревни Лермонтово получил на предмет освобождения от налога такое удостоверение:

Куручкин по деревни Лермонтово ничего не имеет, только есть единственная одна жена и та в положении.

Старший милиционер волости нашел, что удостоверение это недостаточно ясное и, обмозговав все дело, приписал:

Куручкин хозяйства не имеет, ни дому, ни двора и скотины нету, кроме его жены.

Бедный Куручкин! Каково ему? Можно сказать единственная одна жена у него и та получает такое незаслуженное оскорбление.

6. Скверный анекдот

Марью-то Петровну, оказывается, из союза работников искусств выперли. В Бухаре дело было.

Гаврила навел справочку, отчего и почему выперли бедную Марью Петровну. Оказывается, по нижеследующим причинам:

Девушка Марья Петровна Ш. имеет незаконного мужа. В высшей степени недисциплинированный член союза, обливающий грязью всех членов союза, не имея на то права и данных.

Прав-то, может, и нет у Марьи Петровны грязью обливать, а вот данные-то есть. Сами теперь видим. Не спрячешь. Ишь, черти, за что барышню уволили!

7. Позвольте выйти!

В Сибири собрания проходят иначе, чем в Москве. Разница ощутимая. Иркутская газета «Власть Труда» описывает одно такое собрание в художественной форме:

Губоно. Собрание коллектива после конца занятий. Месткомщик бежит по комнатам и переписывает сотрудников. Персонально и под номерами.

Переписаны. Сторож запирает дверь на замок и становится часовым.

А которые, например, захотят оправиться, — поднимают руку и робко спрашивают:

— Позвольте выйти, тов. председатель!

На что председатель, небось, отвечает:

— Обождите гражданин. Двое уже вышли.

Ну, и ждут, ежели можно.

8. Бедность

Газета «Красный Курган» пишет:

Некий Иванов Ефим, житель деревни Камышное, Утятского района, не имея средств, принес в сельсовет четверть самогонки вместе с окладным листком на уплату налога в три рубля.

Даже сдачи не попросил. Отдал и хотел идти. Да не пустили. И под суд еще отдали.

Теперь Иванов Ефим бородашку скребет и затылок чешет.

«И за что, — думает, — меня под суд? Цена божеская — три рубля четверть... Пущай каждый скажет... Жидкость правильная. Может, муха в нее, что ли, попала?»

Когда на суде выяснится, что и мухи в самогоне не было, — Иванов Ефим сплюнет в сторону и подумает:

«Блажата людишки, так их за ногу. С жиру бесятся. Зря народ под суд отдают».

9. Строгий местком

Местком станции Карасук, по сообщению «Сибирского Гудка», прислал своему фельдшеру такую бумажку:

Предлагается вам выехать на дежурство с лошадей, так как вы служите, а ваша лошадь не служит...

У фельдшера есть еще корова. Не пришлет ли местком фельдшеру такое предписание: предлагается, дескать, вам с сего числа давать по пять бутылок молока, так как ваша корова дает, а вы нет.

Бедный фельдшер!

10. Научное сообщение

Вы знаете, что такое Япония? Нет, братцы, вы не знаете, что такое Япония! А каждый сознательный гражданин к

шестой годовщине Революции должен знать. Ну да ничего, сейчас узнаете.

Япония, — пишет «Костромская Коммуна», — представляет собой ряд островов вулканического происхождения, около которых расположены города и столица Токио...

Ну, да... Чего вы смеетесь? Не на самом острове, а рядом. Тут, скажем, остров вулканического происхождения, а тут, немного пройдя по воде, — и город. Костромичам там море по колено.

11. *Василий Исаевич*

Из села К., Саратовской славной губернии, — низкий поклон. И между прочим — жалоба. Такая:

Предсельсовета Василий Исаевич вывесил черную доску на селе, где написал: «1-я категория — 3 рубля штрафа, 2-я — 8 р. 50 коп., 3-я категория — 15 руб.» На эту доску заносят тех, кто на собраниях высказывается против местной власти или возражает...

Гаврила, между прочим, представляет такой порядок распределения штрафов: по первой категории штрафуют, если человек просто возразит. По второй — если Василия Исаевича выругают или ударят. По третьей категории, небось, штрафуют, если Василия Исаевича попрут с председательской должности.

Ох, придется, кажется, Гаврилу оштрафовать по третьей категории. Готовим 15 рублей. На хорошего человека и денег не жалко.

12. Новый метод преподавания

Только что окончивший губкурсы учитель Л. сделал доклад о комплексном методе преподавания.

Вот этот доклад, по сообщению симферопольской газеты «Власть Труда»:

Я скажу только то, что понял. Вот представьте себе, что у вас идет урок русского языка. В это время летит воробей, и вы сейчас же принимаетесь за него. Пробежала собака — бросаете воробья и беретесь за собаку. Ну-с, вот и все.

Нет, извините, не все. Беретесь за собаку и науськиваете ее на учителя Л. Когда учитель убежит, вы гладите собаку и снова беретесь за воробья и перед ним робко извиняетесь за учителя. Ну-с, вот теперь все.

13. С перепугу

Итак, снова о неграмотности. Выясняются, так сказать, подробности ликвидации.

Рыбаковский сельсовет, Порезской волости, Нолинского уезда, однажды рассердился и послал такую бумажку одному из деревенских исполнителей:

С получением сего Рыбаковский сельсовет в боевом порядке приказывает вам немедленно, тотчас же, выслать неграмотных взрослых в школу учиться. Если будут отказываться, то отправляйте конвойным порядком. А в тех случаях, если не будет вами это исполнено, — я предаю вас к суду, как за неподчинение властям и за преступление по должности.

Предсельсовета Яговкин

Деревенский исполнитель ехидно так обрезал сельсоветчиков. Пишет ответ:

Взрослых неграмотных у нас нет.

Деревенский исполнитель неграмотный, а потому за него расписался Зубков.

(«Вятская Правда» № 79)

Ежели деревенского исполнителя да хорошенько попугать, так он и не такое еще ответит. А ответит, что вообще даже и взрослых-то нет в деревне. Одни грамотные младенцы ползают. А за неграмотностью их опять же может тот же Зубков подмахнуть. Чего не сделаешь с перепугу!

14. Деликатные машинисты

У машинистов М.-О. ж. д. есть деликатная просьбишка. Они просят... Ах, дорогие товарищи, вы думаете, что машинисты просят спецодежду или просят поторопиться с жалованьем... Нет. У них все есть. И спецодежда и жалование им

вовремя платят... Они, дорогие товарищи, просят заменить конторщицу на XI участке — мужчиной. В письме так и говорится: нужно

поставить мужчину, а барышня не уместна, потому что разнервниченные машинисты от всевозможных неудачей во время службы выражаются всевозможными неприличными словами...

Что при девице не так-то уж и ловко.

И вот на такую-то деликатнейшую просьбу коварная администрация XI участка никак не отзывается. Экая скверная администрация! Глядите в оба. Как бы она вторую барышню не поставила для ликвидации ругани.

15. 25 %

По словам «Уральского Рабочего», с тех пор, как бригада стала получать 25 % с каждого штрафа, на станции практикуется форменная охота. Так, например,

выпускают пассажиров с билетами на перрон до объявления посадки... Пассажир вышел на перрон, а там его с нетерпением ждет контролер. Увидел и представил к штрафу.

И хорошо еще, что бригада получает 25 %. А если бы 50? За 50 % бригада хватала бы пассажиров за что попало и силой бы загоняла на перрон.

А если 100 %? Товарищи! Голубчики! И подумать даже страшно, что будет с пассажирами, если бригаде дать 100 %.

16. Удостоверение

В Вологде некий председатель домкома выдал удостоверение г. Федуловой для регистрации на бирже труда. По словам газеты «Красный Север» удостоверение это, подписанное в милиции, выглядит так:

- 1) Кому выдано — Мария Маркеловна Федуловой.
- 2) Семейное положение — Муж и 4 детей.
- 3) Имущественное положение с указанием имени и возраста — Дочь Елизавета 12 л., Анна 11 л., сын Дмитрий 10 л. и сын Валерий.
- 4) Социальное положение — Деревянный одноэтажный дом мужа.

Важное удостоверение! С таким удостоверением не пропадешь. Хочешь представляй его на биржу труда, хочешь — печатай в юмористическом журнале. На все годится.

17. Герой труда

Видал Гаврила героев труда, сам герой, а такого, как вот маляр Вася Давыдов, не видал. Вот справочка о работе маляра Васи Давыдова. Выдана она Томской жел. дор.,

Мариинского уч. Справочка эта непонятно написана, так мы ее для наглядности сюжета по пунктикам разобьем:

- 1) Дана сия гр. Давыдову в том, что он состоял на службе маляром по поденному расчету с 1 августа 1914 года.
- 2) с 1 августа 1918 г. уволен за неимением кредита.
- 3) с 1 февраля 1919 определен десятником.
- 4) с 1 апреля 1919г. уволен за неимением кредита.
- 5) с 1 июня 1919г. выполнял должность десятника.
- 6) с 1 августа 1919г. уволен за неимением кредита.
- 7) с 1 января 1920 г. определен десятником по поденному расчету.
- 8) с 1 марта 1921 г. уволен за неимением кредита.
- 9) с 1 августа 1921 г. принят маляром по поденному расчету.
- 10) с 1 февраля 1923 г. уволен по собственному желанию.

Человек, можно сказать, еле ноги унес от такой жизни, а они пишут — по собственному желанию. Если за неимением кредита человека ежедневно бить по башке, то он обязательно уйдет по собственному желанию.

18. Тонкое соображение

«Брянский Рабочий» сообщает о том, что завед. бондарной мастерской цементного завода постановил:

Тем, у кого есть баба, не надо выдавать спецодежды. Баба, говорит он, может сшить...

Это верно. Ежели бабу приучить, то она не только шить, она фальшивые деньги научится делать.

Большую экономию можно нагнать, ежели, скажем, женатым рабочим и жалованья не выдавать.

19. Просвещенный человек

«Рабочая Газета» сообщает читателям о том, как и почему прокатчик В. бьет свою жену. Оказывается:

Я бью свою жену по привычке, сознается прокатчик. Она скажет глупость — ее и стукнешь... Я так думаю, что жен больше бьют за их глупость и темноту. Будь она у меня хоть грамотная, я бы ее пальцем не тронул.

Сам прокатчик В. грамотный и просвещенный человек. Ну а как же просвещенному человеку не ударить темной бабы? Нельзя. Надо ударить. Надо же ей, дуре-бабе, показать свое просвещение.

20. Землемер

Газета «Красный Алтай» сообщает о том, как крестьяне села Подстепного производили размежевание земли. Для этой цели они наняли за пустяковую плату какого-то агронома, который немедленно приступил к делу.

Инструменты по обмеру у этого агронома особенные: вместо ленты и рулетки — веревка, а теодолит заменяет простое колесо с телеги.

Чего агроном делает с этим колесом — никому не известно. Может, он катит его перед собой, а может, и сам на нем катится. Вообще, землемер что надо.

Такого землемера не стыдно и с новым годом поздравить. С новым годом, гражданин хороший! Катитесь к нам в Питер на колесе! Не пропадете — на праздниках будут вас в цирке показывать.

ДАМСКИЕ ШТУЧКИ

В каком городе это произошло, я уж, извините-простите, не знаю. Квалификации у нас такой нет, чтоб все насквозь знать и все понимать и за каждым союзом присматривать.

Одно известно, — что случилось это в союзе химиков.

Вот и пушай сами химики разбираются в этом химическом происшествии.

А состояла, между прочим, в этом союзе такая гражданочка средних лет, Савина Александра. И работала она на заводе.

Работала она на заводе, только вдруг ей скучновато стало работать на заводе. Или, может быть, она замуж вышла — неизвестно. Квалификации у нас такой нет, — про все знать и за каждой гражданкой присматривать.

Так вот, стало ей скушновато работать, и просит она ослобонить ее от работы по своему желанию.

Обрадовались на заводе — ослобонили.

— Пожалуйста, — говорят, — сделайте ваше такое разлюбное одолжение. Между прочим, что ж вы раньше молчали и голоса не подавали; мы бы давно вас ослобонили.

Ну, одним словом, гражданка Савина ушла с завода. Хотя, конечно, из союза не ушла. В союзе она осталась на всякий пожарный случай.

«Мало ли, — думает, — и союз, — думает, — в нашем дамском деле пригодится».

Так оно, знаете, и вышло.

Летом погуляла наша симпатичная гражданочка, загорела на солнышке и вообще расцвела, что пиён, и мужа своего, конечно, осчастливила — стала ему младенца ждать.

К осени она стала младенца ждать, а на пятом месяце, маленько не дождавшись, заявила на завод, как будто, ну, ничего у ней такого нет и вообще никакого младенца не предвидится.

— Хочу, — говорит, — обратно поработать на пользу химической промышленности.

А сама думает:

«Месяц как-нибудь протяну. А там мне отпуск. И денежки самотеком потекут. Вот вам и вся химия!»

Да, спасибо, управляющий заметил неладное.

— Да вы, — говорит, — гражданка, не младенчика ли ждете? Как-то так стоите неуверенно.

Ну, и кажись, не принял. А, может, и принял. Неизвестно.

У нас квалификации такой нет, чтобы все знать и за всем следить. Нам на каждого химика, знаете, не разорваться.

Может, вы еще спросите, девочка или мальчик у ей родился. А мы почему знаем? Мы у ей ребят не крестили.

РОДНЫЕ ЛЮДИ

Этот разговор я записал дословно. И пусть читатель плюнет мне в глаза, если я хоть что-нибудь преувеличил. Я ничего не преувеличил. Все в аккурат так и было.

Разговор произошел в тюрьме. В приемной комнате. Мать пришла на свидание к сыну.

Встреча была сердечная. Мамаша радостно плакала. Сын тоже посапывал носом.

После первых слез и горячих поцелуев мать и сын уселись на скамейку рядышком.

— Ну так, — сказал сын. — Пришла, значит.

— Пришла, Васенька, — сказала мать.

— Так, — повторил сын.

Он с любопытством посмотрел на серую казенную стену, потом на дверь, на печку и наконец перевел взгляд на свои сандалии.

— Так, — в третий раз сказал сын и вздохнул...

Мать тоже вздохнула и, перебирая пальцами бахромки байкового своего платка, посмотрела по сторонам.

— Ну вот, — сказал сын и шумно высморкался.

Оба после этого сидели молча минуты три.

Наконец сын сказал:

— А свиданье, мамаша, нынче сильно ограничили. Двадцать минут, говорят, дается на свиданье.

— Мало это, Васенька, — укоризненно сказала мать.

— Да уж, конечно, немного, — сказал сын.

— Я так думаю, Васенька, что нам очень даже мало — двадцать минут-то. Не поговорить с родным человеком, ничего такого...

Мать покачала головой и добавила:

— Ну уж я пойду, Васенька.

— Ну иди, мамаша.

Оба оживленно встали, вздохнули и поцеловались.

Сын сказал:

— Ну так. Ладно. Заходи, мамаша... Да, чего я еще хотел сказать? Да, плита-то в кухне все еще дымит, мамаша?

— Плита-то? Дымит, Васенька. Обязательно дымит. Давеча всю квартиру дымом заразило.

— Ну так... Иди, мамаша.

Мать и сын полюбовались друг другом и разошлись.

БАБЬЕ СЧАСТЬЕ

Бабам, милые мои, нынче житьишко. Крупно богатеют наши бабы. Как сыр в масле катаются.

Уж на что, скажем, наша знакомая тетя Ньюша серая дамочка — и та, дьявол, разбогатела.

Главное, по серости своей она не сразу и разобралась в своем капитале. После только во вкус вошла. А сначала испугалась это ужасно как.

А скрутило, милые мои, ее в январе месяце. В январе месяце ее скрутило, а в феврале месяце бежит наша тетя Ньюша

к врачу за бесплатным советом — мол, как и отчего ее скрутило и не объелась ли она, часом.

Доктор постучал тетю Ньюшу трубочкой и признает у ней беременность на седьмом месяце.

Очень от этих слов тетя Ньюша расстроилась, однако спорить и ругаться с врачом не стала и пошла себе.

И приходит она, милые мои, домой, серая, как подушка, присаживается на стульчак и обижается на окружающих.

— Да что ж это, граждане, происходит на земном шаре? Да как же, говорит, я теперича, войдите в положение, наниматься буду? Ну, например, стирка или постирушка, или полы мыть. А мне, может, как раз в это время с ребенком упражняться нужно.

Так вот сидит тетя Ньюша, рыдает и не слушает никаких резонов.

Соседи говорят:

— Тут, бабонька, рыдать не приходится. Это, говорит, даже напротив того, довольно счастливая случайность при вашей бедности. Это, говорят, небольшой, но верный капитал по нынешним временам, вроде валюты... На кого, между прочим, думаешь-то?

Тетя Ньюша сквозь слезы отвечает:

— Одним словом, граждане, думать мне нечего. Либо дворник Мишка, либо торговец Четыркин, либо Пашка полотер. Одно из двух.

Соседи говорят:

— Бери, милая, конечно, Четыркина. У Четыркина все-таки ларек, и, может, он, Четыркин, рублей триста зараба-

тывает. Сто рублей тебе, а остальные пушай хоть пропивает с горя.

Стала тут тетя Ньюша веселиться и чай внакладку пить, а после и говорит:

— Жалею я, граждане, что раньше не знала. Я бы, говорит, давно жила прилично.

Так и разбогатела тетя Ньюша.

Сто целковых в месяц, ровно спец, лопатой огребает.

Худо ли!

ГЕРОЙ

Ну вот. Каждый день пишешь, стараешься, нервы свои треплешь, а публика, между прочим, все недовольна.

— Что вы, говорят, гражданин хороший, все анекдотики строчите. Вы бы, говорят, вместо того написали бы чего-нибудь этакое натуральное, из жизни.

Ну что ж! Можно из жизни. Извольте, дорогие граждане. Прикажете, может, для верности, адресок сообщить? Извольте и адресок. Вот он, адресок — Дивенская улица, 8б.

А только пушай домашние хозяйки этого рассказа не читают. Не то расстроятся, а после котлеты пережарят. Глядишь — лишние неприятности в жизни. А неприятностей этих и так не обернуться. Вот, не угодно ли.

В одном доме в городе Красном Ленинграде (Дивенская, 8б) жил-был человек. По профессии водопроводчик. Беспартийный. Фамилии этого водопроводчика мы, к сожалению,

не запомнили. Вообще какая-то лошадиная фамилия на букву К.

А водопроводчик этот, надо сказать, до страсти не любил кошек. Некоторые граждане говорили, будто у него в девятнадцатом году хозяйская кошка полфунта масла уперла и слопала. Другие говорили, будто цельный фунт. Одним словом, симпатичный герой наш не одобрял этой породы, а чуть какая кошечка бежит, он уж обязательно ногой ее пхнет, или плюнет в ее сторону, или сердито и задумчиво посмотрит на нее.

И вот, в один прелестный зимний день в этом доме (Дивенская, 86) стали подыхать кошки. То есть так подыхать, что в короткое время не осталось в доме ни одной кошки. Прямо хоть занимай у соседей. Собак тоже не осталось. Собачки тоже все передохли.

Очень расстроились от этого факта в доме. Созвали, конечно, экстренное собрание жильцов. Начали дискутировать — как и отчего околевают кошки.

Одна гражданка на собрании заявила:

— Кошки, граждане, так себе не кончаются. Это, говорит, заметна чья-то преступная рука.

Другая гражданка говорит:

— А преступная рука, граждане, это не кто иной, как наш общий сукин сын, водопроводчик с пятого номера. Это, говорит, не кто иной, как он, подложил свинью кошкам.

И вдруг приходит сам гражданин водопроводчик и усмеяется.

— Об чем, говорит, речь? Ну да, говорит. Не отпираюсь. Это, говорит, я насыпал яду в выгребную яму. Не иначе как от яду

они идохнут. А что собачки кончаются, то пушай и собачки. Собачек я тоже не одобряю. А без жертв обойтись немислимо.

Сказал и ушел. А после еще записку под воротами приляпал: «Принимаю заказы на отравление кошек и собак».

Вот и все. Вот вам и весь рассказ с натуры.

Конца у этого рассказа нету. Это происходит оттого, что жильцы и сами не знают, чем кончить. То ли плюнуть на водопроводчика, то ли под суд его отдать.

Вот и пиши после этого из жизни! Конца-то и нет. Не обижайтесь, граждане!

ПРАКТИКАНТ

Дельце это очень поганенькое. То есть, такое дельце, что прямо писать неохота. Неохота, да приходится. Факт очень уж выдающийся.

А случилось это в Ив.-Вознесенске. А выходит там, братцы мои голубчики, газета «Рабочий Край».

И стали в этой газетине появляться очень исключительно отличные заметки одного рабкора от сохи, по фамилии Осипов.

Острые такие, свежие заметочки. Талант в них так и брызжет в разные стороны.

А главное, мог этот способный Осипов изображать на бумаге что угодно. Мог и насчет паразитов пройтись. И про продукцию. Мог даже стишки сочинять. Даже раз до того разошелся, что про коров написал. Ей-богу. Научную статью про коров: «Уход за коровой после отела». И подписал — крестьянин-практикант Осипов.

То есть, такой способный парнишечка оказался — прямо на удивление.

Весь город очень восхищался своим дорогим рабкором. Да что город! Москва восхищалась.

Хотели мы эту парнишечку за выдающий талант в журнал к себе перетянуть, да «Раб. Край» не отдал. Пожадничал.

А тут, промежду прочим, таким талантом союзные деятели заинтересовались. Копнули, как и что, и отчего такой талантище выпирает из одного человека. Ну, и выяснили.

Оказалось, что парнишечка не то что научные статьи про коров, — фамилию свою с грехом подписывал.

А брал это парнишечка разные газеты, вырезал оттуда чего придется: стишки — так стишки, про корову — так про корову — переписывал кое-как и в газету нес. Одним словом — подрабатывал и обогащался.

И, может, на всю советскую страну прославился бы этот практикант, да, между прочим, засыпался. А впрочем, он и так прославился.

Ох и живут же такие людишки на земле!

ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА

Такой есть город Красногор. Первый раз слышим. Но раз газеты пишут, значит — есть.

А только, может, это и не город, а местечко. Пес его разберет. Газета этого вопроса не затрагивает. А мы, в свою очередь, эту ботанику и минералогию маленько подзабыли.

А расположен этот город не то под Харьковом, не то под Полтавой. Во всяком разе, телеграмма дадена из Харькова.

А очень оригинальный этот город Красногор. Там, знаете, то есть буквально нет ни единого человечка, который бы не состоял в союзе.

Вот какой это город. Истинная правда. Там, предположим, торговец или дьякон — и те в профсоюзе. Прямо противно.

А по улицам там так и ходят члены профсоюзов. И все, знаете ли, металлисты. Куда ни плюнь — все металлисты. Домашняя хозяйка — и та металлист. Прямо противно.

От этого факта некоторые начальники даже испугались. «Господи, думают, с чего бы так густо металлист пошел?»

Бросились начальники к металлистам. К такому, может, знаете, секретарю райкома металлистов Кийко. Фамилия у него такая.

Говорят ему:

— Товарищ дорогой, с чего бы это случилось? Человека ведь нет в городе, чтоб он не металлистом был.

— Да ну? — удивился секретарь. — Неужели же, говорит, до того дошло? Оно, действительно, последнее время де-лишки у нас неважнецкие пошли. Прямо хоть закрывай лавочку. Никто, то есть, за членскими книжками не идет. А оно вон что — потребителя не осталось. Всех, оказывает-ся, удовлетворили.

Тут, конечно, и приперли этого секретаря. И еще кой-каких ребят.

Но тут и обрисовалось положение. Тут-то и выяснилось. Тут-то и оказалось, что работала целая компания. И устро-

ила эта компания вроде дешевой распродажи членских книжек.

Торговали дешево. Чуть не задаром. Рубликов за пять книжонку с пятилетним стажем выдавали. А которому элементу непременно охота было нагнать побольше стажу — гони всего десятку.

Вот какие грубые дела на свете творятся.

Но это, небось, только в Красногоре. В других городах все отлично и симпатично. Дела идут, контора пишет, и членские книжки на комод.

ТЕЛЕФОН

Я, граждане, надо сказать, недавно телефон себе поставил. Потому по нынешним торопливым временам без телефона как без рук.

Мало ли — поговорить по телефону или, например, позвонить куда-нибудь.

Оно, конечно, звонить некуда — это действительно верно. Но, с другой стороны, рассуждая материально, сейчас не 19 год. Это понимать надо.

Это в 19 году не то что без телефона обходились — не жравши сидели, и то ничего.

А скажем теперь — за пять целковых аппараты тебе вешают. Господи твоя воля!

Хочешь — говори по нем, не хочешь — как хочешь. Никто на тебя за это не в обиде. Только плати денежки.

Оно, конечно, соседи с непривычки обижались.

— Может, — говорят, — оно и ночью звонить будет, так уж это вы — ах оставьте.

Но только оно не то что ночью, а и днем, знаете, не звонит. Оно, конечно, всем окружающим я дал номера с просьбой позвонить. Но, между прочим, все оказались беспартийные товарищи и к телефону мало прикасаются.

Однако, все-таки за аппарат денежки не дарма плочены. Пришлось таки недавно позвонить по очень важному и слишком серьезному делу.

Воскресенье было.

И сижу я, знаете, у стены. Смотрю, как это оно оригинально висит. Вдруг как оно зазвонит. То не звонило, не звонило, а тут как прорвет. Я, действительно, даже испугался.

«Господи, думаю, звону-то сколько за те же деньги!»

Снимаю осторожно трубку за свои любезные.

— Алло, — говорю, — откуда это мне звонят?

— Это, — говорят, — звонят вам по телефону.

— А что, — говорю, — такое стряслось и кто, извиняюсь, будет у аппарата?

— Это, — отвечают, — у аппарата будет одно знакомое вам лицо. Приходите, — говорят, — по срочному делу в пивную на угол Посадской.

«Видали, думаю, какие удобства! А не будь аппарата — что бы это лицо делало? Пришлось бы этому лицу на трамвае трястись».

— Алло, — говорю, — а что это за такое лицо и какое дело?

Однако, в аппарате молчат и на это не отвечают.

«В пивной, думаю, конечно, выяснится».
Поскорее сию минуту одеваюсь. Бегу вниз.
Прибегаю в пивную.
Народу, даром что днем, много. И все незнакомые.
— Граждане, — говорю, — кто меня сейчас звонил и по какому, будьте любезны, делу?
Однако, посетители молчат и не отвечают.
«Ах, какая, думаю, досада. То звонили, звонили, а то нет никого».
Сажусь к столику. Прошу подать пару.
«Посижу, думаю, может и придет кто-нибудь. Странные, думаю, какие шутки».
Выпиваю пару, закусываю и иду домой.
Иду домой.
А дома то есть полный кавардак. Обокраден. Нету синего костюма и двух простынь.
Подхожу к аппарату. Звоню срочно.
— Алло, — говорю, — барышня, дайте в ударном порядке уголовный розыск. Обокраден, — говорю, — в чистую.
Барышня говорит:
— Будьте любезны — занято.
Звоню попозже. Барышня говорит:
— Кнопка не работает, будьте любезны.
Одеваюсь. Бегу, конечно, вниз. И на трамвае в уголовный розыск.
Подаю заявление.
Там говорят:
— Расследуем.

Я говорю:

— Расследуйте и позвоните.

Они говорят:

— Нам, говорят, звонить как раз некогда. Мы, говорят, и без звонков расследуем, уважаемый товарищ.

Чем все это кончится — не знаю. Больше никто мне не звонил. А аппарат висит.

ЮРИСТ ИЗ ПРОВИНЦИИ

Оно, конечно, Гаврила вузов не кончал. Это действительно верно, не спорим. Но промежду прочим в юридических тонкостях Гаврила очень даже свободно разбирается.

Единственно не понять Гавриле юридических тонкостей в городе Екатеринославе. Там действительно толкуют законы очень даже неожиданно и скандально.

И кто толкует — уважаемый полупочтенный товарищ с высшим образованием, юрист одного почтенного учреждения.

Дозвольте уж начать от печки.

Дело случилось, конечно, в Екатеринославе. В доме по Чумацкому переулку. Может знаете — третий дом от угла, двухэтажный такой небоскреб. И был хозяином этого небоскреба гражданин Котков, кажись, что из эппманов.

А промежду прочим жил в этом же доме квартирант Горбатов. И снимал он небольшую квартирку у Коткова. И был он, можно сказать, жилец чистой пролетарской воды.

И, натурально, было ему противно ежедневно встречать и видеть своего домохозяина — кровавого нэпмана Коткова.

А нэпман Котков тоже, конечно, в свою очередь не одобрял своего квартиранта и спуску ему не давал. Ну, и ссорились они от этого ежедневно.

Так вот однажды они поссорились. А домохозяин Котков от полноты хозяйских чувств взял да и выбил стекла в квартире Горбатова.

Очень от этого факта расстроился Горбатов.

— Будь, — говорит, — еще летний месяц, я бы, — говорит, — и внимания на это не обратил, но зимой, — говорит, — с дыркой в окне неинтересно жить, — дует, снег моросит и вообще скучновато.

Однако, ничего он на это домохозяину не сделал и даже морды ему не набил. А решил, скрепя сердце, поступить строго по закону.

И вот оделся Горбатов потеплее и пошел в одно довольно видное профсоюзное учреждение за советом: как ему быть и чем окно заткнуть и нельзя ли вообще притянуть кровавого нэпмана Коткова.

Юрист надел пенсне на нос и отвечает:

— Побейте и вы ему окна, только чтоб никто не видал.

Квартирант Горбатов гордо поблел, плюнул в урну и вышел. Вышел и домой пошел.

Побил ли он дома стекла — мы не знаем. Газета «Звезда» (1961) про этот факт ничего лишнего не говорит. Мы же из

пальца тоже высосать не можем. А факт остается фактом. А факт такой, что — унеси ты мое горе...

А вообще мамаша юриста напрасно на высшее образование сынку разорялась. Стекла побить или морду набить очень свободно можно и со средним образованием.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Дозвольте прежде всего объяснить, где это было. А то не поверят.

— Эва, скажут, какую пулю Гаврила заливает.

А между прочим, заливать-то не приходится. Все есть, то есть тютелька в тютельку и в аккурат. Даже хуже.

А было это в одном губотделе союза полиграфистов. Вон где.

Там однажды ревизионная комиссия решила ревизию навести. Мол, нет ли каких упущений, или, тьфу-тьфу, рас-трат, или еще каких гадостей.

Ну, конечно, утром пораньше собралась ревизионная комиссия. Нагрянула.

— А ну-ка, говорят, голуби, предъявляйте документы и разные ваши книжки. Посмотрим, чего у вас там нацарапано.

Ну, конечно, голуби-полиграфисты малость подрастерялись, однако книжки и все такое нацарапанное предъявили. Считала, считала ревизионная комиссия — все в порядке.

— Все, говорят, у вас хорошо и отлично. Спасибо за службу. Дозвольте, говорят, теперь наличные денежки в кассе проверить. И на этом факте распростимся.

Ну, конечно, растерялись полиграфисты.

— Да вы, говорят, не трудитесь. Тем более, говорят, что и денег у нас в кассе ни сантима. Мы, знаете, деньги в кассе не держим. Привычки такой у нас нету. Мало ли, сопрут их или что. У нас, говорят, деньги завсегда при кассире. В штанах зашиты.

Растерялась ревизионная комиссия.

— А подать, говорят, нам сюда в таком разе кассира. Сейчас мы кассировы штаны проверим.

Растерялись полиграфисты самую малость.

— Да вы, говорят, не трудитесь. Тем более, что и кассирато у нас нету. Мы, говорят, его в отпуск пустили вместе со штанами.

Наступило тут тяжелое молчание. Только слышно было, как сопят полиграфисты. После ревизионная комиссия говорит:

— А союзные средства-то где?

Полиграфисты говорят:

— Да мы ж и говорим — в штанах.

— А штаны-то где?

— Да мы ж и говорим — в отпуску штаны. И кассир при них. Тьфу, говорят, ей-богу, какие вы без понятия? А еще ревизионная комиссия.

Тут ревизионная комиссия попросила принести каждому по стаканчику холодной воды. Выпили. И разошлись с тихим пением.

АМЕРИКАНСКАЯ РЕКЛАМА

Пошел тут один рабочий квартиру себе подыскать.

Ходил, ходил, похудел и поседел, сердечный, но квартиру все-таки нашел. По случаю.

Миленькая такая квартира — кухня и при ней комната. В арендованном доме.

До чего обрадовался рабочий — сказать нельзя.

— Беру, — говорит, — гражданин-арендатель. Считайте за мной.

Арендатель говорит:

— Да, конечное дело, берите, ладно. Платите мне шестьдесят рублей въездных и берите, ладно. Такую квартиру за такую цену у меня завсегда с руками и с ногами оторвут.

Рабочий говорит:

— Нету у меня, братишка, таких бешеных денег. Нельзя ли, дядя, вообще без въездных?

Ну, одним словом, не сошлись в цене.

Очень расстроился от этого рабочий.

Идет домой в сильных грустях и думает:

«Прохвачу этого прохвоста в газете. Мыслимое ли дело такие деньги драть!»

И на другой день, действительно, появилась в газете за подписью рабкора обличительная заметка. Крепко так обложили арендателя.

Это, говорят, паук, а не муха. Шесть червонцев драть за такую квартиру — это же прямо скучно. И откуда могут быть такие бешеные деньги у рабочего человека?

Словом — вот как обложили арендателя. И адрес указали. Чтоб в случае чего хвост могли накрутить ядовитому арендателю.

И, батюшки-светы, чего было в тот же день на этой вышеуказанной улице! Очередь. Огромная, то есть, очередь образовалась. Давка. Галдеж. Все граждане стоят и в руках газеты держут. И пальцами в заметку тычут.

— Да это же, — говорят, — граждане, квартира! За шестьдесят рублей цельная квартира. Да мы очень свободно сто дадим в случае ежели чего.

В одном месте у ворот драка чуть не случилась. Хотели уж конную милицию требовать. Да в этот момент сам гражданин арендатель в окне показался. И ручкой реверанс сделал.

— Расходись, — кричит, — робя! Не стой понапрасну. Сдадена квартирнка.

— За сколько сдадена-то? — спросили в толпе.

— За двести сдадена. Спрос очень огромный, нельзя, братцы, меньше.

— За двести! — ахнула толпа. — Да мы тебе дядя, очень свободно триста бы дали. Допусти только.

Арендатель с явным сожалением развел руками и отошел от окна.

Толпа понуро расходилась, помахивая газетами.

ШУТКА

Вот не угодно ли — девятый год революции, пятый или шестой год нэпа, а, между прочим, такая глупая некультур-

ность наблюдается. Ходят граждане первого апреля вроде как обалдевши и друг друга обманывают.

По совести говоря, я и сам обманывал, да и меня обманывали во всякое время года, а вот первого апреля однажды на этом обжегся — два зуба себе выбил и имущества лишился, не считая еще того, что женина мамашка ногу себе вывихнула. Ну да с этим последним я не считаюсь. Пес с ней, с ногой. Тем более что очень уж вредная старушка, бог ей судья.

А сижу я раз однажды дома. И чай пью. Самовар кипит. Жена рядом сидит. А женина мамашка разговаривает.

— Вот, говорит, и первое апреля наступило. Надо бы, говорит, непременно кого-нибудь облапошить по этому поводу.

Стали мы, конечно, думать, кого бы нам облапошить. А жена говорит:

— Хорошо бы, говорит, граждане, Анну Васильевну, нижнюю жилицу, втравить в какую-нибудь такую этакую штуку. Чего-нибудь ей, дуре, крикнуть или на испуг взять, а после объявить, мол, шутка — с первым, то есть, вас с апрелем, Анна Васильевна.

Так вот обсуждаем мы, как бы эту чертову Анну Васильевну покрепче облапошить, — вдруг стук в дверь. Открываем. Стоит на площадке сама Анна Васильевна. И вся бледная. Мелко трясется. Кричит:

— Горим, граждане! Спасайся, кто может!

И сама вниз.

В первую минуту очень мы испугались. Женина мамашка схватила даже какую-то дрянь в руку, спасать хотела. После вдруг говорит:

— Вот ведь подлюга! Добилась-таки своего. Напугала, тварь такая. Хорошенькие первоапрельские шуточки.

Я говорю:

— Я всегда, мамаша, вам говорил — шестой год нэпа, а такие дикие поверья.

И сели мы обратно к столу. Хохочем. Вспоминаем всякие такие ядовитые обманы и рассуждаем, как это довольно натурально вышло у Анны Васильевны — вдруг как пахнет в нас гарью. И дым как плеснет в рожу.

«Батюшки, думаем, а ведь горим!»

Бросились к выходу — ни в какую — огонь. Подбегли к окну и нырнули вниз, по очереди. Сначала дамы, потом перины, а после и я, грешный. Тут-то старушка и натрудила себе ногу.

Вот какие грубые шутки случаются на пятый год нэпа.

Конечно, если говорить правду, то всю эту историю я наврал. Никакого такого случая со мной не было. Да, между прочим, и быть не могло. Где это видано, чтоб женщина на пожаре упреждала своих соседей об опасности да еще наверх за этим бегала?

Наврал, граждане, полностью наврал.

А вообще говоря, отчего не соврать, раз такой симпатичный обычай.

ИМЕНИННИЦА

До деревни Горки было всего, я полагаю, версты три. Однако пешком идти я не рискнул. Весенняя грязь буквально доходила до колена.

Возле самой станции, у кооператива, стояла крестьянская подвода. Немолодой мужик в зимней шапке возился около лошади.

— А что, дядя, — спросил я, — не подвезешь ли меня до Горок?

— Подвезти можно, — сказал мужик. — Только даром мне нет расчета тебя подвозить. Рублишко надо мне с тебя взять, милый человек. Дюже дорога трудная.

Я сел в телегу и мы тронулись.

Дорога, действительно была аховая. Казалось, дорога была специально устроена с тем тонким расчетом, чтобы вся весенняя дрянь со всех окрестных полей стекала именно сюда. Жидкая грязь покрывала почти полное колесо.

— Грязь-то какая, — сказал я.

— Воды, конечно, много, — равнодушно ответил мужик.

Он сидел на передке, свесив вниз ноги, и непрерывно цокал на лошадь языком.

Между прочим, цокал он языком абсолютно всю дорогу. И только когда переставал цокать хоть на минуту, лошадь поводила назад ушами и добродушно останавливалась.

Мы отъехали шагов сто, как вдруг позади нас, у кооператива, раздался истошный бабий крик.

И какая-то баба в сером платке, сильно размахивая руками и ругаясь на чем свет стоит, торопливо шла за телегой, с трудом передвигая ноги в жидкой грязи.

— Ты что ж это, бродяга! — кричала баба, доходя в некоторых словах до полного визгу. — Ты кого ж посадил-то, черт рваный? Обормот, горе твое луковое!

Мой мужик оглянулся назад и усмехнулся в бородавку.

— Ах, паразит-баба, — сказал он с улыбкой, — кроет-то как!

— А чего она? — спросил я.

— А пес ее знает, — сказал мужик, сморкаясь. — Не иначе, как в телегу ладит. Неохота ей, должно стать, по грязи хлюпать.

— Так пуцай сядет, — сказал я.

— Троих не можно увезти, — ответил мужик, — дюже дорога трудная.

Баба, подобрав юбки до живота, нажимала все быстрее, однако по такой грязи догнать нас было трудновато.

— А ты что, с ней уговорился, что ли? — спросил я.

— Зачем уговорился? — ответил мужик. — Жена это мне. Что мне с ней зря уговариваться?

— Да что ты? Жена? — удивился я. — Зачем же ты ее взял-то?

— Да увязалась баба. Именинница она, видишь, у меня сегодня. За покупками мы выехали. В кооператив.

Мне, городскому человеку, ужасно как стало неловко ехать в телеге, тем более, что именинница крыла теперь все громче и громче и меня, и моих родных, и своего полупочтенного супруга.

Я подал мужику рубль, прыгнул с телеги и сказал:

— Пущай баба сядет. Я пройдусь.

Мужик взял рубль и, не снимая с головы шапки, засунул его куда-то под волоса.

Однако свою именинницу он не стал ждать. Он снова зацокал языком и двинул дальше.

Я мужественно шагал рядом, держась за телегу рукой, потом спросил:

— Ну, что ж не сажаешь-то?

Мужик тяжело вздохнул:

— Дорога дюже тяжелая. Не можно сажать сейчас... Да ничего ей, бабе-то... Она у меня, дьявол, двужильная.

Я снова на ходу влез в телегу и доехал до самой деревни, стараясь теперь не глядеть ни на моего извозчика, ни на именинницу.

Мужик угрюмо молчал.

И только когда мы подъехали к дому, мужик сказал:

— Дорога дюже тяжелая, вот что я скажу. За такую дорогу тройк брать надо.

Пока я рассчитывался с извозчиком и расспрашивал, где бы мне найти председателя, — подошла именинница. Пот с нее — градом. Она одернула свои юбки и, не глядя на мужа, просто сказала:

— Выгружать, что ли?

— Конечно, выгружать, — сказал мужик. — Не до лету лежать товару.

Баба подошла к телеге и стала выгружать покупки, унося их в дом.

ПАРАЗИТ

1

Живет на свете такой Вася Кучкин. Писатель. Ничего себе — довольно способный парнишка. Талант в нем так и брызжет в разные стороны. Романы даже писать может.

А однажды сдуру написал этот способный Вася Кучкин роман. Получил, конечно, за него монету. Зажил.

Купил себе пальтишко с воротником и кровать. На кровати валяется и пальтишком прикрывается. Живет что богатый.

2

«Кучкин-то наш, — подумал Васин управдом, — землю, сволочь, роет. Романы, подлая душа, пишет. Польты с воротниками ежедневно покупает. Надо ему, паразиту, на квартиру набавить. Чего с ним стесняться».

И набавил.

3

«Вот черти-то, — удивился Вася Кучкин, — на квартиры набавляют. Придется поднажать. Не выходит иначе».

И стал голубчик наш Вася Кучкин побольше работать. Расстарался, конечно, обмозговал сразу два романа. Продал. Зажил. Живет что богатый. На кровати валяется и пальтишком прикрывается.

4

«Эге, — подумал Васин фининспектор, — Кучкин-то, паразит, по два романа враз выпускает. Надо будет обложить подлеца».

Ну и обложил. И извещеньице ему любезно прислал. Дескать, с вас, милый, приходится.

5

«Худо, — подумал Вася Кучкин, с грустью рассматривая извещение. — Чем платить прикажете? Придется поднажать. Должно быть, маловато работаю. Не хватает. Надо будет сон, что ли, сократить».

Ну и поднажал. Обмозговал враз три романа и сценарий. Попыхтел, постарался. И продал.

6

«Живут же люди, — подумал Васин управдом, — по три романа, черти, пишут. А, промежду прочим, как ремонты, так на казенный счет норовят. Пушай-ка этот чертов Кучкин за свои любезные ремонтирует. Будет!»

«Действительно, — подумал фининспектор, рассматривая Васины балансы. — Богато живут люди. Жиреют. Надо будет хвост накрутить».

«Господи, — подумал Вася Кучкин, хватаясь за голову. — Что делается-то! Придется еще поднажать».

Поднажал. Обмозговал четыре романа и трагедию. Продал.

«Кучкин-то, — подумали родственники. — Ну кто бы мог думать? Такой пустяковый человек, а как, сволочь, в гору пошел. Трагедии пишет. Говорят, тыщи огребают. Надо будет нагрянуть к нему, пущай отвалит чего-нибудь на родственных началах».

«Ох! — подумал Вася Кучкин, — то есть решительно не хватает! Надо будет поднажать. Одно жалко — котелок что-то плохо работает».

Одначе, поднажал.

«Ого! — подумал фининспектор, почтительно разглядывая Васины цифры. — Лопатой гребет. Надо будет...»

Братцы! Милые товарищи! Молочные братья! Каюсь! Никакого такого Кучкина и в природе нет. Это я про себя написал. И вышла у меня, как видите, авторская исповедь.

Конечно, нет в этой исповеди — как у других прочих писателей — ни великих переживаний, ни революционных этаких восторгов — есть один, можно сказать, подлый коммерческий расчет. А что поделать? Не подняться нам, видимо, с мелкой своей натуришкой над прозой жизни.

А исповедь эту, как видите, подписал я одной двусмысленной буквой. Не то это «три», не то — «зе». Разбирайтесь.

По секрету скажу — побоялся я полной фамилией подписывать. А то прочтут — опять, скажут, этот, как его, Зощенко пишет. В каждом, скажут, номере, сволочь, старается. Эх, придется поднажать!

3.

ЧАСЫ

Главное — Василий Конопатов с барышней ехал. Поехал бы он один — все обошлось бы мило и неглупо. А тут черт дернул Васю с барышней на трамвае ехать.

И, главное, как сложилось все дефективно! Например, привычки никогда не имел по трамваям ездить. Всегда пешком перся. То есть случая не было, чтоб парень в трамвай влез и семь копеек кондуктору добровольно отдал.

А тут нате вам — манеры показал. Мол, неудобно ли вам, дорогая барышня, в трамвае покататься? К чему, дескать, туфлями лужи черпать?

Скажи на милость, какие великосветские манеры!

Так вот, влез Вася Конопатов в трамвай и даму за собой впер. И мало того, что впер, а еще и заплатил за нее без особого скандалу.

Ну, заплатил — и заплатил. Ничего в этом нет особенного. Стой, подлая душа, на месте, не задавайся. Так нет, начал, дьявол, для фасона за кожаные штуки хвататься. За верхние держатели. Ну и дохвтался.

Были у парня небольшие часы — сперли.

И только сейчас тут были. А тут вдруг хватился, хотел перед дамой пыль пустить — часов и нету. Заголосил, конечно.

— Да что ж это, — говорит, — раз в жизни в трамвай вопрешься и то трогают.

Тут в трамвае началась, конечно, неразбериха. Остановили вагон. Вася, конечно, сразу на даму свою подумал, не она ли вообще стилиснула.

Дама — в слезы.

— Я, — говорит, — привычки не имею за часы хвататься. Тут публика стала наседать.

— Это, — говорит, — нахальство на барышню тень наводить.

Барышня отвечает сквозь слезы:

— Василий, — говорит, — Митрофаныч, против вас я ничего не имею. Несчастье, говорит, каждого человека приги-

нает. Но, говорит, пойдёмте, прошу вас, в угрозыск. Пущай там зафиксируют, что часы — пропажа. И, может, они, слава богу, найдутся.

Василий Митрофанович отвечает:

— Угрозыск тут не при чем. А что на вас я подумал — будьте любезны, извините. Несчастье, это действительно, человека пригинает.

Тут публика стала выражаться. Мол, как это можно? Если часы — пропажа, то обязательно люди в угрозыск ходят и заявляют.

Василий Митрофанович говорит:

— Да мне, говорит, граждане, прямо неохота в угрозыск идти. Особых делов, говорит, у меня там нету. Это, говорит, необязательно идти.

Публика говорит:

— Обязательно. Как это можно, когда часы — пропажа. Идёмте, мы свидетели.

Василий Митрофанович отвечает:

— Это насилие над личностью.

Однако, все-таки пойти пришлось.

И что бы вы, милые мои, думали? Зашел парень в угрозыск, а оттуда не вышел. Так-таки вот и не вышел. Застрял там.

Главное — пришел парень со свидетелями, объясняет. Ему говорят:

— Ладно, найдем. Заполните эту анкету. И объясните, какие часы.

Стал парень объяснять и заполнять и запутался.

Стали его спрашивать, где он в 19 году был. Велели показать большой палец. Ну, и конченное дело. Приказали остаться и не удаляться. А барышню отпустили.

И подумать, граждане, что творится? Человек и в угрозыск не может зайти. Заметают.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Германская война и разные там окопчики — все это теперь, граждане, на нас сказывается. Все мы через это нездоровые и больные. У кого нервы расшатавши, у кого брюхо как-нибудь сводит, у кого орган не так аритмично бьется, как это хотелось бы. Все эти результаты.

На свое здоровье, конечно, пожаловаться я не могу. Здоров. И жру ничего. И сон невредный. Однако, каждую минуту остерегаюсь, что эти окопчики и на мне скажутся.

Тоже вот не очень давно встал я с постели. И надеваю, как сейчас помню, сапог. А супруга мне говорит:

— Что-то, говорит, ты, Ваня, сегодня с лица будто такой серый. Нездоровый, говорит, такой у тебя цвет бордо.

Поглядел я в зеркало. Действительно, — цвет отчаянный бордо и морда кирпича просит.

«Вот те, думаю, клюква! Сказываются окопчики. Может, у меня сердце или там еще какой-нибудь важный орган не так хорошо бьется. Оттого, может, я и серею».

Пощупал пульс — тихо, но работает. Однако, какие-то боли изнутри пошли. И ноет что-то.

Грустный такой я оделся и, не покушав чаю, вышел на работу.

Вышел на работу. Думаю — ежели какой черт скажет мне насчет моего вида или цвета лица — схожу обязательно к доктору. Мало ли — живет, живет человек и вдруг, хлоп — помирает. Сколько угодно.

Без пяти одиннадцать, как сейчас помню, подходит до меня старший мастер Житков и говорит:

— Иван Федорович, голубчик, да что с тобой? Вид, говорит, у тебя сегодня чересчур отчаянный. Нездоровый, говорит, у тебя, землистый вид.

Эти слова будто мне по сердцу полоснули.

«Пошатнулось, думаю, мать честная, здоровье. Допрыгался, думаю».

И снова стало ныть у меня внутри, мутить. Еле, знаете, до дому дополз. Хотел даже скорую помощь вызвать.

Дополз до дому. Свалился на постель. Лежу. Жена ревет, горюет. Соседи приходят, охают.

— Ну, — говорят, — и видик у тебя, Иван Федорович. Ничего не скажешь. Не личность, а форменное бордо.

Эти слова еще больше меня растрavляют. Лежу плоской и спать не могу.

Утром встаю разбитый, как сукин сын. И велю поскорей врача пригласить.

Приходит коммунальный врач и говорит — симуляция.

Чуть я за эти самые слова врача не убил.

— Я, — говорю, — покажу, какая симуляция. Я, говорю, сейчас, может быть, разорюсь на трояк и к самому профессору сяду и поеду.

Стал я собираться к профессору. Надел чистое белье. Стал бриться. Провел бритвой по щеке, мыло стер — гляжу — щека белая, здоровая и румянец на ей играет.

Стал поскорей физию тряпочкой тереть — гляжу начисто сходит серый цвет бордо.

Жена приходит, говорит:

— Да ты, небось, Ваня, неделю рожу не полоскал?

Я говорю:

— Неделю, этого быть не может — тожехватила, дура какая. Но, говорю, дня четыре, это, пожалуй, действительно верно.

А главное, на кухне у нас холодно и неудобно. Прямо мыться вот как неохота. А когда стали охать да ахать — тут уж и совсем, знаете ли, не до мытья. Только бы до кровати доползти.

Сию минуту помылся я, побрился, галстук прицепил и пошел свеженький, как огурчик, к своему приятелю.

И боли сразу будто ослабли. И сердце ничего себе бьется.

ДАМСКОЕ ГОРЕ

Перед самыми праздниками зашел я в сливочную купить себе четвертку масла — разговеться.

Гляжу — в магазине народищу уйма. Прямо, не протолкнуться.

Стал я в очередь. Терпеливо жду. Кругом — домашние хозяйки шумят и норовят без очереди протиснуться. Все время приходится одергивать.

И вдруг входит в магазин быстрым шагом какая-то дамочка. Нестарая еще, в небольшой черной шляпке. На шляпке — креп полощется. Вообще, видно, в трауре.

И протискивается эта дамочка к прилавку. И что-то такое говорит приказчику. За шумом не слышать.

Приказчик говорит:

— Да я не знаю, гражданка. Одним словом, как другие — дозволят, так мое дело пятое.

— А чего такое? — спрашивают в очереди. — Об чем речь?

— Да вот, — говорит приказчик, — у них то есть семейный случай. Ихний супруг застрелившись... Так они просят отпустить им фунт сметаны и два десятка яиц без очереди.

— Конечное дело, отпустить. Обязательно отпустить. Чего там! — заговорили все сразу. — Пущай идет без очереди.

И все с любопытством стали рассматривать эту гражданку. Онаправила креп на шляпке и вздохнула.

— Скажите, какое горе! — сказал приказчик, отвечивая сметану. — И с чего бы это, мадам, извиняюсь?

— Меланхолик он у меня был, — сказала гражданка.

— И давно-с? — позвольте вас так спросить.

— Да вот на прошлой неделе сорок дней было.

— Скажите, какие несчастные случаи происходят! — снова сказал приказчик. — И позвольте узнать, с револьверу они это самое это, значит, или с чего другого?

— Из револьверу, — сказала гражданка. — Главное, все на моих глазах произошло. Я сижу в соседней комнате. Хочу, не помню, что-то такое сделать. И вообще ничегошеньки не предполагаю, вдруг ужасный звук происходит. Выстрел, одним словом. Бегу туда — дым, в ушах звон... И все на моих глазах.

— М-да, — сказал кто-то в очереди, — бывает...

— Может быть, и бывает, — ответила гражданка с некоторой обидой в голосе, — но так, чтобы на глазах, это, знаете, действительно...

— Какие ужасные ужасы! — сказал приказчик.

— Вот вы говорите — бывает, — продолжала гражданка. — Действительно бывает, я не отрицаю. Вот у моих знакомых племянник застрелился. Но там, знаете, ушел человек из дому, пропадал вообще... А тут все на глазах...

Приказчик завернул сметану и яйца в пакет и подал гражданке с особой любезностью.

Дама печально кивнула головой и пошла к выходу.

— Ну, хорошо, — сказала какая-то фигура в очереди. — Ну, ихний супруг застрелившись. А почему такая спешка и яйца без очереди? Неправильно!

Дама презрительно оглянулась на фигуру и вышла.

НА ПОСТУ

Очень худая профессия у врачей. Главное — пациент нынче пошел довольно грубоватый. Не стесняется. Чуть что не понял — драться лезет, или вообще убивает врача каким-нибудь предметом.

А врач, может, человек интеллигентный, не любит, может, чтобы его убивали. От этого, может, он нервничает.

А только у нас в приемном покое привычки такой нет, чтобы врачей убивать. У нас, может, с начала революции бесценно на посту один врач стоит. Ни разу его не убили.

Фельдшера, действительно, раз отвозили по морде, а врача пальцем не тронули. Он за ширмой был спрятавшись.

А что один раз нашего врача шибко напугали, так в этом порока нету. Это случайно произошло. Да к тому же врач у нас вообще был довольно пугливый интеллигент. Бывало, пациента трубкой ковырнет и отбежит в сторонку, этак шагов на сорок. И оттуда разговаривает. Довольно осторожный был интеллигент.

А когда Григорий Иванович Веревкин явился на прием, так врач уже был насторожившись нервно.

А приперся Григорий Иванович на прием по срочному делу. Надо ему было то есть до полного зарезу в отпуск ехать. В деревню. Батяка его требовал.

Вот он приперся, разоблачился и стоит перед врачом, в чем мама родила. И думает: «Хорошо бы, думает, этого интеллигента недельки на две опутать».

А врач, конечно, ковырнул его трубкой по брюху и отбежал за шкафчик. И оттуда мямлит:

— Нету, — мол, — объективных болезней. Одевайтесь.

А Григорий Иванович расстроился и говорит ему с сердцем:

— Ты, говорит, дядя, хорошо меня слушай, а не ковыряй зря трубкой. Я, говорит, и сам ковырнуть могу.

Врач, конечно, расстроился и снова стал слушать. После отошел за шкаф и говорит:

— Ей-богу, говорит, вот вам крест — ничего такого нету. Одевайтесь.

Стал Григорий Иванович одеваться. Одевается.

И, конечно, у Григория Ивановича, у голубчика и в мыслях не было врача, например, убить или фельдшера аукнуть. А просто-напросто расстроился человек, что отпуск у него рухнул. И в расстройстве чувств даже сплюнул в сторону. Даже руку в карман сунул, хотел платок достать — высморкаться для полного успокоения.

И только он руку в карман сунул — крики.

Врач, конечно, кричит — убивают. Фельдшер махает рукой, народ кличет.

Тут прибежал народ, схватил Григория Ивановича Веревкина, держит.

Веревкин говорит:

— Да что вы, братцы-сестрицы, очумели, что ли?

А фельдшер, зараза, отвечает:

— Он руку сейчас в карман сунул, хотел, может, нас, обоих медиков, зараз трахнуть.

Стали Григория Ивановича обыскивать, а только ничего такого, кроме махорки, не нашли.

А что про платок Григорий Иванович говорил, будто он хотел в платок интеллигентно высморкаться, то врет. Платка у него тоже не нашли.

Небось, просто так он сунул руку в карман.

А в этот момент и закричали.

Только напрасно закричали. У нас вообще привычки нет врачей убивать. Пущай живут. Жалко что ли?

БОЧКА

Вот, братцы, и весна наступила. А там, глядишь, и лето скоро. А хорошо, товарищи, летом! Солнце пекет. Жарынь. А ты ходишь таким чертом без валенок в одних портках и дышишь. Тут же где-нибудь птичечки порхают. Букашки куда-нибудь стремятся. Червячки чирикают. Хорошо, братцы, летом.

Хорошо, конечно, летом, да не вовсе.

Года два назад работали мы по красной кооперации. Такая струя в нашей жизни подошла. Пришлось у прилавка постоять.

Так для красной кооперации, товарищи, нет, знаете, ничего гаже, когда жарынь. Продукт-то ведь портится. Тухнет продукт, али нет? Конечное дело, тухнет. А ежели он тухнет, есть от этого убытки красной кооперации? Есть.

А тут, может, наряду с этим лозунг брошен — режим экономии. Ну, как это совместить, дозвоьте вас спросить?

Нельзя же, граждане, с таким полным эгоизмом подходить к явлениям природы и радоваться и плясать, когда наступает теплее. Надо же, граждане, и об общественной пользе позаботиться.

А помню, граждане, у нас в кооперативе испортилась капуста, стухла, извините за такое сравнение.

И мало того, что от этого прямой у нас убыток красной кооперации, так тут еще накладной расход. Увезить, оказывается, надо этот спорченный продукт. У тебя же, значит, испортилось, ты же на это еще и денежки свои докладдай. Вот обидно!

А бочка у нас стухла громадная. Этакая бочища, пудов, может, на восемь. А ежели на килограммы, так и счету нет. Вот такая бочища!

И такой от нее скучный душок пошел — гроб.

Заведующий наш, Иван Федорович, от этого духа прямо смысл жизни потерял. Ходит и нюхает.

— Кажись, — говорит, — братцы, разит?

— Не токмо, — говорим, — Иван Федорович, разит, а прямо пахнет.

И запах, действительно, надо сказать, острый был. Прохожий человек по нашей стороне ходить даже остерегался. Потому с ног валило.

И надо бы эту бочечку поскорее увезти куда-нибудь к чертовой бабушке, да заведующий, Иван Федорович, мнется. Все-таки денег ему жалко. Подводу надо нанимать, пятое, десятое. И везти к черту на рога за весь город. Все-таки заведующий и говорит:

— Хоть, говорит, и жалко, братцы, денег и процент, говорит, у нас от этого ослабнет, а придется увезти этот бочонок. Дух уж очень тяжелый.

А был у нас такой приказчик, Васька Веревкин. Так он и говорит:

— А на кой кляп, товарищи, бочоночек этот вывозить и тем самым народные соки-денежки тратить и проценты себе слабить? Нехай выкатим этот бочонок во двор. И подождем, что к утру будет.

Выперли мы бочечку на двор. На утро являемся — бочка чистая стоит. Сперли за ночь капусту.

Очень мы, работники кооперации, от этого факта повеселели. Работа прямо в руках кипит — такой подъем наблюдается. Заведующий наш, голубчик Иван Федорович, ходит и ручки свои трет.

— Славно, — говорит, — товарищи, пушай теперь хоть весь товар тухнет, завсегда так делать будем.

Вскоре стухла еще у нас одна бочечка. И кадушка с огурцами.

Обрадовались мы. Выкатили это добро на двор и калиточку приоткрыли малость. Пушай, дескать, повидней с улицы. И валяйте, граждане!

Только на этот раз мы проштрафились. Не только у нас капусту уволокли, а и бочку, черти, укатали. И кадушечку слямзили.

Ну, а в следующие разы спорченный продукт мы на рогожку вываливали. Так с рогожкой и выносили.

БЫВАЕТ

Ванюшка-то Леденцов работу получил. Истинная правда. В тресте теперь работает.

И кто бы мог подумать! У человека то есть ни протекции, ни особых знакомств или ячеек — ничего такого не было. И вот поди ж ты! Работает.

А говорят, что всюду кумовство и протекции и чужому человеку будто внедриться куда-нибудь трудно. Ай врут!

У Ванюшки Леденцова во всем то есть тресте ни единого знакомого человечка не было. Не только, скажем, какого-нибудь крупного ответственного знакомого, а вообще никого не было. Был один беспартийный грузчик, да и тот поденный. А много ли может сделать поденный грузчик?

А пришел Ванюшка Леденцов раз однажды к этому грузчику. Поставил ему пару пива и говорит:

— Вот что, друг! Протекций у меня, сам знаешь, нету, в ячейках я не состою — подсоби по возможности.

Грузчик говорит:

— Навряд ли, милый человек, подсобить смогу. Неможно ведь так, тяп-ляп, без протекции. Сам понимаешь.

Но так складно все случилось. В прошлом году грузчик мебель перевозил трестовскому бухгалтеру.

— Так и так, — говорит, — уважаемый товарищ бухгалтер. Мебель я вам в свое время перевозил. Ничего такого не сломал, исключая одной ножки и умывальника. Ткните куда ни на есть Ванюшку Леденцова. Протекции у него, у подлеца, нету. Ничего такого нету. В ячейках не состоит. Ну, прямо, парень гибнет без протекции.

Бухгалтер говорит:

— Навряд ли, милый человек, можно без протекции. Прямо, говорит, не могу тебе обещать.

Но такая тут Ванюшке удача подошла. Планета такая ему, подлецу, выпала.

На завтра, например, приходит бухгалтер к коммерческому директору, подкладывает ему бумажонку для подписи и говорит:

— Знаете, товарищ директор, нынче без протекции прямо гроб.

— А что? — спрашивает директор.

— Да так, — говорит бухгалтер, — есть тут, мотается один парнишка без протекции, так не может никуда ткнуться. А и нам-то навряд ли можно его пихнуть.

— Да уж, — говорит директор, — без знакомства как его, дьявола, пихнешь. Худо ему без протекции.

А тут директор-распорядитель входит.

— Об чем, — говорит, — речь?

— Да вот, — говорят, — товарищ директор-распорядитель, парнишка тут есть один. Леденцов фамилия, никакой протекции у него, у подлеца, нету, не может никуда ткнуться, все мотается.

Директор-распорядитель говорит:

— Ну, пущай к нам придет. Посмотрим. Нельзя же, граждане, все по знакомству, да по знакомству. Надо же человека и без протекции уважить.

Так и уважили.

А говорят — всюду кумовство и протекции. Вот бывает же...

ГИПНОЗ

Могу, товарищи, с гордостью сказать: за всю свою жизнь ни одного врача не убил. Не ударил даже.

С одним врачом, действительно, пришлось сцепиться, но, кроме словесной дискуссии с помахиванием предметами, ничего у нас такого сверхъестественного не было. Пальцем его, черта лысого, не тронул, хотя, говоря по правде, и сильно чесались руки. Только сознательность удержала, а то бы, ей-богу, отвозил.

Эта полная сознательность и его медицинскую супругу тоже не допустила тронуть.

А она меня, ребятишки, очень неаккуратно выпирала из прихожей. И орала еще, зараза, что я ее в бок тиснул. А такую бабу, ребятишки, в бок не тиснешь, так она верхом на тебя сядет и до угла поедет.

А пришел я, товарищи, до этого медика по неотложному делу. На гипноз — внушение. Попросил его внушить, чтоб я курить бросил. А то такая на меня сильная страсть нашла: курю каждую минуту. И все мне мало. И денег лишний перевод, и язык пухнет.

И пошел я по совету до этого медика и ему объясняю.

Он говорит:

— Это, говорит, можно в два счета.

Посадил он меня в кресло, велел из кармана махру вынуть и стал перед мордой руками трясти и пришепetyвать что-то.

И вдруг, действительно, слабость на меня напала. Закрыв я глаза и ни о чем не думаю. Только думаю — не позабыть бы мне, думаю, махру на столе.

А в это время доктор говорит:

— Готово. Внушил вам, что надо. Сеанс лечения кончен.

— Вот, говорю, спасибо-то!

Вынул я деньги, заплатил ему и пошел назад.

На лестнице вдруг беспокойство на меня напало.

«Батюшки, думаю, да сколько ж я этому черту, дай бог память, заплатил?»

И помню — лежали у меня в расчетной книжке рупь-целковый, трешка и пятерка.

Развернул книжку — рупь-целковый и трешка тут, а пятерки как не бывало.

«Батюшки-светы, думаю, по ошибке самую крупную купюру в руку сунул, чтоб ему раньше времени сдохнуть!»

Дошел до дому и чуть не плачу — до того мне пятерки жалко.

Дома супруга мне говорит:

— Что, говорит, новый курс лечения захотел? Вот, говорит, и расплачивайся. Внушил, говорит, тебе чертов медик вместо рубля пятерку ему дать, а ты и рад стараться. Лучше бы, говорит, курил ты, черт плешивый, чем пятерками в докторей швыряться.

Тут и меня, действительно, осенило.

«А ведь верно, думаю, внушил. Ах ты, думаю, паразит, какие идеи внушает!»

Сразу оделся, покуда не остыл, и к нему.

— Трогать, — говорю, — я вас не буду. Мне сознательность не допускает врачей трогать, но, говорю, это неэтично вносить такие идеи.

А он вроде как испугался и подает назад деньги.

Я говорю:

— Теперь, говорю, подаешь, а раньше об чем думал? Тоже, говорю, практика!

В эту минуту на мои вопросы медицинская супруга является. Тут мы с ней и схлестнулись. А медика я пальцем даже не тронул. Мне сознательность не допускает их трогать. Их тронешь, а после по судам затаскают.

А курить я действительно бросил. Внушил-таки, черт лысый!

РЕЖИМ ЭКОНОМИИ

Как в других городах проходит режим экономии, я, товарищи, не знаю.

А вот в городе Борисове этот режим очень выгодно обернулся.

За одну короткую зиму в одном только нашем учреждении семь сажен еловых дров сэкономлено. Худо ли!

Десять лет такой экономии — это десять кубов все-таки. А за сто лет очень свободно три барки экономить можно. Через тысячу лет вообще дровами торговать можно будет.

И об чем только народ раньше думал? Отчего такой выгодный режим раньше в обиход не вводил? Вот обидно-то!

А начался у нас этот самый режим еще с осени.

Заведующий у нас — свой парень. Про все с нами советуется и говорит как с родными. Папироски даже, сукин сын, стреляет.

Так приходит как-то этот заведующий и объявляет:

— Ну, вот, ребяташки, началось... Подтянитесь. Экономьте чего-нибудь там такое...

А как и чего экономить — неизвестно. Стали мы разговаривать, чего экономить. Бухгалтеру, что ли, черту седому, не заплатить, или еще как.

Заведующий говорит:

— Бухгалтеру, ребяташки, не заплатишь, так он, черт седой, живо в охрану смотается. Этого нельзя будет. Надо еще чего-нибудь придумать.

Тут, спасибо, наша уборщица Ньюша женский вопрос на рассмотрение вносит:

— Раз, — говорит, — такое международное положение и вообще труба, то, говорит, можно, для примеру, уборную не отапливать. Чего там зря поленья перегонять? Не в гостиной!

— Верно, — говорим, — нехай уборная в холоде постоит. Сажень семь сэкономим, может быть. А что прохладно будет, так это отнюдь не худо. По морозцу-то публика задерживаться не будет. От этого даже производительность может актуально повыситься.

Так и сделали. Бросили топить — стали экономию подсчитывать.

Действительно, семь сажен сэкономили. Стали восьмую экономить, да тут весна ударила.

Вот обидно-то!

«Если б, думаем, не чертова весна, еще бы полкуба сэкономили».

Подкузьмила, одним словом, нас весна. Ну, да и семь сажен, спасибо, на полу не валяются.

А что труба там какая-то от морозу оказалась лопнувши, так эта труба, выяснилось, еще при царском режиме была поставлена. Такие трубы вообще с корнем выдергивать надо.

Да оно до осени очень свободно без трубы обойдемся. А осенью какую-нибудь дешевенькую поставим. Не в гостинной!

ОТЧАЯННЫЕ ЛЮДИ

Говорят, верблюд месяц может ничего не жрать. Вот это дивное животное! Он, говорят, пососет какую-нибудь травку, понюхает камушек, и с него хватит, сыт по горло. Вот это благородное животное!

А теперь, скажем, человек. Человеку ежедневно чего-нибудь пожрать нужно. Он какой-нибудь там травинкой не прельстится и камней нюхать не станет. Ему вынь да положь чего-нибудь этакое острое. Суп и на второе рыбу-де валяй. Вот что он любит.

И мало того что человек ежедневно пищу жрет, а еще и костюмы носит, и пьет, и в баню ходит.

Ох, эти же люди чистое разорение для государства! Вот тут и проводи режим экономии. Вот тут и сокращай разбухшие штаты.

Для примеру, человека ради экономии сократишь, а он и после сокращения все свое — жрет, а еще и костюмы носит. То есть откуда он так ухитряется — удивляться приходится. Чистое разорение.

Вот с нашего двора Палька Ершов под режим экономии попал. Сократили парня.

Ну, думаем, пропал Палька Ершов. Чего он теперь делать будет, раз режим экономии? Только видим — нет, не пропал. Вышел во двор сразу после сокращения, гуляет, плюется через зубы.

— Это, говорит, я знал. Я, говорит, ребяташки, завсегда под лозунги попадаю. Седьмой раз меня сокращают. Как какой лозунг объявят — режим или борьба за качество, — так мне всегда крышка. Я к этому привыкши.

— Ну, говорим, привычка привычкой, а хлебать-то чего теперь будешь?

— Да уж, говорит, жрать придется. Не верблюду.

Ну, думаем, пропал. На словах только хорохорится, а сам подохнет.

Только проходит месяц и два. Нет, не дохнет. Курит, плюется через зубы и костюмы носит.

Ну, думаем, или он, собака, ежедневно госбанки грабит, или деньги сам печатает.

— Палька, говорим, откройся, ослобони свою совесть. Чем ты, говорим, бродяга, кормишься?

А он говорит:

— Да, знаете, ребяташки, я на другую службу поступил.

Трудновато, думаем, с такими отчаянными людьми режим экономии проводить. Их сокращают, а они все свое — пьют, жрут и костюмы носят.

С верблюдами малость было бы полегче.

КИНОДРАМА

Театр я не хаю. Но кино все-таки лучше. Оно выгодней театра. Раздеваться, например, не надо — гривенники от этого все время экономишь. Бриться опять же не обязательно — в потемках личности не видеть.

В кино только в самую залу входить худо. Трудновато входить. Свободно могут затискать до смерти.

А так все остальное очень благородно. Легко смотрится.

В именины моей супруги поперли мы с ней кинодраму глядеть.

Купили билеты. Начали ждать.

А народу многонько скопившись. И все у дверей мнутя.

Вдруг открывается дверь и барышня говорит: «Валяйте».

В первую минуту началась небольшая давка. Потому каждому охота поинтересней место занять.

Ринулся народ к дверям. А в дверях образовавшись пробка.

Задние поднажимают, а передние никуда не могут.

А меня вдруг стиснуло, как севрюгу, и понесло вправо.

«Батюшки, думаю, дверь бы не расшибить».

— Граждане, — кричу, — легче за ради бога. Двери, говорю, человеком расколоть можно.

А тут такая струя образовавшись — прут без удержу.

А сзади еще военный на меня некультурно нажимает. Прямо, сукин сын, сверлит в спину.

Я этого черта военного ногой лягаю.

— Оставьте, — говорю, — гражданин, свои арапские штучки.

Вдруг меня чуть приподняло и об дверь мордой.

«Так, думаю, двери уж начали публичкой крошить». Хотел я от этих дверей отойти. Начал башкой дорогу пробивать. Не пускают.

А тут вижу, штанами за дверную ручку зацепился. Карманом.

— Граждане, — кричу, — да полегче же, караул! Человека за ручку зацепило.

Мне кричат:

— Отцепляйтесь, товарищ! Задние тоже хотят.

А как отцеплять, ежели волокет без удержу и вообще ручкой не двинуть.

— Да стойте же, — кричу, — черти! Погодите штаны-то сымать. Дозвольте же прежде человеку с ручки сняться. Начисто материал рвется.

Разве слушают? Прут...

— Барышня, — говорю, — отвернитесь хоть вы-то за ради бога. Совершенно то есть из штанов вынимают против воли.

А барышня сама стоит посиневши и хрипит уже. И вообще смотреть не интересуется.

Вдруг, спасибо, опять легче понесло.

«Либо с ручки, думаю, снялся, либо из штанов вынули».

А тут сразу пошире проход обнаружился.

Вздохнул я свободнее. Огляделся. Штаны, глянул, тут. А одна штанина ручкой на две половинки разодрана и при ходьбе полощется парусом.

«Вон, думаю, как зрителей раздевают».

Пошел в таком виде супругу искать. Гляжу, забили ее в самый то есть оркестр. Сидит там и выходить пугается.

Тут, спасибо, свет погасили. Начали ленту пущать.

А какая это была лента — прямо затрудняюсь сказать. Я все время штаны зашпиливал. Одна булавка, спасибо, у супруги моей нашлась. Да еще какая-то добродушная дама четыре булавки со своего белья сняла. Еще веревочку я на полу нашел. Полсеанса искал.

Подвязал, подшпилил, а тут спасибо, и драма кончилась. Пошли домой.

БЕШЕНСТВО

Натерпелись мы вчера страху. То есть форменный испуг на себе испытали.

Может, член правления Лапушкин до сих пор сидит у себя на квартире, трясется. А он зря не станет трястись. Я его знаю.

А главное, все эти дни были, сами знаете, какие жаркие. Не только, скажем, крупное животное — клоп и тот может

по такой жаре взбеситься, если, конечно, его на солнцепеке поддержать.

А тут еще в газетах сообщают: по двадцать шесть животных ежедневно бесятся.

Тут действительно сдрейфишь.

А мы, для примеру, у ворот стояли. Разговаривали.

Стоим у ворот, разговариваем насчет бешенства и вдруг видим — по нашей стороне, задрав хвост, собака дует.

Конечно, она довольно спокойно бежит. По виду нипочем не скажешь, что она бешеная. Хвостик у ней торчит, и слюны пока не видать. Только что рот у ней подозрительно закрыт и глаза открыты.

В таком виде и бежит.

Добегла она до члена правления. Член правления, конечно, ее палкой.

Ляпнул ее по башке палкой. Видим — собака форменно бешеная. Хвост у ней после удара обмяк, книзу висит. И вообще начала она на нас кидаться. Хотя слюны пока не показывает.

Начала она кидаться, а дворник Володин не растерялся, вооружился камушком и тяпнул ее по башке.

Тяпнул ее по башке. Глядим — все признаки налицо. Рот раскрыт. Слюна вышибает. Хвост колбасой. И вообще накидывается.

Член правления кричит:

— Спасайся, робя! Бешеная...

Бросились мы кто куда. А дворник Володин в свисток начал свистеть.

Тут кругом на улице рев поднялся. Крики. Суматоха.

Тут постовой бежит. Револьверы вынимает.

— Где тут, кричит, ребяташки, бешеная собака? Сейчас мы ее уконтрапуем!

Поднялась тут стрельба. Член правления из окон своей квартиры командует, куда стрелять и куда проходим бежать.

Вскоре, конечно, застрелили собачку.

Только ее застрелили, вдруг хозяин ее бежит. Он в подвале сидел, спасался от выстрелов.

— Да что вы, говорит, черти, нормальных собак кончаете? Совершенно, говорит, нормальную собаку уконтрапуили.

— Брось, говорим, братишка! Какая нормальная, если она кидается.

А он говорит:

— Трех нормальных собак у меня в короткое время прикончили. Это же, говорит, прямо немыслимо! Нет ли, говорит, в таком случае свободной квартирки в вашем доме?

— Нету, говорим, дядя.

А он взял свою жучку на плечи и пошел. Вот чудак-то!

ПРИСКОРБНЫЙ СЛУЧАЙ

Как хотите, товарищи, а Николаю Ивановичу я очень сочувствую.

Пострадал этот милый человек на все шесть гривен, и ничего такого особенно выдающегося за эти деньги не видел.

Только что характер у него оказался мягкий и уступчивый. Другой бы на его месте все кино, может, разбросал и публику из залы выкурил. Потому шесть гривен ежедневно на полу не валяются. Понимать надо.

А в субботу голубчик наш, Николай Иванович, немножко, конечно, выпил. После получки.

А был этот человек в высшей степени сознательный. Другой бы выпивший человек начал бузить и расстраиваться, а Николай Иванович чинно и благородно прошелся по проспекту. Спел что-то там такое.

Вдруг глядит — перед ним кино.

«Дай, думает, все равно — зайду в кино. Человек, думает, я культурный, полуинтеллигентный, чего мне зря по панелям в пьяном виде трепаться и прохожих задевать? Дай, думает, я ленту в пьяном виде посмотрю. Никогда ничего подобного не видел».

Купил он за свои пречистые билет. И сел в переднем ряду.

Сел в переднем ряду и чинно-благородно смотрит.

Только, может, посмотрел он одну надпись, вдруг в Ригу поехал. Потому очень тепло в зале, публика дышит и темнота на психику благоприятно действует.

Поехал в Ригу наш Николай Иванович, все чинно-благородно — никого не трогает, экран руками не хватает, лампочек не выкручивает, а сидит себе и тихонько в Ригу едет.

Вдруг стала трезвая публика выражать недовольствие по поводу, значит, Риги.

— Могли бы, — говорят, — товарищ, для этой цели в фойе пройти, только, говорят, смотрящих драму отвлекаете на другие идеи.

Николай Иванович — человек культурный, сознательный — не стал, конечно, зря спорить и горячиться. А встал себе и пошел тихонько.

«Чего, думает, с трезвыми связываться? От них скандалу не оберешься».

Пошел он к выходу. Обращается в кассу.

— Только что, — говорит, — дамочка, куплен у вас билет, прошу вернуть назад деньги. Потому как не могу картину глядеть — меня в темноте развозит.

Кассирша говорит:

— Деньги мы назад выдать не можем, ежели вас развозит — идите тихонько спать.

Поднялся тут шум и перебранка. Другой бы на месте Николая Иваныча за волосы бы выволок кассиршу из кассы и вернул бы свои пречистые. А Николай Иванович, человек тихий и культурный, только, может раз и пихнул кассиршу:

— Ты, — говорит, — пойми, зараза, не смотрел я еще на твою ленту. Отдай, говорит, мои пречистые.

И все так чинно-благородно, без скандалу, — просит вообще вернуть свои же деньги.

Тут заведующий прибегает.

— Мы, — говорит, — деньги назад не вертаем — раз, говорит, взято, будьте любезны досмотреть ленту.

Другой бы на месте Николая Ивановича плюнул бы в зава и пошел бы досматривать за свои пречистые. А Николай

Иванычу очень грустно стало насчет денег, начал он горячо объясняться и обратно в Ригу поехал.

Тут, конечно, схватили Николая Ивановича, как собаку, поволокли в милицию. До утра продержали. А утром взяли с него трешку штрафа и выпустили.

Очень мне теперь жалко Николая Ивановича. Такой, знаете, прискорбный случай: человек, можно сказать, и ленты не глядел, только что за билет подержался — и, пожалуйста, гоните за это мелкое удовольствие три шесть гривен. И за что, спрашивается, три шесть гривен?

КУЗНИЦА ЗДОРОВЬЯ

Крым — это форменная жемчужина. Оттуда народ приезжает — только диву даешься. То есть поедет туда какой-нибудь дряхлый интеллигентишка, а назад приезжает — и не узнать его. Карточку раздуло. И вообще масса бодрости, миросозерцания.

Одним словом, Крым — это определенно кузница здоровья.

С нашего двора поехал в Крым такой товарищ, Серега Пестриков.

Личность эта была форменно расхлябанная. Которые знали Серегу раньше, все подтвердят. То есть никакого в нем не было горения и миросозерцания.

Другие граждане в дому все-таки по праздникам веселятся. В горелки играют, пьют, в козла дуются. Вообще живут от полного сердца. Потому здоровые, черти.

А этот мракобес с работы, например, вернется, ляжет брюхом на свой подоконник и в книгу уткнется. Погулять даже не пойдет. Скелет у него, видите ли, ходить не может, растрясся за день.

И уж, конечно, не пьет, не курит, женским персоналом не интересуется. Одним словом, лежит на своем окне и догнивает.

Вот какой это был нездоровый человек!

Родственники видят — неладно с парнем. Стали насчет Крыма хлопотать. А то сам не может. Схлопотали.

Поломался, поломался парень, но поехал.

Полтора месяца его там держали. Купали и в ногу какую-то дрянь вспрыскивали.

Наконец вернулся. Приехал.

Это ахнуть можно было от удивленья. Морда, конечно, черная. Лопнуть хочет. Глаза горят. Волосья дыбом стоят. И вся меланхолия пропала.

Раньше, бывало, этот человек мухи не тронет. А тут не успел приехать, в первый же день дворнику Федору морду набил. Зачем за сараем недоглядел — дрова раскрани.

Управдома тоже хотел за какую-то там мелочь застрелить из нагана. Жильцов всех раскидал, которые заступались.

Ну, видим, не узнать парня. Совершенно поправился. Починили человека. Отремонтировали капитально.

Пить даже начал от полноты здоровья. Девицу ни одну мимо себя не пропускал. Скандалов сколько с ним было — не сосчитать.

Крым — это форменная жемчужина, как человека обновляет!

Одно худо — хотят Серегу Пестрикова со службы снять. Потому прогуливать начал.
Великая вещь это здоровье!

РАЧИС

На днях поперли со службы старого почтового спеца, товарища Крылышкина.

Тридцать лет принимал человек иностранные телеграммки и записывал их в особую книжицу. Тридцать лет служил человек по мере своих сил и возможностей. И вот на-те вам! Подкопались под него враги, скovyрнули с насиженного места и вытряхнули со службы за незнание иностранных языков.

Оно, действительно, товарищ Крылышкин этих иностранных языков не знал. Насчет языков, как говорится, ни в зуб толкнуть. Но, между прочим, почтовое дело и иностранцы от этого факта ни капельки не страдали.

А бывало, как придет какая-нибудь телеграмма с иностранным названием, так товарищ Крылышкин, нимало не растерявшись, идет до какого-нибудь столика, до какой-нибудь там девицы, до какой-нибудь Веры Ивановны.

— Вера, — говорит, — Ивановна, да что ж это такое? Совершенно, говорит, слабею глазами. Будьте, говорит, добры — чего тут наляпано?

Ну, она ему говорит: из Лондона, например. Он возьмет и запишет.

Или принесет телеграммку до какого-нибудь интеллигентного работника.

— Ну, — говорит, — и почерки же нынче пошли! Куры, говорит, и те лучше ногами чиркают. Нуте-ка, погадайте, чего тут обозначено? Нипочем не угадаете.

Ну, скажут ему: из какого-нибудь Мюнхена.

— Правильно, — скажет, — а я думал, только спецы угадывать могут.

А другой раз, когда спешка, товарищ Крылышкин прямо к публике обращался:

— Тсссс... молодой человек, подойдите-ка до окошечка, поглядите-ка — чего тут нацарапано? У нас промежду служащих острый спор идет. Одни говорят то, другие это.

Тридцать лет сидел на своем посту герой труда, товарищ Крылышкин, и вот, нате вам, вытряхнули!

А влип Петр Антонович Крылышкин по ничтожному поводу. Можно сказать, несчастный случай произошел. Немного не так записал он название города, откуда пришла телеграмма. А пришла телеграмма из города Парижа. И было на ней обозначено по-французски «Paris». Петр Антонович, от чистого сердца, возьми и подмахни — из города Рачиса.

После-то Петр Антонович говорил:

— Сбился, милый. Главное, название мне показалось чересчур русским — Рачис. И на старуху бывает проруха.

Тем не менее, взяли Петра Антоновича Крылышкина и вытряхнули.

А очень мне его жалко! Ну куда теперь денется старый специалист по иностранным языкам? Пушай бы досиживал!

ГИБЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА

Кончено. Баста. Никакой жалости к людям не осталось в моем сердце.

Вчера еще, до шести часов вечера сочувствовал и уважал людей, а нынче не могу, ребяташки. До последней точки докатилась людская неблагодарность.

Вчера, извольте видеть, за мою жалость к ближнему человеку — отчаянно пострадал и, может, даже предстану перед народным судом в ближайшем будущем.

Баста. Зачерствело мое сердце. Пуцай ближний больше на меня не рассчитывает.

А шел я вчера по улице. Иду я вчера по улице и вижу — народ будто стоит скопившись подле ворот. И кто-то отчаянно охает. И кто-то руками трясет и вообще, вижу — происшествие. Подхожу. Спрашиваю, об чем шум.

— Да вот, — говорят, — тут ногу сломал один гражданин. Идти теперь не может.

— Да уж, — говорю, — тут не до ходьбы.

Растолкал я публику и подхожу я ближе к месту действия. И вижу — какой-то человечешко действительно лежит на плитуре. Морда у него отчаянно белая и нога в брюке сломана. И лежит он, сердечный друг, упершись башкой в самую тумбу и бормочет:

— Мол, довольно склизко, граждане, извиняюсь. Шел и упал, конечно. Нога вещь непрочная.

Сердце у меня горячее, жалости к людям много и вообще не могу видеть гибель человека на улице.

— Братцы, — говорю, — да, может, он член союза. Надо же предпринять тем не менее.

И сам, конечно, бросаюсь в телефонную будку. Вызываю скорую помощь. Говорю: «Нога сломана у человека, поторопитесь по адресу».

Приезжает карета. В белых балахонах сходят отсюда четыре врача.

Разгоняют публику и укладывают пострадавшего человека на носилки.

Между прочим, вижу этот человек совершенно не желает, чтобы его ложили на носилки. Пихает всех четырех врачей остатней здоровой ногой и до себя не допускает.

— Пошли вы, — говорит, — все четыре врача туда-сюда. Я, говорит, может, домой тороплюся.

И сам чуть, знаете, не плачет.

«Что, думаю, за смятение ума у человека?»

И вдруг произошло некоторое замешательство. И вдруг слышу — меня кличут.

— Это, — говорят, — дядя, ты вызывал карету скорой помощи?

— Я, — говорю.

— Ну так, — говорят, — придется тебе через это отвечать по всей строгости революционных законов. Потому как зря карету вызвал — у гражданина искусственная нога обломилась.

Записали мою фамилию и отбыли.

И чтобы я после этого факта еще расстраивал свое благородное сердце — ни в жисть. Пушай убивают на моих глазах

человека — нипочем не поверю. Потому — может для кино-съемки его убивают.

И вообще ничему не верю — время такое после войны невероятное.

ТЕАТР ДЛЯ СЕБЯ

Время-то как быстро бежит! Недавно еще лето было, а теперь вроде как зима. Ходят в шубах. И в театрах зимние сезоны начались.

А интересно, какие убытки понесут театры в этом зимнем сезоне?

Летние убытки только-только сейчас подсчитываются. Летний сезончик не был выдающимся.

Которые товарищи актеры приезжают из провинции, те все зубами скрипят.

— Прямо, говорят, — для себя играли — нема никакой публики. Или, может быть, зритель малокультурный, или другие какие причины, а только не идет. Зимой еще ничего — ходят, а летом — ни в какую. Прямо хоть за ногу волоки зрителя.

А зритель, это верно, летом предпочитает легкие и недорogie увеселения — полежать брюхом вверх на солнышке, или выкупаться на шермака в речонке, или, наконец, нарвать полевых цветов и нюхать даром.

Вот какой пошел зритель. И с чего бы это он так?

В одном небольшом городе суцая срамота произошла на этой почве.

А приехала туда небольшая труппа. Начала, конечно, эта труппа сгоряча драму играть.

Играют драму, а публика не идет на драму. Свернулась труппа и — назад.

Сунулся в этот город другой небольшой коллективчик. Администратор этого коллективчика говорит:

— Не такой это, товарищи, город, чтоб тут драму играть. Тут надо легкие, смешные штуки ставить.

Начали они ставить легкие штуки — опять не идет публика.

Три раза поставили. Рубля три с полтиной выручили — и поскорей из этого странного города.

Начались в актерских кругах брожения и разговоры, как и чем привлечь публику. И не пойдет ли эта публика, как вы думаете, на оперетту?

Рванулась туда оперетта. Поставили музыкальную оперетту с отчаянной пляской. Человек восемь пришло. А как пришло — неизвестно. Кассир клялся и божился, что ни одного билета не было продано.

Опереточный премьер сказал:

— В этот город циркачам только и ехать. Высокое искусство здесь ни к чему.

Дошли эти симпатичные слухи до цирка.

Директор говорит:

— Надо ехать. Цирк — это самое демократическое искусство. Этому городу как раз угодим.

Поехали. Действительно, народ несколько погуще пришел. Прямо старожилы не запомнят такого количества —

человек тридцать было на первом представлении. На втором чуть поменьше.

Подсчитал цирк убытки и — ходу.

А на вокзале, перед самой посадкой, произошла задержка. Несметная толпа собралась провожать циркачей. Тысяч восемь приперлось народу. Качали всех актеров и всех зверей. Верблюду челюсть вывихнули во время качки.

После делегация от текстильщиков и металлостов подошла к директору и стала нежно упрасивать:

— Нельзя ли, мол, по бесплатной цене тут же под открытым небом, на вольном воздухе, на перроне устроить небольшую цирковую программу из трех-четырех «номерей»?

Но тут, к сожалению, произошел третий звонок. Сели циркачи по вагонам, грустно развели руками и уехали.

Так никто и не узнал, отчего и почему самое демократическое искусство уехало тоже с убытком.

Народ малокультурный, что ли? Или, может быть, деньжонок нехватка? Ась?

ТЕАТРАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ

Я, братцы мои, зря спорить не буду — кто важнее в театре — актер, режиссер или, может быть, театральный плотник. Факты покажут. Факты всегда сами за себя говорят.

Дело это произошло в Саратове или в Симбирске, одним словом, где-то недалеко от Туркестана. В городском театре.

Играли в этом городском театре оперу. Кроме выдающейся игры артистов, был в этом театре, между прочим, монтер — Иван Кузьмич Мякишев.

На общей группе, когда весь театр в 23 году снимали на карточку, монтера этого пихнули куда-то сбоку — мол, технический персонал. А в центр, на стул со спинкой, посадили тенора.

Монтер Иван Кузьмич Мякишев ничего на это хамство не сказал, но затаил в душе некоторую грубость.

А тут такое подошло. Сегодня, для примеру, играют «Руслан и Людмила». Музыка Глинки. Дирижер маэстро Кацман. А без четверти минут восемь являются до этого монтера две знакомые ему барышни. Или он их раньше пригласил, или они сами приперлись — неизвестно. Так являются эти две знакомые барышни, отчаянно флиртуют и вообще просят их посадить в общую залу — посмотреть на спектакль.

Монтер говорит:

— Да ради бога, медам. Сейчас я вам пару билетов сварганю. Посидите тут, у будки.

И сам, конечно, к управляющему.

Управляющий говорит:

— Сегодня вроде как суббота. Народу пропасть. Каждый стул на учете. Не могу.

Монтер говорит:

— Ах, так, говорит. Ну так я играть отказываюсь. Отказываюсь, одним словом, освещать ваше производство. Играйте без меня. Посмотрим тогда, кто из нас важней и кого сбоку сымать, а кого в центр сажать.

И сам обратно в будку. Выключил по всему театру свет к чертовой бабушке, замкнул на все ключи будку и сидит — отчаянно флиртует.

Тут произошла, конечно, форменная обструкция. Управляющий бегаёт. Публика орёт. Кассир визжит, пугается, как бы у него деньги в потемках не уперли. А бродяга, главный оперный тенор, привыкший завсегда сыматься в центре, заявляется до дирекции и говорит своим тенором:

— Я в темноте петь тенором отказываюсь. Раз, говорит, темно — я ухожу. Мне, говорит, голос себе дороже. Пуцай сукин сын монтер поет.

Монтер говорит:

— Пуцай не поет. Наплевать ему в морду. Раз он, сволочь такая, в центре сымается, то и пуцай одной рукой поет, другой свет зажигает. Дерьмо какое нашлось! Думает — тенор, так ему и свети все время. Господ нынче нету!

Тут, конечно, монтер схлестнулся с тенором.

Вдруг управляющий является, говорит:

— Где эти чертовы две девицы? Через них наблюдается полная гибель. Сейчас я их куда-нибудь посажу, корова их забодай!

Монтер говорит:

— Вот они, чертовы девицы! Только не через их гибель, а гибель через меня. Сейчас, говорит, я свет дам. Мне энергии принципиально не жалко.

Дал он сию минуточку свет.

— Начинайте, — говорит.

Сажают тогда его девиц на выдающиеся места и начинают спектакль.

Теперь и разбирайтесь сами, кто важнее в этом сложном театральном механизме.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПОДАРОК

Конечно, об чем речь, — самая сложная работишка — это у журналистов.

Вот, для примеру, наступают Октябрьские праздники. Надо, предположим, журналисту написать о торжественной манифестации. А между прочим, заранее ведь не напишешь.

Потому, сами понимаете, осенняя погодка — дело дрянное и ненадежное. Может, дождик будет, а может, его и не будет. Одна обсерватория знает. И то на другой день после дождика.

А от погоды, сами понимаете, весь торжественный стиль статьи меняется.

Вот и приходится бедняге журналисту строчить статейку минут, может, за двадцать до сдачи. От этого, сами понимаете, статьи выходят корявые и малопригодные для чтения вслух.

Спешим ради праздника обнародовать два образчика для срочного заготовления торжественных статей.

Первый образчик. На случай дождя

С утра ожидалась хорошая, сочная погода. Но к глубокому сожалению секции печатников, тяжелые ленинградские тучи заволокли бывший небосвод. Осень брала свое.

Прошел мелкий осенний дождик. Крупные капли дождя, однако, ничуть не смущали закаленных в боях сердец трудящихся.

Стальные колонны мужественно перли по чем попало, невзирая на дождь и ямы.

Казалось, это было очень прекрасным предостережением врагу, — вот, мол, идем себе по чем ни попало, не считаясь с погодой.

— Нуте-ка суньтесь, — шептались между собой трудящиеся. — По такой-то слякоти...

Второй образчик. На случай хорошей погоды

С утра ожидалась мокрая, дождливая погода. Тяжелые ленинградские тучи заволокли бывший небосвод.

Но вдруг очистились б. небесные хляби и ослепительное солнце озарило улицы. Погода брала свое.

Яркое осеннее солнце бодрило закаленные сердца трудящихся. Железобетонные колонны перли по чем попало, невзирая на ослепительное солнце, бьющее прямо в лицо.

Казалось, это было очень прекрасным предостережением врагу, — вот, мол, за нами все силы природы.

— Ох, уж эти большевики, — шептали доморощенные старушки, — и солнце-то они сумели опутать. Хе-хе-хе...

Все, к сожалению, очень просто на свете, дорогие товарищи журналисты! Всякая водица нам на мельницу.

УЗЕЛ

Воровство, милые мои, это — цельная и огромная наука.

В наше время, сами понимаете, ничего не сопрешь так вот, здорово живешь. В наше время громадная фантазия требуется.

Главная причина — публика очень осторожная стала. Публика такая, что завсегда стоит на страже своих интересов. Одним словом, вот как бережет свое имущество. Пуще глаза.

— Глаз, — говорят, — завсегда по страхкарточке восстанавить можно. Имущество же никоим образом при нашей бедности не вернешь.

И это действительно верно.

По этой причине вор нынче пошел очень башковатый, с особенным умозрением и с выдающейся фантазией. Иначе ему с таким народом не прокормиться.

Да вот, для примеру, нынче осенью опутали одну знакомую мою — бабу Анисю Петрову. И ведь какую бабу опутали! Эта бабка сама очень просто может любого опутать. И вот подите же — уперли у ней узел, можно сказать, прямо из-под сижу.

А уперли, конечно, с фантазией и замыслом. А сидит бабка на вокзале. Во Пскове. На собственном узле. Ожидает поезда. А поезд в двенадцать часов ночи приходит.

Вот бабка с утра пораньше и приперлась на вокзал. Села на собственный узел. И сидит. И нипочем не сходит. Потому пугается сходить. «Не замели бы, — полагает, — узел».

Сидит и сидит бабка. Тут же на узле шамают и водицу пьет, — подают ей Христа ради прохожие. А по остальным

мелким делишкам, — ну, мало ли — помыться или побриться, — не идет бабка — терпит. Потому узел у ней очень огромный, ни в какую дверь вместе с ней не влазит по причине размеров. А оставить, я говорю, боязно.

Так вот сидит бабка и дремлет.

«Со мной, — думает, — вместях узел не сопрут. Не таковая я старуха. Сплю я довольно чутко — проснусь».

Начала дремать наша божья старушка. Только слышит сквозь дремоту, будто кто-то ее коленом пихает в морду. Раз, потом другой раз, потом третий раз.

«Ишь ты, как задевают! — думает старуха. — Неаккуратно как народ ходит».

Протерла бабка свои очи, хрюкнула и вдруг видит, будто какой-то посторонний мужчина проходит мимо нее и вынимает из кармана платок. Вынимает он платок и с платком вместе нечаянно вываливает на пол зеленую трешку.

То есть ужас как обрадовалась бабка. Плюхнулась, конечное дело, вслед за трешкой, придавила ее ногой, после наклонилась незаметно — будто господу богу молится и просит его подать поскорей поезд. А сама, конечное дело, трешку в лапу и обратно к своему добру.

Тут, конечно, грустновато рассказывать, но когда обернулась бабка, то узла своего не нашла. А трешка, между прочим, оказалась грубо-фальшивая. И была она кинута на предмет того, чтобы бабка сошла бы со своего узла.

Эту трешку с трудом бабка продала за полтора целковых...

МЕЩАНЕ

Этот случай окончательно может доконать человека.

Василия Тарасовича Растопыркина, — Васю Растопыркина, этого чистого пролетария, беспартийного черт знает с какого года, — выкинули давеча с трамвайной площадки.

Больше того — мордой его трахнули об трамвайную медную полустойку. Он был ухвативши за нее двумя руками и головой и долго не отцеплялся. А его милиция и обер-стрелочник стягивали.

Стягивали его вниз по просьбе мещански настроенных пассажиров.

Конечно, слов нет, одет был Василий Тарасович не во фраке. Ему, знаете, нету времени фраки и манжетки на грудь надевать. Он, может, в пять часов шабашит и сразу домой прет. Он, может, маляр. Он, может, действительно, как собака грязный едет. Может, краски и другие предметы ему льются на костюм во время профессии. Может, он от этого морально устает и ходить пешком ему трудно.

И не может он, в виду скромной зарплаты, автомобиля себе нанимать для разъездов и приездов. Ему автомобилю — не по карману. Ему бы на трамвае проехаться — и то хлеб. Ой, до чего дожили, до чего докатились!

А пошабашил Василий Тарасович в пять часов. В пять часов он пошабашил, взял, конечно, на плечи стремянку и ведрышко с остатней краской и пошел себе к дому.

Пошел себе к дому и думает:

«Цельный день, — думает, — лазию по стремянкам и разноцветную краску на себя напущаю и не могу иттить пешком. Дай, — думает, — сяду на трамвай, как уставший пролетарий».

Тут, конечно, останавливается перед ним трамвай № 6. Василий Тарасович просит, конечно, одного пассажира поддержать в руке ведрышко с остатней краской, а сам, конечно, становится на площадку стремянку.

Конечно, слов нет, стремянка не была сплошной чистоты — не блестела. И в ведрышко — раз в нем краска — нельзя свои полты окунать. И которая дама сунула туда руку — сама, дьявол ее задави, виновата. Не суй рук в чужие предметы!

Но это все так, с этим мы не спорим: может, Василий Тарасович, действительно верно, не по закону поступил, что со стремянкой ехал. Речь — не об этом. Речь — о костюме. Нэпманы, сидящие в трамвае, решительно взбунтовались как раз именно насчет костюма.

— То есть, — говорят, — не можно к нему прикоснуться, совершенно, то есть, отпечатки бывают.

Василий Тарасович резонно отвечает:

— Очень, — говорит, — то есть, понятно, — раз масляная краска на олифе, то отпечатки завсегда случаются. Было бы, — говорит, — смертельно удивительно, если б без отпечатков.

Тут, конечно, одна нэпманша из кондукторов трезвонит, конечно, во все свои звонки и вагон останавливает. Оста-

навливает вагон и хамским голосом просит сойти Василия Тарасовича.

Василий Тарасович говорит:

— Трамвай для публики, или публика для трамвая, — это же, — говорит, — понимать надо. А я, — говорит, — может, в пять часов шашу. Может, я маляр?

Тут, конечно, происходит печальная сцена с милицией и обер-стрелочником. И кустаря-пролетария Василия Тарасовича Растопыркина сымают, как сукина сына, с трамвайной площадки, мордой задевают об полустойку и высаживают. Со стремянкой уж и в вагоне проехаться нельзя! До чего докатились!

ПРЕЛЕСТИ КУЛЬТУРЫ

Всегда я симпатизировал центральным убеждениям.

Даже вот, когда в эпоху военного коммунизма нэп вводили, я не протестовал. Нэп — так нэп. Вам видней.

Но, между прочим, при введении нэпа сердце у меня отчаянно сжималось. Я как бы предчувствовал некоторые резкие перемены.

И, действительно, при военном коммунизме куда как было свободней в отношении культуры и цивилизации. Скажем, в театре можно было свободно даже не раздеваться — сиди в чем пришел. Это было достижение.

А вопрос культуры — это собачий вопрос. Хотя бы насчет того же раздевания в театре. Конечно, слов нету, без пальто пуб-

лика выгодней отличается — красивей и элегантней. Но что хорошо в буржуазных странах, то у нас иногда выходит боком.

Товарищ Локтев и его дама Ньюша Кошелькова на днях встретили меня на улице. Я гулял или, может быть, шел горло промочить — не помню.

Встречают и уговаривают.

— Горло, — говорят, — Василий Митрофанович, от вас не убежит. Горло завсегда при вас, завсегда его прополоскать успеете. Идемте лучше сегодня в театр. Спектакль — «Грелка».

И, одним словом, уговорили меня пойти в театр — провести культурно вечер.

Пришли мы, конечно, в театр. Взяли, конечно, билеты по рубль тридцать. Поднялись по лестнице. Вдруг назад кличут. Велят раздеваться.

— Польша, — говорят, — сымайте.

Локтев, конечно, с дамой моментально скинули польта. А я, конечно, стою в раздумье. Пальто у меня было в тот вечер прямо на ночную рубашку надето. Пиджака не было. И чувствую, братцы мои, сымать как-то неловко. «Прямо, — думаю, — срамота может сейчас произойти». Главное — рубаха нельзя сказать, что грязная. Рубаха не особо грязная. Но, конечно, грубая, ночная. Шинельная пуговица, конечно, на вороте пришита крупная. «Срамота, — думаю, — с такой крупной пуговицей в фойе идти».

Я говорю своим:

— Прямо, — говорю, — товарищи, не знаю, чего и делать. Я сегодня одет неважно. Неловко как-то мне пальто сымать. Все-таки подтяжки там и сорочка опять же грубая.

Товарищ Локтев говорит:

— Ну, покажись.

Расстегнулся я. Показываюсь.

— Да, — говорит, — действительно, видик...

Дама тоже, конечно, посмотрела и говорит:

— Я, — говорит, — лучше домой пойду. Я, — говорит, — не могу, чтоб кавалеры в одних рубахах рядом с мной ходили. Вы бы, — говорит, — еще подштанники поверх штанов пристегнули. Довольно, — говорит, — вам неловко в таком отвлеченном виде в театры ходить.

Я говорю:

— Я не знал, что я в театры хожу, — дура какая. Я, может, пиджаки редко надеваю. Может, я их берегу, — что тогда?

Стали мы думать, чего делать. Локтев, собака, говорит:

— Вот чего. Я, — говорит, — Василий Митрофанович, сейчас тебе свою жилетку дам. Одевай мою жилетку и ходи в ней, будто тебе все время в пиджаке жарко.

Расстегнул он свой пиджачок, стал щупать и шарить внутри себя.

— Ой, — говорит, — мать честная, я, — говорит, — сам сегодня не при жилетке. Я, — говорит, — тебе лучше сейчас галстук дам, все-таки поприличней. Привяжи на шею и ходи, будто тебе жарко.

Дама говорит:

— Лучше, — говорит, — я, ей-богу, домой пойду. Мне, — говорит, — дома как-то спокойней. А то, — говорит, — один кавалер чуть не в подштанниках, а у другого галстук вместо

пиджака. Пушай, — говорит, — Василий Митрофанович в пальто попросит пойти.

Просим и умоляем, показываем союзные книжки — не пушают.

— Это, — говорят, — не девятнадцатый год в пальто сидеть.

— Ну, — говорю, — ничего не пропишешь. Кажись, братцы, надо домой ползти.

Но как подумаю, что рубль тридцать заплачено, не могу идти — ноги не идут к выходу. Локтев, собака, говорит:

— Вот чего. Ты, — говорит, — подтяжки отстегни, — пушай их дама понесет заместо сумочки. А сам валяй как есть: будто у тебя это летняя рубашка «апаш», и тебе, одним словом, в ней все время жарко.

Дама говорит:

— Я подтяжки не понесу, как хотите. Я, — говорит, — не для того в театры хожу, чтоб мужские предметы в руках носить. Пушай Василий Митрофанович сам несет или в карман себе сунет.

Раздеваю пальто. Стою в рубашке, как сукин сын.

А холод довольно собачий. Дрожу и прямо зубами лязгаю. А кругом публика смотрит.

Дама отвечает:

— Скорей вы, подлец этакий, отстегивайте помочи. Народ же кругом ходит. Ой, ей-богу, лучше я домой сейчас пойду.

А мне скоро тоже не отстегнуть. Мне холодно. У меня, может, пальцы не слушаются — сразу отстегивать. Я упражнения руками делаю.

После приводим себя в порядок и садимся на места.

Первый акт проходит хорошо. Только что холодно. Я весь акт гимнастикой занимался.

Вдруг в антракте задние соседи скандал поднимают. Зовут администрацию. Объясняют насчет меня.

— Дамам, — говорят, — противно на ночные рубашки глядеть. Это, — говорят, — их шокирует. Кроме того, — говорят, — он все время вертится, как сукин сын.

Я говорю:

— Я верчусь от холода. Посидите-ка сами в одной рубахе. А я, — говорю, — братцы, и сам не рад. Что же сделать?

Волокут меня, конечно, в контору. Записывают все как есть.

После отпускают.

— А теперь, — говорят, — придется трешку по суду отдать.

Вот гадость-то! Прямо не угадаешь, откуда неприятности...

ЛИМОНАД

Я, конечно, человек непьющий. Ежели другой раз и выпью, то мало, так, приличия ради или славную компанию поддержать.

Больше как две бутылки мне враз нипочем не употребить. Здоровье не позволяет. Один раз, помню, в день своего бывшего ангела я четверть выкушал.

Но это было в молодые, крепкие годы, когда сердце отчаянно в груди билось, и в голове мелькали разные мысли.

А теперь старею.

Знакомый ветеринарный фельдшер, товарищ Птицын, давеча осматривал меня и даже, знаете, испугался. Задрожал.

— У вас, — говорит, — полная девальвация. Где, — говорит, — печень, где мочевой пузырь, распознать, — говорит — нет никакой возможности. Очень, — говорит, — вы сносились.

Хотел я этого фельдшера побить, но после остыл к нему.

«Дай, — думаю, — сперва к хорошему врачу схожу, удостоверюсь». Врач никакой девальвации не нашел.

— Органы, — говорит, — у вас довольно в аккуратном виде. И пузырь, — говорит, — вполне порядочный и не протекает. Что касается сердца, то сердце очень еще отличное, даже, — говорит, — шире, чем надо. Но, — говорит, — пить вы перестаньте, иначе очень просто смерть может приключиться.

А помирать, конечно, мне неохота. Я жить люблю. Я человек еще молодой. Мне только-только в начале нэпа тридцать три года стукнуло. Можно сказать, в полном расцвете сил и здоровья. И сердце в груди широкое. И пузырь, главное, не протекает. С таким пузырем жить да радоваться. «Надо, — думаю, — в самом деле пить бросить».

Взял и бросил.

Не пью и не пью. Час не пью, два часа не пью. В пять часов вечера пошел, конечно, обедать в столовую.

Покушал суп. Начал вареное мясо кушать — охота выпить.
«Заместо, — думаю, — острых напитков попрошу чего-нибудь помягче — нарзану или же лимонаду».

Зову.

— Эй, — говорю, — который тут мне порции подавал, неси мне, куриная твоя голова, лимонаду.

Приносят, конечно, мне лимонад на интеллигентном подносе. В графине. Наливаю в стопку.

Пью я эту стопку, чувствую: кажись водка. Налил еще. Ей-богу, водка. Что за черт! Налил остатки — самая настоящая водка.

— Неси, — кричу, — еще!

«Вот, — думаю, — поперло-то».

Приносит еще.

Попробовал еще. Никакого сомненья не осталось — самая натуральная.

После, когда деньги платил, замечание все-таки сделал.

— Я, — говорю, — лимонаду просил, а ты чего носишь, куриная твоя голова?

Тот говорит:

— Так что это у нас завсегда лимонадом зовется. Вполне законное слово. Еще с прежних времен... А натурального лимонаду, извиняюсь, не держим — потребителя нету.

— Неси, — говорю, — еще последнюю.

Так и не бросил. А желание было горячее. Только вот обстоятельства помешали. Как говорится — жизнь диктует свои законы. Надо подчиняться.

СПЕШНОЕ ДЕЛО

Это будет рассказ про нэпмана. Которые пролетарии не хотят про это читать — пущай не читают. Мы не настаиваем! А только факт очень густой. И нельзя его обойти полным молчанием.

Произошло это в самые недавние дни.

Сидит, предположим, нэпман Егор Горбушкин на своей квартире. Утренний чай пьет. Масло, конечно, сыр, сахар горой насыпан. Чай земляничный.

Родственники так и жрут эти продукты без устали. Нэпман Горбушкин тоже, конечно, от родственников не отстаёт — шамаёт.

Под пищу, конечно, легкий разговор идет. Дескать, по-жрем сейчас и пойдем ларек открывать. Надо, дескать, торговлишкой оправдать чего сожрали.

Вдруг, конечно, звонок происходит. На лестнице. Происходит звонок, и в квартиру входит обыкновенный человек и заявляет:

— Я — агент Гепеу. Не бойтесь! Который тут нэпман Егор Горбушкин — пущай живо собирается и идет со мной. Вот мандат и повестка.

Отчаянно поблелел тут нэпман Горбушкин. Начал читать повестку. Да, действительно велют немедленно явиться по уголовному делу.

Встал нэпман из-за стола. Отчаянно трясется. Зубами ударяет.

— Только бы, — говорит, — не высшая мера. Высшую меру я, действительно, с трудом переношу. Остальное как-нибудь с божьей помощью.

Горячо попрощался нэпман со своими родственниками, всплакнул о превратностях судьбы, взял в узелок немного несъеденных продуктов и папирос три коробки и под общий плач отбыл.

Отбыл и, конечно, не является. И уже три часа дня ударяет — нету нэпмана.

Тут плач и рыданье происходит в квартире. Родственники приезжают совещаться.

Жена, мадам Горбушкина, сквозь рыданье произносит:

— Дескать, по какому делу влип мой супруг — еще пока неизвестно. Но одно ясно: какое-нибудь дело найдется. У каждого человека дела имеются, и каждый человек по краешку ходит. Но неужели же за это высшую меру могут сделать?

Брат нэпмана, Павел Горбушкин, говорит:

— На высшую меру я, — говорит, — не надеюсь. Но скорей всего в силу социального положения, как пить дать, конфискуют имущество. Это, — говорит, — уж прямо вот как верно. Предлагаю в виду этого ликвидировать имущество, а то, — говорит, — вдове жить будет нечем.

Начали, конечно, родственники в ударном порядке шкафы перетряхивать. Вытрусилы разные костюмы и одежду в кучу, начали продавать. Разные жильцы и торговцы сошлись. Тут же мебель запродали, пианино загнали за приличную сумму.

К вечеру, одним словом, продались. Начали даже квартиру сватать. Оставила вдова с братом себе только боковую

комнату, а остальную площадь сосватали с подходящими въездными.

Вдруг в семь часов вечера нэпман Горбушкин является. Веселенький и слегка под хмельком.

— Фу, — говорит, — пропасть какая! Я, — говорит, — думал, что высшая мера, а оно ничего похожего. Вызвали меня для одной справки. Вроде как свидетелем. Я уж, — говорит, — дорогие родственнички, от превеликой радости в ресторации лишние полчаса просидел. Извиняюсь за тревожное волнение.

Тут, конечно, происходит немая сцена в проданной квартире.

Однако нэпман Горбушкин ничуть даже не огорчился.

— Это, — говорит, — прямо даже очень великолепно, что запродались. Все мы по краешку ходим. А оно без имущества много спокойней и благородней.

После небольшого фокстрота родственники осторожно разошлись по домам.

ТОВАРИЩ ГОГОЛЬ

В наше переходное время, в наши скромные дни жил был товарищ Гоголь не на улице Гоголя, а где-нибудь, ну, скажем, на Васильевском острове.

Жил бы человек неплохо. Насчет цельной квартирки не ручаемся, но отдельная комната была бы у него. Примерно в 3 кв. сажени. Меблированная.

За мебель хозяйке Гоголь платил бы 20 целковых да в домоуправление по 1 р. 60 к. за квадратный метр.

А работал бы Гоголь в «Смехаче» (25 рублей за фельетон). Пришлось бы уж Гоголю расстараться на мелкие вещицы!

Большие вещи — разные там «Мертвые души» и «Старосветские помещики» — все это хорошо и отлично, но недостаточно. Главное, что свободной профессией попахивает. И пописывал бы Николай Васильевич разные мелочишки. Может быть, даже отдел «Тараканы в тесте» вел. Ох, пришлось бы сотрудникам слегка потесниться!

Ходил бы тов. Гоголь в серой толстовке. Лечился бы электричеством от острой неврастении в Знаменской лечебнице. Трешки бы занимал до среды. Сотрудники дружески хлопали бы его по плечу и говорили: «Ну как, брат Гоголь?»

И вообще жил бы человек не худо. Вполне кормился бы при «Гудке».

Единственно, пожалуй, пришлось бы Гоголю пострадать от современной критики. Показала бы ему наша дорогая критика кузькину мать.

Критическую статью о творчестве товарища Гоголя мы представляем в наши дни примерно в таком виде:

Еще один

(О творчестве тов. Гоголя)

Это что за фигура? Это откуда такое появилось? Это кто же дозволил ему появиться?

Мало у нас великих писателей, так вот еще какая-то персона лезет!

Нуте-ка, возьмем эту персону да рассмотрим, какая под ей подложена база. И может ли он, этот самый Гоголь, видеть разные важные проблемы? И есть ли у него, у подлеца, нормальный классовый взгляд или, между прочим, у его заместо взгляда — курица нагадила и вообще мелкобуржуазная стихия? Сейчас мы ему, черту лохматому, припаяем. Не читали еще его вещиц, но чувствуем, что припаяем. Потому нельзя иначе, чтоб не припаять.

Выпускает, главное, черт лохматый, общее собрание сочинений, огребает, наверное, громадные деньжищи, тратит бумагу, в то время как кооперации продукты заворачивать не во что, и еще ходит Гоголем.

А пуцай-ка лучше ответит, вносил ли он, курицын сын, налог за последнее окладное полугодие? И чем он занимался до 17-го года? Тоже писатель! Володя!

Критик *Иван Засекин*

Плохо, товарищи, быть писателем!

СУЕТА СУЕТ

Жизнь, братцы мои, совершенно становится нормальной. Все определенно достигает довоенного качества.

Даже такая житейская мелочь, как похороны, и те заметно приобретают довоенный уровень.

Снова появились фигурные колесницы. Гробы опять-таки выпускаются с ручками. Факельщики ходят. Некоторые частники затягивают лошадей сетками, чтобы грубый вид животного не оскорблял родственника.

Провожающие родственники тоже заметно подтянулись — идут кучно, не вразброд. Многие, несмотря на мануфактурный кризис, по-прежнему украшают свои шляпки черным коленкором.

Не очень давно я даже видел, как впереди шествия кидали еловые ветки и сучки. Правда, ветки эти тут же моментально подбирали сзади идущие родственники и прохожие, и даже в некоторых местах происходила свалка, но от этого пышность обряда нисколько не уменьшалась.

Вообще говоря, все приходит в свою норму. Прямо помереть приятно.

А в каком-нибудь в двадцатом году да разве ж обращали внимание на какие-нибудь такие обряды?

Один раз, помню я, братцы мои, обнаружен был труп под воротами нашего дома. На Васильевском острове.

Особого переполоху не было, но экстренное собрание все-таки устроили.

Председатель комитета выступил тогда с небольшой речью.

— Международное положение, говорит, такое-то, а наряду с этим происходят такие мелкие факты и поступки. Некоторым гражданам неохота регистрировать и хоронить свои трупы, вот они и кидают под чужие ворота. В короткое время второй случай на улице. Хороните коллективно. У меня своих делов по горло.

Время было тогда простое. Пища грубая. Пища эта не позволяла фантазировать и обдумывать обряды. Взяли жилицы и вечером коллективно отнесли труп к соседнему дому. И положили под ворота.

Дней пять или шесть мотали этот труп по разным домам. А после куда-то увезли.

Так вот я и говорю. Жили тогда просто. Никакой мишуры, никакой суеты сует не было.

Спасибо, братцы мои, что не подох я в двадцатом году. Сейчас все-таки себя, через эти обряды, вроде как человеком чувствуешь.

ГОСТИ

Конечно, об чем говорить! Гость нынче пошел ненормальный. Все время приходится за ним следить. И чтоб пальто свое надел. И чтоб лишнюю барашковую шапку на башку не напялил.

Еду-то, конечно, пушай берут. Но зачем же еду в салфетки заворачивать? Это прямо лишнее. За этим не последишь, так гости могут в две вечеринки все имущество вместе с кроватями и буфетами вывезти. Вон какие гости пошли!

У моих знакомых на этой почве небольшой инцидент развернулся на этих праздниках.

Приглашено было на рождество человек пятнадцать самых разнообразных гостей. Были тут и дамы, и не дамы. Пьющие и выпивающие.

Вечеринка была пышная. На одну только жратву истрачено было около семи рублей. Выпивка — на паях. По два с полтиной с носу. Дамы бесплатно. Хотя это, прямо сказать, глупо. Другая дама налижется до того, что любому мужчине может сто очков вперед дать. Но не будем входить в эти подробности и расстраивать свои нервы. Это уж дело хозяйское. Им видней.

А хозяев было трое. Супруги Зефиоровы и ихний старик — женин папа — Евдокимыч.

Его, может, специально пригласили на предмет посмотреть за гостями.

— Втроем-то, — говорят, — мы очень свободно за гостями доглядеть можем. Каждого гостя на учет возьмем.

Стали они глядеть.

Первым выбыл из строя Евдокимыч. Этот старикан, дай бог ему здоровья и счастливой старости, в первые же пять минут нажрался до того, что «мама» сказать не мог.

Сидит, глазами играет и дамам мычит определенные вещи.

Сам хозяин Зефиоров очень от этой папиной выпивки расстроился и огорчился, и сам начал ходить по квартире — следить, как и чего и чтоб ничего лишнего.

Но часам к двенадцати от полного огорчения и сам набрался до полного безобразия. И заснул на видном месте — в столовой на подоконнике.

Впоследствии обнаружилось, что ему надуло фотографическую карточку, и три недели он ходил с флюсом.

Гости, пожрав вволю, начали играть и веселиться. Начались жмурки, горелки и игра в щеточку.

Во время игры в щеточку открывается дверь, и входит в комнату мадам Зефирова, бледная, как смерть, и говорит:

— Это, — говорит, — ну, чистое безобразие! Кто-то сейчас выкрутил в уборной электрическую лампочку в двадцать пять свечей. Это, — говорит, — прямо гостей в уборные нельзя допускать.

Начался шум и треволнение. Папаша Евдокимыч, конечно, протрезвел вмиг, начал беспокоиться и за гостей хвататься.

Дамы, безусловно, визжат, не допускают себя лапать.

— Хватайтесь, — говорят, — за мужчин, в крайнем случае.

Мужчины говорят:

— Пушай тогда произведут поголовный обыск.

Приняли меры. Закрыли двери. Начали устраивать обыск.

Гости сами поочередно выворачивали свои карманы, и расстегивали гимнастерки и шаровары, и снимали сапоги. Но ничего такого предосудительного, кроме нескольких бутербродов и полбутылки мадеры, двух небольших рюмок и одного графина, обнаружено не было.

Хозяйка, мадам Зефирова, начала горячо извиняться — дескать, погорячилась и кинула тень на такое избранное общество. И высказала предположение, что, может быть, кто и со стороны зашел в уборную и вывинтил лампу.

Однако момент был испорчен. Никто играть в щеточку не захотел больше, танцы под балалайку тоже расстроились, и гости начали тихонько расходиться.

А утром, когда хозяин продрал свои очи, все выяснилось окончательно.

Оказалось, что хозяин из боязни того, что некоторые за-
рвавшиеся гости могут слимонить лампочку, выкрутил ее и
положил в боковой карман.

Там она и разбилась.

Хозяин, видимо, круто налег на нее, когда заснул на подо-
коннике.

КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ

У моих знакомых, у Гусевых, немец из Берлина жил.

Комнату снимал. Почти два месяца прожил.

И не какой-нибудь там чухонец или другое национальное
меньшинство, а настоящий германец из Берлина. По-рус-
ски — ни в зуб ногой. С хозяевами изъяснялся руками и го-
ловой.

Одевался, конечно, этот немец ослепительно. Белье чист-
ое. Штаны ровные. Ничего лишнего. Ну, прямо гравюра.

А когда уезжал этот немец, то много чего оставил хозя-
евам. Цельный ворох заграничного добра. Разные пузырьки,
воротнички, корбочки. Кроме того, почти две пары каль-
сон. И свитер почти не рваный. А мелочей разных и не
счесть — и для мужского, и для дамского обихода.

Все это в кучу было свалено в углу, у рукомойника.

Хозяйка, мадам Гусева, дама честная, ничего про нее та-
кого не скажешь, намекнула немчику перед самым его

отъездом, — дескать, битте-дритте, не впопыхах ли изволили заграничную продукцию оставить.

Немчик головой лягнул, дескать, битте-дритте, пожалуйста, заберите, об чем разговор, жалко, что ли.

Тут хозяева налегли на оставленную продукцию. Сам Гусев даже подробный список вещам составил. И уж, конечное дело, сразу свитер на себя напялил и кальсоны взял.

После две недели ходил с кальсонами в руках. Всем показывал, невозможно как гордился и хвалил немецкое качество.

А вещи, действительно, были хотя и ношенные и, вообще говоря, чуть держались, однако, слов нет — настоящий заграничный товар, глядеть приятно.

Между прочим, среди оставленных вещей была такая фляга не фляга, но вообще такая довольно плоская банка с порошком. Порошок вообще розовый, мелкий. И душок довольно симпатичный — не то лориган, не то роза.

После первых дней радости и ликования, начали Гусевы гадать, что за порошок. Нюхали, и зубами жевали, и на огонь сыпали, но угадать не могли.

Носили по всему дому, показывали вузовцам и разной домовой интеллигенции, но толку не добились.

Многие говорили, будто это пудра, а некоторые заявляли, будто это мелкий немецкий тальк для подсыпки только что родившихся ребят.

Гусев говорит:

— Мелкий немецкий тальк мне ни к чему. Только что родившихся ребят у меня нету. Пушай это будет пудра. Пушай

я буду после каждого бритья морду себе подсыпать. Надо же культурно пожить хоть раз в жизни.

Начал он бриться и пудриться. После каждого бритья ходит розовый, цветущий и прямо благоухает.

Кругом, конечно, зависть и вопросы. Тут Гусев, действительно, поддержал немецкое производство. Много и горячо нахваливал немецкий товар.

— Сколько, — говорит, — лет уродовал свою личность разными русскими отбросами и вот, наконец, дождался. И когда, — говорит, — эта пудра кончится, то прямо и не знаю как быть. Придется выписать еще баночку. Очень уж чудный товар.

Через месяц, когда пудра подходила к концу, пришел в гости к Гусеву один знакомый интеллигент. За вечерним чаем он и прочитал банку. Оказалось, это было немецкое средство против разведения блох.

Конечно, другой менее жизнерадостный человек был бы сильно пришиблен этим обстоятельством. И даже, может быть, у менее жизнерадостного человека рожа покрылась бы прыщами и угрями от излишней мнительности. Но не таков был Гусев.

— Вот это я понимаю, — сказал он. — Вот это качество продукции! Вот это достижение. Это, действительно, не переплюнешь товар. Хочешь морду пудри, хочешь блох посыпай. На все годится. А у нас что?

Тут Гусев, похвалив еще раз немецкое производство, сказал:

— То-то я и гляжу — что такое? Целый месяц пудрюсь, и хоть бы одна блоха меня укусила. Жену, мадам Гусеву, кусают. Сыновья тоже цельные дни отчаянно чешутся. Собака

Нинка тоже скребется. А я, знаете, хожу и хоть бы что. Даром, что насекомые, но чувствуют, шельмы, настоящую продукцию. Вот это, действительно...

Сейчас порошок у Гусева кончился. Должно быть, снова его кусают блохи.

ХИРОМАНТИЯ

Хотя событие это довольно мелкое, внутридомашнее, но дозвоьте о нем рассказать, хотя бы в порядке дискуссии.

Слов нет, смешно на седьмой год нэпа разговаривать о таинственных вещах и предсказаниях. Все это давно отошло в область предания. Знаем. И спорить об этом не собираемся.

Пушай только не пугается читатель. Здесь речь идет все-го-навсего о хиромантии. Наука эта позволена правительством. И рассказ, в силу этого, не может оскорбить ничьей, даже самой ураганной, идеологии.

А дело такое. Хиромантка с нашего дома очень уж удивительно верно предсказала судьбу казначею и члену правления товарищу Ящикову.

А пошел к ней тов. Ящиков перед самым праздником. Пошел просто шутя, для потехи. Живет с ней все-таки на одной площадке. Отчего, думает, не пойти. Все-таки с казначея ей взять неловко. А возьмет, так после наплачется.

Вот он и пошел.

— Человек, говорит, я довольно культурный, полуинтеллигентный, мне, говорит, прямо срамota до хироманток

ходить. Но, говорит, подкупает меня, что даром. Пущай чего-нибудь мне скажет. Я от этого не похудею.

И приходит он до хиромантки.

Взяла она его руку. Смыла, конечно, с ладони всякую производственную чепуху. А то, дескать, никаких линий не видеть. И говорит:

— Рука, говорит, у вас ничего особенно ужасного не выражает. Линий, говорит, на ей много, а я, говорит, сама, даром что хиромантка, в этих линиях путаюсь и затрудняюсь. Дозвольте, говорит, вместо того разложить карты, уважаемый товарищ.

И раскладывает она карты и отвечает:

— Действительно, отвечает, наступают рождественские праздники. И придут до вас несколько королей и девятка бубей. И будет-произойдет у вас с ними драка. И начнете вы друг дружку сыпать-ударять по морде. И может быть, даже пострадает одна дама. А так остальное все ничего, слава богу. И никакой такой особенной психологии у вас не предвидится.

Посмеялся на эти слова товарищ Ящиков, ничего ей, дура такой, не заплатил и ушел к себе.

И вот ударяют праздники. Происходит сочельник. И наступает первый день. Приходят до товарища Ящикова несколько королей и девятка бубей, кушают, выпивают и легонько бузят. И в девять часов завязывается у них драка.

И в первый день как по писаному.

И перекидывается эта драка на лестницу, на площадку. Тут непостижимым образом впутывается в драку хиромантка. Может быть, она слышала шум на лестнице и вышла по-

глядеть. Только товарищ Ящиков погнался за ней и хотел за верное предсказанье кинуть ее в помойку.

Одним словом, все произошло как по писаному. Даже пострадала дама.

Конечно, если поглядеть в глубь вещей, то особенно удивительного в этом предсказании ничего не было. Драка случалась ужасно часто у товарища Ящикова. Не только по праздникам, а и в будние дни той же хиромантке приходилось за милицией бегать.

Так что лавры нашей хиромантки чуть слегка блекнут от этих соображений.

Хотя как сказать. Если б не предсказание — может, ничего бы и не было.

Товарищ Ящиков сам говорил:

— И гости были смирные — мухи не обидят. И жрали мало. И нипочем бы, говорит, не стал я таких гостей трогать. Но, говорит, вспомнил предсказание и ударил.

Все-таки есть еще на свете что-то таинственное. Ну откуда у человека берется такое дарование — видеть в глубь природы и указывать события?

МЕЛКОТА

Хочется сегодня размахнуться на что-нибудь героическое. На какой-нибудь этакий грандиозный, обширный характер со многими передовыми взглядами и настроениями. А то все мелочь да мелкота — прямо противно.

Или, может, не поперло нам в жизни, только так и не удалось нам встретиться близко с каким-нибудь таким героическим товарищем. Все больше настоящая мелкота под ногами путалась.

А скучаю я, братцы, по настоящему герою! Вот бы мне встретить такого!

Одного я, впрочем, встретил недавно. И даже нацелился на него — хотел героем в повесть включить. А он, собака, в самую последнюю минуту до того подкачал, до того свернул с героической линии, что и писать о нем в пышном стиле прямо нет охоты.

Конечно, обстоятельства сложились неаккуратно. Главная причина — заболел человек.

Заболел он девятнадцатого декабря прошлого года. Простудился, видите ли. Сначала стал он легонько кашлять и сморкаться. Потом прошиб его цыганский пот. Потом началось трясение всего организма.

И наконец слег человек, прямо, скажем, без задних ног.

На второй день, как слег, закрылось у него почти все дыхание — ни охнуть, ни чихнуть. Начался отчаянный процесс в легких и замирание всего организма. И вообще приближение смерти.

Не желая расстраивать читателей, скажем заранее, что в дальнейшем человек все-таки поправился, не помер и вообще на днях приступил к исполнению служебных обязанностей. Но смерть близко к нему подходила.

Другой, менее передовой товарищ очень бы от этого прискорбного факта расстроился. Но товарищ Барбарисов был настоящий герой. Бился на всех фронтах. И завсегда при

мирном строительстве всех срамит за мелкие мещанские интересы и за невзнос квартирной платы.

Товарищ Барбарисов не испугался какой-то там мелкомещанской смерти. Он только рукой махал на своих рыдающих родственников — дескать, отойдите, черти, без вас тошно. Настановились тут со своими харями.

Но в самую последнюю минуту все-таки подкачал. Свернул со своей передовой программы.

А начал он произносить какие-то слова.

Обступили, конечно, родственники опять. Стали спрашивать, дескать, про что лепечете.

Барбарисов говорит:

— Венков не надо. Пушай лучше крышу у нас кровельным железом кроют. И, — говорит, — пушай попов на пушечный выстрел ко гробу не подпускают. Только, — говорит, — в крематорий меня везть не надо.

Родственники начали успокаивать, дескать, об чем речь, — конечное дело, какой там крематорий.

Горько на это усмехнулся Барбарисов.

— Нет, — говорит, — боюсь, что в этом смысле товарищ Галкин может подкузьмить. Я ему в дружеской беседе сам про это не раз говорил и настаивал. Как бы теперь он, подлая личность, на этом не настоял. Не допускайте!

После этих слов начался кризис, легкий сон и освобождение организма от всякой дряни. И вообще стал поправляться человек.

Через неделю, когда Барбарисов розовенький и свеженький как огурчик сидел в своей постели на подушке, зашел

к нему с визитом тов. Галкин. Очень о многом они говорили. Барбарисов очень извинялся за крематорий.

— Прямо, — говорит, — не знаю, только в последнюю минуту неохота было ехать в крематорий, оробел. В другой раз буду помирать — не затрудняйтесь выбором — везите.

Галкин говорит:

— Ежели лет пятьдесят протянете еще — повезем. А пока, — говорит, — об чем речь. Пока, — говорит, — еще у нас в Питере не возят. В проекте крематорий.

Тут Барбарисов хлопнул себя по лбу.

— Действительно, — говорит, — как это у меня из башки выпало. Зря оробел. Извиняюсь.

Через пять дней Барбарисов поправился и про этот случай больше не вспоминал.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ

Конечно, случай этот мелкий, не мирового значения. Некоторые людишки очень даже свободно не поймут, в чем тут дело.

Нэпман, например, у которого, может, в каждом жилетном кармане серебро гремит, тоже навряд ли разберется в этом происшествии.

Зато поймет это дело простой рабочий человек, который не огребет деньги лопатой. Такой человек поймет и очень даже горячо посочувствует Василию Ивановичу.

Дело в том, что Василий Иванович купил билет в театр.

В день получки Вася специально зашел в театр и, чтоб зря не растратиться, купил заблаговременно билет в 16-м ряду.

Человек давно мечтал провести вечер в культурном общении. И в силу этого целковый отдал, не моргнув глазом. Только языком чуть щелкнул, когда кассир монету загребал.

А к этому спектаклю Василий Иванович очень серьезно готовился. Помылся, побрился, галстук привязал.

Ох-ох, Василий Иванович, Василий Иванович! Чувствовало ли твое благородное сердце житейский подвох? Предвидел ли ты все мелочи жизни? Не дрогнула ли у тебя стальная рука, привязывая галстук?

Ох-ох, грустные дела, скучные дела происходят на свете!

А в день спектакля Василий Иванович в очень радостно-веселом настроении пошел в театр.

«Другие, — думает, — людишки, нет на них погибели, в пивные ходят, или в пьяном угаре морды об тумбу друг другу разбивают. А тут идешь себе в театр. С билетом. Тепло, уютно, интеллигентно. И цена за все — рубль».

Пришел Василий Иванович в театр минут за двадцать.

«Пока, — думает, — то да се, пока разденусь да схожу оправиться, да галстук потуже привяжу — оно в аккурат и будет».

Начал наш милый товарищ Василий Иванович раздеваться, глядит на стене объявление — 20 копеек с персоны за раздевание.

Екнуло у Василия Ивановича сердце.

«Нету, — думает, — у меня таких денег. За билет, да, действительно сполна уплачено. А больше нету. Копеек восемь,

должно быть, набежит. Если, — думает, — за эту сумму не пристрою одежду, то худо. Придется в пальто и галошах переть и на шапке сидеть».

Разделся наш сердечный друг Василий Иванович. Подает одежду с галошами за барьер.

— Извини, — говорит, — дядя, мелких мало. Прими в руку что есть, не считая.

А при вешалке, как раз наоборот, попался человек циничный. Он сразу пересчитал мелкие.

— Ты, — говорит, — что ж это, собачья кровь, шесть копеек мне в руку кладешь? Я, — говорит, — за это могу тебя галошей по морде ударить.

Тут сразу между ними ссора произошла. Крик.

Вешальщик орет:

— Да мне, может, за эти мелкие противно за твоими галошами ухаживать. Отойди от моей вешалки, не то я за себя не ручаюсь.

Василий Иванович говорит:

— Ты, зараза, не ори на меня. Не подрывай авторитета в глазах буржуазии. Прими одежду, как есть, я тебе завтра занесу остатние.

Вешальщик говорит:

— Ты меня буржуями не страшай. Я, — говорит, — не испугался. Отойди от моей вешалки на пушечный выстрел, арапская твоя личность.

Тут, конечно, другие вешальщики начали обсуждать эпизод. Дискуссия у них поднялась, — дескать, можно ли шесть копеек в руку совать.

А время, конечно, идет. Последние зрители бегут в зал. Акт начинается.

Васин вешальщик орет за своим барьером:

— Пуцай, — говорит, — этот паразит в другой раз со своей вешалкой приходит. Пуцай, — говорит, — сам вешает и сам сторожит.

Василий Иванович чуть не заплакал от обиды.

— Ах ты, — говорит, — старая морда, верзила-мученик. Да я, — говорит, — за эти выражения могу тебе всю бороду выдернуть.

Тут Василий Иванович поскорей надел пальто, положил галоши в шапку и бросился к дверям. Бросился к дверям — не пушают в одеже.

— Братцы, — говорит Василий Иванович, — милые товарищи, билет же, глядите, вот у меня в руке. Оторвите от него корешок и пропустите.

Нет, не пускают.

Тут, действительно, Василий Иванович прямо заметался. Спектакль идет. Музыка раздается. Билет в руке. И пройти нельзя. Поскорее разделся Василий Иванович, завернул одежду в узел.

Ткнулся с узлом в дверь — не позволяют.

— Вы бы, — говорят, — еще перину с собой принесли.

А время идет. Музыка гремит. Антракт начинается.

Василий Иванович совершенно упал духом.

Бросился до своего вешальщика.

— Ах ты, — говорит, — распродажная твоя личность! Глядите, какую харю наел, ухаживая за нэпом.

Еще немного — и произошла бы некрасивая стычка. Но, спасибо, другие вешальщики разняли.

Один старенький, наиболее добродушный вешальщик говорит Василию Ивановичу:

— Прямо, — говорит, — очень жалко на тебя глядеть, как ты расстраиваешься. Вешай ко мне задаром. Только, — говорит, — завтра, Христа ради, не забудь принести.

Василий Иванович говорит:

— Чего мне теперь вешать, раз второе действие идет. Я, — говорит, — все равно теперь ни хрена не пойму. Я, — говорит, — не привык пьесы с конца глядеть.

Начал Василий Иванович продавать свой билет кому попало. С трудом продал за гривенник одному беспризорному. Плюнул в сторону своего вешальщика и вышел на улицу.

СОЦИАЛЬНАЯ ГРУСТЬ

Давно я, братцы мои, собирался рассказать про комсомольца Гришу Степанчикова, да все как-то позабывал. А время, конечно, шло.

Может, полгода пробежало с тех пор, когда с Гришей произошла эта собачья неприятность.

Конечно, уличен был парнишка во вредных обстоятельствах — мещанские настроения и вообще подрыв социализма. Но только дозвоьте всесторонне осветить эту многоуважаемую историю.

Произошло это, кажется, что в Москве. А может, и не в Москве. Но сдается нам, что в Москве. По размаху видим. Однако, точно не утверждаем, «Красная газета» в подробности не вдавалась. Только мелким полупетитом отметила — дескать, в Семеновской ячейке.

А было это так. В Семеновской, то есть, ячейке состоял этот самый многострадальный Гриша Степанчиков. И выбили как-то раз этому Грише три зуба. По какому делу выбили — опять же нам неизвестно. Может, излишки физкультуры. А может, об дерево ударился. Или, может быть, в младенческие годы сладкого употреблял много. Только знаем, что не по пьяной лавочке кинули ему зубы. Не может этого быть.

Так вот живет этот Гриша без трех зубов. Остальные все стоят на месте. А этих, как на грех, нету...

А парень молодой. Всесторонний. Неинтересно ему, знаете, бывать без трех зубов. Какая же жизнь с таким отсутствием? Свистеть нельзя. Жрать худо. И папироску держать нечем. Опять же шипит при разговоре. И чай выливается.

Парень уже так и сяк — и воском заляпывал, и ситником дырку покрывал, — никак.

Сколотил Гриша деньжонок. Пошел к врачу.

— Становьте, — говорит, — если на то пошло, три искусственных зуба.

А врач попался молодой, неосторожный. Не вошел он в психологию Семеновской ячейки. Врач этот взял и поставил Грише три золотых зуба.

Действительно, слов нет, вышло богато. Рот откроет — картинка. Загляденье. Ноктюрн.

Стали в ячейке на Гришу коситься. То есть, как рот откроет человек, — говорит или шамает, — так все глядят. Дескать, в чем дело? Почему такое парень обрastaет?

Мелкие разговорчики пошли вокруг события. Откуда, дескать, такие нэпмановские замашки? Почему такое мещанское настроение? Неужели же нельзя простому комсомольцу дыркой жевать и кушать?

И на очередном собрании подняли вопрос — допустимо ли это самое подобное. И вообще постановили:

«Признать имение золотых зубов явлением, ведущим к отказу от социализма и его идей, и мы, члены ВЛКСМ Семёновской ячейки, объявляем против ихних носителей борьбу, как с явлением, разрушающим комсомольские идеи. Зубы — отдать в фонд безработных. В противном случае вопрос будет стоять об исключении из рядов союза» («Красн. Газ.»).

Тут председатель от себя еще подбавил пару. Мужчина, конечно, горячий, невыдержанный. Наговорил много горьких слов.

— Я, — говорит, — даром, что председатель, и то, — говорит, — не замахиwaюсь на золотые безделушки. А у меня, — говорит, — давно вместо задних зубов одни корешки торчат. И ничего — жую. А как жую — один бог знает. Пальцами, может, помогаю, жевать, то есть. Но не замахиwaюсь.

Всплакнул, конечно, Гриша Степанчиков. Грустно ему отдавать такие зубы в фонд безработных. Начал объяснять: дескать, припаяны, выбивать трудно.

Так и не отдал.

А поперли его из союза или нет — мы не знаем. Сведений по этому делу больше не имели. Но, наверное, поперли.

ВОЛОКИТА

Недавно один уважаемый товарищ, Кульков Федор Алексеевич, изобрел способ против бюрократизма. Вот государственная башка-то!

А способ до того действительный, до того дешевый, что надо бы за границей патент взять, да, к глубокому сожалению, Федор Алексеевич Кульков не может сейчас за границу выехать — сидит, сердечный друг, за свой опыт. Нет пророка в отечестве своем.

А против бюрократизма Федор Кульков такой острый способ придумал.

Кульков, видите ли, в одну многоуважаемую канцелярию ходил очень часто. По одному своему делу. И не то он месяц ходил, не то два. Ежедневно. И все никаких результатов. То есть не обращают на него внимания бюрократы, хоть плачь. Не отыскивают ему его дела. То в разные этажи посылают. То завтраками кормят. То просто в ответ грубо сморкаются.

Конечно, ихнее дело тоже хамское. К ним, бюрократам, тоже на день, может, по сто человек с глупыми вопросами лезет. Тут поневоле нервная грубость образуется.

А только Кульков не мог входить в эти интимные подробности и ждать больше.

Он думает:

«Ежели сегодня дела не окончу, то определенно худо. Затаскают еще свыше месяца. Сейчас, — думает, — возьму кого-нибудь из канцелярского персонала и смажу слегка по морде. Может, после этого факта обратят на меня благосклонное внимание и дадут делу ход».

Заходит Федор Кульков на всякий случай в самый нижний подвальный этаж, — мол, если кидать из окна будут, чтоб не шибко разбиться. Ходит по комнатам.

И вдруг видит такую возмутительную сцену. Сидит у стола на венском стуле какой-то средних лет бюрократ. Воротничок чистый. Галстук. Манжетки. Сидит и абсолютно ничего не делает. Больше того: сидит, развалившись на стуле, губами немножко свистит и ногой мотает.

Это последнее просто вывело из себя Федора Кулькова.

«Как, — думает, — государственный аппарат, кругом портреты висят, книги лежат, столы стоят, и тут, наряду с этим, мотанье ногой и свист — форменное оскорбление».

Федор Кульков очень долго глядел на бюрократа — возбуждался. После подошел, развернулся и дал, конечно, слегка наотмашь в морду.

Свалился, конечно, бюрократ со своего венского стула. И ногой перестал мотать. Только орет остро.

Тут бюрократы, ясное дело, сбегались, со всех сторон — держать Кулькова, чтоб не ушел.

Битый говорит:

— Я, — говорит, — по делу пришедши, с утра сижу. А ежели еще натошак меня по морде хлопать начнут в государ-

ственном аппарате, то, покорнейше благодарю, не надо, обойдемся без этих фактов.

Федор Кульков, то есть, до чрезвычайности удивился.

— Я, — говорит, — прямо, товарищи, не знал, что это посетитель пришедши, я думал просто бюрократ сидит. Я бы его не стал стегать.

Начальники орут:

— Отыскать, туды-сюды, кульковское дело.

Битый говорит:

— Позвольте, пуцай тогда и на меня обратят внимание. Почему же такая привилегия бьющему. Пуцай и мое дело разыщут. Фамилия Обрезкин.

— Отыскать, туды-сюды, и обрезкино дело.

Побитый, конечно, отчаянно благодарит Кулькова, ручки ему жмет:

— Морда, — говорит, — дело наживное, а тут по гроб жизни вам благодарен за содействие против волокиты.

Тут быстрым темпом составляют протокол, и в это время кульковское дело приносят. Приносят его дело, становят на нем резолюцию и дают совершенно законный ход.

Битому же отвечают:

— Вы, — говорят, — молодой человек, скорей всего ошиблись учреждением. Вам, — говорят, — скорей всего в Собес нужно, а вы, — говорят, — вон куда пришедши.

Битый говорит:

— Позвольте же, товарищи. За что же меня, в крайнем случае, тогда по морде били? Пуцай хоть справку дадут, мол, тако-го-то числа, действительно, товарищу Обрезкину набили морду.

Справку Обрезкину отказали дать, и тогда, конечно, он полез к Федору Кулькову драться. Однако, его вывели, и на этом дело заглохло.

Самого же Кулькова посадили на две недели, но зато дело его благоприятно и быстро кончилось без всякой волокиты.

БЛЕДНОЛИЦЫЕ БРАТЯ

1. Идеальный организм

Есть еще идейные люди на белом свете. Не оскудела еще наша жизнь.

На праздниках я встретил одного честного борца против алкоголя.

Этот человек сидел напротив меня за рождественским столом.

Наружность у этого человека была угрюмая. Нос крупный, с красным отливом.

«Этот, — думаю, — не подкачает — самосильно наляжет на хозяйскую выпивку».

И вдруг вижу, братцы мои, отставляет этот человек свои рюмки и бокалы в сторону и решительно говорит:

— Извиняюсь. Не пью. Мне, — говорит, — на эти стеклянные предметы смотреть худо. Я, — говорит, — недавно начал идейную борьбу против алкоголя.

Тут начались среди гостей охи и вздохи. Дескать, такое любопытное занятие отстранять от себя на праздниках! Можно ли?

Тогда человек этот горько усмехнулся на эти реплики и начал отчитывать гостей и хозяев. Много острых и верных вещей сказал он.

— Люди, — говорит, — могут без этого веселиться. Довольно стыдно. Можно, — говорит, — вместо этого в картишки удариться и обыграть хозяина. Или, — говорит, — на худой конец можно погулять с хозяйкой этого дома. Но зачем же отравлять свой идейный организм такой отравой? Я, — говорит, — всю жизнь пил и закусывал, но теперь я стою за сухой закон. Пущай будут разные ограничения. Пущай продают полбутылки на брата. Пора за это взяться и обратить внимание. Довольно.

Я с радостью глядел на этого выдающегося человека. Его добродушная супруга сидела рядом со мной.

— Муж-то, — говорю ей, — у вас какой идейный супруг.

— Да, — говорит, — такая, знаете, обида напротив праздника! Врач ему совсем не позволил пить: «Сердце, — говорит, — у вас не позволяет наклюкаться. Помереть можете»...

К концу ужина идейный супруг все же до того назюзюкался, что дважды его выносили во двор, и там он освежался.

2. Квартира

В нашем доме произошла трагедия. Убийство. Муж из ревности убил свою молодую фактическую супругу и ее юридическую мамашу.

Не будем входить в психологию убийства, скажем одно, убийство произошло в небольшой уютной квартире — две

комнаты и кухня. Бельэтаж. Уборная. Ванна. Десять квадратных сажень.

Народу собралось во двор этого дома уйма. Каждому, конечно, любопытно было узнать, кому теперь домоуправление передаст эту освободившуюся квартиру.

Уже увезли убийцу. Уже убитых отправили, куда следует, — толпа не расходилась.

Завязалась небольшая потасовка. Кто-то дико орал, что это прямо кумовство передавать эту площадь близким родственникам. Лучше пущай кинут жребий — кому достанется.

И вдруг, братцы мои, стало мне грустно на сердце. Стало мне до чего обидно.

Тут, можно сказать, такая трагедия и драма, с кровью и с убийством, и тут же, наряду с этим, такой мелкий коммерческий расчет. «Эх, — думаю, — бледнолицые мои братья!»

И долго стоял у ворот. И противно мне было принимать участие в этих грубых разговорах.

Тем более, что на прошлой неделе я по случаю получил не очень худую квартиру. Смешно же опять менять и горячиться. Я доволен.

3. Юморист

На днях мне позвонили по телефону.

Кто-то вежливым, мягким голосом спросил:

— Товарищ Зоценко?

— Да.

— Вот в чем дело. Мы производим опыты над усилителем. Большая просьба прочесть несколько строк из какого-нибудь вашего рассказа.

У меня была неотложная срочная работа. Мне очень не хотелось отрываться от дела. Но я человек мягкий. Я уважаю, кроме того, всякие новейшие изобретения. Я прочел в телефонную трубку несколько строчек.

— Прекрасно, — сказал вежливый голос. — Благодарю вас. Звучность изумительная. Теперь мы попросим вас послушать нашу передачу. Будьте любезны, отойдите в самый дальний угол комнаты. И слушайте.

Я положил трубку на стол и отошел шагов на десять. Минуты две стоял дурак дураком. Потом подошел.

— Ну, как?

— Ничего не слышал.

— Тогда отойдите шагов на пять и присядьте так, чтобы ваше ухо было на одной линии с трубкой.

Я отошел и присел.

— Ну, как?

— Ей-богу, я решительно ничего не слышу! — сказал я сердитым голосом.

— Тогда, — сказал мой собеседник, смеясь, — повесьте трубку и ложитесь спать.

Человек смеялся весело, от души, захлебываясь и хрюкая в телефон.

Да, действительно, я был очень взбешен. Я чуть не оторвал телефонную трубку. Еще бы — десять минут меня дурачил какой-то прохвост. Даже заставлял присесть.

Потом я успокоился. Даже усмехнулся. В чем дело? Все обстоит прекрасно. Можно записать сюжет. Можно сделать небольшой юмористический рассказ на актуальную тему — телефонные хулиганы. Двадцать рублей я честно заработал на этом поганом деле.

В каждой собачьей ерунде есть свои хорошие стороны.

4. Скупой рыцарь

Год назад в одно почтенное издательское учреждение я три месяца подряд ходил за деньгами.

Заведующий отделом человек был милый, симпатичный. Всякий раз он справлялся о моем драгоценном здоровье, интересовался работой. И всегда очень сочувствовал и входил в положение. Однако, денег не платил.

Примерно, зайдешь к нему числа десятого. Разведет руками, грустно улыбнется.

— Ай, — говорит, — ну, можно ли в такие несуразные числа заходить. Десятое число! А мне, может, пятнадцатого рабочим и служащим платить. Сами посудите.

Ну, сообразишь, что десятое число, действительно, несколько неудобное число для платежей, — уйдешь. Приходишь числа двадцатого.

— Ну, что вы, — говорит, — делаете? Только что недавно рабочим и служащим заплатил. Ну, откуда я вам возьму? Сами посудите.

Два месяца я терпеливо поднимался на пятый этаж. В начале третьего месяца я стал слегка наседать и требовать.

Заведующий ерзал на стуле, грустно разводил руками, но денег не платил.

Я знаю — деньги платить занятие скучное, малопривлекательное. Сплошной, можно сказать, коммерческий расход. В трубу можно свободно полететь, ежели всем платить. Однако, мне было все равно. Я с энергичной настойчивостью вел свою линию.

Заведующий, видимо, начал страдать от моих посещений. Он избегал моего взгляда. Молча разводил руками. И углублялся в свои бумаги.

Однажды, когда у заведующего сидел какой-то посетитель, я начал грозить. Я сказал:

— Либо платите сейчас, либо я сам не знаю, что сейчас сделаю.

В голосе моем появились истерические нотки и вообще некоторое повизгиванье.

Вдруг я услышал всхлипывание. Я с испугом посмотрел на заведующего. Закрыв глаза рукой, он плакал, не стесняясь присутствия посетителя.

Я мысленно обругал себя скотиной и выбежал из кабинета.

Мне было ужасно стыдно и неловко.

Так довести человека. Экая я чертова свинья! Ну, действительно, ну, откуда ему взять денег, если у него, может, нету? Ах, такая гнусность! Надо извиниться. Скажу: согласен ждать, сколько понадобится.

Я снова вошел в кабинет.

Заведующий, откинувшись на спинку кресла, тихонько смеялся. Его усы и подбородок дрожали от смеха.

Я услышал, как он говорил своему собеседнику:

— Ну, что я могу сделать? Пристают, докучают. Мешают работать. Ну, откуда я всем возьму? Приходится, знаете, прибегать к этой невинной хитрости. Это действует. Они народ впечатлительный.

Я подошел к столу и тяжелым голосом потребовал немедленной уплаты.

Заведующий, не глядя на мое лицо, написал на моем заявлении — уплатить завтра.

Назавтра я деньги получил.

Этот случай — подлинная правда. Я давно уже перестал фантазией разбавлять свои рассказы.

5. Обезьяний язык

Трудный это русский язык, дорогие граждане! Беда какой трудный!

Главная причина в том, что иностранных слов в нем до черта. Ну, взять французскую речь. Все хорошо и понятно. Кескесе, мерси, комси — все, обратите ваше внимание, чисто французские, натуральные, понятные слова.

А ну-те-ка, сунься теперь с русской фразой — беда. Вся речь пересыпана словами с иностранным, туманным значением.

От этого затрудняется речь, нарушается дыхание и треплются нервы.

Я вот на днях слышал разговор. На собрании было. Соседи мои разговорились.

Очень умный и интеллигентный разговор был, но я, человек без высшего образования, понимал ихний разговор с трудом и хлопал ушами.

Началось дело с пустяков.

Мой сосед, не старый еще мужчина с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил:

— А что, товарищ, это заседание пленарное будет, али как?

— Пленарное, — небрежно ответил сосед.

— Ишь ты, — удивился первый, — то-то я и гляжу, что такое? — как будто оно и пленарное.

— Да уж будьте покойны, — строго ответил второй. — Сегодня сильно пленарное, и кворум такой подобрался — только держись.

— Да ну? — спросил сосед. — Неужели и кворум подобрался?

— Ей-богу, — сказал второй.

— И что же он, кворум-то этот?

— Да ничего, — ответил сосед, несколько растерявшись. — Подобрался и все тут.

— Скажи на милость, — с огорчением покачал головой первый сосед. — С чего бы это он, а?

Второй сосед развел руками и строго посмотрел на собеседника, потом добавил с мягкой улыбкой:

— Вот вы, товарищ, небось, не одобряете эти пленарные заседания... А мне как-то они ближе. Все как-то, знаете ли, выходит в них минимально по существу дня... Хотя я, прямо скажу, последнее время отношусь довольно перманентно к

этим собраниям. Так, знаете ли, индустрия из пустого в порожнее.

— Не всегда это, — возразил первый. — Если, конечно, посмотреть с точки зрения. Вступить, так сказать, на точку зрения и отсюда, с точки зрения, то да — индустрия конкретно.

— Конкретно фактически, — строго поправил второй.

— Пожалуй, — согласился собеседник. — Это я тоже допускаю. Конкретно фактически. Хотя как когда...

— Всегда, — коротко отрезал второй. — Всегда, уважаемый товарищ. Особенно, если после речей подсекция заварится минимально. Дискуссии и крику тогда не оберешься.

На трибуну взошел человек и махнул рукой. Все смолкло. Только соседи мои, несколько разгоряченные спором, не сразу замолчали. Первый сосед никак не мог помириться с тем, что подсекция заваривается минимально. Ему казалось, что подсекция заваривается несколько иначе.

На соседей моих зашикали. Соседи пожали плечами и смолкли. Потом первый сосед наклонился ко второму и тихо спросил:

— Это кто ж там такой вышелши.

— Это? Да это президиум вышелши. Очень острый мужчина. И оратор первейший. Завсегда остро говорит по существу дня.

Оратор простер руки вперед и начал речь.

И когда он произносил надменные слова с иностранным, туманным значением, соседи мои сурово кивали головами. Причем второй сосед строго поглядывал на первого, желая показать, что он все же был прав в только что законченном споре.

Трудно, товарищи, говорить по-русски!

ПУШКИН

Девяносто лет назад убили на дуэли Александра Сергеевича Пушкина.

Вся Россия, можно сказать, горюет и слезы льет в эту прискорбную годовщину. Но, между прочим, больше всех горюет и убивается — Иван Федорович Головкин.

Этот милый человек при одном только слове — Пушкин — ужасно вздрагивает и глядит в пространство.

И как же ему, братцы, не глядеть в пространство, если обнаружилась такая, можно сказать, печальная, теневая сторона жизни гениального поэта.

Мы, конечно, начнем нашу повесть издалека, чтобы не оскорбить память знаменитого гения. Начнем, примерно, с 1921 года. Тогда будет все наглядней.

В 1921 году, в декабре месяце приехал из армии в родной свой городок Иван Федорович Головкин.

А тут как раз нэп начался. Оживление. Булки стали выпекать. Торговлишка завязалась. Жизнь, одним словом, ключом забила.

А наш приятель Головкин, несмотря на это, ходит по городу безуспешно. Помещения не имеет. И спит по субботам у знакомых. На собачьей подстилке. В передней комнате.

Ну и, конечно, через это настроен скептически.

— Нэп, — говорит, — это форменная утопия. Полгода, — говорит, — не могу помещения отыскать.

В 1923 году Головкин все-таки словчился и нашел помещение. Или он въездные заплатил, или вообще фортуна к нему обернулась, но только нашел.

Комната миленькая. Два окна. Пол, конечно. Потолок. Это все есть. Ничего против не скажешь.

А очень любовно устроился там Головкин. На шпалеры разорился — оклеил. Гвозди куда надо приколотил, чтоб уютней выглядело. И живет, как падишах.

А время, конечно, идет. Вот уже восемьдесят седьмая годовщина ударяет со дня смерти нашего дорогого поэта Пушкина. Потом восемьдесят восьмая.

На восемьдесят девятой годовщине разговоры, конечно, поднялись в квартире. Пушкин, дескать. Писатель. Жил, дескать, в свое время в этом помещении. Осчастливил, дескать, жилплощадь своим нестерпимым гением. Не худо бы в силу этого какую ни на есть досточку приклепать с полным обозначением в назидание потомству.

Иван Федорович Головкин тоже сдуру участие принял в этой дощечке, на свою голову.

Только, вдруг, в квартире ропот происходит. Дамы мечутся. Кастрюльки чистят. Углы подметают.

Комиссия приходит из пяти человек. Помещение осматривает.

Увидела комиссия разную домашнюю требуху в квартире — кастрюли и пиджаки — и горько так вздохнула.

— Тут, — говорит, — когда-то Александр Сергеевич Пушкин жил. А тут наряду с этим форменное безобразие наблюдается. Вон метла стоит. Вон брюки висят — подтяжки по стене развешаются. Ведь это же прямо оскорбительно для памяти гения!

Ну, одним словом, через три недели выселили всех жильцов из этого помещения.

Головкин, это верно, очень ругался. Крыл. Выражал свое особое мнение открыто, не боясь никаких последствий.

— Что ж, говорит, это такое? Ну пускай он гений. Ну пускай стишки сочинил: «Птичка прыгает на ветке». Но зачем же средних людей выселять? Это же утопия, если всех жильцов выселять.

Хотел Головкин в Пушкинский заповедник поехать — ругаться, но после занялся подыскиванием помещения.

Он и сейчас еще ищет. Осунулся, поседел. Требовательный такой стал. Все расспрашивает, кто да кто раньше жил в этом помещении. И не жил ли здесь, оборони создатель, Демьян Бедный или Мейерхольд. А если жил, то он, Головкин, и даром не возьмет такого помещения.

А это верно: как это некоторые крупные гении легкомысленно поступают — мотаются с квартиры на квартиру, переезжают. А после такие печальные результаты.

Да вот недалеко ходить, в наше время наш знакомый поэт Митя Цензор, Дмитрий Михайлович. Да он за последний год не менее семи комнат сменил. Все, знаете, никак не может ужиться. За неплатеж.

А ведь, может, он, черт его знает, гений!

Ох, и обложат же его лет через пятьдесят за эти семь комнат.

Единственно, может быть, кризис несколько ослабнет к тому времени. Одна надежда.

О ПОЛЬЗЕ ГРАМОТНОСТИ

А ведь я, грешный человек, думал, что у нас неграмотных людей не осталось. Я думал, что неграмотные давно уж ликвидированы.

Конечно, я не предполагал, что народ по-французски лепетать начал и вообще высшую арифметику узнал. Я про это не думал. Однако, насчет — читать, писать и фамилию подписывать — это мне казалось очень даже просто и возможно.

Оказалось, не так это дело обстоит.

Вот извольте поглядеть, какая история развернулась на этом фронте.

В прошлом месяце на одном громадном заводе решено было покрепче навалиться на неграмотных. Все-таки, новый год наступил. А там вскоре десятая годовщина предвидится. А там опять новый год.

А неграмотные еще не вполне ликвидированы. Нехорошо это. Некультурно. Надо навалиться. Ну, и в силу этого решили навалиться. Председатель культкомиссии лично проверил разные списки. Ведомости на получку денег тоже рассмотрел. Поинтересовался, кто как и кто никак подписывается.

Ну и оказалась цельная армия неграмотных. Больше ста. А в школу ходит ликвидироваться едва ли тридцать. Значит, остальные ловчатся.

Председатель культкомиссии собрал своих помощников и говорит:

— Вот что, ребята, надо беспрерывно навалиться. Пушай завтра соберутся все неграмотные в восемь часов вечера. Объявить про это.

Помощники — ребята молодые, горячие — сразу за дело принялись, начали между собой программу обсуждать.

И вот, конечно, назавтра вечер наступает. Восемь бьет. Культкомиссия в полном боевом составе является. Председатель тут же, конечно, с портфелем. Садятся вокруг стола. Только смотрят, нету неграмотных, не являются.

Председатель говорит:

— Братцы, да где ж, например, эти неграмотные? Или, может быть, вы оповестить забыли?

— Нет, — говорят, — объявили, помилуйте. В каждом цехе объявление повесили.

Начали ждать. «Все-таки, — думают, — неграмотный народ — малосознательный, опаздывать любит. Придется обождать».

А тут девять ударяет. И нет никого. Один какой-то дядя зашел, да и тот оказался грамотный. По ошибке сунулся.

Председатель культкомиссии говорит:

— Братцы, а ведь неграмотные — неграмотны. Как же они могут прочесть ваши объявления?

Тут ребята заволновались.

— А ведь верно! — говорят. — Они читать не могут.

Ну, и конечно, другой коленкор. Устный подход.

Отрядили специального человека. Ходил этот человек по всем цехам и орал в три горла насчет собрания.

Ну, и конечно, другой коленкор. Устный подход оказался правильный. Все-таки, пришло человека четыре, не считая председателя. На них и навалилась культкомиссия.

СИЛА КРАСНОРЕЧИЯ

Дело было, нельзя сказать, что запутанное. Все было довольно-таки ясно и скучно.

Преступник сознался в своей вине.

Да, действительно, он влез в чужую квартиру, придушил чуть не насмерть какую-то квартирную старушонку и унес два костюма, медную кастрюлю и еще какое-то барахло.

Дело было плевое. Неинтересное.

Я хотел было уйти из зала суда, но пробраться было трудно. Много народу. К тому же, сосед мой, староватый гражданин с седыми усами, очень неприветливо буркнул, когда я заворочался на своем месте.

Я остался, поглядел на преступника. Тот сидел неподвижно. Глядел безучастно куда-то в сторону.

— Интересно, сколько ему дадут? — сказал я.

— Ничего интересного, — сказал старик, мой сосед, — четыре года со строгой изоляцией.

— Почему вы так думаете?

— Не думаю, — строго сказал старик. — Кодекс думает.

Но вот вышел обвинитель. Он начал говорить с сильным душевным подъемом. Много неподдельного гнева и презрения было в его словах. Он буквально растоптал преступни-

ка. Он сравнил его с самым последним дрянным мусором, который надо выкинуть без сожаления.

Я давно не слышал такой превосходной речи.

Публика сидела притихшая. Судьи внимательно слушали гневные слова прокурора.

Я поглядел на преступника. Низкий лоб. Тупая челюсть. Звериный взгляд. Да, действительно, форменный бандит. С каким страхом он глядел на говорившего!

— Здорово кроет, — сказал я. — Как бы парня налево не послали, а? Как вы думаете? Высшую меру не могут дать?

— Ерунда, — сказал старик, — четыре года со строгой изоляцией.

Но вот прокурор кончил. После небольшого перерыва начал говорить защитник.

Это был довольно молодой человек. Но сколько настоящего таланта было в нем! Какая сила красноречия! Какой неподдельной простотой и искренностью звучала вся его речь!

Красноречие — это большой дар. Это — большое счастье обладать такой способностью покорять людей своими словами и диктовать им свои желания.

Почти полтора часа говорил защитник.

Публика дергалась на своих местах. Дамы глубоко вздыхали и пудрили вспотевшие от волнения носы. Некоторые слабонервные всхлипывали и сморкались. Сам председатель нервно барабанил пальцами по бумаге.

Преступник в совершенном обалдении, полураскрыв рот, глядел на своего благодетеля.

Да, конечно, защитник и не пытается отрицать его вину. Нет! Это все так. Но не угодно ли заглянуть поглубже. Не угодно ли приподнять завесу, скрывающую тайники жизни. Да, преступник виновен, но нужно хоть раз с добрым сердцем взглянуть на этого человека, на его простое, наивное лицо.

Я снова посмотрел на преступника. В самом деле, а ведь лицо довольно простоватое. И лоб как лоб. Не особенно низкий. И челюсть не так уж выдается. Подходящая челюсть. Прямо трудно поверить, что с такой челюстью можно душить старушку.

— А ведь парня-то, пожалуй, оправдают, — сказал я, — или дадут условно. Очень уж способно говорит защитник.

— Ерунда, — сказал старик, — четыре года со строгой изоляцией.

Но вот суд удалился на совещание.

Публика ходила по коридору, обсуждая прекрасную речь защитника. Многие предполагали, что более одного года условно не могут дать.

Мой старик сосал небольшую трубку и сердито говорил в толпе:

— Ерунда! Четыре года со строгой изоляцией.

После долгого ожидания, суд вернулся в зал. Был оглашен приговор — четыре года со строгой изоляцией.

Конвойные тотчас окружили преступника и увели... Публика медленно расходилась.

В толпе я увидел своего старика. Он прищурил глаз и что-то бормотал. Наверное, он сказал:

— Вот видите, я же говорил.

Этот человек явно скептически относился к красноречию. Я с ним не согласен. Мне нравится, когда о человеке много и подробно говорят. Все-таки меньше шансов ошибиться.

ЦАРСКИЕ САПОГИ

В этом году в Зимнем дворце разное царское барахлишко продавалось. Музейный фонд, что ли, этим торговал. Я не знаю кто.

Я с Катериной Федоровной Коленкоровой ходил туда. Ей самовар нужен был на десять персон.

Самовара, между прочим, там не оказалось. Или царь пил из чайника, или ему носили из кухни в каком-нибудь граненом стакане, я не знаю, — только самовары в продажу не поступили.

Зато других вещей было множество. И вещи, действительно, все очень великолепные. Разные царские портьеры, бордюры, разные рюмочки, плевательницы, сорочки и другие разные царские штучки. Ну, прямо глаза разбегаются, не знаешь, за что схватиться и какую вещь приобрести.

Тогда Катерина Федоровна на свободные деньги купила, вместо самовара, четыре сорочки из тончайшего модеполама. Очень роскошные. Царские.

Я же вдруг увидел в описи сапоги. Русское голенище, восемнадцать целковых.

Я сразу спросил у артельщика, который торговал:

— Какие это сапоги, любезный приятель?

Он говорит:

— Обыкновенно какие — царские.

— А какая, — говорю, — мне гарантия, что это царские? Может, — говорю, — какой-нибудь капельдинер трепал, а вы их вместо царских выдаете. Это, — говорю, — нехорошо, неприлично.

Он говорит:

— Тут кругом все имущество царской фамилии. Мы, — говорит, — дерьмом не торгуем.

— Кажи, — говорю, — товар.

Поглядел я сапоги. Очень мне ужасно понравились, и размер подходящий. И какие они неширокие, узенькие, опрятные. Тут носок, тут каблук. Ну, прямо цельные сапоги. И вообще мало ношенные. Может, только три дня царь их носил. Подметка еще не облупилась.

— Господи, — говорю, — Катерина Федоровна, да разве, — говорю, — раньше можно было мечтать насчет царской обуви? Или, например, в царских сапогах по улице пройти? Господи, говорю, — как история меняется, Катерина Федоровна!

Восемнадцать целковых отдал за них, не горюя. И, конечно, за царские сапоги эта цена очень и очень небольшая.

Выложил восемнадцать целковых и понес эти царские сапоги домой.

Действительно, обувать их было трудно. Не говоря про портянку, на простой носок и то еле лезут. «Все-таки, — думаю, — разношу».

Три дня разнашивал. На четвертый день подметка отлипла. И не то, чтобы одна подметка, а так полностью вместе с каблуком весь нижний этаж отвалился. Даже нога наружу вышла.

А случилось это поганое дело на улице, на бульваре Союзов, не доходя Дворца Труда. Так и попер домой на Васильевский остров без подметки.

Главное, денег было очень жалко. Все-таки, восемнадцать целковых. И пожаловаться некуда. Ну, будь эти сапоги фабрики «Скороход» или какой-нибудь другой фабрики — другой вопрос. Можно было бы дело возбудить или красного директора с места погнать за такую техническую слабость. А тут, извольте, царские сапоги.

Конечно, на другой день сходил в музейный фонд. А там уже и торговать кончили — закрыто.

Хотел в Эрмитаж смотаться или еще куда-нибудь, но после рукой махнул. Главное, Катерина Федоровна меня остановила.

— Это, — говорит, — не только царский, любой королевский сапог может за столько лет прогнить. Все-таки, как хотите, со дня революции десять лет прошло. Нитки, конечно, сопреть могли за это время. Это понимать надо.

А, действительно, братцы мои, десять лет протекло. Шутка ли! Товар и тот распадаться начал.

И хотя Катерина Федоровна меня успокоила, но когда, между прочим, после первой стирки у нее эти самые царские дамские сорочки полезли в разные стороны, то она очень ужасно крыла царский режим. А вообще, конечно, десять лет прошло — смешно обижаться. Время-то как быстро идет, братцы мои!

ЛИТЕРАТОР

Я первый раз в жизни видел такого писателя. Он был еле грамотный. Читал он, правда, ничего себе, сносно. Хотя на некоторых длинных словах затруднялся. И буквы некоторые ему, видимо, были в диковинку.

Зато писал он до того худо, что в первый момент я даже растерялся, когда посмотрел на его рукопись. Это было черт знает что такое. Что-то вообще было нацарапано на бумаге, но что именно — разобрать было трудно.

Я просто обомлел, даже испугался, когда он заявил, что эта рукопись — юмористический рассказ. В рукописи было десятка два еле понятных фраз и выражений.

Ей-богу, такого писателя мне не приходилось больше видеть!

А главное, от него почему-то сильно разило скипидаром. Запах был до того острый, что просто можно было потерять сознание, если подольше посидеть с таким человеком.

Он, видимо, и сам сознавал всю остроту своего запаха. И, входя в комнату, он просил разрешения слегка приоткрыть форточку.

— Слушайте, товарищ, — сказал я ему, возвращая рукопись, — да, может, вы спутали? Может, вы вовсе, как бы сказать, не писатель?

— Зачем же путать, — уныло сказал он. — Известно — писатель. Беллетрист.

Он заходил ко мне несколько раз. И всякий раз приносил страницы две-три черт знает какой ерунды.

Я несколько попривык к его куриному почерку и стал более внимательно читать. Нет, это была совершеннейшая галиматья. Это была просто неслыханная чушь. Это был какой-то лепет дефективного переростка!

С некоторым испугом отдавал я ему обратно рукописи. Я боялся, как бы он меня не убил за возврат. Уж очень он был мрачный. И усы у него были длинные, разбойничьи.

Однако, он довольно терпимо относился к возврату.

— Значит, для журнала не годится? — спрашивал он. — Печатать нельзя?

— М-да, — говорил я, — навряд ли можно.

Он довольно равнодушно пожимал плечами и неясно говорил:

— Надо, конечно, расстараться.

И уходил.

Всего он заходил ко мне четыре раза.

В последний раз он припер с собой довольно объемистую рукопись — страниц на двадцать.

Я тут же, при нем, прочел и просто побледнел от злости.

— Это, — говорю, — товарищ, ну, прямо ни к чертовой матери не годится. Надо же, наконец, понять. Не только печатать — читать совестно. Возьмите обратно. И не приходите больше.

Он строго посмотрел на меня и сказал:

— Дайте тогда расписку.

— Какую расписку?

— Да что не приняли.

— Да на что, — говорю, — тебе, чудака-человек, расписка?

— Да так, — говорит, — все-таки...

Я посмеялся, но расписку дал. Написал, что произведения писателя, такого-то не подходят для печати за малограмотностью.

Он поблагодарил меня и ушел со своей распиской. Дня через три он снова прибежал ко мне. Он был несколько не в себе. Он протянул назад свою расписку и сказал:

— Надо на бланке и чтоб печать. Нельзя такие расписки выдавать.

Тут я припер этого человека к стене. Я просто велел объяснить, на кой дьявол ему нужна расписка. Я ему сказал, что я человек частный и сам никаких печатей на руках не имею.

Тогда, несколько путаясь и сморкаясь в свою толстовку, он объяснил.

— Что ж, — сказал он, — человек я, конечно, небогатый. Гуталин делаю. Производство, конечно, маленькое — только что кормиться. И если, — говорит, — меня налогом обложить, то я в трубу свободно вылечу. Или за квартиру платить не могу, как торговец. А в доме говорят: «Какая у тебя профессия? Какую тебе цену определить?» Я говорю: «Какая профессия — литератор». «Неси, — говорят, — сукин сын, удостоверение. Фининспектор тоже с нас требует». — «Бюрократизм, — говорю, — какой. Ладно, достану». Чего теперь делать?

— Да уж, — говорю, — не знаю.

Он потоптался в нерешительности и ушел.

Фамилию свою он просил никому не говорить. Черт с ним, не скажу.

СВАДЬБА

Конечно, Володька Завитушкин немного поторопился. Был такой грешок.

Володька, можно сказать, толком и не разглядел своей невесты. Он, по совести говоря, без шляпки и без пальто ее никогда даже и не видел. Потому, все главные события на улице развернулись.

А что перед самой свадьбой Володька Завитушкин заходил со своей невестой к ее мамаше представляться, так он не раздеваясь представился. В прихожей. Так сказать, на ходу.

А познакомился Володя Завитушкин со своей невестой в трамвае.

Сидит он в трамвае и вдруг видит — перед ним этакая барышня вырисовывается. Такая ничего себе барышня, аккуратненькая. В зимнем пальто.

И стоит эта самая барышня в зимнем своем пальто перед Володькой и за ремешок рукой держится, чтоб пассажиры ее не опрокинули. А другой рукой пакет к груди прижимает. А в трамвае, конечно, давка. Пихаются. Стоять, прямо сказать, нехорошо. Вот Володька ее и пожалел.

— Присаживайтесь, — говорит, — ко мне на одно колено, все легче ехать.

— Да нет, — говорит, — мерси.

— Ну, так, — говорит, — давайте тогда пакет. Кладите мне на колени, не стесняйтесь. Все легче будет стоять.

Нет, видит, и пакета не дает. Или пугается, чтоб не упер. Или еще что.

Глянул на нее Володя Завитушкин еще раз и прямо обалдел.

«Господи, — думает, — какие миловидные барышни в трамваях ездют».

Едут так они две остановки. Три. Четыре. Наконец, видит Завитушкин — барышня к выходу тискается. Тоже и Володька встал. Тут у выхода, значит, у них знакомство и состоялось.

Познакомились. Пошли вместе. И так у них все это быстро и без затрат обернулось, что через два дня Володька Завитушкин и предложение ей сделал.

Или она сразу согласилась, или нет, но только на третий день пошли они в гражданский отдел и записались.

Записались они в ЗАГСе, а после записи и развернулись главные события.

После записи пошли молодые на квартиру к мамаше. Там, конечно, полная суматоха. Стол накрывают. Гостей много. И, вообще, семейное торжество — молодых ждут.

И какие-то разные барышни и кавалеры по комнате суетятся, приборы ставят и пробки открывают.

А свою молодую супругу Володька Завитушкин еще в прихожей потерял из виду.

Сразу его, как на грех, обступили разные мамыши и родственники, начали его поздравлять и в комнату тащить.

Привели его в комнату, разговаривают, руку жмут, спрашивают, в каком, дескать, союзе находится.

Только видит Володька — не разобрать ему, где его молодая жена. Девиц в комнате много. Все вертятся, все мотаются, ну, прямо с улицы, со свету, хоть убей, не разобрать.

«Господи, — думает Володька, — никогда ничего подобного со мной не происходило. Какая же из них моя молодая супруга?»

Стал он по комнате ходить между девиц. То к одной толкнется, то к другой толкнется. А те довольно неохотно держатся и особой радости не выказывают.

Тут Володька немного даже испугался.

«Вот, — думает, — на чем засыпался — жену уж не могу найти».

А тут еще родственники начали коситься — чего это молодой ходит, как ненормальный, и на всех девиц бросается.

Стал Володька к двери и стоит в полном упадке.

«Ну, спасибо, — думает, — если сейчас за стол садиться будут. Тогда, может, что-нибудь определится. Которая со мной сядет, та, значит, и есть. Хотя бы, — думает, — вот эта белобрысенькая села. А то, ей-богу, подсунут какое-нибудь дерьмо, потом живи с ним».

В это время гости начали за стол садиться.

Мамаша христом-богом просит обождать еще немного, не садиться. Но на гостей прямо удержу нету, прямо кидаются на жратву и на выпивку.

Тут Володю Завитушкина волокут на почетное место. И рядом с ним с одного боку сажают девицу.

Поглядел на нее Володька, и отлегло у него на сердце.

«Ишь ты, — думает, — какая. Прямо, — думает, — недуренькая. Без всякой шляпки ей даже лучше. Нос не так уж просится наружу».

От полноты чувств Володя Завитушкин нацедил себе и ей вина и полез поздравлять и целоваться.

Но тут и развернулись главные события.

Начали раздаваться крики и разные вопли.

— Это, — кричат, — какой-то ненормальный, сукин сын. На всех девиц кидается. Молодая супруга еще к столу не вышедши — прибирается, а он с другой начал упражняться.

Тут произошла абсолютная дрянь и неразбериха. Володьке бы, конечно, в шутку все превратить. А он очень обиделся. Его в суматохе какой-то родственник бутылкой тиснул по затылку.

Володька кричит:

— А пес вас разберет! Насажали разных баб, а мне разбираться.

Тут невеста в белом балахоне является. И цветы сбоку.

— Ах, так, — говорит, — ну так это вам выйдет боком.

И опять, конечно, вопли, крики и истерика.

Начали, конечно, родственники выгонять Володьку из квартиры.

Володька говорит:

— Дайте хоть пожрать. С утра, — говорит, — не жравши по такой канители.

Но родственники поднажали и ссыпали Володьку на лестницу.

На другой день Володя Завитушкин после работы зашел в гражданский отдел и развелся.

Там даже не удивились.

— Это, — говорят, — ничего, бывает. Нынче, — говорят, — редко случаются более продолжительные браки.

Так и развели.

ГАЛОША

Конечно, потерять галошу в трамвае нетрудно. Особенно, если сбоку поднапрут, да сзади какой-нибудь архаровец на задник наступит — вот вам и нет галоши.

Галошу потерять — прямо пустяки.

С меня галошу сняли в два счета. Можно сказать, ахнуть не успел.

В трамвай вошел — обе галоши стояли на месте, как сейчас помню. Еще рукой потрогал, когда влезал — тут ли.

А вышел из трамвая — гляжу: одна галоша здесь, как миленькая, а другой нету. Сапог — здесь. И носок, гляжу, здесь. И подштанники на месте. А галоши нету.

А за трамваем, конечно, не побежишь.

Снял остальную галошу, завернул в газету и пошел так. «После работы, — думаю, — пушусь на розыски. Не пропадать же товару. Где-нибудь, да раскопаю».

После работы пошел искать. Первым делом — посоветовался с одним знакомым вагоновожатым.

Тот, прямо, вот как меня обнадежил.

— Скажи, — говорит, — спасибо, что в трамвае потерял. В другом общественном месте — не ручаюсь, а в трамвае потерять — святое дело. Такая у нас существует камера для потерянных вещей. Приходи и бери. Святое дело!

— Ну, — говорю, — спасибо. Прямо, гора с плеч. Главное, галоша почти что новенькая. Всего третий сезон ношу.

На другой день поехал в камеру.

— Нельзя ли, — говорю, — братцы, галошу получить обратно? В трамвае сняли.

— Можно, — говорят. — Какая галоша?

— Галоша, — говорю, — обыкновенно какая. Размер — двенадцатый номер.

— У нас, — говорят, — двенадцатого номера, может, двенадцать тысяч. Расскажи приметы.

— Приметы, — говорю, — обыкновенно какие: задник, конечно, обтрепан, внутри байки нету — сносилась байка.

— У нас, — говорят, — таких галош, может, больше тысячи. Нет ли специальных признаков?

— Специальные, — говорю, — признаки имеются. Носок, вроде бы, начисто оторван, еле держится. И каблука, — говорю, — почти что нету. Сносился каблук. А бока, — говорю, — еще ничего, пока что удержались.

— Посиди, — говорят, — тут. Сейчас посмотрим.

Вдруг выносят мою галошу.

То есть, ужасно обрадовался. Прямо умилился. «Вот, — думаю, — славно аппарат работает. И какие, — думаю, — идейные люди — сколько хлопот на себя приняли из-за одной галоши».

— Спасибо, — говорю, — друзья, по гроб жизни. Давайте поскорей ее сюда. Сейчас я надену.

— Нету, — говорят, — уважаемый товарищ, не можем дать. Мы, — говорят, — не знаем, может, это не вы потеряли.

— Да я же, — говорю, — потерял.

— Очень, — говорят, — вероятно, но дать не можем. Принеси удостоверение, что ты действительно потерял галошу.

Пушай домоуправление заверит этот факт, и тогда без излишней волокиты выдадим.

— Братцы, — говорю, — святые товарищи, да в доме не знают про этот факт. Может, они не дадут такой бумаги.

— Дадут, — говорят, — это ихнее дело дать.

Поглядел я еще раз на галошу и вышел.

На другой день пошел к председателю.

— Давай, — говорю, — бумагу. Галоша гибнет.

— А верно, — говорит, — потерял? Или закручиваешь?

— Ей-богу, — говорю, — потерял.

— Пиши, — говорит, — заявление.

Написал заявление. На другой день форменное удостоверение получил.

Пошел с этим удостоверением в камеру. И без хлопот, без волокиты выдают мне галошу.

Только, когда надел галошу на ногу, почувствовал полное умиление. «Вот, — думаю, — аппарат работает! Да в какой-нибудь отсталой стране разве стали бы возиться с моей галошей столько времени? Да выкинули бы ее с трамвая — только и делов. А тут неделю не хлопотал, выдают обратно. Вот это аппарат!»

Одно досадно, за эту неделю во время хлопот первую галошу потерял. Все время носил ее под мышкой в пакете — и не помню, в каком месте ее оставил. Главное, что не в трамвае. Это гиблое дело, что не в трамвае. Ну, где ее искать?

Но, зато, другая галоша у меня. Я ее на комод поставил. Другой раз станет скучно — взглянешь на галошу — и как-то легко и безобидно на душе становится. «Вот, — думаю, — аппарат!»

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ

Хочется рассказать про одного начальника. Очень уж глубокоиинтересная личность.

Оно, конечно, жалко — не помню, в каком городе эта личность существует. В свое время читал об этом начальнике небольшую заметку в харьковской газете. А насчет города — позабыл. Память дырявая.

Ну, да это не суть важно. Пушай население само разбирается в своих героях. Небось, узнают — фамилия Дрожкин.

Так вот, извольте видеть, было это в небольшом городе. Даже, по совести говоря, не в городе, а в местечке.

И было это в воскресенье.

Представьте себе — весна, весеннее солнышко играет. Природа, так сказать, пробуждается. Травка, возможно что, зеленеть начинает.

Население, конечно, высыпало на улицу. Панели шлифует.

И тут же среди населения гуляет собственной персоной помощник начальника местной милиции т. Дрожкин. С супругой. Прелестный ситцевый туалет. Шляпка. Зонтичек. Галоши.

И гуляют они, ну, прямо, как простые смертные. Не гнушаются. Прямо, так и прут под ручку по общему тротуару.

Доперли они до угла бывшей Казначейской улицы. Вдруг, стоп. Среди, можно сказать, общего переходного тротуара — свинья мотается. Такая, довольно крупная свинья, пудов, может быть, на семь.

И пес ее знает, откуда она забрела. Но факт, что забрела, и явно нарушает общественный беспорядок.

А тут, как на грех — товарищ Дрожкин с супругой.

Господи, твоя воля! Да, может, товарищу Дрожкину неприятно на свинью глядеть? Может, ему во внеслужебное время охота на какую-нибудь благородную часть природы поглядеть? А тут свинья. Господи, твоя воля, какие неосторожные поступки со стороны свиньи! И кто такую дрянь выпустил наружу? Это же, прямо, невозможно!

А главное — товарищ Дрожкин вспыльчивый был. Он сразу вскипел.

— Это, — кричит, — чья свинья? Будьте любезны ее ликвидировать.

Прохожие, известно, растерялись. Молчат. Начальник говорит:

— Это что ж делается средь бела дня! Свиньи прохожих затирают. Шагу не дают шагнуть. Вот я ее сейчас из револьверу тапну.

Вынимает, конечно, тов. Дрожкин револьвер. Тут среди местной публики замешательство происходит. Некоторые, более опытные прохожие, с большим, так сказать, военным стажем, в сторону сиганули в рассуждении пули.

Только хотел начальник свинку утробить — жена вмешалась. Супруга.

— Петя, — говорит, — не надо ее из револьверу бить. Сейчас, может быть, она под ворота удалится.

Муж говорит:

— Не твое гражданское дело. Замри на короткое время. Не вмешивайся в действия милиции.

В это время из-под ворот такая небольшая старушка выплывает. Выплывает такая небольшая старушка и что-то ищет.

— Ахти, — говорит, — господи! Да вот он где, мой кабан. Не надо его, товарищ начальник, из пистолета пужать. Сейчас я его уберу.

Товарищ Дрожкин обратно вспылil. Может, ему хотелось на природу любоваться, а тут, извиняюсь, неуклюжая старуха со свиньей.

— Ага, — говорит, — твоя свинья! Вот я ее сейчас из револьверу трахну. А тебя в отделение отправлю. Будешь свиней распускать.

Тут опять жена вмешалась.

— Петя, — говорит, — пойдем, за ради бога. Опоздаем же на обед.

И, конечно, по глупости своей супруга за рукав потянула, — дескать, пойдем.

Ужасно побледнел начальник милиции.

— Ах, так, — говорит, — вмешиваться в действия и в распоряжения милиции! За рукава хватать! Вот я тебя сейчас арестую.

Свистнул тов. Дрожкин постового.

— Взять, — говорит, — эту гражданку. Отправить в отделение. Вмешивалась в действия милиции.

Взял постовой неосторожную супругу за руку и повел в отделение. Народ безмолвствовал.

А сколько жена просидела в милиции и каковы были последствия семейной неурядицы — нам неизвестно.

МНОГО ЛИ ЧЕЛОВЕКУ НУЖНО

Недавно ездили мы через весь Союз. Специально глядели, как живут люди.

Ничего себе живут. Стараются.

В любом городе заметно вырастают новые дома и домишки. Все больше такие небольшие коттеджи, вроде халуп.

И жилищный кризис в связи с этим начал как будто бы слегка ослабевать. Более как семнадцать человек в одной комнате нам не приходилось видеть.

И только в одном городе комнату занимало двадцать три персоны. Легковые извозчики. С семьями. Но это было в Ростове-на-Дону. Город этот все-таки южный, климатический. Даже, говорят, персики там могут расти. Море тоже не очень далеко плескается. Море это, может быть, круглый год не замерзает. При таких неслыханных климатических условиях просто нет такой острой необходимости в крытых помещениях.

А на север если перекинуться — там легче.

В том же Ленинграде квартир непочатый край.

Мой хороший знакомый, некий Иван Андреевич, не очень давно нашел себе квартиру. В том же городе Ленинграде. И недолго искал. Смотался раз или два в квартирное бюро. Там говорят:

— Можно. Сколько вам комнат? Пять, шесть?

— Три, говорит, будьте любезны.

— Можно.

И дали адрес.

А панические людишки, проевшие свою храбрость и мужество в гражданскую войну, говорят: кризис.

Сходил некий Иван Андреевич по адресу — да, действительно: три комнаты и все на свете.

И ремонт не особо большой оказался. Входные двери поставить и стенки вывести. Да еще лестницу до своего этажа достроить.

А что трубу перекладывать, то это по желанию. Труба — царской кладки. Тяга, конечно, есть, но только до прихожей, а у Ивана Андреевича грудь слабая. Он дым худо переносит. Все время задыхается.

Другой, более здоровый парень и с такой бы трубой прожил. В крайнем случае сунул бы голову в окно — так бы и жил.

Но тут пришлось и трубу перекладывать. А денег Иван Андреевич не так много ухлопал. Конечно, денег порядочно ухлопал. Весь, можно сказать, продался, как последний сукин сын. И даже под вексель взял. Но духом не упал.

— В крайнем, — говорит, — случае, я могу эту квартиру продать.

И с этими мыслями он даже и не волновался, а преспокойно заканчивал ремонт.

«Потому, — думает, — в петлю еще не попал. Такую свеженькую квартирку у меня каждый дурак купит».

И действительно, когда надо было платить по векселю, Иван Андреевич без особых хлопот и расходов взял и продал эту квартиру.

И на всем этом деле потерял не больше как сорок рублей. Но за такую квартиру и сотню потерять не стыдно.

А на полученные деньги Иван Андреевич вновь купил проданное имущество и с долгами расплатился.

А теперь он, кажется, опять нашел подходящую квартиру и снова приступил к ремонту.

А говорят — острый кризис. Не особенно. Жить можно.

МЕЛКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Вчера с нашим дачным поездом недоразумение стряслось.

Подъезжаем, знаете, до Ленинграду, вдруг — стоп, остановка. Приехали. Не доезжая четыре версты, около какой-то там будки.

Остановка резкая. Народ не то чтобы с места попадал, но испугался. Которые даже хотели в окна кидаться. Потому всего ожидать можно в связи с текущими английскими событиями. А дачный поезд долго ли сковырнуть.

Бросился народ к окнам. Начал глядеть, чего там произошло. Вдруг видят, ничего такого не произошло. Но видят — машинист кроет стрелочника.

Стрелочник стоит на своем трудовом посту. Одной ногой нажимает стрелку. В другой руке флажок держит.

Машинист орет с паровоза:

— Гляди, каким флагом махаешь-то, козлиная голова?

Стрелочник говорит:

— Обыкновенно каким — зеленым. Если худо видишь — очки возьми в руку.

Машинист говорит:

— Тьфу на тебя вместе с флагом. Это же невозможно цвет разобрать. Я думал это красный — ехать нельзя.

Поглядел народ на флаг. Действительно, флажок мутный. И до того он грязный, что за двадцать шагов нет возможности разобрать: или он красный или зеленый.

Машинист расстраивается:

— Зря, — говорит, — машину остановил. Пополощи хоть без мыла свое орудие производства, благо, недалеко река протекает. Ишь, на ем грязи сколько!

Стрелочник говорит:

— Смешные слова говоришь. Ему нечего чистым быть. За него ежедневно руками браться приходится.

Тут народ начал советовать:

— Ты бы, дядя, вместо флага, лопух сорвал бы. И лопухом бы помахивал. За тыщу шагов зеленый цвет разобрать можно.

Стрелочник говорит:

— Да ну вас всех в болото! Вот пристали-то. Поезжайте с богом. Мне чай пить пора.

Тут оскорбленный народ побранился еще слегка со стрелочником и велел машинисту дальше ехать.

Машинист плюнул на стрелочника и пошел. Опоздания не было. Последние три версты машинист поднажал.

А в самом деле! Почему бы в летнее время лопухом не махать? Чисто и безобидно. И ближе к природе. И небольшую экономию соблудности можно.

Подумайте!

РУКА БЛИЖНЕГО

А я, например, товарищи, искренно верю, что через триста лет за руку здороваться не будут. А просто встретятся, скажем, два субъекта:

— А, — скажут, — наше вам с кисточкой!

Но если эпоха слегка углубится в интеллигентскую сторону, то будут говорить что-нибудь такое, мол, «да здравствует солнце» или «как делишки?»

Но, может, и ничего говорить не будут. А воспользуются прежними образцами — руку будут поднимать, вроде римских патрициев или, недалеко ходить, — наших пионеров.

Но только, одним словом, за руку хвататься не будут. И правда, это скверный антисанитарный обычай! Прямо грустно смотреть, как это самое докатилось до наших героических дней.

Между прочим, самый настоящий страх и даже ужас пережил я в связи с этим симпатичным обычаем — трясти руку.

Дозвольте изложить эту правдивую историю старому рубака, участнику гражданской войны, бывшему полковому адъютанту восьмого образцового полка Деревенской Бедноты.

А было это, кажется, что в девятнадцатом году.

И был я тогда ужасно молод, глуп и бесстрашен. И бился на всех фронтах за свои ураганные идеи.

А в тот год случилось нам быть на Нарвском фронте. Здесь мы отступали. И зацепились где-то недалеко от Ямбурга. И в городе Ямбурге стоял наш штаб полка.

И вот помню — прелестное утро. Конец февраля. Легкое, так сказать, дуновение весны. Снег рыхлый.

Командир с комиссаром пошли прогуляться. А я сижу в задумчивости у закрытого окна. И вот вижу — какой-то человек, может быть, крестьянин, препирается с часовым. Часовой не пропускает его в штаб, а он ломится. Впрочем, довольно деликатно ломится — снимает шапку и кланяется.

Тогда я стучу в окно.

— Пропусти.

Часовой пожимает плечами, но пропускает.

И вот в комнату вошел человек. Был он очень худо одет. И шея его была замотана какой-то грязной обмоткой.

Этот человек вошел в комнату как-то, я бы сказал, униженно. Беспреданно он кланялся и жался к дверям.

И до того он робко стоял, что просто, знаете, неловко было за человека.

Чего я тогда подумал, — не помню. Наверное, я подумал: «Революция, мол, развивается, происходят разные идеи, опять же равенство... А тут, не угодно ли видеть, один человек марает всю репутацию и общий ход вещей».

Может быть, я еще чего-нибудь подумал героическое, но только я решил дать этому жалкому человеку небольшой образцовый урок равенства.

Я протянул ему руку и сказал:

— Здравствуйте, гражданин. Садитесь. Рассказывайте.

Человек с обмоткой на шее ужасно испугался, дернул плечом, но руку мне не подал.

Я не помню, что я тогда подумал. Наверное, я подумал: «робеет». И снова со всей силой своих идей обрушился на крестьянина.

Я жалостливо взял его за плечи и мягко посадил в кресло. Затем взял его руку и вежливо пожал.

Человек с обмоткой испуганно глядел на меня и тяжело дышал.

— Ну-с, — сказал я, — что вам угодно?

— Так что, — заговорил он торопливо, — фронт, боже сохрани, продвигается... Или нам податься в глубь страны... Или, может быть, остаться... Но только, — говорит, — просьба выдать пропуск, а то ваши патрули задерживают... А мы здешние... Колония «Живой Ручей»... Прокаженные...

Я неясно помню, что произошло дальше. Я только помню, что прокаженный развертывал свою обмотку на шее и показывал телефонисту и часовому какие-то свои язвы.

Я долго сидел в кресле и с испугом глядел на свои руки. Потом вышел на улицу и рыхлым снегом тер ладони.

Потом сходил в околоток и замогильным голосом попросил врача дать карболки. И вечером за чаем долго беседовал с врачом о проказе и о том — легко ли заразиться этой заразой.

Оказывается, заразиться было легко. Больше того. Зараза сказывалась не сразу. Она могла проявиться через два-три года. А то и через пять лет.

В течение нескольких лет, когда я вспоминал об этой истории, мне делалось скучно и худо, и я осматривал свои руки.

Теперь срок прошел. Руки чистые. Жалко такие руки протягивать своим ближним!

ИГРА ПРИРОДЫ

Конечно, не всем жить в столицах. Некоторые, например, людишки запросто живут на станции Рыбацкий поселок.

Удобств на этой станции, конечно, поменьше будет, чем в столице. Там, скажем, проспектов нету. А вышел со станции и при по шпалам. А не хочешь по шпалам — сиди всю жизнь на вокзале.

Один наш знакомый, коренной житель Рыбацкого поселка, не выдержал однажды и пошел прогуляться. А дело было еще весной.

Так вышел он с вокзала и идет по шпалам. Весной было дело. В апреле. Перед самой пасхой.

Идет он по шпалам. А дорога, сами знаете какая — шпалы. А тут еще весенняя слякоть, лужи. В сторону сойти, прямо скажем, нехорошо — утонуть можно. Потому весна. Природа тает. Распускается.

Так вот, идет наш знакомый вдоль линии. Идет и о чем-то размышлялся. А дело, я говорю, весной было. После пасхи. В конце апреля. Птички порхают. Чирикание такое раздается. Воздух этакий сумасшедший.

Вот идет, знаете, наш знакомый и думает, дескать, птичкам-то хорошо сверху чирикать, а пусти птичку по шпалам, небось, заглохнет.

Так вот он подумал и в эту минуту оступился в сторону. А дело, надо сказать, еще весной было. На пасху. Мокро.

Оступился он в сторону и попал ногой в яму. И окнулся по колено в воду. Вынул ногу наш знакомый. Побледнел.

«Хорошо еще, — думает, — что я без барышни иду. А ну-те, пусти меня с барышней — срамота. Нога, сволочь, мокрая. Капает. Подштанники развязались. Штрипки висят. Сапоги второй год не чищены. Морда жуткая. Срамота».

Очень рассердился наш знакомый.

«Ах, так! — думает, — колдобины с водой? На путях государственного строительства. Пущай, значит, шпалы гниют? И народ пущай окунается? Так и запишем».

Пришел наш знакомый домой. Разулся. И, разувшись, стал писать.

И написал небольшую обличительную заметку. И послал ее в «Красную газету». Дескать, проходя и так далее, окунул-ся на путях строительства, и, может быть, гниют шпалы...

Эта заметка была напечатана в конце апреля.

Вот тут-то и развернулись главные события со всей ужасной быстротой.

Пока заметку эту читали, да пока в правлении обсуждали, да пока комиссию снаряжали — прошло четырнадцать лет.

Оно, конечно, прошло меньше. Но время сейчас бурное, переходное. Каждый день за год сосчитать можно.

Одним словом, в начале июня комиссия выехала на станцию Рыбацкий поселок обследовать пути.

Приехали. Видят — явная ложь. Никакой воды. Напротив того — пыльно. Жара. И сухо, как в Сахаре.

Горько так комиссия про себя усмехнулась — дескать, до чего складно врут люди, и отбыла.

В начале июля появилось в газете опровержение. Дескать, явная ложь и выдумка. И вообще, дескать, никакой воды на станции не оказалось. Даже в графине.

А в правлении и сейчас думают, что наш знакомый наврал. Пушай думают. В правоте жить легче.

ПОЭТ И ЛОШАДЬ

Давеча я получил письмо по почте. Пишут мне из Детского Села. Дескать, память Пушкина нарушена. Примите меры.

А, как известно, в этом селе жил в свое время Александр Сергеевич Пушкин. На Колпинской улице.

И дом, в котором жил Пушкин, очень даже отлично сохранился. Наверное, благодаря старанию заведывающего. Это, говорят, очень милый, хозяйственный человек. Он еще, может, знает, лошадь свою завсегда в саду пасет, наверное, из хозяйственных соображений. Так, знаете, дом, доска марморная — дескать, Пушкин жил, а так под окнами лошадевка пасется — кусты жрет. А кусты — сирень и жимолость.

Оно, конечно, кусты эти, может, при Пушкине не росли. И, может быть, в силу этого заведывающий не считает это самое оскорбительным для памяти Пушкина. Но прохожие все-таки обижаются.

Один прохожий в пылу благородного негодования смотался даже специально к этому заведывающему.

— Голубчик, — говорит, — прямо, — говорит, — некрасиво, с вашей стороны лошадей в Пушкинский сад выпу-

щать. Пушкин — говорит, — из этих окон, может быть, в свое время любовался и окурки бросал, и вдруг тут же лошадь кусты жрет. Прямо, — говорит, — до чего некрасиво.

Заведывающий говорит:

— Лошадь — полезное животное. Пушкинский дом она не трогает, а если кусты кушает, то эти кусты, если хотите знать, после Пушкина выросли.

Тут, не любим сплетничать, небольшая перебранка завязалась между прохожим и заведывающим. Много нехороших и лишних слов было друг другу сказано. Не будем об этом писать, чтобы не тревожить память гениального поэта. Скажем только, что лошаденка и посейчас в саду пасется.

По совести говоря, особого оскорбления в этом мы не видим, но кусты нам все-таки жалко. Как хотите, а все-таки нет такой красоты и цельности, ежели куст обглодан. Как ваше драгоценное мнение, гр. заведывающий?

А касаясь лошади, то лошадь всегда можно привязать где-нибудь на втором плане.

Сначала пушай поэт, потом лошадь.

ЛЮБИТЕЛЬ

Лично я, братцы мои, к врачам хожу очень редко.

То есть в самых крайних, необходимых случаях. Ну, скажем, возвратный тиф или с лестницы ссыпался.

Тогда, действительно, обращаюсь за медицинской помощью. А так я не любитель лечиться. Природа, по-моему, сама органы регулирует. Ей видней.

Конечно, я иду не против медицины. Эта профессия, я бы сказал, тоже необходимая в общем механизме государственного строительства. Но особенно увлекаться медициной, я скажу, нехорошо.

А таких любителей медицины, как раз, сейчас много.

Тоже вот, мой приятель Сашка Егоров. Форменно залечился. А хороший был человек. Развитой, полуинтеллигентный, не дурак выпить. И вот пятый год лечится.

А сначала у него ничего такого особенного и не было. А просто был худощавый субъект. Ну, сами знаете — во время голода жрали худо, ну и обдергался человек. И начал лечиться.

Начал лечиться. Стал поправляться.

Поправляется и поправляется. И через два года до того его разнесло, что собственные дети начали пугаться его излишней полноты и выраженья глаз.

А выражение было обыкновенно какое — испуганное. Все-таки испугался человек, что его так разносит. Хотел было прекратить лечение, да видит: поздно. Видит: надо от ожиренья лечиться.

Начал лечиться от ожиренья.

Доктор говорит:

— Ожирение — главная причина вашей неподвижной жизни. Или наоборот. Побольше, — говорит, — ходите взад и вперед, может быть, от этого факта похудеете.

Начал ходить мой приятель. Ходит и ходит, как сукин сын. Целый день ходит, а к вечеру до того у него аппетит разыгрывается — удержу нет. И сон такой отличный

стал — прямо беда. Одним словом, опять прибавил человек за короткое время больше пуда. И стал теперь весить пудов девять.

Врач говорит:

— Нету, — говорит, — вам ходить вредно. Остановитесь, наверное, ездить нужно. Поезжайте на курорт.

Теперь мой приятель собирается поехать на курорт. Или в Ессентуки, или в Боржом. Я не знаю. Одним словом, рассчитывает, что польза будет.

Я, со своей стороны, тоже рассчитываю, что курорт принесет ему пользу. Постоит человек за железнодорожным билетом ночки две, потреплется за справками да за получением денег — спустит, как миленький, пуда два, если не больше.

Да оно и понятно. Тут будет, можно сказать, непосредственное воздействие природы на человеческий организм.

ДЫРКА

Вот, говорят, в Европе часы очень уж дешевы. Там их прямо чуть не задаром отдают.

Если на наши деньги перевести, то часы сорок восемь копеек стоят. Вот это здорово!

А у нас за сорок восемь копеек секундную стрелку и то навряд ли купишь. Вот это худо.

Худо, да не совсем.

Может быть, наш трест Точной Механики другими вопросами занят? Может, у него совершенно другие, более

грандиозные задания? Может быть, он все время ватерпасы делает или пилюли от головной боли? Я этого не знаю.

Но только часов он, видимо, не делает. Ему, надо думать, не до того.

Да оно, как бы сказать, часишки не так уж до зарезу нужны в нашей скромной жизни. Оно, как бы сказать, в дневное время часы даже лишнее. Можно сказать, лишний балласт, который только брюки книзу оттягивает.

Потому с работы уходить — это вот как видно. Спать опять-таки без часов можно лечь. Шамать тоже можно, смотря по деньгам и по аппетиту.

А вот, братцы мои, на работу вставать без часов — это, не говоря худого слова, очень даже худо.

Конечно, можно, например, у соседа спросить или побегать к Финляндскому вокзалу посмотреть, сколько часов, но все-таки это не так уж чересчур просто. Да и у соседа свободно может часов не оказаться.

Мой, например, сосед сам встает, когда я встаю. А я встаю, когда он встает или когда квартирная хозяйка поднимается. А только квартирная хозяйка не всегда аккуратно поднимается. В этом отношении у нас хронометраж хромает. У нее, может, суставный ревматизм, и она, может, по пять суток из кровати не вылезает. Вот тут и разберись, который час.

Не говоря худого слова, очень неважно без часов.

А главное, через эту конъюнктуру я довольно часто на работу опаздываю.

Мне так и сказали:

— Ходите, товарищ, аккуратней, а не то будет вам наклепка.

Конечно, стараюсь и встаю с петухами.

Ну, а в летнее время встаю по солнцу.

Около печки на полу у меня имеется довольно большое отверстие, вроде бы дыра неизвестного происхождения. И как солнце до этой дырки достигает, так, значит, не говоря худого слова, без пяти семь, и, значит, вам пора вставать.

Но, впрочем, и солнце, это довольно точное светило, давеча меня подвело.

Давеча отрываюсь от подушки и гляжу на свои естественные часы. И вижу — до дырки довольно далеко. «Значит, думаю, половина седьмого. Можно, думаю, еще полчаса вздремнуть».

Дремлю полчаса. Встаю не торопясь. Иду на службу. Опоздал, говорят.

Ну прямо верить отказываюсь.

— Да что вы? — говорю.

— Да, — говорят, — представьте, на двадцать минут.

— Братцы, — говорю, — форменная неразбериха. Ничего не понимаю!

Заведующий говорит:

— Может, часы у тебя отстают?

— Да, — говорю, — конечно, часы отстают... Дырка, — говорю, — отстаёт, а не часы.

Объясняю все как есть.

Заведующий говорит:

— Стара штука. Я, — говорит, — сам довольно долго по гвоздю в карнизе вставал, да карниз у нас оседать начал... Ну а у тебя не иначе как дом осел.

Дом хотя не осел, но впоследствии выяснилось — пол слегка, это верно, сдвинулся. По причине жучка. Жучок бал-ку съел. Кажется, скоро на потолке жить придется.

А так все остальное ничего, слава богу. Дела идут, контора пишет. Ватерпасы изготавливаются. Терпенье и труд все перетрут.

БУТЫЛКА

Давеча на улице какой-то молодой парнишка бутылку разбил.

Чегой-то он нес. Я не знаю. Керосин или бензин. Или, может быть, лимонад. Одним словом, какой-то прохладительный напиток. Время жаркое. Пить хочется.

Так вот, шел этот парнишка, зазевался и трюхнул бутылку на тротуар.

И такая, знаете, серость. Нет того, чтобы ногой осколки с тротуара стряхнуть. Нет! Разбил, черт такой, и пошел дальше. А другие прохожие так, значит, и ходи по этим осколкам. Очень мило.

Присел я тогда нарочно на трубу у ворот, гляжу, что дальше будет.

Вижу — народ ходит по стеклам. Чертыхается, но ходит. И такая, знаете, серость. Ни одного человека не находится общественную повинность исполнить.

Ну что стоит? Ну взял бы остановился на пару секунд и стряхнул бы осколки с тротуара той же фуражкой. Так нет, идут мимо.

«Нет, думаю, милые! Не понимаем мы еще общественных заданий. Прем по стеклам».

А тут еще, вижу, кой-какие ребята настановились.

— Эх, говорят, жаль, что босых нынче мало. А то, говорят, вот бы здорово напороться можно.

И вдруг идет человек.

Совершенно простого, пролетарского вида человек.

Останавливается этот человек вокруг этой битой бутылки. Качает своей милой головой. Кряхтя, нагибается и газетиной сметает осколки в сторону.

«Вот, думаю, здорово! Зря горевал. Не остыло еще сознание в массах».

И вдруг подходит до этого серого, простого человека милиционер и его ругает:

— Ты что ж это, говорит, куриная голова? Я тебе приказал унести осколки, а ты в сторону сыплешь? Раз ты дворник этого дома, то должен свой район освобождать от своих лишних стекол.

Дворник, бубня что-то себе под нос, ушел во двор и через минуту снова явился с метлой и жестяной лопаткой. И начал прибираться.

А я долго еще, пока меня не прогнали, сидел на тумбе и думал о всякой ерунде.

А знаете, пожалуй, самое удивительное в этой истории то, что милиционер велел прибрать стекла.

ПОЛЕЗНАЯ ПЛОЩАДЬ

Я все, знаете, с квартирой вожусь. Все подыскиваю себе помещение.

Хочется найти небольшую, уютную квартиру в две или три комнаты.

Конечно, средства не позволяют брать квартиру с капитальным ремонтом или с большими въездными. Хотелось бы найти такую квартиру, чтоб тебе что-нибудь приплатили. Но, к великому сожалению, дураков нынче мало.

Дураков, я говорю, маловато. Все поумнели.

Недавно я нашел квартиру на Васильевском острове. Из громадной барской залы устроены три комнаты с кухней.

Вот эта квартира и сдавалась.

Как вошел я в эту квартиру — прямо испугался. Глаза даже стал протирать. Что за черт! Все три комнаты до того малюсенькие, что никогда я таких и не видел. А кухня, между прочим, огромная, светлая — прямо зало для фокстрота.

Спрашиваю управдома испуганным голосом:

— Сколько сажень в этой квартире?

— Три, говорит.

— Какой дурак, говорю, строил?

Управдом говорит стыдливym голосом:

— Напрасно тень наводите. Эту квартиру мы первоначально для себя строили.

— Это, говорю, видать.

Усмехнулся управдом.

— Чего, говорит, видать?

— Да, говорю, видать, что для себя строил. Ишь какую кухню себе отворотил, благо за нее не платить.

— Верно, говорит, угадали. Въезжайте в эту квартиру, платите всего за три полезные сажени, а кухней задаром пользуйтесь. Квартира, я говорю, с умом строена... Берете, что ли?

— Да нет, говорю, не подходит.

— Как, говорит, угодно. А только эту квартиру с такой полезной площадью у нас каждый с руками оборвет. А вы фигуриете.

— Да нет, говорю, район не подходит. И бесполезной площади мало. Стола не поставишь.

Так и не взял.

Хитрят людишки.

ДУШЕВНАЯ ПРОСТОТА

Может, помните — негры к нам приезжали. В прошлом году. Негритянская негрооперетта.

Так эти негры очень даже довольны остались нашим гостеприимством. Очень хвалили нашу культуру и вообще все начинания.

Единственно были недовольны уличным движением.

— Прямо, — говорят, — ходить трудно: пихаются и на ноги наступают.

Но, конечно, эти самые негры избалованы европейской цивилизацией, и им, действительно, как бы сказать, с непривычки. А проживут год-два, обтешутся и сами будут шлепать по ногам. Факт.

А на ноги у нас, действительно, наступают. Ничего не скажешь. Есть грех.

Но только это происходит, пускай негры знают, по простоте душевной. Тут, я вам скажу, злого умысла нету. Наступил и пошел дальше. Только и делов.

Вот, давеча я сам наступил на ногу одному гражданину. Идет, представьте себе, гражданин по улице. Плечистый такой, здоровый парень.

Идет и идет. А я сзади его иду. А он впереди идет. Всего на один шаг от меня.

И так мы, знаете, мило идем. Аккуратно. Друг другу на ноги не наступаем. Руками не швыряемся. Он идет. И я иду. И прямо, можно сказать, не трогаем друг друга. Одним словом, душа в душу идем. Сердце радуется.

Я еще подумал:

«Славно идет прохожий. Ровно. Не лягается. Другой бы под ногами путался, а этот спокойно ноги кладет».

И вдруг, не помню, я на какого-то нищего засмотрелся. Или, может быть, на извозчика.

Засмотрелся я на нищего и со всего маху моему переднему гражданину на ногу наступил. На пятку. И повыше.

И наступил, надо сказать, форменно. Со всей возможной силой.

И даже я замер тогда в испуге.

Остановился.

Даже от волнения «извините» не сказал.

Думаю: развернется сейчас этот милый человек и влепит в ухо. Ходи, дескать, прилично, баранья голова.

Замер, я говорю, в испуге, приготовился понести должное наказание, и вдруг ничего.

Идет этот милый гражданин дальше и даже не посмотрел на меня. Даже башки не обернул. Даже, я говорю, ногой не тряхнул.

Так и прошел, как миленький.

Я же говорю. У нас это бывает.

Но тут душевная простота. Злобы нету. Ты наступил, тебе наступили — валяй дальше.

Чего там. Какие могут быть разговоры.

А этот милый человек так, ей-богу, и не обернулся.

Я долго шел за ним. Все ждал — вот обернется и посмотрит строго. Нет. Прошел. Не заметил.

ПАРОХОД

В этом году мне многие советовали проехаться по Волге. Отдых, дескать, очень отличный. Природа и вообще берега... Вода, еда и каюта.

Я так и сделал. Поехал в этом году по Волге.

Конечно, особенно я не раскаиваюсь через это путешествие, но и восторгу, как бы сказать, у меня нету к этой речке. Главное, там с пароходами много лишнего беспокойства.

Слов нет — пароходы там очень великолепные. И мне самому попался, можно сказать, первокласснейший пароход. Вот только, к сожалению, не помню его заглавия. Кажется, «Тов. Пенкин». А, может быть, и нет. Позабыл. Память через дальнейшие потрясения у меня слегка отшибло.

Но дело тут не в названии, а в факте. А факт, можно сказать, такой.

Приехали мы в Самару.

Вылезли небольшой труппой на берег — шесть человек и одна беспартийная барышня.

Пошли, конечно, осматривать город.

Осмотрели город. Возвращаемся назад. Доходим, конечно, до пристани. Видим — нету нашего парохода.

Я говорю:

— Братцы мои, да никак наш пароход ушел?

И видим — действительно нету нашего парохода «Тов. Пенкина»! А стоит какой-то вовсе другой пароход. Может быть, встречный, «Гроза» или «Глаза» я не помню. У меня память через это путешествие испортилась.

Так стоит эта «Гроза» или «Глаза». А «Пенкина» нету. Тут я прямо закачался.

Багаж, думаю, в каюте. Документов с собой мало. И пароход уплыл.

Тут вся наша труппа закачалась.

«Чего, — думаем, — делать?»

Спрашиваем публику плачевным голосом:

— Давно ли «Пенкин» ушел? На чем прикажете догонять?

Публика говорит:

— Догонять не приходится. Эвон «Пенкин» стоит. Только теперича это «Гроза» — бывший «Пенкин». Переменили заглавие.

До чего мы обрадовались — сказать нельзя. Бросились всей трупой на пароход и до самого Саратова не вылезали.

А в Саратове я вылез всего, ей-богу, на полчаса. Только до ларька смотался, пачку папирос купил. И поскорей назад.

Возвращаюсь назад — опять, гляжу, нет моего парохода. Другой пароход стоит.

Конечно, испуг у меня был не такой сильный, как в первый раз. Думаю, шансы есть. Может быть, думаю, они опять заглавие перекрасили.

Но все-таки испугался. Не совру.

Подхожу ближе.

Вижу «Грозы» действительно нету. А стоит «Короленко». Спрашиваю берегового боцмана:

— А где «Гроза»?

Боцман говорит:

— А эвон «Гроза». Только теперича это «Короленко», начиная с Саратова.

— Чего ж, — говорю, — краски-то не жалеете?

— Так что, — говорит, — прежнее заглавие, как бы сказать, не актуальное было. Не так созвучно, как это.

— Действительно, — говорю, — это будет слегка посозвучней для такого парохода.

Хотел я спросить, кто этот Короленко, или, может, это низовой работник, но не спросил. Потому по морде вижу, что береговой боцман и сам не в курсе... Только потом выяснилось, что это писатель.

Вскоре поехали дальше.

Однако заглавия больше не трогали. Так, знаете, до самой Астрахани и доплыли с этим заглавием.

А назад я поехал по суше. Так что дальнейшая судьба «Короленки» мне неизвестна.

ИГРУШКА

Конечно, ребенку покупать игрушки — это ужасно неприятная история. Особенно летом.

Главное, что никакого сезонного выбора нету.

Я, например своему сыну все время тачки покупаю. Второе лето. Мальчик даже обижаться начал. Плачет после каждой тачки.

А пущай войдет в отцовское положение. Чего покупать? Мячей нету. Непромокаемых пальто нету. Только тачки и вожжи.

А на днях я зашел в игрушечный магазин, — предлагают новую летнюю игру. Специально сработанную по заграничным образцам. «Дьяболо». Такая французская игра для детей. Такая веревочка на двух палках и катушка. Эту катушку надо подкидывать кверху и ловить на веревку. Только и всего.

Веселая, легкая игра. Специально на воздухе. Ах, эти французы, всегда они придумают чего-нибудь забавное!

Купил я эту игру. Подарил сыну.

Начал сын кидать катушку. И чуть себя не угробил. Как ахнет катушкой по лбу. Даже свалился.

Попробовал я на руку катушку, — действительно, тяжеленная, дьявол. Не то что ребенка — верблюда с ног свалить может.

Пошел в магазин объясняться: зачем, дескать, такую дрянь производят.

В магазине говорят:

— Напрасно обижаться изволите. Эта игрушка приготовлена совершенно по заграничным образцам. Только что там резиновые катушки бывают, а у нас — деревянные. А так все остальное до мелочей то же самое... У них веревка — и у нас веревка. Только что наша немножко закручивается. Играть нельзя. Катушка не ложится. А так остальное все то же самое. Хотя, говоря по совести, ничего остального и нету, кроме палок.

Я говорю:

— Что же делать?

— А вы, говорят, для душевного спокойствия не давайте ребенку руками трогать эту игру. Прибейте ее гвоздем куда-нибудь над кроватью. Пушай ребенок смотрит и забавляется.

— Вот, говорю, спасибо за совет! Так и буду делать.

Так и сделал.

Только прибил не над кроватью, а над буфетом. А то, думаю, ежели над кроватью — сорвется еще и за грехи родителей убьет ни в чем не повинного ребенка.

Отцы кушают виноград, а у детей — оскомина.

КАТОРГА

То есть каторжный труд — велосипеды теперь иметь. Действительно верно, громадное через них удовольствие, физическое развлечение и все такое. На собак, опять же, можно наехать. Или куренка попутать.

Но только, несмотря на это, от велосипеда я отказываюсь. Я тяжело захворал через свою машину, через свой этот аппарат.

Я надорвался. И теперь лечусь амбулаторно. Грыжа у меня открылась. Я теперь, может быть, инвалид. Собственная машина меня уела.

Действительно, положение такое — на две минуты машину невозможно без себя оставить — упрут. Ну, и приходилось в силу этого машину на себе носить в свободное от катанья время. На плечах.

Бывало, в магазин с машиной заходишь — публику за прилавков колесьями загоняешь. Или к знакомым в разные этажи поднимаешься. По делам. Или к родственникам.

Да и у родственников тоже сидишь — за руль держишься. Мало ли какое настроение у родственников. Я не знаю. В чужую личность не влезешь.

Отвертят заднее колесо или внутреннюю шину вынут. А после скажут: так и было.

В общем, тяжело приходилось.

Неизвестно даже, кто на ком больше ездил. Я на велосипеде или он на мне.

Конечно, некоторые довоенные велосипедисты пробовали оставлять на улице велосипеды. Замыкали на все запоры. Однако, не достигало — угоняли.

Ну, и приходилось считаться с мировоззрением остальных граждан. Приходилось носить машину на себе.

Конечно, человеку со здоровой психикой не составляет труда понести на себе машину. Но тут обстоятельства для меня сложились неаккуратно.

А понадобился мне в срочном порядке целковый. На пропой души.

«Надо, — думаю, — где-нибудь забодать».

Благо машина есть — сел и поехал. Заехал к одному приятелю — дома нету. Заехал к другому — денег дома нету, а приятель дома.

А один приятель хотя проживает в третьем этаже, зато другой в седьмом. Туда и назад с машиной смотался — и язык высунул.

После того поехал к родственнице. На Симбирскую улицу. К родной тетке.

А она, зануда, на шестом этаже живет.

Поднялся со своим аппаратом на шестой этаж. Смотрю, на дверях записка. Дескать, приду через полчаса.

«Шляется, — думаю, — старая кочерьяжка».

Ужасно я расстроился и сгоряча вниз сошел. Мне бы с машиной наверху обождать, а я сошел от расстройства чувств. Стал внизу тетку ждать.

Вскоре она приходит и обижается на меня, зачем я с ней наверх идти не хочу.

— У меня, — говорит, — с собою около гривенника. Остальные деньги на квартире.

Взял я машину на плечо, пошел за теткой. И чувствую, икота поднимается, и язык наружу вылезает. Однако, дошел. Получил деньги сполна. Пошамал для подкрепления организма. Накачал шину и вниз сошел.

Только дошел донизу — гляжу, парадная дверь закрыта. У них в семь часов закрывается.

Ничего я тогда не сказал, только ужасно закрипел зубами, надел на себя велосипед и стал опять подниматься. Сколько времени я поднимался — не помню. Шел, прямо как сквозь сон.

Начала меня тетка выпускать с черного хода. Сама, зануда, смеется.

— Ты бы, — говорит, — машину наверху оставлял, если внизу боишься.

После перестала смеяться — видит ужасная бледность разлилась по моему лицу. А я, действительно, держусь за руль и качаюсь.

Однако, вышел на улицу. Но ехать от слабости не мог. А теперь обнаружили последствия — хвораю через эту каторгу.

Утешаюсь только тем, что мотоциклистам еще хуже. Вот, небось, переживают!

И хорошо еще, что у нас небоскребов не удосужились построить. Сколько бы народу полегло!

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

А ведь я, ей-богу, чуть собственную супругу не уморил.

Она у меня дама, как бы сказать, подвижная, нервная. Без разных капель она нипочем не может прожить. Она у меня все больше валерианку глотает. Чуть расстроится — давай ей, накапывай.

Другой раз для скорейшего успокоения накапаешь ей капель пятьдесят, а то и все семьдесят. Хоть бы что. Вылакает и еще просит.

А недавно она расстроилась через пузырек.

Сначала говорит мне:

— Надо будет еще капель купить. Давеча я все высосала. А то, говорит, может, я сегодня расстроюсь — принимать нечего.

Принес ей пузырек — слезы и грезы.

— Опять, говорит, пузырек без носика. Чем капать?

А это верно, пузырьки теперь отпускают какие-то однобокие. Одним словом, горлышко есть, а носика, то есть капельницы, нету, и чем капать, неизвестно.

Так вот через этот носик — слезы и грезы.

— Это, говорит, через такие носики уморить человека можно. Заместо двадцати капель пятьдесят можно набухать и на тот свет отправиться.

И такая истерика произошла — беда. Я человек привычный — и то заторопился. Начал капать лекарство да по ошибке другой пузырек схватил — с каплями против суставного ревматизма.

Налил, не считая, капель шестьдесят, одним словом — полпузырька.

Выпила супруга эту порцию, и глаза у ней на лоб полезли.

Однако ничего не сказала. Только говорит:

— Свежие какие сегодня капли. Сильнодействующие!

И успокоилась. Целую неделю была спокойна. Лежала прямо тише воды. Только все время пить просила.

А потом — ничего. Отдышалась.

И почему эти пузырьки производят без носиков? Ведь это же человека можно испортить.

СОБЫТИЕ

Вчера, милые мои, в нашей коммунальной квартире произошло довольно грандиозное событие.

Только что я, значит, с супругою вернулся из кино. И сижу в своей комнате. На кровати. Ноги разуюю.

И только, скажем, снял один сапог, как вдруг в квартире произошел отчаянный крик. Можно сказать — вопль.

Жена то есть совершенно побелела и говорит шепотом:

— Ей-богу, Степаниду грабят! Ейный голос — бас... Налетчики...

Хотел я сунуться в коридор, чтоб Степаниду отбить, жена не пускает.

— Замкни, говорит, дверь. Нечего тебе соваться в уголовное дело. Ты все-таки семейный.

Я говорю:

— Действительно, чего мне соваться не в свое дело. Главное, что я разулся — простудиться могу.

Заложили мы дверь вещами и комодом и тихо сидим на нем для весу.

Вдруг по коридору что-то загромыхало. Потом затихло.

Жена говорит:

— Кажись, ушли.

В эту самую минуту разбивается наше окно, и пожарный в каске, не постучавшись даже, лезет в нашу комнату.

— Ваша квартира, говорит, в полном огне, а вы, говорит, на комоде прохлаждаетесь.

А главное, не только нас — всех жильцов пришлось из окон вынимать. Все заперлись и заставились, когда услышали Степанидин крик. И никто, значит, добровольно не вылезал. Кроме, значит, Степаниды. Эта дура-баба учинила пожар, завопила и выбежала на двор.

Убытку было на девяносто рублей.

ДРАКА

Вчера, братцы мои, иду я к вокзалу. Хочу на поезд сесть и в город поехать. Пока что я на даче еще обретаюсь. Под Ленинградом.

Так подхожу к вокзалу и вижу на вокзале на самой платформе, наискось от дежурного по станции, драка происходит. Дерутся, одним словом.

А надо сказать, наше дачное местечко ужасно какое тихое. Прямо, все дни — ни пьянства, ни особого грохота, ни скандала. То есть, ничего такого похожего. Ну, прямо, тишина. В другой раз в ушах звенит от полной тишины.

Человеку умственного труда или работнику прилавка, или, скажем, служителю культа, ну, прямо, можно вот как отдохнуть в наших благословенных краях.

Конечно, эта тишина стоит не полный месяц. Некоторые дни недели, само собой исключаются. Ну, скажем, исключаются, ясное дело — суббота, воскресенье, ну, понедельник. Ну, вторник еще. Ну, конечно, праздники. Опять же, дни полнечек. В эти дни, действительно, скрывать нечего — форменная буза достигает своего напряжения. В эти дни, действительно, скажем, нехорошо выйти на улицу. В ушах звенит от криков и разных возможностей.

Так вот, значит, в один из этих натуральных дней прихожу я на вокзал. Хочу на поезд сесть и в город поехать. Я на даче пока что. Под Ленинградом.

Так подхожу к вокзалу и вижу — драка. Два гражданина нападают друг на друга. Один замахивается бутылкой. А другой обороняется балалайкой. И тоже, несмотря на оборону, норовит ударить своего противника острым углом музыкального инструмента.

Тут же еще третий гражданин. Ихний приятель. Наилебезнее трезвый. Разнимает их. Прямо, между ними встречается и запрещает драться. И, конечно, принимает на себя все удары. И, значит, балалаечкой и бутылкой.

И когда этот третий гражданин закачался и вообще, видимо, ослаб от частых ударов по разным нужным органам своего тела, тогда я решил позвать милиционера, чтобы прекратить истребление этого благородного организма.

И вдруг, вижу: тут же у вокзала, на переезде стоит милиционер и клюет семечки.

Я закричал ему и замахал рукой.

Один из публики говорит:

— Этот не пойдет. Он здешний житель. Напрасно зовете.

— Это, — говорю, — почему не пойдет?

— Да так — он свяжется, а после на него же жители косо будут глядеть, дескать, разыгрывает начальство. А то еще наклепают, когда протрезвятся. Были случаи... Это не в Ленинграде. Тут каждый житель на учете.

Милиционер стоял на своем посту и скучными глазами глядел в нашу сторону. И жевал семечки. Потом вздохнул и отвернулся.

Драка понемногу ослабевала.

И вскоре трое дерущихся, в обнимку, пошли с вокзала.

ОПЕРАЦИЯ

Эта маленькая грустная история произошла с товарищем Петюшкой Ящиковым. Хотя, как сказать — маленькая! Человека чуть не зарезали. На операции.

Оно, конечно, до этого далеко было. Прямо очень даже далеко. Да и не такой этот Петька, чтобы мог допустить себя

свободно резать. Прямо скажем: не такой это человек. Но история все-таки произошла с ним грустная.

Хотя, говоря по совести, ничего такого грустного не происходило. Просто не рассчитал человек. Не сообразил. Опять же, на операцию в первый раз явился. Без привычки.

А началась у Петюшки пшенная болезнь. Верхнее веко у него на правом глазу начало раздувать. И за три года с небольшим раздуло прямо в чернильницу.

Смотался Петя Ящиков в клинику. Докторша ему попала молодая, интересная особа.

Докторша эта ему говорила:

— Как хотите. Хотите — можно резать. Хотите — находитесь так. Эта болезнь не смертельная. И некоторые мужчины, не считаясь с общепринятой наружностью, вполне приывают видеть перед собой все время этот набалдашник.

Однако, красоты ради, Петюшка решился на операцию.

Тогда велела ему докторша прийти завтра.

Назавтра Петюшка Ящиков хотел было заскочить на операцию сразу после работы. Но после думает:

«Дело это хотя глазное и наружное, и операция, так сказать, не внутренняя, но пес их знает — как бы не приказали костюм раздеть. Медицина — дело темное. Не заскочить ли, в самом деле, домой — переснять нижнюю рубаху?»

Побежал Петюшка домой.

Главное, что докторша молодая. Охота была Петюшке пыль в глаза ей пустить, — дескать, хотя снаружи и не особо роскошный костюм, но зато, будьте любезны, рубашечка — чистый мадеполам.

Одним словом, не хотел Петя врасплох попасть.

Заскочил домой. Надел чистую рубашу. Шею бензином вытер. Ручки под краном сполоснул. Усики кверху растопырил. И покатился.

Докторша говорит:

— Вот это операционный стол. Вот это ланцет. Вот это ваша пшенинная болячка. Сейчас я вам все это сделаю. Снимите сапоги и ложитесь на этот операционный стол.

Петюшка слегка даже растерялся.

«То есть, — думает, — прямо не предполагал, что сапоги снимать. Это же форменное происшествие. Ой-ёй, — думает, — носочки-то у меня неинтересные. Если не сказать хуже».

Начал Петюшка Ящиков все-таки свой китель сдирать, чтоб, так сказать, уравновесить другие нижние недостатки.

Докторша говорит:

— Китель оставьте трогать. Не в гостинице. Снимите только сапоги.

Начал Петюшка хвататься за сапоги, за свои джимми. После говорит:

— Прямо, — говорит, — товарищ докторша, не знал, что с ногами ложиться. Болезнь глазная, верхняя — не предполагал. Прямо, — говорит, — товарищ докторша — рубашку переменял, а другое, извиняюсь, не трогал. Вы, — говорит, — на них не обращайтесь внимания во время операции.

Докторша, утомленная высшим образованием, говорит:

— Ну, валяй скорей. Время дорого.

А сама сквозь зубы хохочет.

Так и резала ему глаз. Режет и хохочет. На ногу посмотрит и от смеха задыхается. Аж рука дрожит.

А могла бы зарезать со своей дрожащей ручкой!

Разве можно так человеческую жизнь подвергать опасности?

Но, между прочим, операция кончилась распрекрасно. И глаз у Петюшки теперь без набалдашника.

ГРИМАСА НЭПА

На праздники я, обыкновенно, в Лугу езжу. Там, говорят, воздух очень превосходный — сосновый и еловый. Против бронхита хорошо помогает. Врачи так говорят. Я не знаю. Не думаю.

Главное, что в Лугу ездить — сущее наказание. Народу больно много. Пихаются. На колени садятся без разрешения. Корзинки и тючки на головы ставят. Не только бронхит — скарлатину получить можно.

Прошлый раз по пути из Луги на какой-то станции, несмотря на форменное переполнение, в вагон еще какой-то тип влазит. Нестарый еще. С усиками. Довольно франтовато одетый. В русских сапогах. И с ним — старуха. Такая обыкновенная старуха с двумя тюками и с корзинкой.

Собственно, сначала эта старуха в вагон влезла со своим багажом. А за ней уж этот тип со своими усиками.

Старуха, значит, впереди идет — пробивается сквозь публику, а он за ней небрежной походкой. И все командует ей:

— Неси, — кричит, — ровней, корзинку-то. Просыпешь чего-то там такое... Становь теперича ее под лавку! Засупонивай, я говорю, ее под лавку. Ах, чертова голова! Узел-то не клади гражданам на колени. Клади временно на головы... Обожди, сейчас я подниму его на верхнюю полку. Фу-ты, я говорю, дьявол какой!

Только видят пассажиры — действия гражданина ненастоящие — форменное нарушение уголовного Кодекса Труда. Одним словом, пассажиры видят: нарушена норма в отношении старослужащего человека.

Некоторые начали вслух выражать свое неудовольствие, дескать, не пора ли одернуть, если он зарвался и кричит и командует одной прислугой. Где ж это возможно одной старухе узлы на головы ложить? Это же форменная гримаса нэпа.

Около окна просто брожение среди публики началось.

— Это, — говорят, — эксплуатация трудящихся! — Нельзя же так кричать и командовать на глазах у публики. — Это унижает ейное старушечье достоинство.

Вдруг один, наиболее из всех нервный, гражданин подходит до этого, который с усиками, и берет его прямо за грудки.

— Это, — говорит, — невозможно допускать такие действия. Это издевательство над несвободной личностью. Это форменная гримаса нэпа.

То есть, когда этого нового взяли за грудки, он побледнел и откинулся. И только потом начал возражать.

— Позвольте, — говорит, — может быть, никакой гримасы нету? Может быть, это я с моей мамашей в город

Ленинград еду? Довольно, — говорит, — оскорбительно слушать подобные слова в нарушении Кодекса.

Тут среди публики некоторое замешательство произошло. Некоторый конфуз: дескать вмешались не в свои семейные дела. Прямо неловко. Оказывается, это всего-навсего мамаша.

Наиболее нервный человек не сразу, конечно, сдался.

— А пес, — говорит, — ее разберет! На ней афиши не наклеено — мамаша или папаша. Тогда объявлять надо при входе.

Но после сел у своего окна и говорит:

— Извиняюсь все-таки. Мы не знали, что это ваша преподобная мамаша. Мы подумали как раз, знаете, другое. Мол, это, подумали, домашняя прислуга. Тогда извиняемся.

До самого Ленинграда который с усиками оскорблялся задним числом за нанесенные ему обиды.

— Это, — говорит, — проехаться не дадут — сразу брать за грудки. Затрагивают, у которых, может быть, билеты есть? Положите, мамаша, ногу на узел — унести могут... Какие такие нашлись особенные... А, может, я сам с 17 года живу в Ленинграде.

Другие пассажиры сидели молча и избегали взгляда этого оскорбленного человека.

БАРЕТКИ

Трофимыч с нашей коммунальной квартиры пошел своей дочке полсапожки купить. Дочка у него, Ньюшка, небольшой такой дефективный переросток. Семи лет.

Так вот, пошел Трофимыч с этой своей Нюшкой сапоги приобретать. Потому, как дело к осени, а сапожонок, конечно, нету.

Вот Трофимыч поскрипел зубами — мол, такой расход, — взял, например, свою Нюшку за лапку и пошел ей покупку производить.

Зашел он со своим ребенком в один магазин. Велел показать товар. Велел примерить. Все вполне хорошо — и товар хорош, и мерка аккуратная. Одно, знаете, никак не годится — цена не годится. Цена, прямо скажем, двенадцать целковых!

А Трофимыч, конечно, хотел подешевле купить эти детские недомерки — рубля за полтора, два.

Пошел тогда Трофимыч, несмотря на отчаянный Нюшкин рев, в другой магазин. В другом магазине спросили — червонец. В третьем магазине опять червонец. Одним словом, куда ни придут — та же история: и нога по сапогу, и товар годится, а с ценой форменные ножницы — расхождение и вообще Нюшкин рев.

В пятом магазине Нюшка примерила сапоги — хороши. Спросили цену: девять целковых и никакой скидки.

Начал Трофимыч упрашивать, чтоб ему скостили рубля три-четыре, а в это время Нюшка в новых сапожках подошла к двери и, не будь дура, вышла на улицу.

Кинулся было Трофимыч за этим своим ребенком, но его заведующий удержал:

— Прежде, — говорит, — заплатить надо, товарищ, а потом бежать по своим делам.

Начал Трофимыч упрашивать, чтоб обождали.

— Сейчас, — говорит, — ребенок, может быть, явится. Может ребенок пошел промяться в этих новых сапожках.

Заведующий говорит:

— Это меня не касается. Я товару не вижу. Платите за товар деньги. Или с магазина не выходите.

Трофимыч отвечает:

— Я лучше с магазина не выйду. Я обожду, когда ребенок явится.

Но только Нюшка не вернулась.

Она вышла из магазина в новеньких баретках и, не будь дура, домой пошла.

«А то, думает, папаня, как пить дать, обратно не купит по причине все той же дороговизны».

Так и не вернулась.

Нечего делать — заплатил Трофимыч, сколько спросили, поскрипел зубами и пошел домой.

А Нюшка была уже дома и щеголяла в своих новых баретках.

Хотя Трофимыч ее слегка потрепал, но, между прочим, баретки так при ней и остались.

Теперь, после этого факта, может быть, вы заметили: в государственных магазинах начали отпускать на примерку по одному левому сапогу.

А правый сапог теперь прячется куда-нибудь, или сам заведующий зажимает его в коленях и не допускает трогать.

А детишки, конечно, довольно самостоятельные пошли.

Поколение, я говорю, довольно свободное.

ЗУБНОЕ ДЕЛО

С этого года у Егорыча зубное дело покачнулось. Начали у него зубы падать.

Конечно, годы идут само собой. Организм, так сказать, разрушается. Кость, может быть, по непрочности довоенного материала выветривается.

Одним словом, у Иван Егорыча Колбасьева, проживающего в нашем доме, начали с этого года зубы крошиться и выпадать.

Один-то зуб ему, это верно, выбили при разговоре. А другие самостоятельно начали падать. Так сказать, не дожидаясь событий. Скажем, жует человек или говорит о заработной плате и вообще рядом поблизости никаких людей нету, а зубы сыпятся. Прямо удивительно. Шесть зубов в короткое время потерял.

Но только Егорыч этого никогда не боялся. Он не боялся остаться без зубов. Человек он застрахованный. Ему всегда обязаны на свое место зубы поставить.

С этими мыслями он так и жил на свете. И всегда говорил: — Я говорит, зубами никогда не стесняюсь. Мне выбивать можно. По другому предмету или по носу я никогда не позволю себя ударить, а зубное дело у меня тихое и спокойное. У нас, у застрахованных, завсегда полное спокойствие в этом смысле.

И когда, значит, Иван Егорыч потерял шесть зубов, тогда он решил устроить себе капитальный ремонт. Захватил он с собой документы и пошел, кажется, что в клинику.

В клинике ему говорят:

— Пожалуйста. Можно поставить. Только у нас правило: восемь зубов должно не хватать. Ежели больше — ваше счастье, наше несчастье. А мелкими подрядами клиника не занимается. Такой закон для застрахованных.

Егорыч говорит:

— У меня шесть.

— Нету, говорят, невозможно тогда, товарищ. Подождите своего времени.

Тут Егорыч даже рассердился.

— Да, что ж это, говорит, поленом что ли мне остальные зубы вышибать?

— Вышибать, говорят, не надо. Зачем же природу портить. Обождите, может, на ваше счастье они сами выпадут.

В полном расстройстве чувств пошел Егорыч домой.

— Такое, думает, было спокойное зубное дело и какие, знаете, неожиданности.

Начал Егорыч ждать, когда выпадут у него эти лишние незаконные зубы.

Вскоре один выпал. А другой Егорыч начал рашпилем трогать — подчищать и тоже скovyрнул со своего насиженного места.

Побежал Егорыч в клинику.

— Теперича, говорит, как в аптеке — в аккурат 8 зубов.

— Пожалуйста, говорят, ему, теперь совершенно можно. У вас как, подряд 8 зубов не хватает, или как? А то у нас правило: надо, чтоб подряд не хватало. Если не подряд, а в раз-

ных местах, то мы не беремся — потому, такой зубной гражданин жевать еще может.

Егорыч говорит:

— Нету. Не подряд.

— Тогда, говорят, не можем.

Ничего на это Егорыч не сказал, только заскрипел остатними зубами и вышел из клиники.

— Эва, думает, какие неожиданности. Такое было аккуратное душевное состояние, а теперь ничего подобного.

Сейчас Егорыч живет тихо, пищу ест жидкую и остатные свои зубы чистит щеточкой три раза в день. В этом отношении клиническое правило обернулось выгодно.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

1. Рубашка-фантази

В прошлую субботу после службы заскочил я в магазин. Мне надо было рубашку купить.

В воскресенье у нас вечеринка предстояла. Охота было, знаете, поприличней одеться. Хотелось какую-нибудь рубашку по красивей купить. Какую-нибудь такую фантази.

Выбрал. Такую небесного цвета, с двумя пристяжными воротниками. Ну, ничем не хуже заграничной продукции.

Бросился поскорей домой. Примерил. Роскошно. Картинка. Загляденье!

«На вечеринке, — думаю, — все барышни кидаться будут».

А надо сказать, я человек ужасно какой чистоплотный. Вот примерил эту рубаху и как-то не по себе стало. «Черт их знает, — думаю. — Ну, мало ли кто руками хватался за эту рубаху. Не плохо бы, — думаю, — простирнуть ее. Всего и разговору — двугривенный. А зато приятно надеть».

Побежал к прачке. В нашем дворе живет. Лукерья Петровна.

— Голубушка, — говорю, — расстарайся! Завтра вечеринка. Надо к завтраму. Могу ли надеяться?

— Надеяться, — говорит, — можно. Приходи, — говорит, — в аккурат перед вечеринкой и надевай свою рубаху. Будет она стираная и глаженная, с двумя пристяжными воротничками.

На другой день перед вечеринкой заскочил я к прачке.

Взял от нее рубаху. Бегу скорее переодеваться.

Надеваю рубаху. Что за мать честная! Какая-то маленькая рубаха: воротник не сходится и манжеты — на локтях. Что за черт!

Побежал поскорей к прачке.

Прачка говорит:

— Это обыкновенно. Это ничего. Новые рубашки теперича завсегда садятся. Или такая продукция. Или материал не стирают. Это ничего.

— Да как же, — говорю, — ничего! На горло не лезет. Было, — говорю, — 38 сантиметров, а теперь, небось, 32.

Прачка говорит:

— Это, — говорит, — еще скажите спасибо. Давеча я бухгалтеру стирала, так с сорока сантиметров, дай бог, ему пять осталось. За это мне бухгалтер морду грозил набить. А я тут при чем?

Ах, черт! «Чего, — думаю, — делать?»

А время мало. Пора на вечеринку идти.

Надел я эту рубаху, а сверху еще для отвода глаз старенькую рубашку напялил, чтоб без хамства было, и побежал на вечеринку.

Ничего. Незаметно. Сошло.

2. Колпак

У нас в коммунальной квартире в передней колпак разбился. На электрической лампочке.

Один из жильцов, сукин сын, явился домой под мухой и начал что-то со столиком делать, играть, что ли. Подкидывать, что ли, начал. И сбил колпак. Хороший такой был, плоский матовый колпачок.

А после, не желая платить за этот колпак, съехал с квартиры.

Целый год жильцы собирали деньги на колпак. И когда собрали, то единогласно поручили мне приобрести эту вещь.

Вчера я пошел покупать. А знаете, как нынче покупать? Горе!

Зашел в один магазин — нету колпаков.

Зашел в другой — есть колпаки, но уличные. Со столбами...

В третьем магазине работник прилавка подает мне небольшой, как будто подходящий колпак, но усталым голосом заявляет, что этот колпак взят с выставки, с витрины, и потому не продается.

В пятом магазине сказали:

— На что вам, товарищ, колпак? Купите выключатель. Или вот эту люстру. В крайнем случае, на ней можно повеситься...

В седьмом заведывающий сердито махнул на меня рукой, когда я проник в магазин, и сказал, что сегодня продажи не производится по случаю переучета украденных вещей за текущий месяц.

Девятый и десятый магазины были закрыты по случаю годового учета.

В тринадцатом магазине произошел такой исторический разговор.

Я говорю:

— Нет ли у вас...

Заведывающий уныло высморкался в рукава и сказал:

— Нету...

— Позвольте, — говорю, — я же еще не сказал, что мне нужно.

— Да нету, — сказал заведывающий. — Ну, что вы в самом деле — маленький, что ли!

Тогда, не заходя в четырнадцатый магазин, я отправился прямо в древтрест и купил на собранные деньги небольшую подставку для палок и зонтиков.

Жильцы между прочим даже обрадовались.

— Оно, — говорят, — и к лучшему. А то опять кто-нибудь наклюкается и сковырнет этот хрупкий предмет.

И если подумать глубже и философски, то на черта человеку сдался колпак?

3. Непредвиденное обстоятельство

Можно меня поздравить. Нашел квартиру. Одна комната и кухня. С небольшим ремонтом.

Ремонтик совершенно ерундовый — потолок слегка побелить, а то балки оттуда виднеются, и известка вместе с верхними жильцами на башку сыпется. А так остальное все исправно.

Я взял и побелил этот потолок. Починил и побелил.

Гляжу, при таком ослепительном потолке — стены стали нехороши. Очень уж грязные и обдрипанные.

Купил дешевенькие шпалеры. Наклеил. Стало как будто немного интеллигентней. Единственно, пол подгулял. При плохих стенах он не так в глаза бросался. А теперь на пол посмотреть страшно. Ямы. Колдобины. Ну, прямо идешь как по панели, — до того неровно.

Купил бракованную клеенку. Покрывл пол. Стала комнатка хоть куда. Веселенькая. Дверь вот только жуткая. Не дверь, а черт знает что.

Починил дверь. Ручку для красоты вставил. Краской подновил. И надо было бы мне дверь с одной стороны только окрасить. Со стороны комнаты. А я дурака сваял — и со стороны кухни подмалевал. Прямо в кухню стало невозможно входить. Потому дверь хороша, а рядом сплошная дрянь. Стены аховые. Плита стоит развалившись. Крантик оторван, еле держится. Пола почти нету. Потолок жутковатый, все время на тебя валится.

Начал ремонт производить. После бросил. Потрохов, думаю, не хватит. Кухню, думаю, отделаю — уборная нехороша.

Бака нету. Четвертой стены не хватает. Уборную, скажем, отделаю — в коридор не войдешь. Коридор отделаю — входная дверь не годится. Входную отделаю — лестница плоха. Перил нету. Лестницу отделаю — дом худой. Не дом, а горе.

А дом, товарищи, я не могу пока отделывать. Я 47 руб. жалованья получаю.

Так и живу, как на вулкане. И о ремонте больше не думаю. К этому делу надо подходить осторожно и задумчиво.

4. Зеленая продукция

Вот и осень наступила. Строительный сезон, можно сказать, оканчивается.

Неизвестно, как в других домах, а у нас в доме небольшой ремонтник все же произвели. У нас на лестнице перила выкрасили.

Конечно, сделали это не за счет квартирной платы, — у нас народ небогатый. А сделали это за счет одного жильца. Он, курицын сын, по займу 500 рублей выиграл. И с перепугу пять червонцев отвалил на ремонт дома. Потом-то, когда пришел в себя — страсть жалел. Но было поздно. Перильца уже выкрасили.

А выкрасили перила зеленой краской. Получилось красиво. Благородный такой темно-зеленый цвет. Даже, как бы сказать, краснотой отдает. Или это ржавчина выступает сквозь краску? Неизвестно.

Но только получилось довольно красиво. Не безобразно, одним словом. Морда инстинктивно не отворачивается.

Так вот, покрасили. Полюбовались этими перилами. Председатель даже небольшую речь сказал насчет пользы крашенных перил. А после, через три дня жильцы обижаются стали — зачем это перила плохо сохнут. Дескать, квартирные детишки пачкаются и ходят зебрами.

Председатель резонно говорит:

— Товарищи, нельзя до этой краски предъявлять нереальные требования. Дайте срок — высохнет и тогда, может быть, не будет пачкать.

Начали жильцы терпеливо ждать.

Две недели прошло — не сохнет.

Позвали маляра. Маляр попробовал краску на язык, побледнел и говорит:

— Краска, говорит, обыкновенно какая — масляная. А почему она не сохнет, это я вам скажу. Она определенно имеет добавочно льняное масло, вместо оливкового. А льняное масло не имеет права скоро сохнуть. Но, говорит, через это убиваться не следует. Через месяц оно, даст бог, слегка не то чтобы усохнет, но испарится. Хотя, говорит, навряд ли перильца будут зеленые. Они будут скорей всего голубые. А, может, скорей всего, серые с прожилками.

Председатель говорит:

— Оно, знаете, и к лучшему. Если с прожилками — грязь не так будет заметна.

Начали жильцы опять любоваться на эти перила. Месяц или два любовались, смотрят — начало подсыхать. Хотя, по совести говоря, и подсыхать было нечего. Квартирные детишки и неопытные приходящие гости приняли на себя почти всю краску.

Но надо быть оптимистом и надо в каждом печальном явлении находить хорошие стороны.

Краска, я говорю, все же оказалась неплохой и доступной небогатым. С костюмов она сходила, как угодно. Даже можно было не стирать. Сама исчезала.

И черт ее знает, из чего она была сделана? Бродяга изобретатель держит, небось, свое изобретение в строжайшей тайне. Боятся, небось, как бы его самого не побили.

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ

Литовский поезд никогда шибко не идет. Или там путь не позволяет, или семафоров очень много настановлено — сверх нормы — я этого не знаю. Но только ход поезда удивительно медленный. Прямо даже оскорбительно ехать.

И, конечно, через такой ход, в вагоне бывает ужасно как скучно. Прямо скажем — делать нечего.

На публику глядеть, конечно, мало интереса. Обидятся еще. «Чего, — скажут, — смотришь? Не узнал?» Ударят еще. А своим делом заняться тоже не всегда можно. Читать, например, нельзя. Лампочки особо мутные. И ужасно высоко приспособлены. Прямо, как угольки сверху светят, а радости никакой.

Хотя насчет лампочки это зря сказано. Эта веселенькая история произошла днем. Но оно и днем скучно ехать.

Так вот, в субботу днем в вагоне для некурящих пассажиров ехала Феклуша. Фекла Тимофеевна Разуваева. Она из

Лигова до Ленинграда ехала за товаром. Она яблоками и семечками торгует в Лигове на вокзале

Так вот, эта самая Феклуша поехала себе на Щукин. На Щукин рынок. Ей охота была приобрести ящик браку антоновки.

И присела она с Лигова у окошка и поехала. Едет и едет. А напротив ее едет Федоров, Никита. Рядом, конечно, Анна Ивановна Блюдечкина — совслужащая из Соцстраха. Все лиговские. На работу едут

А вскоре после Лигова еще новый пассажир входит. Военный. Он до этого времени на площадке ехал. И садится он наискось от Феклы Тимофеевны Разуваевой. Садится он наискось и едет.

Фекла Тимофеевна, пускай ей будет полное здоровье и благополучие, развязала косынку и, развязавши, стала свободно размышлять на торговые темы, мол, сколько в ящике может быть антоновки и так далее.

После поглядела она в окно. А после, от полной скуки, стала Фекла Тимофеевна подремывать. Что ли в теплом вагоне ее, милую, развезло или скучные картины природы на нее подействовали, но только начала Фекла Тимофеевна клевать носом. И зевнула.

Первый раз зевнула — ничего. Второй раз зевнула во всю свою ширь — аж все зубы можно пересчитать. Третий раз зевнула еще послаще. А военный, который наискось сидел, взял и добродушно сунул ей палец в рот. Пошутил. Ну, это часто бывает — кто-нибудь зевнет, а ему палец в рот. Но, конечно, это бывает, между, скажем, настоящими друзьями,

заранее знакомыми или родственниками со стороны жены. А этот, совершенно незнакомый. Фекла Тимофеевна в первый раз его видит.

По этой причине Фекла Тимофеевна, конечно, испугалась. И, с перепугу, поскорей захлопнула свой чемодан. И довольно сильно тяпнула военного за палец.

Ужасно тут закричал военный. Начал кричать и выражаться. Мол, палец ему почти начисто оттяпали. Полез было драться, но пассажиры остановили. Тем более, что палец совершенно не оттяпали, а просто немного захватили зубами. И крови-то почти не было — не больше полстакана. Началась легкая перебранка. Военный говорит:

— Я, — говорит, — ну, просто пошутил. Если бы, говорит, я вам язык оторвал или что другое, тогда кусайте меня, а так, говорит, я не согласен. Я, говорит, военный служащий и не могу позволить пассажирам отгрызать свои пальцы.

Фекла Тимофеевна говорит:

— Ой! Если бы ты мне за язык взялся, я бы тебе полную кисть руки оттяпала. Я не люблю, когда меня за язык хватают.

Начала тут Фекла Тимофеевна на пол сплевывать, дескать, может, и палец-то, черт знает, какой грязный и, черт знает, за что брался — нельзя же такие вещи строить — негигиенично.

Но тут ихняя дискуссия была нарушена — подъехали к Ленинграду.

Фекла Тимофеевна еще слегка полаялась со своим военным и пошла на Щукин.

ЧТО-НИБУДЬ ОСОБЕННОЕ

Конечно, это дело мелкое. Оно, братцы мои, до того мелкое, что некоторые наши читатели, наверное, даже оскорбятся или дратья полезут.

Что вы, скажут, сучьи дети, начали такие небольшие «проблемки» затрагивать? Кругом, скажут, Китай и еще чего-нибудь такое, а вы, например, ваньку валяете.

А дельце это, не спорим, действительно небольшое. Внутридомашнее. Насчет крупы.

На прошлой неделе я, знаете, слегка захворал. Объялся. Брюквой.

Начались ужасные боли. И через это я побежал в амбулаторию.

Медик меня внимательно осмотрел и говорит:

— Может, ангина, а может, паратиф. Выяснится, когда померете... Главный курс лечения — не надо наваливаться на сырые продукты питания. Кушайте диету. Наилучше всего овсянку или геркулес.

Немедленно послал я свою супругу за крупой.

— Только, говорю, Анна Петровна, не покупайте дряни. Купите что-нибудь особенное. Здоровье — дело драгоценное, и за лишним пяточком я не постою.

Прибегает супруга обратно и веселится.

— Простая, говорит, крупа стоит двугривенный. Только я не стала эту крупу покупать. Я купила настоящий натуральный геркулес. Сорок копеек коробка.

Посмотрели на коробку — что-нибудь особенное. Красивая раскраска. Человек с гирей нарисован. Разные интеллигентные слова напечатаны. Роскошь!

Велел сварить эту диету. Сварили — действительно, очень вкусная, белая, мягкая. Одно худо — шамать ее нельзя. Единственный недостаток. Шамать-то, конечно, ее можно, но плевать надо. Приходится все выплевывать. Очень уж шелухи много. Шелуха заедает. Единственный недостаток.

Посмотрел на тарелку с аппетитом, понюхал и лег спать.

И поправился. Наверно, оттого что не съел. А иначе — болезнь могла бы боком обернуться.

А так остальное — все ничего, слава богу. Дела идут, контора пишет. Качество улучшается.

КОШКА И ЛЮДИ

Печка у меня очень плохая. Вся моя семья завсегда угорает через нее. А чертов жакт починку производить отказывается. Экономит. Для очередной растраты.

Давеча осматривали эту мою печку. Вьюшки глядели. Ныряли туда вовнутрь головой.

— Нету, говорят. Жить можно.

— Товарищи, говорю, довольно стыдно такие слова произносить: жить можно. Мы завсегда угораем через эту вашу печку. Давеча кошка даже угорела. Ее тошнило давеча у ведра. А вы говорите — жить можно.

Чертов жакт говорит:

— Тогда, говорит, устроим сейчас опыт и посмотрим, утгорает ли ваша печка. Ежли мы сейчас после топки угорим — ваше счастье — переложим. Ежли не угорим — извиняемся за отопление.

Затопили мы печку. Расположились вокруг ее.

Сидим. Нюхаем.

Так, у вьюшки, сел председатель, так — секретарь Грибодов, а так, на моей кровати — казначей.

Вскоре стал, конечно, угар по комнате проноситься.

Председатель понюхал и говорит:

— Нету. Не ощущается. Идет теплый дух и только.

Казначей, жаба, говорит:

— Вполне отличная атмосфера. И нюхать ее можно. Голова через это не ослабевает. У меня, говорит, в квартире атмосфера хуже воняет, и я, говорит, не скулю понапрасну. А тут совершенно дух ровный.

Я говорю:

— Да как же, помилуйте, — ровный. Эвон, как газ струится.

Председатель говорит:

— Позовите кошку. Ежели кошка будет смирно сидеть, значит ни хрена нету. Животное завсегда в этом бескорыстно. Это не человек. На нее можно положиться.

Приходит кошка. Садится на кровать. Сидит тихо. И ясное дело тихо — она несколько привыкшая.

— Нету, — говорит председатель, — извиняемся.

Вдруг казначей покачнулся на кровати и говорит:

— Мне надо, знаете, спешно идти по делу.
И сам стоит зеленый и прямо на ногах качается.
Председатель говорит:
— Сейчас все пойдем.
И сам подходит до окна и в щелку дышит.
Я его оттянул от окна.
— Так, говорю, нельзя экспертизу строить.
Он говорит:
— Пожалуйста. Могу отойти. Мне ваш воздух вполне полезный. Натуральный воздух, годный для здоровья. Ремонта я вам не могу делать. Печка нормальная.
А через полчаса, когда этого самого председателя положили на носилки и затем задвигали носилки в каретку скорой помощи, я опять с ним разговаривался.
Я говорю:
— Ну, как?
— Да нет, говорит, не будет ремонта. Жить можно.
Так и не починили.
Ну, что ж делать. Привыкаю. Человек не блоха — ко всему может привыкнуть.

ШАПКА

Только теперича вполне чувствуешь и понимаешь, насколько мы за десять лет шагнули вперед!

Ну, взять любую сторону нашей жизни — то есть, во всем полное развитие и счастливый успех.

А я, братцы мои, как бывший работник транспорта, очень наглядно вижу, чего, например, достигнуто и на этом довольно-таки важном фронте.

Поезда ходят взад и вперед. Гнилые шпалы сняты. Семафоры восстановлены. Свистки свистят правильно. Ну, прямо приятно и благополучно ехать.

А раньше. Да бывало в том же восемнадцатом году. Бывало, едешь, едешь — вдруг полная остановка. Машинист, знает, кричит с головы состава, дескать, суды, братцы.

Ну, соберутся пассажиры. Машинист им говорит:

— Так и так. Не могу, робя, дальше идти по причине топлива. И если, говорит, кому есть интерес дальше ехать — вытряхайся с вагонов и айда в лес за дровами.

Ну, пассажиры побранятся, поскрипят, мол, какие нововведения, но все-таки идут до лесу пилить и колоть.

Напилят полсажени дров и далее двигаются. А дрова, ясное дело, сырые, чертовски шипят и едут плохо.

А то, значит, вспоминается случай — в том же девятнадцатом году. Едем мы таким скромным образом до Ленинграду. Вдруг резкая остановка на полпути. Засим — задний ход и опять остановка.

Значит, пассажиры спрашивают: зачем остановка, к чему это все время задний ход? Или, боже мой, опять идти за дровами, машинист разыскивает березовую рощу, или, может быть, бандитизм развивается?

Помощник машиниста говорит:

— Так и так. Произошло несчастье. Машинисту шапку сдуло, и он теперича пошел ее разыскивать.

Сошли пассажиры с состава, расположились на насыпи. Вдруг видят, машинист из лесу идет. Грустный такой. Бледный. Плечами пожимает.

— Нету, говорит, не нашел. Пес ее знает, куда ее сдуло.

Поддали состав еще на 500 шагов назад. Все пассажиры разбились на группы — ищут.

Минут через двадцать один какой-то мешочник кричит:

— Эй, черти, сюда! Эвон, где она.

Видим, действительно, машинистова шапка, зацепившись, на кустах висит.

Машинист надел свою шапку, привязал ее к пуговке шпигатом, чтоб обратно не сдуло, и стал разводить пары.

И через полчаса благополучно тронулись.

Вот я и говорю. Раньше было полное расстройство транспорта.

А теперь не только шапку — пассажира сдует, и то остановка будет не более одной минуты.

Потому — время дорого. Надо ехать.

НАУЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Давеча у нас в Гавани какая интересная история развернулась. Иду по улице. Вижу — народ собирается около пус-тыря.

— Что такое?

— Так что, говорят, странное подземное явление, товарищ. Не землетрясение, нет, но какая-то подземная сила на-

род дергает. Нету никакой возможности гражданам вступать на этот боевой участок, около этой лужи. Толчки происходят.

А тут ребята дурака валяют — пихают прохожих до этого опасного участка. Меня тоже, черти, пихнули.

И всех, которые вступают, отчаянно дергает. Ну, прямо устоять нет никакой возможности, до того пронизывает.

Тут один какой-то говорит:

— Скорей всего, это кабель где-нибудь лопнувши — ток сквозь сырую землю проходит. Ничего удивительного в этом факте нету.

Другой тоже говорит:

— Я сам бывший электротехник. Давеча я сырой рукой за выключатель схватился, так меня так дергануло — мое почтенье. Это вполне научное явление, около лужи.

А народу собралось вокруг этого факта много.

Вдруг милиционер идет. Публика говорит:

— Обожди, братцы. Сейчас мы его тоже втравим. Пущай его тоже дернет.

Подходит милиционер до этого злополучного участка.

— Что, говорит, такое? Какое-такое подземное явление?

И сам прет по незнанию в самый опасный промежуток. Вступил он ногами на этот промежуток — и ничего, не дергает.

Тут, прямо, в первую минуту население обалдело. Потому — всех дергает, а милицию не дергает.

Милиционер строгой походкой проходит сквозь весь участок и разгоняет публику.

Тут один какой-то кричит:

— Так он, братцы, в галошах! Резина же не имеет права пропускать энергию.

Ничего на это милиционер не сказал, только строго посмотрел на население, скинул свои галоши и подошел к луже. Тут у лужи его и дергануло!

После этого народ стал спокойно расходиться. А вскоре прибыл электротехник и начал ковырять землю.

А милиционер еще раз, когда народ разошелся, подошел без галош до этого участка, но его снова дернуло.

Тогда он покачал головой — дескать, научное явление — и пошел стоять на свой перекресток.

ЗАКОРЮЧКА

Вчера пришлось мне в одно очень важное учреждение смотаться. По своим личным делам.

Перед этим, конечно, позавтракал поплотней для укрепления духа. И пошел.

Прихожу в это самое учреждение. Отворяю дверь. Вытираю ноги. Вхожу по лестнице. Вдруг сзади какой-то гражданин в тужурке назад кличет. Велит обратно спускаться.

Спустился обратно.

— Куда, говорит, идешь, козлиная твоя голова?

— Так что, говорю, по делам иду.

— А ежели, говорит, по делам, то прежде, может быть, пропуск надо взять. Потом наверх соваться. Это, говорит, тут тебе не Андреевский рынок. Пора бы на одиннадцатый год понимать. Несознательность какая.

— Я, говорю, может быть, не знал. Где, говорю, пропуска берутся?

— Эвон, говорит, направо в окне.

Подхожу до этого маленького окна. Стучу пальцем. Голос, значит, раздается:

— Чего надо?

— Так что, говорю, пропуск.

— Сейчас.

В другом каком-нибудь заграничном учреждении на этой почве развели бы форменную волокиту, потребовали бы документы, засняли бы морду на фотографическую карточку. А тут даже в личность не посмотрели. Просто голая рука высулась, помахала и подает пропуск.

Господи, думаю, как у нас легко и свободно жить и дела обделывать! А говорят: волокита. Многие беспочвенные интеллигенты на этом даже упадочные теории строят. Черт их побери! Ничего подобного.

Выдали мне пропуск.

Который в тужурке, говорит:

— Вот теперича проходи. А то прет без пропуска. Этак может лишний элемент пройти. Учреждение опять же могут взорвать на воздух. Не Андреевский рынок. Проходи теперича.

Смотался я с этим пропуском наверх.

— Где бы, говорю, мне товарища Щукина увидеть?

Который за столом, подозрительно говорит:

— А пропуск у вас имеется?

— Пожалуйста, говорю, вот пропуск. Я законно вошел. Не в окно влез.

Поглядел он на пропуск и говорит более вежливо:

— Так что, товарищ Щукин сейчас на заседании. Зайдите лучше всего на той неделе. А то он всю эту неделю заседает.

— Можно, говорю. Дело не волк — в лес не убежит. До приятного свидания.

— Обождите, говорит, дайте сюда пропуск, я вам на ем закорючку поставлю для обратного прохода.

Спускаюсь обратно по лестнице. Который в тужурке, говорит:

— Куда идешь? Стой!

Я говорю:

— Братишка, я домой иду. На улицу хочу пройти из этого учреждения.

— Предъяви пропуск.

— Пожалуйста, говорю, вот он.

— А закорючка на ем имеется?

— Определенно, говорю, имеется.

— Вот, говорит, теперича проходи.

Вышел на улицу, съел французскую булку для подкрепления расшатанного организма и пошел в другое учреждение по своим личным делам.

БЫСТРЫ, КАК ВОЛНЫ, ВСЕ ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Что ж, художник не человек, что ли? Художнику тоже другой раз надоедает рисовать диаграммы и карикатуры. Может, иной раз художнику охота изобразить чего-нибудь лирическое. Какой-нибудь этакий пейзаж вместо дурацкой морды. Раз однажды стоит наш художник, притулившись у окна, в печальном раздумье и соображает, чего бы ему изобразить.

«Эге, думает, изображу-ка я городской пейзаж из окна... Тут, скажем, тумба... Тут ванька на санях... Лошаденка этакая корявенькая... Снег мурашит... Народ ходит... Тут частный паучок развернул свои сети — лавчонку открыл... Превосходная, думает, картина получается. Меньше, как за четыре рубля, нипочем не продам. Это вам не Айвазовский».

Цельный день работал наш гениальный художник. Свою малость только не закончил. «Завтра, думает, закончу». Начал он назавтра работать. Видит, черт побери, не та музыка получается, не тот пейзаж. Снег растаял. Извозчик на колесах выехал. Публика с зонтиками шляется. Вон соседний домишко трещинку дал. Частный паучок свернулся — лавчонка стоит заколоченная... Начал художник сызнова изображать. Тоже, конечно, не худо получается. «За трешку, думает, такой пейзаж завсегда загнать можно будет».

На третий день стал заканчивать наш славный художник свое произведение искусства. Глянул на пейзаж — и обо-

млеет. Видит — опять не та музыка. Опять снежок выпал. Тумба, правда, стоит, но у тумбы домишко развалился. Вон кооперация развернулась... Банька опять же. «Черт победи! — думает художник. — За три рубли, думает, такое творческое беспокойство. Изобразу, думает, как есть». Так и нарисовал. Хотел загнать за полтинник, — давали четвертак. Так и не продал. Себе оставил — для выставки. Художественные критики теперь будут писать об этом произведении: мол, новое течение в живописи — «невозможный изобразительный изм». А нам наплевать!

ГРАФОЛОГИЯ

За границей-то до чего докатились! Какую счастливую новость придумали! Вот наши газеты пишут насчет этой новости. Одно, говорят, довольно крупное лондонское учреждение взяло к себе на службу известного графолога — товарища Роберта Заудека, чтобы он определял по почерку характеры служащих и клиентов. Вот бы нам тоже так устроить! Мы бы развернулись! Мы бы тоже определили жуликов и растратчиков!

Впрочем, глаз у нас острый и наметанный, мы вполне предвидим, что произойдет.

Ну, взяли, скажем, на службу графолога. Отвели ему кабинет. Дали ему разные почерки.

— Вот, говорят, милый, действуй! Вылавливай!

Засел графолог в своем кабинете. Начал определять.

«Это, думает, чей такой канальский почерк? Чья это явно мошенническая подпись?»

— А? Председателя? Какая, знаете, благородная, энергичная подпись! Даже сразу не разобрать. («Вот, думает, влип. На председателя наскочил. Потом, думает, неприятностей не оберешься, ежели чего худое скажешь».)

«Что ж, — думает графолог, — председателя мне не с руки ронять. Посмотрим дальше. Какие такие жулики тут работают? Вот, не угодно ли, какая еще жуликоватая подпись. Форменно канальская подпись! С такой подписью обыкновенно родных мамаш убивают. Что за сукин сын расписался!»

— Ась? Управдел?... Гм... Сейчас через лупу посмотрю. Может, оно и ничего. Ну да, ничего. Обыкновенно скромная подпись. Буквы благородно закруглены. Честный почерк. («Что ж, думает, топить человека. Потом будет ежедневно ссориться и затирать по службе».)

«Я на себя не сердит, — думает графолог. — Начальников мне неудобно опрокидывать. После коситься будут. Дай, думает, заурядную подпись посмотрю. Эге! Это чей крест? Чей такой жуликоватый крест? Кто это за место подписи фигурки ставит?»

— Феклуша! Какая Феклуша? Уборщица? Что ж, довольно благородная подпись. («Тоже, думает, неловко против пролетарского элемента выступать. Несозвучно с эпохой».)

«Однако, — думает графолог, — хотя бы одного мошенника надо определить.

А то скажут — ни черта не делает, баклуши бьет, даром жалованье огребают. Вот хотя бы этот почерк. Форменный бандит. Сейчас возьмем на учет...

Те-те-те, — думает графолог. — Да это же мой почерк. Фу, черт, туман нашел. Не признал. Оно, конечно, канальская подпись...»

И написал графолог похвальный отзыв о всех сотрудниках.

А через месяц графолога сократили за ненадобностью.

— Раз, говорят, все благородно и жуликов нету, то вам, значит, и делать тут нечего.

Пущай лучше без графологов!

РОСТОВ

Кстати, о Ростове. Симпатичный город. Я там был этой осенью. Проездом.

Славный, спокойный город. И климат довольно мягкий. Кроме того — полное отсутствие хулиганства. Даже немного удивительно, с чего бы это.

Молоденькая девица одна может свободно пройти ночью, по улицам. Никто ее не затронет.

Ну, как — одна, я, конечно, не знаю. Не ручаюсь. Но вдвоем или небольшой группой — очень даже свободно может идти. Никаких таких лишних возгласов. Даже по тротуарам допускают ходить. Зря не сталкивают. Ругаться-то, конечно, ругаются. Но промежду себя. Не в сторону прохожих.

Это явление, в смысле полного отсутствия хулиганства, я думаю, происходит за счет физкультуры. Физкультура всегда отвлекает граждан от хулиганства. А физкультура в

этом южном городе поставлена на полную высоту. Футбол, эстафетный бег, ныряние и плавание — это на каждом шагу. Это удивительный город в этом отношении.

Я сам был свидетелем такого спортивного случая.

Сижу я в городском саду. Читаю, как сейчас помню, газету. Дискуссионный листок.

А кругом мягкая осенняя погода. Солнце золотится. На скамейках публика сидит. Такая тихая осенняя картинка без слов.

Тут же по аллеям небольшой парнишка шляется. С ящиком. За пяточок сапоги чистит.

Увязался этот парнишка и до меня. Начал мне мусолить сапог за пяточок.

Вычистил один. Только взялся за другой, вдруг сзади кто-то как ахнет мне на плечи. Гляжу — какой-то незнакомый человек в трусиках через меня прыгнул.

Только я хотел его обругать, сукина сына, зачем он через незнакомых прыгает, вдруг сзади опять — хлоп — другой прыгнул. Всего их прыгнуло четверо. Вот, думаю, и хулиганство налицо.

Вдруг гляжу — нету хулиганства. Чистая физкультура. Чехарда. В чехарду молодежь играет. Славно так через сидячих людей прыгают.

Парнишка, который сапоги чистит, говорит:

— Вы не пугайтесь. Они тут завсегда в чехарду упражняются. Давайте второй сапог дотру. Садитесь!

Ну, что ж, думаю, пушай, лучше чехарда, чем хулиганство.

Однако второго я не стал дочищать. Выдал парнишке пятачок и заторопился поскорей к выходу. А то, думаю, на ходу прыгнут — еще опрокинут, черти. Потом вставай.

Вышел на улицу — опять спокойно. Чисто, славно. Никаких лишних возгласов. С тротуара не сталкивают. Прямо не город — акварельная картинка.

НОВАЯ ЭПОХА

Иностранцы подарили миру новое открытие — управление аэропланом со стороны. То есть какой-нибудь ихний иностранный летчик садится, предположим, где-нибудь, скажем, на кучу мусора и особой радиомашинкой управляет своей стальной птицей.

Это здорово! Надо отдать должное иностранным акулам и хищникам — ловко они придумывают этикие штучки. Гибкий народ!

Ведь это изобретение открывает целые горизонты. Ведь это вносит коренную ломку во всю нашу жизнь. Ведь это черт знает какие удобства появятся в связи с этим гениальным открытием.

Те же велосипедисты. Может, им скучно ногами ежедневно вертеть. Может, им охота вместо того заняться более благородной проблемой. А тут пожалуйста — изобретение к вашим услугам. Сидите, наслаждайтесь жизнью — стальная машина сама прет без усталы.

Или, например, трудовая сценка из нашей деревенской жизни. Скажем, середняк. Скажем, середняк чай хочет пить.

Не может же середняк с трактора не слезать. И не надо об этом беспокоиться, товарищ середняк. Сиди в своей хате, пей свой чай, грызи свой сахар, — гениальный аппарат к твоим услугам.

Надо думать, что и для извозчиков будут открыты новые возможности. Надо полагать, что и извозчик в связи с этим открытием не захочет целый день трястись на козлах.

Потерпи, товарищ извозчик! Скоро пробьет час твоего крайнего благополучия.

А что вы думаете? Ежели бездушная стальная пролетка может, как миленькая, слушаться своего аппарата, то неужели же человек подкачает? Нет, не может подкачать человек. И скоро, может, ударит час, когда председатель собрания одним поворотом рубильника заставит инертные массы идти на то или другое собрание.

Граждане! Милые мои! Кажется, мы вступаем в новую эпоху.

ОЧЕНЬ ПРОСТО

Черт побери, как все просто на свете!

Вот, например, жил в нашем доме известный такой сукин сын Краюшкин. Сначала он, конечно, был безработный. Шесть лет. По гривеннику платил за квадратный метр. А потом нашел службенку.

Службенка была не роскошная, но питаться, а главное, бесплатно лечиться можно было.

А надо сказать, что человек этот имел ужасно какой отчаянный характер. Характер у него был совершенно невозможно скандальный.

И если этот Краюшкин не дрался с жильцами, то единственно по причине слабого организма. Но зато ругался со всеми, всех задевал и жену свою, Елену Федоровну, прямо, можно сказать, с маслом скушал.

Бедная дама сбежала даже от такого семейного купороса.

Она попросту заявила на собрании, что с таким иродовым характером, как у ее почтенного супруга, она не может более жить. Пущай домоуправление отведет ей холостую комнату в другой квартире.

А он, этот ирод Краюшкин, тут же стоял рядом на собрании с мрачной мордой и слушал, чего говорится.

Наконец он говорит:

— Ладно. Отводите ей холостую комнату. Характер действительно, сознаюсь, у меня дьявольский. Но против природы я тоже идтить не могу. И не могу свои характеры переделывать.

Отвели ей тогда комнату в квартире 17. Так этот Краюшкин и туда стал мотаться — специально скандалить и доедать свою супругу.

Домашних животных, кроме того, он ногами бил. Стенную газету тоже раз содрал по злобе.

А надо сказать, жил у нас в доме, как раз над этим самым чертовым Краюшкиным, ученый. Профессор Хлебников.

И хотя жилец этот был малосознательный и часто манкировал своими гражданскими обязанностями, но жилец был все-таки славный, по рублю двадцать платил за квадратный метр.

Так вот с этим ученым и схлестнулся наш Краюшкин, зачем тот по ночам ногами шаркает — ходит над его комнатой.

А ученый, может быть, не может иначе ученые труды придумывать. Может быть, он должен ходить.

Вот ученый подходит тогда до этого Краюшкина и говорит:

— Так и так. Вы, говорит, милостивый государь, всех жильцов в доме пугаете, ко всем липнете и всех задираете. А если у вас наблюдается такой хамский характер, то вы должны от него лечиться, а не зря кирпичиться.

Краюшкин говорит:

— То есть как это лечиться?

Профессор говорит:

— Так и так. Вы, говорит, напущаете разные элементы на свой характер, но, промежду прочим, у человека нету никакого характера, а человек — это есть, по последним научным данным, 18 фунтов угля, 46 золотников соли, 4 фунта картофельной муки и определенное количество жидкости. И, может, у вас в характере картофельной муки не хватает, вот вы и волнуетесь.

Тут, значит, после этих слов Краюшкин смертельно побледнел и плюнул профессору на воротник.

Прошло после этого факта полгода.

Однажды Краюшкин собрался и пошел к врачу.

Осмотрел врач этого Краюшкина со всех сторон и говорит:

— Так и так. Нервы, говорит, у вас действительно худые по причине глистов. Надо вытравить всех глистов, и тогда ваш характер снова засияет.

Начал, конечно, Краюшкин лечиться, пил какую-то сплошную зеленую дрянь и вскоре поправился. Стал такой довольно полный, морда сочная, глаза блестят. По двору ходит веселенький, со всеми здоровается. Никого не трогает. Стенную газету не срывает. С женой, опять же, помирился. К профессору недавно тоже зашел с визитом — извинился за бывший плевок.

Профессор говорит:

— Так и так. Я вам завсегда говорил, что человек — это 18 фунтов углей, соли известное количество и картофельная мука. И никаких таких лишних характеров у человека не наблюдается.

На этом все дело и кончилось.

А теперь вот, после этого научного факта, другой раз идешь с какой-нибудь девицей, а она, например, чего-нибудь такое вкручивает, мол, что-то у меня сегодня, Василь Василич, настроение грустное. Хризантем, например, хочется.

А я про себя думаю: «Знаю. Вкручивай. Может, белков не хватает или обьялась чем-нибудь».

Черт побери, как все просто на свете!

И зачем я об этом узнал? Может, как раз от этого мне теперь жить скучно.

О ПОЛЬЗЕ НЕГРАМОТНОСТИ

Вот опять подходит Рождество. Этот зимний праздник, как его остроумно называют в газетах.

А только этот зимний праздник идеологически мало выдержан, так что много говорить о нем не приходится. Тем более не приходится писать разные святочные рассказы.

И дозвольте, вместо этой невыдержанной продукции, рассказать про один случай, развернувшийся на фоне нашей тяжелой индустрии.

Случай этот даже можно назвать рождественским, потому что произошел он за несколько дней до Рождества. Во время полочки жалования за вторую половину декабря.

Так вот я и говорю. Начал народ подходить до кассы. Получать жалованье.

Подошла до кассы и наша дневная сторожиха Максимова, Софья Ивановна.

Подошла она до кассы, развернула, конечно, ведомость, и вдруг раздался отчаянный ее крик и вопль.

Кассир, значит, говорит:

— Если, говорит, крики будут продолжаться, то, говорит, я сейчас закрою свою лавочку и не стану деньги выдавать. У меня, говорит, от криков руки трясутся, и я, говорит, могу просчитаться.

Максимова говорит:

— Так что невозможно было не кричать. Я, говорит, еще не получала жалованья, а тут, говорит, в моей клетке уже какая-то бродяга рукой расписалась.

Кассир говорит:

— Тогда отходи в сторону. Я, говорит, тебе не могу вторично кредиты открывать.

Конечное дело, Максимова испугалась. Главное, дело к празднику. Покупать надо. А тут такое препятствие.

Подняла, конечно, Максимова ураганный крик.

— Это, кричит, ну, форменное недоразумение. Я, говорит, не получала еще денег.

Начал кассир ведомость глядеть.

— Нету, говорит, никакого недоразумения. И подпись, говорит, правильная — Максимова. Отходи в сторону.

Тут Максимова обратно подняла ураганный крик.

— Это, говорит, жульничество. Я, говорит, если хотите знать, неграмотная, и хотя фамилию в ведомости находить умею, но, говорит, писать совершенно не знаю. И, говорит, в силу этого не могла свою фамилию выводить.

Тут народ начал подтверждать, дескать, Максимова действительно неграмотная бабочка и пушай выдадут ей, чего полагается.

Кассир говорит:

— Это, говорит, ну чистое безобразие. Каждый месяц ктой-то упражняется и получает на разные имена. Пушай заведующий согласится и тогда я выдам. Мое дело десятое.

Заведующий не был бюрократом. Он посмотрел ведомость и говорит:

— Выдать.

Тут Максимовой и выдали два новеньких червонца, две трешки и медный пятак.

Максимова просияла и домой пошла.

А народ у кассы долго смеялся.

— Вот, говорит, довольно редкий случай, когда неграмотность пригодилась.

А жулика, между прочим, так и не нашли.

БОЛЬНЫЕ

Человек — животное довольно странное. Нет, навряд ли оно произошло от обезьяны. Старик Дарвин, пожалуй что, в этом вопросе слегка заврался.

Очень уж у человека поступки — совершенно, как бы сказать, чисто человеческие. Никакого, знаете, сходства с животным миром.

Вот, если животные разговаривают на каком-нибудь своем наречии, то навряд ли они могли бы вести такую беседу, как я давеча слышал.

А это было в лечебнице. На амбулаторном приеме. Я раз в неделю по внутренним болезням лечусь. У доктора Опушкина. Хороший такой, понимающий медик. Я у него пятый год лечусь. И ничего, болезнь не хуже.

Так вот, прихожу в лечебницу. Записывают меня седьмым номером. Делать нечего — надо ждать. Вот присаживаюсь в коридоре на диване и жду.

И слышу — ожидающие больные про себя беседуют. Беседа довольно тихая, вполголоса, без драки.

Один такой дядя, довольно мордастый, в коротком полупальто, говорит своему соседу:

— Это, — говорит, — милый ты мой, разве у тебя болезнь — грыжа. Это плюнуть и растереть — вот вся твоя болезнь. Ты не гляди, что у меня морда выпуклая. Я, тем не менее, очень больной. Я почками хвораю.

Сосед несколько обиженным тоном говорит:

— У меня не только грыжа. У меня легкие ослабли. И вот еще жировик около уха.

Мордастый говорит:

— Это безразлично. Эти болезни разве могут равняться с почками!

Вдруг одна ожидающая дама в байковом платке язвительно говорит:

— Ну что ж, хотя бы и почки. У меня родная племянница хворала почками — и ничего. Даже шить и гладить могла. А при вашей морде болезнь ваша мало опасная. Вы не можете помереть через эту вашу болезнь.

Мордастый говорит:

— Я не могу помереть! Вы слышали? Она говорит, я не могу помереть через эту болезнь. Много вы понимаете, гражданка! А еще суетесь в медицинские разговоры.

Гражданка говорит:

— Я вашу болезнь не унижаю, товарищ. Это болезнь тоже самостоятельная. Я это признаю. А я к тому говорю, что у

меня, может, болезнь посерьезнее, чем ваши разные почки. У меня — рак.

Мордастый говорит:

— Ну что ж — рак, рак. Смотря какой рак. Другой рак — совершенно безвредный рак. Он может в полгода пройти.

От такого незаслуженного оскорбления гражданин совершенно побледнела и затряслась. Потом всплеснула руками и сказала:

— Рак в полгода! Видали! Ну, не знаю, какой это рак ты видал. Ишь морду-то отрастил за свою болезнь.

Мордастый гражданин хотел достойным образом ответить на оскорбление, но махнул рукой и отвернулся.

В это время один ожидающий гражданин усмехнулся и говорит:

— А собственно, граждане, чего вы тут расхвастались?

Больные посмотрели на говорившего и молча стали ожидать приема.

БЕРЕГИТЕ ЗДОРОВЬЕ!

Говорят — зимний спорт очень благоприятно на организм действует. Это, действительно, верно. Я сам на себе испытал.

Этой зимой я слегка захворал. Аппетита лишился — жрать совершенно не хотелось. Бессонница наступила.

Похудел тоже очень отчаянно. Даже блохи меня перестали кусать. Истинная правда.

Врач осмотрел меня и говорит:

— Это, говорит, у вас нервы расшатавшись. Катайтесь ежедневно на коньках — и всю вашу нервную систему как рукой сымет. И снова блохи начнут кусать.

Болезнь я не стал запущать, заскочил в спортивный магазин и приобрел себе специальные сапоги с коньками.

И все это удовольствие стоило мне 19 целковых!

А это, надо сказать, очень дешево. Потому что коньки попались хорошие, почти стальные. И сапоги очень выдающиеся. Московской работы. Специальные сапоги для коньков.

Каблучишко-то, это верно, на второй день отлетел от них во время катанья. Но нельзя же, конечно, требовать какой-нибудь вечный золотой каблук.

А потом, хотя каблук и отлетел, но сапог остался. И деньги, можно сказать, не пропали.

А что я ногу себе сломал через этот факт, то я бы мог эту ногу и раньше сломать, с целым каблуком. Мало ли. Могли бы меня опрокинуть. За скамейку я бы мог головой зацепиться во время катанья. Мало ли...

Но, главное, не в этом дело. А дело в здоровом спорте. Всего пару дней я катался на коньках — и результаты поразительные. Очень поправился. Пополнел. И нервной системы как не бывало.

Некоторые говорят, что коньки тут ни при чем, а что просто я в больнице со сломанной ногой отлежался. Это бук-

важно глупые речи. Что значит — коньки ни при чем? Да если б я не катался, может, я и в больницу бы не попал.

Как ни говори, а зимний спорт — громадная вещь.

Вот дайте почию ногу — за лыжи возьмусь. Может, еще чего-нибудь себе отломаю.

ХАМСТВО

Я-то сам не был за границей, так что не могу вам объяснить, чего там такое происходит.

Но вот недавно мой друг и приятель из-за границы пришел, так он много чего оригинального рассказывал.

Главное, говорит, там капитализм заедает. Там без денег прямо, можно сказать, дыхнуть не дадут. Там деньги у них на первом месте. Сморкнулся — и то гони пфенниг.

У нас деньги тоже сейчас довольно-таки часто требуются. Можно сказать: куда ни плюнь — за все вытаскивай портмоне. Но все-таки у нас гораздо, как будто бы, легче.

У нас, например, можно на чай не дать. Ничего такого не произойдет. Ну, скривит официант морду или стулом двинет, — дескать, сидел тоже, рыжий пес... И все.

А некоторые, наиболее сознательные, так и стульями двигать не станут. А только вздохнут, — дескать, тоже, публика.

А там у них за границей, ежели, для примера, на чай не дать — крупные неприятности могут произойти. Я, конечно, не был за границей — не знаю. А вот с этим моим приятелем

случилось. Он в Италии был. Хотел на Максима Горького посмотреть. Но не доехал до него. Расстроился. И назад вернулся.

А все дело произошло из-за чаевых.

Или у моего приятеля денег было мало, или у него убеждения хромали и не позволяли, но только он никому на чай не давал. Ни в ресторанах, ни в гостиницах — никому.

А то, думает, начнешь давать — с голым носом домой вернешься.

Там ведь служащего народу дьявольски много. Это у нас, скажем, сидит один швейцар у дверей и никого не беспокоит. Его даже не видно за газетой. А там, может, одну дверь тридцать человек открывают. Ну-те, попробуй, всех одели!

Так что мой приятель никому не давал.

А приехал он в первую гостиницу. Приняли его там довольно аккуратно. Вежливо. Шапки сымали, когда он проходил.

Прожил он в таком почете 4 дня и уехал в другой город. И на чай, конечно, никому не дал. Из принципа.

Приехал в другой город. Остановился в гостинице. Смотрит, не тот коленкор. Шапок не симают. Говорят сухо. Нелюбезно. Лакеи морды воротят. И ничего быстро не подают.

Мой приятель думает: хамская гостиница. Возьму, думаю, и перееду.

Взял и переехал. Переехал он в другую гостиницу. Смотрит — совсем плохо. Только что по роже не бьют. Чемоданы роняют. Подают худо. На звонки никто не является. Грубят.

Больше двух дней не мог прожить мой приятель и в страшном огорчении поехал в другой город.

В этом городе, в гостинице, швейцар чуть не прищемил моего приятеля дверью — до того быстро ее закрыл. Номер же ему отвели у помойки, рядом с кухней. Причем коридорные до того громко гремели ногами около его двери, что мой приятель прямо-таки захворал нервным расстройством. И, не доехав до Максима Горького, вернулся на родину.

И только перед самым отъездом случайно встретил своего школьного товарища, которому и рассказал о своих неприятностях.

Школьный товарищ говорит:

— Очень, говорит, понятно. Ты, небось, чаевые давал плохо. За это они тебе наверное минусы на чемоданы ставили. Они всегда отметки делают. Которые дают — плюс, которые хаят — минус.

Прибежал мой приятель домой. Действительно, на левом углу чемодана — четыре черточки.

Стер эти черточки мой приятель и поехал на родину.

НЕПРИЯТНОСТЬ

Давеча на радиофронте у меня развернулась крупная неприятность.

Есть у меня имеется небольшой радиоприемник. Обычно — детекторный. Без антенны. На электрическую сеть.

Слышимость довольно хорошая. Слов-то, конечно, не разобрать без антенны. Но гул идет довольно явственный. Даже в другой раз голоса можно различать — которые мужские, которые дамские.

И в зимние вечера очень, знаете, приятно послушать разные культурные звуки. Главное — легко, без хлопот, бесплатно ткнул в штепсель один провод — и наслаждайся.

Собственно, на почве этого штепселя и развернулась неприятность.

Надо сказать — я проживаю в коммунальной квартире. У нас шесть комнат. Восемьдесят четыре жильца. И на всю эту братию имеется один электрический счетчик. Так что скандалы бывают у нас каждый месяц из-за этого счетчика — кому сколько платить.

Так вот давеча приходит до меня уполномоченный нашей квартиры и говорит:

— Что, говорит, ежедневно слушаете аппарат?

— Слушаю, говорю.

— Через электрическую сеть?

— Да, говорю.

— Ловко, говорит. Либо, говорит, сымай свой аппарат к козлиной бабушке, либо, говорит, я тебе свет сейчас обрежу. Я, говорит, буквально эти ночи не сплю, страдаю и не знаю, сколько с тебя за энергию теперь брать.

Я говорю:

— Никакой энергии не беру. Это, говорю, электрическая сеть — вместо антенны.

— Э, говорит, брось ваньку валять. Я, говорит, не слепой пес. Я, говорит, вижу, что провод до штепселя доходит.

— Так, говорю, это один провод, в одну дырку.

— А я, говорит, не знаю. Может, я уйду, а ты и во вторую воткнешь. Сымай свои радиозвуки или, говорит, плати семь целковых в месяц жильцам за моральное спокойствие.

Платить, конечно, я не стал, а снял свой аппарат и теперича снова живу некультурной жизнью. А так остальное все благополучно.

ВЫГОДНАЯ КОМБИНАЦИЯ

В настоящее время жить как-то стало, братцы мои, очень выгодно.

С одной стороны, полная дешевка — иголка 3 копейки стоит. А с другой стороны, все время какие-то выгодные комбинации случаются. Ежедневно какая-то выгода происходит. То одно, то другое... То чего-нибудь не купишь, то не пошамаешь.

А давеча, смешно сказать, двугривенный заработал. За что? За какой свободный труд? Да просто так. Постоял три часа с небольшим и заработал. А сначала предстоял мне полный убыток.

Тетка из Тамбова ужасно жалостливое письмо прислала.

«Пришли, пишет, за ради бога фотографическую карточку. Я, говорит, тебя все-таки на руках носила и соской кормила. И теперича 29 лет не видела. Наверное, с тех пор ты очень изменился. Пришли свою карточку — охота поглядеть».

Делать, конечно, нечего. Настроил тетке подходящий ответ, вложил в конверт фотографическую карточку, где в профиль снят, и побежал на почту это заказное письмо отправлять.

Прибежал на почту — кругом у каждого окна очередь.

— Так что, говорю, где тут заказные отправляют?

— Эвон, у того окна. Становись в эту очередь.

А очередь до двери, черт ее побери!

Встал в очередь. Начал, конечно, про тетку думать. Потом про всех родственников. Потом про знакомых. Вдруг очередь подходит.

Подаю письмо.

Почтовый служащий, блондин, говорит:

— А марки где?

Я говорю:

— У вас марки. У вас, говорю, почтовое отделение, а не у меня. Вот примите деньги.

Он говорит:

— Вы, говорит, деньги мне зря не суйте. Я, говорит, сам сунуть могу. Тут, говорит, идет как раз наоборот приемка заказной корреспонденции. А марки — второе окно налево. Пора бы на одиннадцатый год разбираться в вопросах.

Хотел я схлестнуться с этим блондином, но задние рады, к сожалению, меня в этот момент оттиснули от окна.

Это, думаю, худо. Зря в очереди стоял. Однако, делать нечего — пошел ко второму окну.

Встал в очередь. За марками. Начал, конечно, про знакомых думать. Потом про бабушку. Потом вообще о государственном строительстве. Вдруг моя очередь подходит.

Купил на 16 копеек марок. Побежал до своей заказной очереди. Гляжу — она стала еще длинней. Хотел было сунуться без очереди — не разрешают, оттягивают.

Встал тогда в очередь. Начал про всякую чепуху думать. Бабушка чегой-то опять на память пришла. Вообще разные старушки в голове начали мелькать и тесниться. Вдруг подходит моя очередь.

Подаю письмо.

Служащий, блондин, прикинул письмо на весы и говорит:

— Так что письмо тяжелее обыкновенного. Что вы туда камней напихали, что ли? Еще, говорит, прикупите копеек на пять разных марок.

Хотел я опять схлестнуться с этим блондином — опять отеснили.

Побежал я до окошечка с марками. Стал в очередь. Купил на пятачок марок.

Побежал с марками обратно до своей заказной очереди. Встал в затылок. Стою. Отдыхаю.

Стоял, стоял, вдруг передние граждане что-то зашумели. Что такое? Так что, говорят, вечер приближается. Служащие кончают работу. Нельзя же их целый день эксплуатировать. А которая публика заказную корреспонденцию отправляет, пущай на телеграф сдает, — третье окно направо.

Ринулась публика туда. Только я один не ринулся.

Я положил письмо в боковой карман, подсчитал в уме чистую прибыль от сегодняшней комбинации и пошел до дому.

ЦЫГАНСКИЙ МОТИВ

Оказывается — цыгане допрыгались. Но это им к счастью.

Был это народ кочевой. Ходили они с места на место. Морочили публике голову. Пели и на картах гадали. Но теперича вовремя за ум взялись.

Газеты про них пишут, будто только в одной Ленинградской области 400 цыган уже получили землю. Наверное, займутся хлебопашеством.

Это, можно сказать, здорово! Это надо вполне приветствовать. Потому уж очень нехорошо было: кругом культура, а тут наряду с этим какие-то непрописанные люди ходят и вообще за коммунальные услуги не платят. Нехорошо! Неприлично как-то!

Но теперь этот грустный мираж рассеялся. Цыгане сели на землю.

Так что из кочевников кто же у нас теперича остался?

Киргизы вот. Да еще наши учреждения. Наши учреждения ведут еще пока вольную кочевую жизнь. Можно сказать — порхают с места на место и меняют свои помещения.

Не знаем, как в других городах, а у нас в Ленинграде это так.

Так что нашему великому гениальному поэту Александру Сергеевичу Пушкину пришлось бы размахнуться на такие цыганские стишки:

Некоторые наши учреждения шумною толпою
По ленинградским улицам кочуют,
Они сегодня над Невую
В домах разрушенных ночуют.

Эти стишки были бы напечатаны в вечернем выпуске
«Красной газеты».

Так про что ж это я?

Да, касаясь кочевой жизни. Кочуют киргизы и учреждения. Ну, а остальные граждане, можно сказать, плотно сидят на своих местах и не рыпаются.

РАБОТЯГИ

Наиболее всего работы достается Луганскому отделу труда. Уж очень этот отдел старательный. Входит в каждую мелочь.

Другие учреждения перед этим отделом — форменные бездельники.

Вот чего пишут газеты про этот геройский отдел:

Он требует ежемесячного представления сведений о площади в раздевальнях мужских и женских бань, по каждой отдельно. Кроме того, о числе крючков на вешалке, о количестве окон и т. д.

Сначала мы даже удивились — зачем требуются такие сведения ежемесячно?! Неужели в банях окна убывают и прибывают и площадь от сырости уменьшается?!

Но потом сообразили. Может, домишко-то под банями ветхий. Может, он ежемесячно разрушается по частям. А, может, отдел труда как раз этим и интересуется — осталось ли площади, чтоб сходить в баньку — помыться.

Но, может быть, тут есть какие-нибудь другие соображения? Зря, одним словом, спрашивать не будут.

А, может быть, и зря спрашивают.

А только заместо таких глупых вопросов насчет окон запросили бы лучше ту же городскую баньку — есть ли там, дескать, среди сотрудников годовые подписчики на «Пушку» и сколько их?

А то спрашивают о всякой ерунде, а о солидных вещах забывают.

Кстати, сообщаем несчастным луганским жителям, что ихнее прискорбное существование весьма может быть скрашено разносторонней «Пушкой».

В журнале масса юмора, петита и безобидной сатиры.

Цена номера, во всяком случае, дешевле, чем сходить в ту же луганскую баньку. Цена пять копеек. А в баньку, небось, гривенник берут.

До свиданья! Будьте здоровы!

КРАСОТА!

Давеча, товарищи, я в газете вычитал очень даже интересное сообщение. Насчет Америки.

Оказывается, в этой удивительной стране многие автомобили и вагоны железнодорожные имеют свои названия. И хо-

дят не под номерами, как у нас, а под заглавием. И, конечно, выбираются заглавия все больше красивые и поэтические. Как, например, — «Пульмановский вагон», «Рогнеда» или автомобиль — «Ласка любви». Ей-богу, не вру! Так и пишут.

Прочитал я это сообщение — и тоже красоты мне захотелось.

Пущай бы у нас тоже на транспорте такое же начинание ввели. А то пароходы имеют свои названия, а вагоны — нет. Нехорошо. Несимметрично.

Трамвай можно бы назвать как-нибудь поэтически — «Утренняя прохлада» или хотя бы научно — «Масло жмут».

Железнодорожный вагончик хотя и имеет свое заглавие — «Максим Горький», но это заглавие несколько устарело. Не худо бы назвать такой вагон — «Луч солнца» или революционно — «Бывшая баррикада».

Этот жуткий экипаж частного следовало бы назвать поэтически — «Галоша» или — «Надгробное рыдание».

Конечно, все эти заглавия даны для примера. И если наш проект пройдет в жизнь, то можно расстараться — придумать чудные названия и тем самым заткнуть за пояс свободную Америку.

БРАЧНЫЙ АППАРАТ «ТУСТЕП»

Хотя браки и разводы происходят у нас довольно быстро и, можно сказать, без задержек, однако желательно полностью механизировать эти домашние процедуры.

В летнее время для удобства публики необходимо поставить специальные автоматы, которые за небольшую сумму могли бы выдавать гуляющей публике удостоверения о браке и разводе.

Скажем, познакомился человек с дамочкой, подошел к автомату, опустил туда гривенник и — получай брачное удостоверение. Или муж. Поссорился, скажем, со своей супругой: кому нести бутылку пива, — взял и без всяких драм и трагедий развелся у аппарата.

Для удобства населения желательно эти автоматы ставить на бульварах, в общественных садах, в театрах, кино и так далее.

ВАНЬКУ ВАЛЯЮТ

За границей ваньку валяют. Кругом, можно сказать, столько серьезных делов, а они пустяками занимаются. Не угодно ли, чего пишут в газетах:

В Сан-Франциско (Америка) бездельничающая буржуазия устроила конкурс на людей с веснушками. Первый приз получила шестнадцатилетняя ученица, портрет которой напечатан во всех газетах.

А, впрочем, любопытно бы и у нас такой же конкурс устроить. А то мы знаем одного изобретателя тов. Е. — вся рожа у него в веснушках. Уши — и то в рыжих пятнышках.

И такой, можно сказать, чемпион мира пропадает и буквально голодает — никак не может пристроить свое безусловно гениальное изобретение — какой-то там дизель. Дали б ему хоть за веснушки, что ли, первую премию, если нельзя за другое. Жалко же — человек пропадает.

КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ — ЗАГРАНИЦА

Многие насчет границы мечтают. Многим желательно съездить — посмотреть на разные заграничные достопримечательности. На разные венецианские каналы, римские развалины и американские небоскребы.

Ерунда, товарищи! Не советуем ехать. Все это добро у нас тоже имеется. Не надо напрасно тратиться на заграничный паспорт.

Каналы? Венеция? Пожалуйста. В одном Ленинграде этих каналов — чертова уйма. Крюков канал. Обводный. Екатерининский. Опять же река Таракановка. Плыви — не хочу. А вы говорите — Венеция.

Рим? Древние развалины? Ерунда! У нас в Ленинграде по некоторым улицам идешь, как по окрестностям Рима. Не то, думаешь, развалины Форума, не то развалины какой-то постройки более поздней эпохи. А вы говорите — Рим.

Монте-Карло! Знаменитая рулетка и «три листика». Пожалуйста — тоже. Есть. Присаживайтесь. Есть одно свободное место. Игра сделана. Четыре сбоку — ваших нет. А вы говорите — Монте-Карло.

Ну, а которые ребята непременно хотят посмотреть на громадные дома, на разные, знаете, американские небоскребы — тоже ехать в Америку не требуется. Вышел за город, в какое-нибудь холмистое место — и гляди без визы на отечественный небоскреб! А вы говорите — Америка!

ПОМЫТЬСЯ ЗАХОТЕЛОСЬ

Этот вопрос довольно серьезный. Особенно, знаете, перед праздниками.

Ежели, для примеру, в трамвае публики масса и податься, скажем, решительно некуда, кондуктор обыкновенно дает сигнал, и вагон трогается и лишняя публика сама отпадает. А некоторые более сознательные кондуктора кричат:

— Местов нету! Куды лезешь, собачья голова!

Одним словом, на трамвайном фронте стараются не допускать перегрузки.

Та же картина наблюдается и в театрах. В театрах даже еще интеллигентней поступают. Там, ежели набрали полный комплект публики, вывешивают плакат, — дескать, билеты, извиняюсь, все проданы.

Одним словом, тут тоже сверх нормы публику не допускают.

Теперь возьмем баню. Как в этом культурном учреждении поступают?

Оказывается, в банях с этим вопросом не считаются. А загоняют людей мыться безо всякого учета и беспредель-

но. Подобный случай был на станции Бологое. В Торговой бане. Один парнишка помылся в этой бане и, помывшись, пишет:

Местов уже не было, а публика все подходила и подходила мыться. Кассирша продавала билеты, не считаясь, так что публики набралось до того, что давили и нельзя было поднять руку — намылить голову. И меня наградили чесоткой от прикосновения.

Этот небольшой случай в провинциальном масштабе довольно характерно определяет создавшееся положение. Что делать? И как быть? И как ограничить наплыв публики?

С одной стороны, каждому охота помыться, а с другой стороны, ту же публику награждают чесоткой. А на праздниках ходить с чесоткой тоже мало интересно. Открываем по этому поводу широкую дискуссию.

СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Дозвольте для ради первомайского праздника поделиться счастливой новостью. В Константиновке дом построили — поликлинику. Новое здание для этой медицинской цели оттыпали. «Химуголь» расстарался.

Ах, это очень мило с ихней стороны! И как раз, знаете, к празднику.

Доктора и разные ученые ботаники, наверное, очень этим фактом растроганы. Некоторые, наверное, даже прослезились — дескать, не забывают медицину в таком громадном строительстве.

И, между прочим, постройка, говорят, очень даже приличная вышла. Совершенно, то есть, по последнему слову довоенной техники — фундаменты не дрожат, и потолки не осыпаются. Американцы небось локти себе кусают от зависти.

Но, конечно, некоторый небольшой дефект случился при этом строительстве. Этого скрывать не надо. Самокритика обязательно требуется в таком поганом деле.

А дефект открылся в самую последнюю минуту. Уже дом стоял готовенький.

Строители отошли шагов на тридцать, чтоб издали полюбоваться на дело своих рук.

Вдруг один из строителей побледнел и говорит:

— Матушки мои! Канализацию позабыли устроить.

Другой говорит:

— И отопление, кажись, тоже позабыли.

Тут снова закипела работа.

В газетах об этой срочной работе так сказано:

Когда здание было уже закончено, покрыто крышей и отштукатурено, — вспомнили о канализации и отоплении. Пришлось выламывать стены, отбивать штукатурку и даже разбирать крышу для того, чтобы установить котел.

Одним словом, расстраиваться не приходится. Дефект оказался поправимым. Котел всунули. Трубы провели. Жизнь снова заиграла в этом прелестном здании.

Все в порядке!

ГРУБО

Еще мы не остыли, можно сказать, от первомайских праздников, а уже приходится о всяких пустяках говорить. О какой-то Мурзинке.

И пес ее знает, где это такая Мурзинка находится. Спрашивал постового милиционера — не знает. Хотел еще оштрафовать на полтинник.

— Зачем, говорит, не по правилу подошел — наискось, а не прямо.

Грубая жизнь.

Некоторые говорят, что Мурзинка — это небольшое местечко около Ленинграда.

А мне все равно. Я теперь любопытства не имею к этой Мурзинке. И жить в ней не собираюсь. Там неважно жить.

Там человеку, прямо скажем, неинтересно жить.

Там извозчикам — хорошо. Извозчикам там форменно райское житье.

Там извозчики прямо по пешеходным мосткам дуют. Безлошадным жителям в силу этого, наверное, и податься некуда.

Оно, конечно, мостовая, наверное, там неважная. При хорошей мостовой извозчик не сунется на тротуар. Но дело от этого не меняется. Население страдает. Жалобы печатает в газете:

В Мурзинке извозчики нарушают порядок уличного движения. Часто едут по мосткам, и жителям приходится спасаться от извозчиков, чтобы не быть задавленными лошадьми.

А действительно, скучновато, небось, в этой Мурзинке жить. Дышлом в рот заезжают.

Грубо! Это очень грубо поступают с безлошадными гражданами.

ИНОСТРАНЦЫ

Иностранца я завсегда сумею отличить от наших советских граждан.

У них, у буржуазных иностранцев, в морде что-то заложено другое. У них морда, как бы сказать, более гордо и неподвижно держится, чем у нас. Как, скажем, взято у них одно выражение лица, так и смотрится этим выражением лица на все остальные предметы.

Некоторые иностранцы для полной выдержки монокли в глазах носят. Дескать, это стеклышко не уроним и не сморгнем, чего бы ни случилось.

Это, надо отдать справедливость, здорово.

А только иностранцам иначе и нельзя. У них жизнь довольно беспокойная. Без такой выдержки они могут ужасно осрамиться.

Как, например, один иностранец костью подавился. Курицу, знаете, шамал и заглотал лишнее. А дело происходило на званом обеде. Мне про этот случай один знакомый человек из торгпредства рассказывал.

Так дело, я говорю, происходило на званом банкете. Кругом, может, миллионеры пришли. Форд сидит на стуле. И еще разные другие.

А тут, знаете, наряду с этим человек кость заглотал.

Конечно, с нашей свободной точки зрения в этом факте ничего такого оскорбительного нету. Ну, проглотил и проглотил. У нас на этот счет довольно быстро. Скорая помощь есть. Мариинская больница. Смоленское кладбище.

А там этого нельзя. Там уж очень избранное общество. Кругом миллионеры расположились. Форд на стуле сидит. Опять же фраки. Дамы. Одно электричества горит, может, больше как на двести свечей.

А тут человек кость проглотил. Сейчас сморкаться начнет. Харкать. За грудку хвататься. Ах, боже мой! Моветон и черт его знает что.

А выйти из-за стола и побежать в ударном порядке в уборную — тоже нехорошо, неприлично. «Ага, скажут, побежал до ветру». А там этого абсолютно нельзя.

Так вот этот француз, который кость заглотал, в первую минуту, конечно, смертельно испугался. Начал было в горле копать. После ужасно побледнел. Замотался на своем

стуле. Но сразу взял себя в руки. И через минуту заулыбался. Начал дамам посылать разные воздушные поцелуи. Начал, может, хозяйскую собачку под столом трепать.

Хозяин до него обращается по-французски:

— Извиняюсь, говорит, может вы чего-нибудь действительно заглотали несъедобное. Вы, говорит, в крайнем случае скажите.

Француз отвечает:

— Коман? В чем дело? Об чем речь? Извиняюсь, говорит, не знаю как у вас, а у меня все в порядке.

И начал опять воздушные улыбки посылать. После на бламанже налег. Скушал порцию.

Одним словом, досидел до конца обеда и никому виду не показал.

Только когда встали из-за стола, он слегка покачнулся и за брюхо рукой взялся — наверное, кольнуло. А потом опять ничего.

Посидел в гостиной минуты три для приличия и пошел в переднюю.

Да и в передней не особо торопился, с хозяйкой побеседовал, за ручку подержался, за галошами под стол нырлял вместе со своей костью. И отбыл.

Ну, на лестнице, конечно, поднажал.

Бросился в свой экипаж.

— Вези, кричит, куриная морда, в приемный покой!

Подох ли этот француз или он выжил — я не могу вам этого сказать, не знаю. Наверное, выжил. Нация довольно живучая.

НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО

Очень даже удивительно, как это некоторым людям жить не нравится.

Кругом, можно сказать, происходят разные занимательные факты, происходит борьба, разворачиваются какие-нибудь там события, происшествия, кражи.

Кругом, можно сказать, природа щедрой рукой раздает свои бесплатные блага. Светит солнышко, трава растет, муравьи ползают.

И тут же наряду с этим находятся меланхолики, которые насчет всего этого скулят и ничего выдающегося в этом не видят и вообще не знают, как им прожить на этом белом свете.

Они не знают, как прожить на этом свете и чем, значит, им заняться, или, может быть, им нечем заняться и, может быть, выгодней нырнуть хотя бы в ту же реку Фонтанку.

Конечно, эти люди — по большей части дряблые меланхолики и беспочвенные интеллигенты, утомленные своим средним образованием. Они и раньше, при всяком режиме, разводили свою меланхолию. Так что особенно уж сваливать вину на текущие события не приходится.

И дозвоьте вместо этой голой философии рассказать про одного такого утомленного человека. О том, как он перестал грустить и вроде как бы отыскал настоящий смысл жизни. Факт абсолютно правильный и достойный всеобщего внимания.

Одним словом, этот рассказ особо полезно прочитать интеллигентным людям, которые к сорока годам не знают еще,

в чем, так сказать, цель жизни. Пушай они будут спокойны, еще не все потеряно на ихнем житейском фронте.

А жил в нашем доме, на Васильевском острове, довольно-таки дряблый бездетный интеллигент Иннокентий Иванович Баринов со своей супругой.

Супруга его была дамочка, как бы сказать, менее беспочвенная. Она круглые дни занималась с кошкой, выводила ее гулять, кормила печенкой и по этой причине особой безвыходной тоски не испытывала.

Иннокентий же Иванович кошки не понимал и не находил в ней особого счастья. Он цельные дни ходил вверх и вниз по лестнице или, знаете, стоял у дома и довольно скучным взором глядел, чего вокруг него делается.

Это был форменный меланхолик. И простой, пролетарской душе глядеть на него было то есть совершенно, абсолютно невыносимо.

Он выпивать не любил, физкультурой не занимался и на общих собраниях под общий смех говорил все неактуальные вещи: дескать, например, мусор во дворе пахнет, — нету возможности окно открыть на две, видите ли, половинки.

Я говорю: простому рабочему человеку не было удовольствия глядеть на такого жильца и квартиранта.

А раз однажды спускается этот наш квартирант со своего этажа.

Спускается он со своего этажа и подходит к нему тут же, на лестнице, наш председатель и говорит:

— Так что, — говорит, — как вам известно, средний флигель угрожает падением и по случаю этого стихийного бедствия предвидятся некоторые перемены.

— Какие, — говорит, — перемены?

— Перемены, — говорит, — обыкновенно какие: комиссия выселяет жильцов по разным другим квартирам. Комната у вас большая, опять же кухня, и придется вам потесниться по причине такого бедствия.

Одним словом, объяснил, что вселяют ему в квартиру двух жильцов со среднего флигеля. Иннокентий Иванович говорит:

— Я на это не соглашаюсь. Я, говорит, с самого начала революции проживаю в этой квартире и не дозволю, говорит, производить над собой разные эксперименты.

Председатель говорит:

— Так что особого дозволения у вас не спросим. Нам, говорит, это ваше дозволение необязательно.

Тут Иннокентий Иванович ужасно изменился в лице, начал хвататься за председателя. Просит его и умоляет.

— Я, — говорит, — больной и нездоровый интеллигентный человек и мне, говорит, нипочем невозможно слушать в своей квартире посторонний шум и разные разговоры. Я, говорит, сам едва-едва проживаю вместе со своей супругой. А если, говорит, еще добавить две-три персоны, то, говорит, за последствия не ручаюсь.

Председатель говорит:

— В крайнем случае, болезни мне ваши не известны и вы, говорит, напрасно за меня хватаетесь. А если, говорит, вы

такой чересчур интеллигентный человек, то представьте удостоверение, в силу чего вам полагается отдельная площадь.

Очень горячо ухватился за эти слова Иннокентий Иванович.

Кинулся он наверх в свою квартиру. Надел поскорее прорезиненное свое пальтецо и побежал узнавать, как и что и где ему раздобыть свидетельство и на какую комиссию ему податься.

Кинулся Иннокентий Иванович по этим неотложным делам и, впопыхах, от полного расстройства чувств позабыл закрыть свою квартиру.

А надо сказать, что супруга его в это беспокойное время где-то прогуливала свою кошечку и никак не предполагала, что течение ихней жизни несколько изменится.

Или Иннокентий Иванович совершенно не прихлопнул дверь и она, так сказать, навела на определенные мысли проходящих граждан, или кто-нибудь проследил движение обстоятельств, только, одним словом, эту квартиру в ударном порядке обчистили. И не так, чтобы очень сильно обчистили, но все же кой-какие вещицы вынесли.

Очень ужасный крик подняла мадам Баринова, вернувшись назад со своей кошечкой.

Весь дом сбежался на этот дамский крик.

Начали соседи брызгать водой в мадам Баринову. Начали ее приводить в христианский вид. Начали успокаивать и подсчитывать ее убытки.

Определенно не хватало осеннего пальто, бинокля, га-лош и еще разного другого семейного инвентаря.

И вот в это время является Иннокентий Иванович после успешного окончания своих дел.

Надо сказать, он довольно геройски перенес эту кошмарную драму.

Он, в первую голову, разогнал из своей квартиры собравшихся жильцов, чтоб они, так сказать, под горячую руку не вынесли остальное имущество. Затем, не снимая своего междунородного пальто, побежал делать заявление в уголовный розыск.

Весь следующий день Иннокентий Иванович бегал по своим делам: дважды заявлялся в угрозыск, ходил по рынкам и, так сказать, глядел, не поступили ли в продажу его унесенные вещи.

Следующие дни Иннокентий Иванович также не присел. Он ходил на комиссию, хлопотал, чтоб прислали ищейку и дежурил на рынках.

В довершение всего на девятый день Иннокентий Иванович, мотаясь по своим делам, ссыпался с лестницы и вывихнул себе правую руку.

Он мужественно перенес и это испытание. Еще лежа на лестнице, он твердым голосом командовал и отдавал приказания. Он велел вызвать карету скорой помощи и поехал в больницу с полным сознанием исполненного долга.

А через несколько дней Иннокентий Иванович со своей забинтованной ручкой снова принялся за свои срочные дела.

Утром он ходил по своим делам, днем ездил в больницу — массировать свою ручку и вечером в кругу своих знакомых и родственников Иннокентий Иванович отчитывался, так сказать, за истекшие сутки.

И этот человек, этот беспочвенный интеллигент, в короткое время сильно переменялся.

Раньше морда у него была грустная, кожа бледная и прыщеватая, а сейчас кровь заиграла на его лице и привились разные бодрые жесты и движения.

Он форменно воспрянул духом и весь превратился в энергичного, достойного гражданина.

Конечно, нельзя сказать, будет ли у него такая душевная смелость на всю жизнь. Но, может быть, и на всю жизнь. Смотри как обернутся его дела. Может быть, председатель в суд на него подаст за неплатеж. А там, может, угрозыск снова вызовет его по поводу похищенных вещей. А там, может, бегая по своим делам, Иннокентий Иванович снова сломает еще одну ручку или вывихнет ногу. И, может, помрет счастливый в полном довольстве. И, помирая, будет думать о своих делах, которые наполнили ему жизнь, и о той борьбе, которую он с честью вынес на своих плечах.

Недаром в свое время товарищ Буденный воскликнул: «И вся-то наша жизнь есть борьба».

ПОЖАР

А очень, братцы мои, любопытный факт произошел в наши дни.

Газета «Гудок» отметила это выдающееся событие на своих славных страницах. Но мы еще желаем слегка подбавить пару. Уж очень невозможно получилось.

Однако, не желая конфузить перед судом серых героев этого события, не будем указывать в своем художественном произведении точного ихнего местопребывания. Скажем только, что произошло это на Сызр.-Вяз. жел. дор.

А станцию, я говорю, указывать не стоит. А то еще поезда начнут подолгу задерживаться в этом пункте. Ведь всем охота поглядеть, что там за люди-человеки. Так вот. Сейчас увидите.

Была-находилась недалеко от станции лавка гражданина Федора Балуева. Мелочная торговля. Ну, одним словом, — частное предприятие. Частник, одним словом, в этом населенном месте раскинул свои сети и заманивал туда покупателей. Кровь сосал.

И вот раз однажды, в субботу вечером — возьми и загорись этот частник.

Говорят, от оброненной папироски у него товар вспыхнул. Небрежность какая! Докидался, темная личность.

Значит, вспыхнул пожар. Произошла тревога. Дым столбом. Крики.

В набат не звонили — потому церковь была на сносе. Электрической сигнализации тоже здесь не было. Не в Ленинграде. А просто один гражданин-любитель побежал на своих ногах до этой пожарной команды.

Добежал до этой команды. Кричит:

— Эй, черти! Пожар горит! Выезжайте.

Тогда выходит на этот крик ихний брандмейстер на крылечко. Яблоко жует. После котлет закусывает.

— Чего, говорит, орешь, балда?

— Так что, говорит, пожар горит. Можно выезжать.

Ихний брандмейстер говорит:

— Видим. Не слепые!

А видеть, действительно, можно было. Пламя довольно высоко к небу поднималось. Искры, конечно, сыплются. И дым глаза ест.

Ихний брандмейстер говорит:

— Довольно вам странно, гражданин, орать.

— А что?

— А то! Кто горит? Балуев горит? А кто есть Балуев? Кооперация? Балуев есть частник. Ну, и пускай его горит. Чище воздух будет. А вы, говорит, товарищ, не нарушайте тут классовой линии своими криками. Не то знаешь чего бывает.

Гражданин-любитель, конечно, сконфузился за свою отсталую идеологию и поскорее смылся.

Особенного переполоха среди населения не было. На этот раз массы довольно сознательно отнеслись к факту. Тем более, что лавка стояла несколько в стороне от селения. И ветру в ту пору не было. Погода была ясная. Так что особого беспокойства, я говорю, не произошло. Хотя народу довольно много собралось поглядеть на это зрелище.

Сам частник сидел на камушках напротив пожара и особенно в огонь за имуществом не кидался.

— Нехай, — говорит. — В крайнем случае, мое имущество застраховано. Не тушите.

Вскоре, значит, пожар догорел и народ разошелся по своим халупам.

А частник пошел ночевать к своим родственничкам.

Вскоре, говорят, над пожарниками состоится показательный суд за ихний, так сказать, левый уклон и убеждения. А тоже ведь сразу не угадаешь, чего требуется.

НЕ ЗАБАВНО

Оно, конечно, борьба с алкоголем — это передовой вопрос.

Слов нет — бороться надо.

Оно, конечно, серьезному алкоголику эта борьба особого беспокойства не доставит. Ну, предположим, в одном месте пивнушку закрыли — можно, скажем, в другую смотреть, ежели у кого ноги есть и в кармане ежели кое-чего гремит.

Ну, а другим прочим гражданам, слабовольным и начинающим алкоголикам, такие меры прямо, можно сказать, необходимы. И через это безусловно уменьшится потребление напитка.

Хотя, как сказать. Где уменьшится, а где и нет. В г. Прилуках, например, определенно не уменьшится. Там не с чего уменьшаться. Там почва не позволяет. Там само аптекоуправление пивом торгует. И чего смотрит товарищ Семашко?

Московская газета «Правда» (№ 178) отметила этот факт. Только, к сожалению, отметила сухо и малохудожественно. Главное, не указано, как торгуют — распивочно или навынос.

И ежели распивочно, то полагается ли горох? Или, может, вместо гороха посетителей одурманивают какими-нибудь пилюлями? Может быть, каломель всучивают вместо снетков.

Опять же является другой вопрос. Есть ли в аптеке раки? И почему берут за пару?

А ежели навынос, то свободно ли отпускают? Может быть, навязывают ассортимент из разных лекарств? А это покорнейше благодарю, спасибо.

Одним словом, надо выезжать в этот счастливый город Прилуки.

Кому что! Один город, можно сказать, догнивает почти без алкоголя, а в другом городе хоть залейся.

Аптекоуправлению наше низжайшее! Жмем ручки. Скоро приедем.

КАРМАННАЯ КРАЖА

В настоящее время очень уж воры плачутся.

— Очень, говорят, суровая эпоха подошла, — хоть закрывай лавочку.

И карманники и бандиты в один голос это заявляют.

А это верно: чего красть в наше время? Богачей у нас нету. Народ все безлошадный. Руку в какой-нибудь дырявый карман сунешь — и сам не рад.

Которые говорят: пальто с прохожего снято — опять-таки мало интересу. Польта пошли дешевенькие. Нерентабельно.

Одним словом, кому-кому, а ворам определенно худо. Братъ нечего.

Конечно, некоторые ребята ухитряются на разные штуки. Как давеча было отмечено в печати:

Кража панельных плит. На петроградской набережной неизвестными ворами похищены панельные плиты.

Всего уперли 51 плиту. И продали в жакт по Кронверкскому проспекту по сходной цене — по семь гривен штука. Итого, сами считайте, — 35 р. 70 к.

Эта карманная кража произошла в Ленинграде.

Товар вывозили на подводе.

Одним словом, жуликам в настоящее время довольно туговато приходится.

МУЗЫКАНТЫ ДОПРЫГАЛИСЬ

Надо будет, товарищи, хоть балалайку, что ли, купить. Или гармошку. Одним словом, какой-нибудь музыкальный инструмент. В запас.

А то мало ли чего случится.

Вон газеты уже стращают. Пишут:

Продажу инструментов предполагается передать кооперации.

Теперь, небось, осторожное население кинется запасать музыкальные инструменты — раз так дело обернулось. И через месяц-два паршивой балалайки не достанешь.

Пущай бы уж «Музтрест» продолжал бы свою плодотворную деятельность. Зачем же среди населения поддерживать панику?

РАЗДУЛИ КАДИЛО

Конечно, вкус у самогонки малоочаровательный. Даже неизвестно, чем эту жидкость закусывать.

Нету такого острого продукта, который бы перешиб этот отчаянный вкус.

А пьющие граждане, между тем, с этим фактом не считаются и самосильно покупают, невзирая на запах. Потому как кидаются на дешевку.

И, конечно, в силу этого самогонные дела идут на ять и процветают.

Не знаю, врут или нет, но собственноручно читал в газетах такое сообщение:

В с. Триполье (50 верст от Киева) образовался объединявший долгое время многочисленные самогонные «предприятия» «самогонный трест» с выборным правлением, техническим отделом, отделами снабжения, сбыта и бухгалтерией.

Нехудо идет работишка. Нельзя пожаловаться.

Интересно, где они развернули свою канцелярскую деятельность? То есть какое у них помещение для треста? Небось, неважное. Здание скорей всего — избушка.

Ну да через пару лет, если начальство не встрянет в это дело, сей почтенный трест разрастется, разбогатеет и построит собственное здание по слову последней техники.

Это здание мы себе мыслим в таком виде. Гляди рисунок. Надо полагать, что в 1931 году здание будет закончено.

ОБМИШУРИЛИСЬ

Оно, конечно, насчет пароходов сейчас не время говорить. Потому осень наступила, зима на носу и вообще скоро речки и каналы замерзнут.

Однако дозвольте под закрытие навигации сообщить самые последние южные известия с берегов Днепра.

Еще покойный писатель Гоголь что-то намекал насчет этой речки. «Чуден, говорит, Днепр при тихой погоде». Так оно и вышло. В дело замешано как раз Днепровское госпароходство.

При тихой погоде или при бурной — неизвестно, но только был построен на Днестре пароход. Газеты пишут:

Вновь выстроенный, роскошно отделанный пароход «III Интернационал» не проходит ни под один мост...

До чего обидно. Такой хороший пароход — и хоть бросай. Главное — такая досадная мелочь: под мост не подходит.

Около моста довольно свободно плавает и не тонет, а под мост не лезет.

Чего теперь делать с этим пароходом? Мосты, что ли, ликвидировать? Или в Атлантический океан пароход перебросить? Там, говорят, совершенно мостов нету.

А то, в крайнем случае, можно сделать из него пристань или плавучий санаторий для престарелых днепровских кораблестроителей.

Одним словом, — не бросать же.

ЛОМБАРДИЯ

Очень ужасная волокита происходит у нас в ломбардах. Которые граждане хотят чего-нибудь срочно заложить, — то это, ах, оставьте! Это не сразу бывает. Надо ждать и ждать. И все бока намнут в очереди. И так далее.

Тут один наш знакомый парнишка задумал свое пальтецо заложить. Ему трешка до зарезу понадобилась. Экстра случилась. Взял он тогда пальтишко на руку и стал в очередь. Стоит, как миленький.

Стоял, стоял, после думает:

«Покуда, думает, я, братцы мои, стою, — может, осень произойдет. Это, думает, я напрасно осеннее пальто закладываю. Вернее зимнее заложить».

Побежал он до своего дома, принес зимнее и надел осеннее. И стоит, как миленький.

После думает:

«Получается не того. Покуда до меня очередь дойдет, — может, зима ударит. Дай, думает, лучше зимнее надену, а осеннее заложу».

Так, значит, и сделал. Надел зимнее, а в ручки взял осеннее и стоит, как миленький.

Так он и теперь еще стоит. То одно пальто наденет, то другое. А то оба скинет. Смотря по временам года. И не знает, которое ему заложить.

А мы советов не даем. Мы не можем, знаете, за пяточок и рисунки рисовать, и бесплатные советы давать.

ПОРА ВСТАВАТЬ

Протри свои очи, дорогой читатель, и обрати благосклонный взор на этот приличный рисунок.

Тут, как видишь, художник по мере сил и возможностей изобразил раннее утро в провинции. А именно: Минеральные Воды. Рабочий поселок Госстеклозавода.

Еще довольно темно, но уже пора вставать на работу. Пора идти на этот самый стеклозавод. Гудок еще не гудел. И не скоро загудит. По той простой причине, что гудка на заводе не имеется. А, как сообщают газеты:

...вместо гудка имеется целый штат кричалщиков, содержание которых обходится 2160 рублей в год.

Обязанность кричалщиков состоит в том, что они, стуча дубинкой в окно, будят рабочих на работу.

Нами как раз тут и зафиксирован славный и ответственный момент пробуждения. Вот кричальщики ходят, постукивают своими дубинками. Вот замелькали огоньки в халупах. Пора, братишки, вставать! Пора! Утро начинается. Вспоминается классическое изречение, кажется, что Пушкина, или, в крайнем случае, баснописца Крылова: «Дети, в школу соби-райтесь, петушок давно пропел». Кстати, насчет петухов. Дело происходит на Кавказе, и, может, там петухов не водится. Только, одним словом, петухи там не использованы для этой цели. А работает там штат кричальщиков, которые и огребают, как мы указали, 2160 рублей.

В век пара и электричества прилично было бы устроить на заводе гудок. Оно, конечно, обслуживать его стоило бы немного дороже (поломка, починка, утечка пара и т. д.), но зато — красота.

А кричальщиков можно бы поставить на более полезное дело — бутылки выдувать или, еще лучше, какие-нибудь более порядочные стеклянные вещи — блюдечки или рюмочки.

Так что надо бы гудок схлопотать. Извиняюсь.

ТЯГА К ЧТЕНИЮ

В библиотеках-то что делается! Это ужаси! Ежедневно масса книг гибнет. Пропадают ценные экземпляры. Разные дорогостоящие учебники — Калинин и Буренин. Разные уники — физика Краевича и так далее.

Кроме пропажи, читатели вырывают особо нужные страницы. Выдергивают рисунки. Пишут на полях разную муру.

Все это, может, срывает культурное начинание. Все это, может, разрушает транспорт. Или не то, что транспорт, а вообще не оправдывает своего назначения.

И, может быть, до того дошло, что читателя и писателя допускать до книг не приходится. Газета так и пишет, — дескать, сейчас очень много развелось книжных вредителей и жучков-читателей.

Чего делать на этом фронте — неизвестно. Или по рецептам книги выдавать? Или еще как.

Тут у нас мелькнула одна идея. Не знаем только, что Наркомпрос скажет. А идея вполне жизненная.

Это, как видите, читальное зало. И сидят читатели. И близко к книгам их не допускают. Книги сами по себе, а читатели и писатели тоже сами по себе. А дают им бинокли и подзорные трубки, и через это они со стороны глядят в книги. И, таким образом, происходит массовое чтение.

Специальная боковая барышня страницы перелистывает. Тут стоит охрана. Тут барьер. Чтоб народ не кидался.

Таким образом, за цельность книги можно поручиться.

Хотя является вопрос: как же бинокли? Не уперли бы эти дорогостоящие инструменты? Хотя, в крайнем случае, бинокли можно будет к столам привинчивать, а библиотеку оцеплять охраной.

Надо же на что-нибудь решиться. Жалко же.

ШУТКА

Конечно, некоторые товарищи говорят, будто это спедедство.

Но это не было спедедство. Это была просто шутка. Просто пошутили наши ребята.

Тем более этот Борисов и не спец вовсе. Какой он спец? Он вроде как малограмотный. Хотя и ходит цельные дни с портфелем. Он у нас, этот Борисов, по хозяйственной части чего-то там делает.

Он — милый человек, ничего против не скажешь. Но, конечно, вообще, сукин сын. Хотя малограмотный, но такой ужасный бюрократ. Чего его ни попроси по хозяйственной части, он говорит: пиши заявление. И без волокиты ничего не дает. А сам, сукин сын, без портфеля никуда не ходит. И до ветру портфель с собой берет. А в карманах у него пять или шесть карандашей и ручек. Ну, допусти такого человека до среднего образования, — он не менее дюжины в карман воткнет, а то и весь gross.

Одним словом, в день пролетарского праздника собрались все наши сотрудники в колонну. И стоим коло своего здания. Дожидаемся движения. Сейчас пойдем.

А тут ребята шутят.

«Не пришедши ли, спрашивают, Борисов со своим портфелем?»

«Нет, говорят, чегой-то его не видать. Наверно, на этот раз задвижку у своего портфеля чистит ради праздника».

Вдруг, знаете, сам Борисов идет. И портфель в руках. И свежие карандаши в кармане. Ах, сукин сын, отпетая личность!

Тут начали ребята с ним здороваться, смеяться. А, дескать, товарищ Борисов, как спалось и, например, чего в портфель на этот раз положено?

После говорят:

— Как вы есть хозяйственная часть, то вам прилично находиться на грузовике, а не ходить своими чисто пролетарскими ножками по слишком грязной мостовой, а то неровен час — свой выдающийся портфельчик забрызгаете.

Ну, Борисов, конечно, говорит:

— Ничего. Пройдусь пешечком.

— Да нет, говорят, сядьте.

И уломали человека.

Взошел он на пустую платформу.

А мы всегда ее берем, думаем: на обратном пути уставшие пролетарии сядут.

Так взошел он на платформу. Немного, конечно, конфузится. Прижимает портфель к грудке. А народ ему руками махает, кричит.

А он в ответ ручкой симпатично помахивает.

Ну, конечно, в нашей колонне хохот гремит, смех.

Только едет Борисов и видит — не только наша колонна хохочет, но и другие проходящие ребята его приветствуют и чего-то ему орут и шапками машут.

Одним словом, доехал он так до самой Невы. А после головку свою запрокинул — хотел на аэроплан поглядеть и

вдруг глядит — над ним лозунг полощется: «Долой бюрократизм!»

Ничего на это не сказал Борисов. Однако, немного покраснел с досады и на ходу сошел с платформы вместе со своим портфелем.

Тут хохот слегка прекратился. И ребята разбились на два лагеря. Одни говорят — это спеедство. Другие — шутка.

Однако, все ребята попросили прощения у Борисова. Он определенно ничего не сказал, но в ответ чего-то процедил.

А назавтра Борисов пришел без портфеля.

И в кармане была всего одна ручка.

ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

Баньки у нас не шикарные. Надо в этом сознаться. Скажем, в том же Донбассе. Специальная комиссия делала обследование. Оказалось, знаете, безобразно худо. Грязь. Тесно. Темно. Водичи мало... Так эта горемычная комиссия, не помывшись, и отбыла в центр.

А это досадно. Чистота — святое дело. Ежели человек чисто помытый, ежели у него вдобавок галстух на груди болтается, то и мыслишки у него не те. Он более солидно держится и в грязь на улице не ложится. Одним словом, чистота и банька — это три кита нашей культурной жизни.

А в Донбассе это невозможно худо. Единственно, там в одном месте расстарались. Это в Артемовском округе. Там построили «дворец-баню». Так и газеты пишут: «Дворец-баня».

Нас-то на открытие не пригласили, так что мы не можем поделиться впечатлениями от этой бани.

Но уж, наверное, шикарная баня, раз дворец. Вход, небось, очень чистый. Может, даже со швейцаром. И, наверное, шаек много. По шайке, небось, на человека. И банщики, небось, ходят не голые, а тряпочкой прикрыты. Не мелькают голым пузом.

Это достижение. Но есть и недостатки. Водичка в эту баню-дворец поступает... Одним словом, пускай газета берет на себя такую смелость говорить такие слова:

...вода поступает прямо из канав, у которых расположены уборные.

Так что мыться в такой бане, сами понимаете, мало интереса. Брезгливая публика, небось, и не моется. Наш художник полагает, что публика прямо во дворе моется. За баней. Однако не знаем. Не беремся утверждать. Может быть.

Это плохо, черт возьми!

КРЫСЫ

Знаете, меня крысы очень одолели. Давеча ночью громадная такая, как лошадь, на грудь прыгнула. И как завизжит, дьявол, когда я ее погнал. Прямо, ей-богу, человеческим голосом. Или это я крикнул. Чтой-то не помню.

Но это, так сказать, не в этом дело. А дело в том, что от этих крыс житья не стало. Бегают. Грубо на грудь садятся. Продукты жрут без устали.

Под кроватью у меня было сложено разное барахло. Ну, разное железо, бутылки, склянки, селедки. Так эти вещи они все разрыли. И съедобное скушали.

Тогда я рассердился и пошел до одного нашего кустаря. Он блох и крыс истребляет. У него магазин на улице.

Я говорю:

— Делайте со мной, что хотите. Отрывайте мне руки и ноги, берите с меня рубля полтора или рубль, но, говорю, избавьте меня от этих насекомых. У меня, говорю, может, через них невроз сердца образовался. Я, говорю, не люблю, когда мне кто-нибудь на грудь садится. У меня дыхание захватывает.

Тогда пошел со мной этот кустарь, поглядел мою комнату, чегой-то там поковырял в каждом углу, положил туда разную дрянь и приманку.

— Тольки, говорит, боже вас сохрани, не скушайте это. Это, говорит, не съестное, а это отравленная приманка, через что помрут ваши крысы.

Взял с меня, сукин сын, три рубли и отбыл. Через дней пять, самое большое, крыс вроде как прибавилось. Визг, грохот и треск прямо всю ночь. Тогда я рассердился и пошел до этого кустаря.

— Три рубли, говорю, берете, а крыс, между тем, не усмиряете. А крысы, говорю, у меня по-собачьему лаять начинают.

— Да, да, да, говорит, об чем речь. Очень, говорит, трудно и все такое. Если б, говорит, за цельную квартиру взяться, то, говорит, полная гарантия, а то, говорит, одна комната — это невозможно.

Очень долго пришлось наших жильцов уговаривать. Однако все-таки сложились, позвали этого кустаря и велели ему ликвидировать мир животных.

Поковырял он в каждом углу, положил разную дрянь, посоветовал ее не кушать, взял двенадцать рублей и отбыл.

Только глядим, проходит время, и крысы не уменьшаются.

Тогда гонят меня жильцы до этого кустаря и велят об этом доложить.

Кустарь-одиночка говорит:

— Да, говорит, это часто бывает. Очень, говорит, просто, но, говорит, ваш дом отравленный крысами. Если б, говорит, за весь дом взяться, то, говорит, может быть гарантия, а квартира, говорит, — это капля в море.

Но когда я взял этого одиночку за грудки и хотел из него вытряхнуть душу, он сознался. Он говорит:

— И за дом, говорит, я гарантию не даю. Потому весь ваш район отравленный крысами. Если б, говорит, за весь район взяться, то, говорит, иное дело. И то, говорит, не ручаюсь. Так что крыс химическим газом где-то истребляют, и через это они посещают ваш район.

Тогда я рассердился, взял с кустаря свои пречистые и отбыл.

А вчера узнал, будто не очень давно в Гавани химическими газами травили крыс. Вот они и ринулись в другие, более буржуазные районы.

Гаванские ребята, не гоните крыс в нашу сторону. Тут тоже трудящийся народ проживает.

Это, конечно, достижение — в рабочем районе крыс истреблять, иначе просьба: не гоните больше на Петроградскую сторону. Своих довольно.

РАССУЖДЕНИЕ ОБ ИНОСТРАНЦАХ

Рассуждение первое

Между прочим, насчет немцев и насчет иностранцев, насчет ихней хваленой чистоты.

Чуть что — нам завсегда в нос тычут ихнюю чистоту. И которые товарищи приезжают с германских городов — те все очень ахают.

— Очень, говорят, чисто! Прямо по улицам ходить неприятно. Сору нет, окурков не видать, и лошади вроде как приучены терпеть — не марают улицу.

А на наш ничтожный взгляд, это просто, знаете, брехня. Подумаешь! Окурков не видать! А чего немцы курят? Немцы безмундштучные папироски курят и сигарки сосут. Откуда у них могут быть окурки?

А восторженные товарищи этого не учитывают. Нахваливают.

Тоже и лошади. У них вместо лошадей все больше таксомоторы ходят. Тут и пачкать нечем.

Вообще, знаете, брехня и брехня. Ну, скажем, довольно чистовато у них, но чтобы до того восторгаться — это прямо непонятно.

Поглядите лучше на этого молодца. На этого иностранца. Это у них такая последняя мода. Брючки-то — обратите внимание! Брючки-то закатил аж до колен. Мода модой, а тоже, наверно, в смысле чистоты не так уж у них сверхъестественно чисто. Материю-то подвертывают. Побаиваются, небось, забрызгать или запылить. Мода, знаете, зря не бывает.

Одним словом, придется как-нибудь самому проехаться в Германию — поглядеть, как и что.

СЕМЕЙНЫЙ КУПОРОС

Тут недавно поругалась одна наша жиличка со своим фактическим супругом.

Безусловно, у них каждую неделю какой-нибудь семейный купорос случался, но это превзошло ожидание. Они, сукины дети, начали вещами кидаться.

Он в нее самоварным крантиком кинулся. А самовар, знаете, потек. Она рассердилась — и в него блюдечком. А он осколок подобрал от этого разбитого блюдечка и нарочно ковырнул этим осколком свою потертую личность. И орет, дескать, произошло зверское мужеубийство.

Но она, то есть его супруга Катюша Белова, оказалась более сознательная.

— Ах так, говорит!

Ну, одним словом, сами понимаете, что она говорит.

— Я, говорит, может сейчас же перестану с тобой жить. Вот сейчас же, говорит, соберу свое имущество и тогда кидайте крантики в своих соседей, а с меня довольно.

Он говорит:

— Ах, говорит, скажите, как напужали. Пожалуйста, говорит. Чище воздух будет.

Тут у них снова произошло некоторое оживление, так сказать, небольшая стычка семейного характера. После чего Катя собрала свои вещички. Завернула их в простыню. Плюнула в своего фактического подлеца. И пошла себе.

Она пошла до своей родной матери. До своей мамы. А ее мама не слишком обрадовалась прибытию. Одним словом, не прыгала вокруг своей дочки.

— Так что, говорит, я сама угловая жиличка и, говорит, как вам известно, у меня нету комнатных излишков.

Катя говорит:

— Так что, я всего, может, на пару дней, до приискания комнаты.

Старушка не проявила идеологического шатания в этом вопросе.

— Знаем, говорит. Другие, говорит, по шестьдесят лет ищут комнаты и находить не могут, — а ты, говорит, нашлась какая веселая.

Ну, дочка видит, что мама склокой занимается — положила узел в углу и пошла до своей подруги. У ней подруга была — Тося.

Тося говорит:

— Очень, говорит, я тебе сочувствую. Можешь, говорит, рассчитывать на мою моральную поддержку, но, говорит, я сама с мужем проживаю в одной небольшой комнатке, так что рассуждения излишни.

Тогда побегла Катюшка еще до одной знакомой дамы, но ничего такого не получилось.

А уже вечер приближается. Надо куда-нибудь деться. Не на юге.

Побегла Катя еще в одно место. После зашла в гостиницу бывш. «Модерн». В «Модерне» ей говорят:

— Так что, у нас допускают только приезжающих. А то, говорят, процветает разврат. А вот, говорят, если б вы жили, для примеру в Москве, то говорят, мы охотно допустили бы вас, как приезжую, а так, говорят, извиняемся.

Тогда еще немного походила по улицам Катюшка и пошла тихими шагами к своему потухшему семейному очагу. Ее фактический муж говорит:

— Ага, вернулись! Ножки-то, говорит, извиняюсь, не промочили ли, трепавшись по улицам?

После чего, слегка поругавшись, они отужинали и легли спать.

А она видела во сне, будто кто-то ей сказал, что где-то сдается комната.

А вообще, квартирный вопрос, несомненно, укрепляет семейную жизнь.

Некоторые товарищи говорят, будто семейные устои шатаются, будто разводы часты и так далее. Нет, это неверно!

Брак сейчас довольно крепкий. Крепковатый.

ПОДОЖДЕМ, НАД НАМИ НЕ КАПЛЕТ

Хотели мы, знаете, в Саратов съездить. По своим личным делам. Повидаться кое с кем. Но теперь не поедем. Отменили это решение.

Ну его к черту, этот Саратов! Туда очень уж опасно ехать. Там крушения часто бывают.

Конечно, не в самом Саратове, а вокруг, на разных маленьких станциях. Разные там Князевка, Курдюмовка и так далее.

Эти маленькие станции не на высоте положения. Они небрежно поезда пропускают. И через это крушения очень часто случаются. Если говорить правду — ежедневно.

А другой раз как заколодило, так, верите ли, несколько в день.

А раз такой денечек выпал — одиннадцать крушений в сутки! Двенадцатого не было, потому как, сами понимаете, движение почти что замерло.

А вы говорите: поезжай в Саратов!

Газета «Поволжская правда» пишет:

Начальники станций Саратовского узла загружены работой, ранее исполняемой их помощниками. Теперь помощников нет. Дорога экономит. Но экономия влетает в копеечку. Так, 4 октября за один день было одиннадцать крушений поездов.

Одним словом, в те края что-то мало интереса ехать. Дорога экономит, но и мы тоже последнее время скуповаты

стали: экономим свою мелкую жизнь. Может, на что-нибудь пригодится.

Одним словом, в Саратов не поедem. Подождем, пока на эти мелкие станции подсыпят пару служащих.

А которые начальники прочтут эти грустные строчки — пускай поторопятся. А то, ей-богу, надо в Саратов ехать до зарезу. Не лететь же туда по воздуху.

ЗАГРАНИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Тут меня познакомили с одной девицей. Она сама, знаете, с Риги. А сюда только приезжает до своей родственницы, до тети Фени.

Или она ей племянница, или наоборот, я не знаю. Только какое-то родство у них наблюдается. Тем более что она, молодая барышня, раза два-три в год обязательно приезжает повидаться.

А про нее нельзя сказать, что она хорошенькая, но очень уж, знаете, одета она великолепно. Может, какой-нибудь американский нэпман и то навряд ли способен так пышно одевать свою супругу.

Как раз меня с ней познакомили в день ее приезда. Это ахнуть надо от удивленья. Пальтецо какое-то роскошное кикапу. В ручках особая меховая муфта. На плечах обратно меховая накидка. Шляпочка — я те дам. И на груди разные дорогие бусы.

Конечно, на богатство мне наплевать. Я и сам рублей девяносто в месяц огребаю. Но уж очень ослепительная форма

одежды меня заинтересовала. Тем более знаю, тетя Феня дамочка, так сказать, безлошадная и ни черта не имеет.

Однако расспрашивать ничего не стал, а попрощался с ними за ручку и отбыл.

И прошло, может, недели полторы. И прохожу я по улице. Даже, знаете, не по улице. А иду я около вокзала. Я иду на вокзал. Мне надо «Вечерку» купить.

Иду на вокзал купить «Вечерку». Вдруг перед вокзалом останавливается извозчик, и выходят с него с багажом две невысокие дамочки. Выходят две дамочки, меня не окликивают, а идут по своим делам.

А я в эту минуту случайно поворачиваю голову, у меня зачесалась шея, и вижу эти как будто знакомые личности. И действительно, вижу тети Фенино мурло и при ней племянница.

Поглядел я на эту племянницу и своим глазам не верю — до того одета бедно. Муфточки не имеется. Пальто совершенно неинтересное. И сапожонки драные. Это обалдеть можно, какая резкая перемена!

Тетя Феня говорит:

— А, говорит, и вы тут! А сегодня Манечка в Ригу едет.

После, как проводили эту Манечку, тетя Феня говорит:

— Чего глазами моргаете? В крайнем случае, и нам корчиться надо. Сюда Манечка едет в хорошем, а обратно надевает чего похуже. Удивляться не приходится.

Ничего я на это ей не сказал, только говорю:

— Ах ты, черт тебя побери!

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

Это что за разворот? Это откуда такое оживление и такая чересчур сильная давка?

Что это, скажите, народ толкается и куда это прут разную домашнюю утварь и прочее барахлишко?

Может, это, извиняюсь, пожар или, может, дармовая раздача слонов и разных носильных вещей?

Или, может, каналья художник заврался и начертил не то, что надо?

Я извиняюсь, все тут указано правильно. Это, видите ли, происходит выдача зарплаты на заводе «Ока». Это вместо жалования выдают разные вещицы. Это промторг Каширского уезда выдает. Так сказать, чем придется. Сеном. Соломой. Гвоздями. Слонами. И так далее.

Я извиняюсь, художник, может быть, слонов-то действительно зря вывел. Мы хотели послать художника на место происхождения, чтоб срисовать с натуры и чтоб неувязки не было, но в последний момент, знаете, испугались. Как бы, думаем, его вместо платы не всучили бы какому-нибудь зазевавшемуся пролетарию. В Кашире это могут.

Одним словом, извиняемся за слонов, может, действительно чего-нибудь не так нарисовано. То извините. А факт указан в «Рабочей Москве».

С получкой, ребяташки!

НЕПОРЯДКИ НА ЗЕМНОМ ШАРЕ

Прежде всего, коснемся слегка географии и астрономии. Тут, как видите, на рисунке смелой рукой художника нарисована наша солнечная система. Среди которой наша планета Земля занимает, по мысли художника, далеко не последнее место.

Вот это в центре круглая штукавина и есть наша сознательная планета.

Вот в самой середине вы видите Москву, повыше и левее — наш славный Ленинград. Вон Балтийское море! Вон плещутся мутные воды Финского залива, в который, как известно, впадает река Фонтанка по распоряжению откомхоза.

Эта прославленная речка, на которой незбылемо стоит наш город Ленинград, воспета всеми поэтами.

Бессмертные строки неизвестного поэта (Пушкина?) вконец прославили эту бурную речку («Чижик, чирик, где ты был...»).

Мутные воды этой речки вдохновили также нашего меланхолического поэта Лермонтова. Помните?

И скучно и грустно,
И хотца, ребятишки, в Фонтанку нырнуть
В минуту душевной невзгоды.
И некому ручку пожать... И т. д.

А жил бы поэт в нашу суровую эпоху, зашел бы на ту же Фонтанку, 57, в редакцию «Пушки» — и все было бы в поряд-

ке. И ручку бы ему пожали, и пару наиболее бодрых стишков напечатали бы по 30 коп. за строчку.

Одним словом, на этой столь прославленной речке и помещается наша редакция «Пушки». Небольшой такой двухэтажный особнячок. Там же принимается подписка. Очередь подписчиков порядочная. До Черного моря, как видите.

Теперь пойдем дальше.

Направо от Ленинграда расположен прелестный город Вятка. А рядом с ним притулился городишко Омутнинск.

Это — городок небольшой, но культурный. Есть почта и телеграф. И даже недавно выстроен санаторий для туберкулезных.

Слов нет, санаторий не построен по последним западным образцам. Он построен совсем наоборот. Он, прямо скажем, построен на болоте. Он, можно сказать, родной братишка нашему Ленинграду. Ленинград построен на болоте — и этот санаторий тоже на болоте.

Кроме того, «Вятская правда» утверждает, что фасад этого прелестного здания глядит на север, а не на юг. Вот это плохо!

Вот построят, а после на нас взоры кидают, дескать, что мы скажем и какой научный совет дадим. А чего мы можем сказать? Единственно — планету надо повернуть так, чтоб южное солнце засияло на стенках фасада этого туберкулезного санатория. К сожалению, наша молодая наука и советская общественность не достигли еще такой высоты развития. И приходится мириться с грустной действительностью.

Вот чего, ребяташки. Дело прошлое. Туберкулезных вы действительно не посылайте в этот санаторий. А устройте, для примеру, диспансер для алкоголиков, если же алкоголики сопьются в этой грустной местности, то устройте в этом здании хотя бы Институт изучения мозга престарелых вятских строителей.

Засим позвольте пожать ваши ручки. И пожелать более приличного санатория.

[ГРУСТНО]

А грустно все-таки жить на станции Зашеек! Маловато на этой станции культурно-просветительных учреждений. А которые и имеются, те слабо и не по последнему слову техники оборудованы. Ну, взять хотя бы, для примеру, баню. Тамошняя банька, прямо скажем, не освещается. То есть, другими словами, в ней нету никакого освещения.

Которые граждане могут словчиться на дневное мытье, тем, конечно, туда-сюда. А которые не прогуливают, тем форменное неудобство. Тем мыться приходится, прямо скажем, в потемках. Другими словами, в полной и непроглядной темноте.

А в темноте мало интереса мыться. Не видно, за что хвататься. Думаешь, например, это мочалка, а это, может быть, у твоего соседа английская прическа. А за это сосед может смело морду наколотить. А за что же, товарищи, морду колотить, ежели в потемках не видать, за что хвататься?

Кроме всего прочего, в темноте обжечься можно. Опять же насчет одежды и обуви. Может, вместо своего коверкота какую-нибудь неинтересную дерюгу наденешь. Или не свои джимми.

А только мы этим несчастным жителям ничем помочь не можем. Даже на моральную поддержку пушай они не считают.

Единственное чего — это, может, предложить вниманию заведывающего банькой полный набор световых эффектов. То есть как и чем можно воспользоваться, чтобы осветить вверенное ему научно-культурное учреждение.

Конечно, лучше всего электрический свет, но ежели его нету, тогда надо на что-нибудь решиться.

Подумайте. И не допускайте своих граждан мыться в потемках. Это ослабляет дух и понижает характер.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Которые жильцы неопределенных занятий, тем определенно теперь худо. Про них даже в газетах сказано:

При исчислении квартплаты с этой категории съемщиков необходимо исходить из наблюдений за образом их жизни.

Одним словом, эта отпетая категория людей, видимо, допрыгалась. А только, между прочим, наблюдение — дело

крайне умственное. Нельзя с кондачка решать, как и чего. Надо подходить психологически, чтоб, знаете, не впасть в ошибку. Даем для примеру такие житейские неувязки.

Подъехал, предположим, наблюдаемый жилец на извозчике. «Эге, — думает управдом, — на извозчиках катается! Сейчас пойду обложу твою богатую личность». А между тем, жилец, может быть, серьезно захворавши. Может, у него, я извиняюсь, живот схватило или что-нибудь другое, и он поторопился подъехать. И, может, он плачет, а извозчика принимает.

Или, предположим, такой мелкий бытовой случай. Вернулся домой наш наблюдаемый жилец поздно. Ну, скажем, в час ночи. Управдом думает: «Ага, треплется по разным веселым местам и ведет легкую ночную жизнь...» А между тем, наш жилец как раз, может быть, наоборот. Может, он, я извиняюсь, дрова рубил или на улице пел и тем самым зарабатывал.

Или, скажем, такое положение. Идет наш голубчик жилец под мухой. Одним словом, выпивши. Управдом думает: «Ого, вкапался, молодой человек. Обложим, как богатого». А, может, этот человек, уважаемые товарищи, набрался с горя! Может, он горюет, что за ним наблюдают. Может быть, он через это пьет. Это понимать надо!

Тоже и наоборот. Скажем, одевается наш жилец бедно. И через это управдом ему сочувствует и берет с его души по копейке за сажень. А, может, как раз у этого фрукта делишки неплохие, и, может, в его ватнике шестьдесят целковых зашито или серебряная ложка. Это все понимать надо.

«ПУШКА» — ПУШКИНУ

Опять Пушкин. Вот беспокойная личность. То у него шляпу с памятника слямзили, то мебель из заповедника украли, то годовщину недавно справляли. А теперь опять не слава богу. Фонари у памятника прохожих беспокоят. Обжигают.

Дело, знаете, происходит в Москве. На Тверском бульваре.

Газета пишет, что там один из четырех *«фонарей неисправен — вечером к нему невозможно прикоснуться без риска получить хорошую памятку в результате удара током»*.

Это грубо! Это что же получается? Это, значит, уж коло памятника нашего славного поэта не пройди. И это называется культурная революция! Мило.

А ежели, я извиняюсь, в этом месте свидание с барышней назначено? Это, значит, фонарь может одну сторону заживо угробить. Чего же, я извиняюсь, глядит московский откомхоз или как там он называется?

Стой, братцы! Погоди, не надо эти фонари чинить. Они пригодятся.

Даем небольшой проект, как наличными силами предохранить дорогостоящий памятник от расхищения разных его ценных частей.

На рисунке наглядно видно, как и чего.

Провод отходит от неисправного фонаря через ручку поэта Пушкина. И если какая-нибудь отпетая личность захочет

отбить чугунную часть памятника, то силой тока она отгоняется на пушечный выстрел.

Глупо, но здорово. А ну вас, ей-богу, с Пушкиным. Своих делов по горло, а вы с Пушкиным.

КОМУ ЧТО, КОМУ НИЧЕГО

Ленинграду против Москвы нипочем не устоять. Уж очень Москва крупно шагает. Это прямо европейский город. То, знаете, они проект утвердили — будут скоро подземную дорогу строить. То пятиэтажный дом закончили. Так сказать, фантазию Уэллса превратили в действительность.

А вчера читаем: вскоре московские трамваи будут отапливаться. Правда, скоро ли это будет — они сами еще не знают. Но предполагают. В газетах уже брякнули. Уж отказаться будет неловко. Вот, наверное, дровец подкопят и начнут самосильно отоплять.

Немцы-то, пожалуй, локти станут себе кусать.

Эва, скажут, отсталая страна, а нас, скажут, догоняет. Будьте любезны!

Все-таки культура — великое дело. А главное, культуру можно всегда использовать. Так сказать, приспособить по мере надобности. Скажем, дома прохладно. Скажем, частник за дрова дерет. Покупать неохота. А тут за небольшую плату сиди себе в трамвае и грейся. Читать можно. Писать. Портянки можно развесить посушить. Валенки.

Этой Москве до чего прет! Когда еще наш Ленинград дождется такой благодати? Даже несправедливо как-то. Кому что, кому ничего.

Однако, примите привет и поздравление.

Между прочим, которые в Москве комнаты не имеют, тем форменно счастливые горизонты открываются.

Поздравляем!

ПУСТОЕ ДЕЛО

Знаете, в нашем доме маленькая неприятность случилась. Подкололи одного человечка.

А только надо отдать справедливость — все произошло очень культурно.

В другом, более мещанском доме, началась бы перед этим фактом разная буза, драка, мордобой. Стали бы почем зря стекла выбивать, перила портить и так далее.

А тут тихо и смирно поругались два частника по семейному делу и один другого немного подколол. И, спасибо, у того были надеты, ввиду холодного времени, ватник, жилетка и три рубахи. А то так бы и помер в страшных мучениях.

Ну, ясное дело, вызвали скорую помощь. Милицию. Одно-го туда. Другого сюда. Рассовали. И на этом дело окончилось. Хотя как сказать.

Начали жильцы высказывать свои первые впечатления насчет убийства — кому, дескать, теперича комната достанется. Дескать, частник Костя Пономарев, дай бог ему добра,

арестован и тем самым, так сказать, очищает свою жилплощадь. Так вот — кому ее дать? Кандидатов чересчур много. Все в нетерпении. И у некоторых стаж, может, с 17 года.

А тут еще сам убитый начал вступать в это дело. Прислал фельдшера из больницы. И просит Костину комнату за ним оставить. И мало того — вскоре сам появляется на нашем горизонте. Ему там в больнице подправили его дырку, и вот он снова заявляется, набравшись сил. И начинает предъявлять разные немислимые требования. Дескать, кого подкололи, тому и комната. Дескать, такой декрет есть.

Председатель товарищества говорит:

— Я извиняюсь, хотя такого декрета определенного нету и это есть чистая демагогия, но, говорит, надо войти в положение потерпевшего объекта. Тем более он, сукин сын, проживает на кухне и дышит разным вредным перегаром, и все-таки его подкололи, а не другого.

А тот, холера, нарочно ходит сгорбленно, охает и все время берется ручкой за свое подколотое место, дескать, он чересчур страдает.

Ну, жильцы вроде как отступились. Потому видят — убитый совершенно осатанел и своего добра не выпустит.

Ну, махнули рукой. Дескать, пушай владеет. Пес с ним! Его счастье!

Хотя, как сказать. Счастье оказалось не горазд крупное. Косте Пономареву дали всего полгода.

А очень убитый через это расстраивался. То есть, жалко было на него глядеть. Даже другие кандидаты начали его успокаивать.

— Да вы, говорят, особенно не горюйте, молодой человек. Не убивайтесь так. Вы рассудите, ну за что ему больше дать? Что он деньги растратил или по морде вам дал при исполнении служебных обязанностей?

Убитый говорит:

— Да, это верно. Я понимаю. Дело пустое. А только я так думаю, что полгода мне маловато. Мне это только-только обжиться в его комнате.

Ему говорят:

— Ну, может, он вернется и еще раз вас подколлет. Может, он увидит, что вы в его комнате проживаете, и угробит вас. Может, ему тогда крупней дадут. Может, ему года полтора дадут?

Убитый говорит:

— Нету, братцы. Я вижу, что меня зря подкололи. Ну, хорошо. Костя через полгода вернется. А нуте он на днях вернется? Нуте он скорей всего попадет под амнистию и завтра явится? А я, значит, так и жди его?

Так убитый и не переехал в Костину комнату.

И, пожалуй, хорошо сделал.

ТРЕЗВЫЕ МЫСЛИ

Я не говорю, что пьяных у нас много. Пьяных не так чтобы много. За весь месяц май я всего одного влещку пьяненького встретил.

А лежал он поперек панели. И чуть я на него, на черта, в потемках не наступил.

Гляжу — лежит выпивший человек, ревет и шапкой морду утирает.

— Вставай, говорю, дядя! Ишь, разлегся на двухспальной. Хотел я его приподнять — не хочет. Ревет.

— Чего, говорю, реवेशь-то, дура-голова?

— Да так, говорит, обидно очень...

— Чего, говорю, обидно?

— Да так, говорит, люди — какая сволота.

— Чем же сволота?

— Да так, мимо шагают... Прут без разбору... Не могут тоже человеку в личность посмотреть: какой это человек лежит — выпивший, или, может, несчастный случай...

— Да ты же, говорю, — выпивший...

— Ну, да, говорит, конечно, выпивший. А мог бы я и не выпивший упасть. Мало ли... Нога, скажем, у меня, у невыпившего, неаккуратно подогнулась... Или вообще дыхание у меня сперло... Или, может, меня грабители раздели... А тут, значит, так и шагай через меня, через невыпившего, так и при, так и шляйся по своим делам...

— Фу ты, говорю! Да ты же выпивши.

— Да, говорит, конечно, не трезвый. Теперича-то еще маленько протрезвел. Два часа нарочно лежу... И чтобы за два часа ни один пес не подошел — это же помереть можно от оскорбления. Так, значит, тут и околевай невыпивший под прохожими ногами? Это что же выходит? Это выходит — сердца у людей теперича нету. Бывало, раньше упадешь — настаноятся вокруг. Одеколон в нос суют. Растирают. Покуда, конечно, не увидят в чем суть. Ну, увидят — отвернутся. А теперича что?

Поднял я моего пьяненького, поставил на ноги. Пихнул его легонько вперед, чтобы движение ему дать. Ничего — пошел. Только прошел шагов пять — сел на приступочек.
— Нету, говорит, не могу идтить. Обидно очень. Слезы, говорит, глаза застилают. Люди — какие малосердечные.

НЕПРИЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Это было давно. Кажись, что в 1924 году. Одним словом, когда нэп развернулся во всем своем пышном объеме.

Нэп-то, можно сказать, не при чем. А тут просто говорит про одну смешную московскую историю.

Эта история развернулась на почве страха перед некоторыми обстоятельствами. Ну да сами увидите в чем дело.

Так вот, произошло это событие в Москве. Как раз на квартире Зусева, Егор Митрофаныча. Может, знаете такого московского товарища. Лицо свободной профессии.

Он как-то в субботу у себя вечеринку устроил. Без всякой причины. Просто так, слегка повеселиться.

Народ собрался, конечно, молодой, горячий. Все, так сказать, молодые, начинающие умы.

И не успели, можно сказать, собраться, как сразу у них энергичные споры поднялись, разговоры, дискуссии.

И как-то случилось, что разговор вскоре перекинулся на крупные политические события.

Один гость что-то сказал насчет книжки товарища Троцкого. Другой поддержал. Третий говорит: это вообще троцкизм.

Четвертый говорит:

— Да, говорит, это так, но, может быть, и не так. И вообще, говорит, еще неизвестно, как товарищ Троцкий понимает это слово — троцкизм.

Вдруг один из гостей — женщина, товарищ Анна Сидорова побледнела и говорит:

— Товарищи! Давайте сейчас позвоним товарищу Троцкому, а? И спросим его.

Тут среди гостей тишина наступила. Все в одно мгновение посмотрели на телефон. Товарищ Сидорова побледнела еще сильнее и говорит:

— Вызовем, например, Кремль... Попросим к аппарату товарища Льва Троцкого и чего-нибудь его спросим...

Поднялись крики, гул.

— Верно, говорят... В самом деле... Правильно!.. Позвоним и спросим... Дескать, так и так, Лев Давыдович...

Тут один энергичный товарищ Митрохин подходит к аппарату твердой походкой и говорит:

— Я сейчас вызову.

Снимает трубку и говорит:

— Будьте любезны... Кремль...

Гости затаили дыхание и встали полукругом у аппарата. Товарищ Анна Сидорова сделалась совсем белая, как бумага, и пошла на кухню освежиться.

Жильцы, конечно, со всей квартиры собрались в комнату. Явилась и квартирная хозяйка, на имя которой записана была квартира, — Дарья Васильевна Пилатова. Она остановилась у дверей и с тоской глядела, как разворачиваются события.

А события разворачивались с ужасной быстротой.

Энергичный товарищ Митрохин говорит:

— Будьте любезны попросить к телефону тов. Троцкого...
Что?..

И вдруг гости видят, что тов. Митрохин переменялся в лице, обвел блуждающим взором всех собравшихся, зажал телефонную трубку между колен, чтоб не слышать было, и говорит шепотом:

— Чего сказать?.. Спрашивают — по какому делу? Откуда говорят?.. Секретарь, должно быть...

Тут общество несколько шарахнулось от телефона. Кто-то сказал:

— Говори: из редакции... Из «Правды»... Да говори же, подлец этакий...

— Из «Правды...», — глухо сказал Митрохин. — Что-с? Вообще насчет статьи.

Кто-то сказал:

— Завели волынку. Теперь расхлебывайте. Погодите, будут неприятности.

Квартирная хозяйка Дарья Васильевна Пилатова, на чье благородное имя записана была квартира, покачнулась на своем месте и сказала:

— Ой, тошнехонько! Зарезали меня, подлецы. Что теперь будет? Вешайте трубку! Вешайте в моей квартире трубку! Я не позволю в моей квартире с вождями разговаривать...

Товарищ Митрохин обвел тоскливым взглядом общество и повесил трубку.

И снова в комнате наступила отчаянная тишина. Некоторые из гостей тихонько встали и пошли по домам. Оставшееся общество минут пять сидело в неподвижности. И вдруг раздался телефонный звонок.

Сам хозяин Зусев подошел к аппарату и с мрачной решимостью снял трубку.

И стал слушать. И вдруг глаза у него стали круглые и лоб покрылся потом. И телефонная трубка захлопала по уху.

В трубке гремел голос:

— Кто вызывал тов. Троцкого? По какому делу?

— Ошибка-с, — сказал Зусев. — Никто не вызывал. Извиняюсь...

— Никакой нет ошибки! Звонили от вас.

Гости стали выходить в прихожую. И, стараясь не глядеть друг на друга, молча одевались и выходили на улицу.

И никто не догадался, что этот звонок был шуточный.

Узнали об этом только на другой день. Один из гостей сам признался. Он вышел из комнаты сразу после первого разговора и позвонил из телефонной будки.

Тов. Зусев с ним поссорился. И даже хотел набить ему морду.

ВСТРЕЧА

Скажу вам откровенно: я очень люблю людей.

Другие, знаете ли, на собак растрачивают свои симпатии. Купают их и на цепочках водят. А мне как-то человек милее.

Однако не могу соврать: при всей своей горячей любви не видел бескорыстных людей.

Один было парнишка светлой личностью промелькнул в моей жизни. Да и то сейчас насчет него нахожусь в тяжелом раздумье. Не могу решить, чего он тогда думал. Пес его знает — какие у него были мысли, когда он делал свое бескорыстное дело.

А шел я, знаете, из Ялты в Алупку. Пешком. По шоссе.

Я в этом году в Крыму был. В доме отдыха. Так иду я пешком. Любуюсь крымской природой. Налево, конечно, синее море. Корабли плавают. Направо — чертовские горы. Орлы порхают. Красота, можно сказать, неземная.

Одно худо — невозможно жарко. Через эту жару даже красота на ум нейдет. Отворачиваешься от панорамы.

И пыль на зубах скрипит.

Семь верст прошел и язык высунул.

А до Алупки еще черт знает сколько. Может, верст десять. Прямо не рад, что и вышел.

Прошел еще версту. Запарился. Присел на дорогу. Сижу. Отдыхаю. И вижу — позади меня человек идет. Шагов, может, за пятьсот.

А кругом, конечно, пустынно. Ни души. Орлы летают.

Худого я тогда ничего не подумал. Но все-таки при всей своей любви к людям не люблю с ними встречаться в пустынном месте. Мало ли чего бывает. Соблазну много.

Встал и пошел. Немного прошел, обернулся — идет человек за мной.

Тогда я пошел быстрее, — он как будто бы тоже поднажал.

Иду, на крымскую природу не гляжу. Только бы, думаю, живьем до Алупки дойти.

Оборачиваюсь. Гляжу — он рукой мне машет. Я ему тоже махнул рукой. Дескать, отстань, сделай милость.

Слышу, кричит чего-то.

Вот, думаю, сволочь, привязался!

Ходко пошел вперед. Слышу, опять кричит. И бежит сзади меня.

Несмотря на усталость, я тоже побежал.

Пробежал немного — задыхаюсь.

Слышу, кричит:

— Стой! Стой! Товарищ!

Прислонился я к скале. Стою.

Подбегает до меня небогато одетый человек. В сандалиях. И вместо рубашки — сетка.

— Чего вам, говорю, надо?

— Ничего, говорит, не надо. А вижу — не туда идете. Вы в Алупку?

— В Алупку.

— Тогда, говорит, вам по шаше не надо. По шаше громадный крюк даете. Туристы тут завсегда путаются. А тут по тропке надо идти. Версты четыре выгоды. И тени много.

— Да нет, говорю, мерси-спасибо. Я уж по шоссе пойду.

— Ну, говорит, как хотите. А я по тропинке.

Повернулся и пошел назад. После говорит:

— Нет ли папироски, товарищ? Курить охота.

Дал я ему папироску. И сразу как-то мы с ним познакомились и подружились. И пошли вместе. По тропинке.

Очень симпатичный человек оказался. Пищевик. Всю дорогу он надо мной смеялся.

— Прямо, говорит, тяжело было на вас глядеть. Идет не туда. Дай, думаю, скажу. А вы бежите. Чего ж вы бежали?

— Да, говорю, чего не пробежать.

Незаметно, по тенистой тропинке пришли мы в Алупку и здесь распрощались.

Весь целый вечер я думал насчет этого пищевода.

Человек бежал, задыхался, сандалии трепал. И для чего? Чтобы сказать, куда мне надо идти. Это было очень благо-родно с его стороны.

А теперь, вернувшись в Ленинград, я думаю: пес его знает, а может, ему курить сильно захотелось? Может, он хотел папироску у меня стрельнуть. Вот и бежал. Или, может, идти ему было скучно — попутчика искал. Так и не знаю.

ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

1. Оазисы

Некоторые интеллигенты обижаются — будто культура у нас медленно шагает. Ничего подобного.

Культура шагает довольно шибко.

Давеча в газетах промелькнуло радостное сообщение с культурного фронта — оазисы в Москве будут.

Газета пишет:

В МКХ поступило предложение Свердловского университета устроить на некоторых московских скверах биологические оазисы.

Другими словами, в наших общественных садах и скверах будут устроены специальные тенистые площадки для зверюшек. Там будут находиться разные птички, змейки, растения. Вообще для ознакомления гуляющей публики.

Эту идейку надо поскорей воплотить в жизнь. Оазисов нам сильно не хватает. Все у нас есть. А вот оазисов еще нету. И бульвары есть. И скверы есть. И публика есть. А в оазисах ощущается сильная нехватка. Можно сказать — кризис на оазисы.

Поскорей, братцы, старайтесь насчет этого. А то живем, как на вулкане, — никаких оазисов.

А славно будет, когда эти самые оазисы раскинутся по нашим скверам. Зверюшкам, главное, раздолье будет. Оно, действительно, народу податься будет некуда. Тесновато придется, ежели, скажем, в скверах оазисы. Но ради науки потесниться можно.

Скорей, братцы! Не терпится.

2. Хорошие перспективы

Недавно еще наши бедные крестьяне-мужички волком были. Дороги, дескать, плохие. Не проехать.

В настоящий момент этот передовой вопрос культурной революции понемножку разрешается.

Недавно газеты отметили выдающее изобретение — велосипед. Приделывается к этому велосипеду особая штуковина, после чего этот велосипед самосильно может идти по рельсам, не уступая в скорости железнодорожному стрелочнику.

То же и насчет трактора. «Красная Газета» радостно сообщает: «В комитет по делам изобретений представлено приспособление к трактору для движения его по жел.-дор. пути».

Этак пойдет — вскоре и крестьянскую телегу можно будет твердо поставить на рельсы. Оно, конечно, поездам деваться будет некуда. Да собственно и черт с ними. В крайнем случае им можно будет проложить какую-нибудь паршивую одноколейку. Или вообще отменить, раз такие чудные горизонты открываются.

Вообще честь имеем вас поздравить!

3. Спасибо

Конечно, население довольно слабо изучило метрическую систему. Население еще путается. Колеблется — что к чему.

Некоторые полуинтеллигенты не могут еще враз сообразить, сколько, для примеру, километр весит. Но, спасибо, спичечный трест вовремя на помощь пришел.

Газеты пишут:

Для широкого ознакомления населения с метрической системой решено выпустить спички с напечатанной на этикетках коробок метрической таблицей.

Вот спасибо-то! Одно худо: спичечная коробка — дело, как бы сказать, хрупкое. Вычиркал спички и кинул эту коробку. Надо метрическую меру монументальней увековечить. Скажем — на памятнике. Скажем — на товарище Петре Великом. Пущай на нем будет надпись. Или, в крайности, пущай он в протянутой ручке плакат держит, дескать, а я, братцы, вместе с лошадкой столько-то вешу.

Население заинтересуется и изучит что надо.

Вообще мера довольно разумная, только желательно ее еще больше углубить. По всем, так сказать, отраслям науки.

Население действительно довольно отсталое. Можно сказать — ни бе, ни ме, ни кукареку. Чего там говорить насчет метрической системы — таблицы умножения многие не знают.

А не тиснуть ли эту самую таблицу умножения на папиросную коробку? Ась?

Какого черта, если население нуждается в этом. Пущай курит и умножает.

А на коробке с мармеладом можно бы чего-нибудь посущественней изобразить, скажем, некоторые сведения из грамматики. Пущай население шамает этот мармелад и изучает за те же деньги, как и чего пишется.

На стерилизованном молоке и других прочих бутылках можно научные диаграммы показывать — прогулы и прочее. На трамваях тоже, в крайнем случае, можно чего-нибудь научное изображать.

Одним словом, если это начинание развить — громадных результатов можно будет добиться на научно-культурном фронте.

Куда ни плюнь — пущай всюду польза и поучение.

А и скучновато же будет жить! Хотя, как кому. Нам не особенно.

4. Подкачали

Мы давно говорили: братцы, не сваливайте снег на видных местах, пожалуйста. Некрасиво все-таки!

Нет, не слушали. Сваливали черти куда придется. Против биржи сваливали. Опять же напротив памятника Петра Великого. На Неву тоже, конечно, скидают. А когда Нева тронется? Может, она в июне тронется. С природой шутить нельзя. Это вам не обсерватория!

Одним словом, докидались — ученые даже забеспокоились насчет этих свалок. Профессора и приват-доценты начали встревать в это паскудное дело.

Давеча в газете письмо профессора было напечатано. Дескать, проходя коло памятника, и так далее, свалка снега, и так далее... Дескать, нехорошо, и так далее...

До чего дошло! Ученым приходится отрываться от какой-нибудь своей тригонометрии, от каких-нибудь своих великих открытий! Приходится заниматься таким паскудным делом.

Гнусно, товарищи, получается. Неловко перед наукой.

Надо бы как-нибудь расстараться. Куда-нибудь вывозите снег к черту подальше. Ну, а уж если в центре скидаете, то аккуратней скидавайте. В крайнем случае, баб лепите из снега. Оно все-таки благородней получится. Особенно ежели

свалка недалеко от памятника. Совершенно красиво может получиться.

А то можно еще заместо баб пирамиды лепить. Ученым завсегда пирамиды нравятся — это им, может, Египет напомним. Одним словом, расстарайтесь как-нибудь и не сердите академиков. Не портите им кровь. Давайте им для глаз красивые панорамы. Это выгодно отразится на ихней ученой плодотворной работе.

5. Симпатичное начинание

Вот довольно приятное известие! Вот довольно культурное начинание, которое следует отметить. Неизвестно, как на других кладбищах, а на Лазаревском кладбище будет оборудован парк.

Эту радостную весть сообщают нам газеты.

И, может быть, недалеко тот день, когда мы будем легкой походкой прогуливаться по дорожкам этого парка. Ах, какое симпатичное начинание!

Зеленые скамейки, урны для окурков, ларьки с продажей прохладительных напитков... Ах, какое роскошное местечко намечено для прогулок!

Как, например, приятно в столь прохладном месте скушать порцию мороженого. Как, например, симпатично поболтать с девицей на легкие любовные темы. Или выпить кружку пива.

Впоследствии даже можно будет здесь разбить небольшую площадку для танцев с боем конфетти и серпантином.

А очень превосходно придется родственникам только что померших покойников. Они, захоронив этих последних, не уходя с кладбища, тут же могут развлечься и отдохнуть после тяжелой потери.

Вспоминаются знаменитые слова Сергея Есенина: «Мертвый мирно в гробе спи» и т. д.

Ах, ах, какое симпатичное начинание!

6. Навряд ли!

За границей каждый день чего-нибудь новенькое придумывают. Вот черти-то! Давеча, не угодно ли, газеты сообщают: «За границей появились автомобили с особым граммофонным аппаратом — усилителем. При нажатии кнопки аппарат выкрикивает: “Берегись! Дорогу! Внимание!”».

Это культурное изобретение навряд ли привьется на нашей родимой почве. У нас, может, граммофонных иголок не окажется. Или граммофоны подорожают. Или суровый климат быстро испортит нежные музыкальные инструменты.

Нет, навряд ли у нас это привьется.

Да и автомобилей у нас мало. Разве что извозчикам. Хотя и извозчики навряд ли удовлетворятся этими короткими, сухими выкриками «Берегись» и «Внимание».

Одним словом, если у нас привьется, то этих выкриков будет недостаточно. Придется наигрывать специальные пластинки: «Внимание! Чего рот разинул, черт косой!» или: «Берегись, задавлю, сукин сын!» или: «Вот я тебя сейчас кнутом по морде!»

Хотя и на этой почве могут разыграться неприятности. Малограмотный извозчик станет нажимать не те кнопки, и тогда черт знает что получится.

Вместо «Сейчас подаю» извозчик будет выкрикивать: «Вот я тебя сейчас кнутом по морде».

Милиционер будет кричать по ошибке: «Эй ты, внимание! Чего рот разинул, черт косой!»

Одним словом, может произойти куча неприятностей. Публика будет пугаться извозчиков. Милиция начнет само-сильно штрафовать. Извозчики вымрут. И тогда придется ездить на своем одиннадцатом номере.

Только навряд ли все это у нас привьется. Это чистая фантастика!

7. Третий способ

В газетах то и дело читаем: то здесь бронзовый памятник сперли, то там чугунную решетку уволокли.

Больше всего достается Волкову кладбищу.

Действительно, на этом знаменитом кладбище есть чем поживиться. Там, знаете, как раз собраны наиболее выдающиеся могилы. Там захоронены разные важные писатели, доктора, фельдшера. И каждому поставлен какой-нибудь дорогой памятник или крестик. Или венок висит. Или фарфоровая лампадочка торчит. Только подходи и бери.

И вот подходят и расхищают это дорого стоящее народное достояние.

Вот не очень давно воры цельный бронзовый бюст, кажется что Гончарову, уволокли. Обидно же! Может, Гончаров от этих фактов в гробу поворачивается.

Но этому злу положен предел.

Недавно Откомхоз сделал смелый и решительный шаг в этом направлении.

«Кр. Газета» пишет черным по серому:

Откомхоз решил снять бюсты и памятники с могил писателей и общественных деятелей на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Одновременно Откомхоз усиливает охрану Литераторских мостков.

Мера действительно могущественная. Снять памятники и усилить охрану. С одной стороны, оно как будто бы и охранять нечего, ежели памятники и бюсты сняты. Но если подумать глубже, то получается как-то солидно, по-европейски. А то есть еще второстепенные способы.

1) Усилить охрану и памятников не снимать.

2) Снять памятники и охрану не усиливать.

Но ежели Откомхоз придумал третий способ, то, значит, ему видней. Мы его смелых начинаний не хотим разрушать.

А вообще говоря, довольно странно: снять памятники и охранять пустое место. Впрочем, как хотите. Ну вас!

8. Смехота

Это, товарищи, происходило недавно. На одном славном хлебозаводе.

Пострадавшим героем дня является товарищ Григорьев. Один из его приятелей довольно курьезно подшутил над ним — поковырнул его в чан с хлебной опарой. Смехота, ей-богу!

Этот Григорьев, чудака такой, остановился, знаете, около самого чана. И стоит. Про что-то серьезное думает. Может, про членский взнос.

А его приятель возьми и пихни его в тесто.

Что было!

Григорьев, значит, орет, чертыхается. А тесто жидкое. Сами понимаете. Хлеб у нас зачастую жидкий — шамать неохота. А то вдруг тесто. Совершенно то есть жидкое. В рот набегает. Нос закладывает. Уши залепляет.

Пострадавший товарищ, конечно, орет, руками за чан цепляется, хочет, одним словом, вылезти.

Тут, конечно, подспели другие, более сознательные хлебопеки. Вытащили своего товарища.

А он стоит грустный. И видеть не может — глаза тестом залеплены. И аппетита никакого нету — нажрался опары.

Некоторые хлебопеки начали, конечно, говорить: дескать, нехорошо после этого случая это тесто запекать и вообще хлеб из него делать. Потому все-таки противно. Все-таки в нем человек с ногами некоторое время находился. И хотя он член союза и Максим Горький тоже был одно время

хлебопеком и все такое, но некультурно. Все-таки не изюм. Сапоги там. Нос. Усы. И так далее.

Другие говорят:

— Ежели, для примеру, сапоги не остались в опаре, то запекать можно.

Пострадавший говорит:

— Сапоги, кажись, тут.

Взяли тогда тесто и запекли.

Теперича ленинградская «Правда» пишет: дескать, в связи с этим троих под суд отдали. Одного за то, что человека в тесто поковырнул. А двоих — за то, что хлеб велели печь из этой опары.

Одного-то за дело. А двоих как будто бы зря. Хлеб, говорят, был довольно аппетитный. Прямо не узнаешь, что человек в нем купался.

9. И скучно и грустно

Все время приходится читать прискорбные известия со стихийного фронта. То там наводнение, то извержение вулкана, то дождик идет.

Недавно в Америке громадный мостище наводнением разрушило. Шесть человек погибло. Вот жалость-то!

А на той неделе на Филиппинских островах — извержение вулкана.

Вон что в природе делается!

До нас тоже вот эта стихийная волна докатилась. Дождик в этом месяце довольно нужное строительство смыл. Псковскую гидростанцию. В городе Острове.

Конечно, дождик не сильный был. Этого нельзя сказать. Но все-таки шел дождик. Накрапывал.

Газеты отметили эту стихийную катастрофу:

Прошедшие недавно дожди смыли Островскую гидростанцию. Это скандальное строительство стоило около 200.000 рублей.

Глядите, пожалуйста, что делается. В Америке ураган. На Филиппинах — извержение. А в Острове — дождик.

А там, глядишь, в Ленинграде ветерок подует — наделает делов.

Что в природе делается!

Может пятна на солнце играют такую роль?

А любопытно, как это в Острове — одну гидростанцию смыло или вместе со строителями?

Как говорится: и скучно и грустно, и редко кому руку можно пожать. В минуту душевной невзгоды.

10. Трамвай дыбом

Дозвольте поделиться счастливой новостью: за границей недавно удумали «прыгающие автомобили». Это французы расстарались. Все газеты об этом трубят.

То есть идет, представьте себе, автомобиль, вдруг перед ним препятствие — тумба или девочка трех лет. Или вообще собачка. Нажимается рычаг, и машина грациозно подпрыгивает. И затем дальше прет.

Надо отдать справедливость — это здорово! Хотя это изобретение нам как корове седло. Автомобилей у нас мало. Препятствий опять же много. Так что нам прыгать не требуется. Нам летать надо, в крайнем случае. А лучше бы заграничные спекулянты придумали прыгающие трамваи. У нас трамваи — главное зло. Ежедневно по двадцать персон давят. В одном Ленинграде. Вот чего изобретать надо!

Мы даже не гонимся за красотой. Нам надо такой трамвай, чтоб он, сукин сын, на дыбы вставал, если препятствие. Собачка. Или девочка трех лет. Или тумба, или похоронная процессия.

А прыгать нам не надо.

Вот чего надо изобретать! А то прыгающие автомобили! Подумаешь! Осчастливили! Что мы, свою «скорую помощь», что ли, заставим прыгать? Нету у нас лишних автомобилей. А ежели частники, то они могут безвозвратно рухнуть, ежели их прыгать заставить. Понимать надо!

Так что думайте насчет трамваев. А с машинами не морочьте нам головы. Мы — люди занятые.

11. *О чем только раньше думали!*

Последнее время много споров происходит насчет жилплощади. Не хватает у нас этой площади — прямо хоть строй новые дома. Ей-богу, честное слово, до того дошло!

Недавно тоже в газете промелькнули довольно бодрые строчки — как разрешить острый кризис. Один парнишка догадался — пишет между прочим:

Много еще в Ленинграде дворцов с огромными окнами, с высокими потолками, с золотыми статуями и художественными карнизами, которые пригодились бы учреждениям. А учреждений нужно превратить в рабочую обитель.

Какого черта, в самом деле! Дворцы стоят. Карнизы все еще висят. Какие-то музеи в этих дворцах напиханы, клубы. А учреждениям и податься некуда.

Пушай, действительно, наши учреждения перемахнули бы туда. А мы бы расположились на ихней площади. И все бы пошло по-хорошему.

В бывшем Зимнем дворце открыли бы, действительно, отделение Азрыбы. Благо недавно дворец отремонтировали.

В какой-нибудь Екатерининский дворец перевести бы контору Госречпароходства.

Вот тут бы статуи и карнизы пригодились бы в лучшем виде.

Что касается нас, то редакции «Пушки» не худо бы отвести Эрмитаж, что ли. На большее, конечно, мы не рассчитываем, а вот Эрмитаж в аккурат бы нам подошел. Хватило бы площади. А то ютимся где-то на Фонтанке, 57, и там который год делаем свое геройское дело — выпускаем «Пушку».

Итак, кризис разрешен. О чем раньше думали?

12. Раздевают

До того, знаете, дошло, что скоро в театр ходить будет нельзя. Потому невозможно получается. Уж очень бестии гардеробщики жару напустили. Эти, знаете, которые в театре раздевают.

Им, скажем, даешь пятак за свое пальтецо, а они морду воротят. Мало, говорят.

То есть как это мало, когда само пальтецо, может, шесть гривен стоит с воротником. А им мало!

Ну, конечно, которые более арапистые зрители — те, действительно, норовят копейки две сунуть. Это, конечно, маловато. Но копеек десять или пятнадцать — это божеская цена.

А газеты пишут, что эти гардеробщики совершенно озверели и грубо требуют со зрителя надбавку. Причем, знаете, не считаются с установленной таксой.

Вот где самое театральное зло! А вы говорите — репертуара нету. И что Мейерхольд в отпуск уехал. А самый главный момент промигали.

13. Мысли театрала

Последнее время зритель пошел какой-то нервный. Я так скажу: особо чувствительный. Жалуется. Дескать, в театрах сидеть не можно — блохи жрут.

Еще чего! То репертуара нету, то Мейерхольд уехал, а теперь обратно не слава богу — блохи тревожат.

Скажите на милость, какая непоправимая история — блоха укусила! А дома тебя не кусают? А в кино, я извиняюсь, не кусают? А в трамвае не кусают?

Ну почеши. Зачем же такие слова произносить: не можно в театре сидеть.

Это верно, в театрах каждый укус получается особо чувствительный. Тут, представьте, музыка играет. Кругом чисто, интеллигентно. Рядом какая-нибудь дамочка сидит. Тут у ней ручка. Тут у ней носик. А тут, я извиняюсь, блоха ногу сосет. Я так понимаю: расстегнуться неудобно, и антракта ждать мало интереса, и почесаться вроде как неловко.

А промежду прочим, это дело поправимое. Пушай дирекция театров привешивает на ручку каждого кресла индивидуальный пакет с порцией блошиного порошка.

Или пушай капельдинеры отпускают порошок вместе с биноклем. Как-нибудь надо действовать. Не губить же театральное дело.

14. Музыкальный антракт

Нынче кругом споры идут — чего рабочим требуется: какие жилища, какие костюмы, сапоги какие.

А последнее время все больше насчет музыки спорят. Дескать, какая музыка требуется рабочему народу.

Одним словом, музыкальные критики чуть между собой не разодрались на этой музыкальной платформе.

Одни говорят: симфонический оркестр рабочим не годится. Рабочий человек любит, чтоб гремело. Тихую

струнную музыку рабочий не обожает. А дайте вы ему, ради бога, за его деньги духовой оркестр вместо струнного.

Другие говорят: духовой оркестр хотя действительно и гремит, но тихого душевного переживания рабочему не дает. А дайте вы рабочему человеку вместо глупого духового оркестра чего-нибудь живое, например, гармонь.

Третьи доказывают, дескать, гармонь вызывает у рабочего человека лишние душевные переживания, благодаря которым его, может, тянет на выпивку. А наилучше всего действует на него народный трехструнный инструмент. Тут уж рабочему есть что послушать.

Обождите, товарищи музыкальные переплетчики! Разрешите прервать вашу острую дискуссию. А то, чего доброго, договоритесь, мол, наилучший музыкальный инструмент для рабочего слуха — заводской гудок.

А вместо тяжелых споров давайте всего понемножку.

15. Строгий Губпродком

Газета «Терек» с грустью сообщает своим читателям су-конным слогом о том, что

Губпродком настаивает, чтобы редакция «Терека» воздержалась от печатания материала без предварительного принципиального согласования этих материалов со взглядами Губпродкома о тех или иных результатах продработы, а также и ее перспективах.

Другими словами, эта фраза звучит так: «Эй вы, черти драповые! Не могли писать, чего нам не ндравится!»

И это, товарищи, на шестой год революции! Обидный взгляд у Губпродкома на советскую прессу.

16. Хозяйственный расчет

В одной московской чайной висит на стене объявление:

При полпорции НЕ разуваться.

Правильно! А то придет какой-нибудь шаромыжник, потребует полпорции, разуется, портянки, собачий нос, на стульях развесит. Глядишь, настоящему посетителю, взявшему три порции, негде и портянки повесить.

Правильно. Тонкая это вещь — хозяйственный расчет.

17. Барин

Лесники Городнянского лесничества Черниговской губернии хотят в свой союз жаловаться на лесника Белентьева. До последней точки дошло.

Лескор К. О. пишет:

Наш лесничий Белентьев очень любит, чтобы лесники отдавали ему честь.

В лесу он часто принимает рапорта от лесников. И если лесник подойдет к лесничему, не приложив руки к козырьку, — раздается команда:

— Сто шагов назад! Подходи вновь.

Гляди, братцы, какая несправедливость наблюдается в жизни. Хотел бы, например, человек при крепостном праве жить, а живет при советском правительстве. Хотел бы человек собственных холуев иметь, а он сам холуй. Такие бывают несправедливости!

КЛАД

Тут одна ленинградская дамочка вкапалась в довольно поганую историю.

Главное нехорошо, что она за собой еще одного человечка потянула. Одного водника.

Только его обвинять не надо. Он определенно вкапался, благодаря мелкобуржуазному окружению. Его, может, подбили на это дело. Эта самая дама, может, сама за ним сбегала. А он, может быть, шел и упирался.

А сидит раз однажды эта самая дама у себя на квартире. Она жила в бывшей генеральской квартире. Бывшего генерала Лебедева. Она там комнату имела. На солнечной стороне. Бельэтаж. Парадный вход. И все на свете. Даже ей было поставлено мягкое кресло при разделе бывшего имущества генерала Лебедева.

А сидит она раз однажды в этой своей квартире. В этом самом кресле. Думает, наверное, какие-нибудь свои жульнические мысли и вдруг видит — перед ней стена. Другими словами — обыкновенная стенка в бывшей квартире генерала Лебедева.

И глядит она на эту стенку своими погаными глазами. И видит, будто в стенке какая-то неловкость. Или, я так скажу, выпуклость какая-то четырехугольная.

Или она сразу подумала, что это денежный ящик. Или ей мелькнула идея, будто генерал замазал в стенку свои разные ценности, перед тем, как драпануть за границу. Одним словом, неизвестно, что она подумала.

Только вскочила она на свои жидкие ноги. Начала руками хвататься за стенку. Начала обои отрывать.

Только видит — ей невозможно своими дамскими руками капитальную стенку разобрать. И тогда она бежит крупной рысью до своего знакомого Головкина.

Бежит она, эта типичная выразительница мелкобуржуазной стихии, до своего знакомого, пролетария Григория Ефимовича Головкина. Говорит ему разные мелкобуржуазные слова. И тянет его до своей квартиры.

Приходят они в ее квартиру и производят осмотр.

Товарищ Головкин говорит:

— Вот чего. Без сомненья, чего-то там есть. Я еще не знаю чего, но чего-то, одним словом, есть. Тем более, кирпич лежит не так, как ему следует лежать.

И тогда они оба-два кидаются на эту стенку. Срезают обои. Колупают известку. Дорываются до народных кирпичей. И вынимают эти кирпичи.

Вынимают они по кусочкам кирпичи и видят: ничего нету. То есть, абсолютно, совершенно ничего нету, кроме небольшого оседания капитальной стенки. И через это кирпичи лежат несколько боком и навевают разные мысли и грезы.

Тогда они начали поскорей обратно кирпичи всовывать. А только это у них очень безобразно получилось. Так что это дело невозможно было скрыть. Тем более, ихний сосед слышал суетню и тоже, не будь дурак, начал рыться в стене со стороны своей комнаты. И тоже дорылся до самых кирпичей.

Так что произошла форменная огласка делу.

А очень их троих крыл уполномоченный. И даже, как будто бы, теперь хочет дело передать в суд за жульнические мысли и за порчу государственного имущества.

Так что, собственно говоря, это дело еще не закончилось.

И хотя дело не закончилось, тем не менее, наша молодая критика может предъявить свои права.

Позвольте, скажут, а чего, собственно, автор хотел сказать этим художественным произведением? Чего он хотел выяснить? И откуда, скажут, видать развитие наших командных высот? Или, может, это чистое искусство для искусства. И, может быть, — вообще автор нытик и сукин сын?

Дозвольте тогда объясниться.

Тут просто напросто рассказан небольшой фактик с нашей ленинградской жизни.

И, в крайнем случае, под этот фактик можно подвести базу. Дескать, мелкобуржуазная стихия зашевелилась. Копает стену. Ищет клад. И тем самым хочет поправить свои пошатнувшиеся делишки.

Теперь все получилось в порядке дня.

Извините за беспокойство.

КРАЖА

Это было в городе Сарапуле. Как раз перед рождественскими праздниками. В конце ноября.

В мануфактурном магазине (Ц.Р.К.) засыпался некий парнишка. Фамилия его вроде какой-то иностранной — Мальбандин.

А засыпалась эта мелкая личность по поводу карманной кражи.

Сами понимаете, — давка. Очень желательно чего-нибудь хапнуть из кармана своего ближнего.

Вот он и хапнул. Что-то около рубля денег выудил из кармана зазевавшегося гражданина.

Ну, заметили. Схватили. Охи, крики и так далее, чего предполагается.

Парнишка Мальбандин хотя и неопытный, а башковитый, — начал реветь. Дескать, жрать охота и форменная безработица.

Вокруг толпа собралась. Которые говорят: раздавить жабу на месте. Которые велят проще: набить харю и отвести с набитой харей в милицию.

А тут здоровый голос раздается:

— Да что вы, братцы, или очумели? Ну, чего он сделал такое? Что он, лошадь угнал или бриллианты истратил?

— Да, говорят, конечно, не бриллианты. Он мелкие деньжаты упер у того гражданина.

— А если, говорит, мелкие деньги, то, говорит, зачем мальчика мучаете?! Может, такое впечатление и мордобой на его молодую душу отразится и он, может, впоследствии через это бандитом будет. Пуцай отдаст деньги и катится.

— Это действительно верно, — говорят в толпе, — малец маленько побаловался, а его уж и сгрябчили и харю хотят ему в кровь разбить. А может, мы все понемногу виноваты? Может быть, мы все иной раз — жулики. Дать ему двугривенный и отпустить!

Тут действительно мальцу дали двугривенный и отпустили, А дальше у нас, как говорится, на палитре красок не хватает. Пуцай сама сарапульская газета дописывает изящным слогом:

Он возвратил украденные деньги, и... его отпустили с миром. Он продолжал тереться в магазине и в течение этого и последующего дня «почистил» карманы еще четверых граждан и только после этого уже задержан и предается суду.

Эту небольшую поучительную историю мы рассказали не без задней мысли. Хотим, чтоб население слегка одумалось.

А то население последнее время довольно легко глядит на разные такие мелкие делишки. Мелкая кража или небольшое зверское убийство вроде как и за преступление не считается.

А между прочим, жить охота. Да и денег маловато.

МЕДИЦИНСКИЙ СЛУЧАЙ

Можно сказать, всю свою жизнь я ругал знахарей и всяких таких лекарьских помощников.

А сейчас горой заступаюсь.

Уж очень святое наглядное дело произошло.

Главное, все медики отказались лечить эту девчонку. Руками разводили, черт ее знает, чего тут такое. Дескать, медицина в этом теряется.

А тут простой человек, без среднего образования, может, в душе сукин сын и жулик, поглядел своими бельмами на девчонку, подумал как и чего, и, пожалуйста, — имеете заместо тяжелого недомогания здоровую личность.

А этот случай был с девчонкой.

Такая небольшая девчонка. Тринадцати лет. Ее ребятишки испугали. Она была вышедши во двор по своим личным делам. А ребятишки, конечно, хотели подшутить над ней, попугать. И бросили в нее дохлой кошкой. И у нее через это дар речи прекратился. То есть она не могла слова произносить после такого испуга. Чего-то бурчит, а полное слово произносить не берется. И кушать не просит.

А родители ее были, люди, конечно, не передовые. Не в авангарде революции. Это были небогатые родители, кустари. Они шнурки к сапогам производили. И девчонка тоже чего-то им вертела. Какое-то колесо. А тут и вертеть не может и речи не имеет.

Вот родители мотали, мотали ее по всем врачам, а после и повезли к одному специальному человеку. Про него нельзя сказать, что он профессор или врач тибетской медицины. Он просто лекарь-самородок.

Вот привезли они своего ребенка в Шувалово до этого специалиста. Объяснили ему, как и чего.

Лекарь говорит:

— Вот чего. У вашей малютки прекратился дар речи через сильный испуг. И я, говорит, так мерекаю. Ну-те я ее сейчас обратно испугаю. Может, она, сволочь такая, снова у меня заговорит. Человеческий, говорит, организм достоин всеобщего удивления. Врачи, говорит, и разная профессура сама, говорит, затрудняется узнать, как и чего и какие факты происходят в человеческом теле. И я, говорит, сам с ними то есть совершенно согласен и, говорит, затрудняюсь вам сказать, где у кого печенка лежит и где селезенка. У одного, говорит, тут, а у другого, может, не тут. У одного, говорит, кишки болят, а у другого, может, дар речи прекратился, хотя, говорит, язык болтается правильно. А только, говорит, надо на все находить свою причину и ее выбивать поленом. И в этом, говорит, есть моя сила и учение. Я, говорит, дознаюсь до причины и ее искореняю.

Конечное дело, родители забоялись и не советуют девочку поленом ударять. Медик говорит:

— Что вы, что вы! Я, говорит, ее поленом не буду ударять. А я, говорит, возьму махровое или, например, вафельное полотенце, посажу, говорит, вашу маленькую лахудру на это место, и пускай она сидит минуты три. А после, говорит, я тихонько выбегу из-за дверей и как ахну ее полотенцем. И, может, она протрезвится. Может, она шибко испугается и, я так мерекаю, может, она снова у нас разговорится.

Тогда вынимает он из-под шкафа вафельное полотенце, усаживает девочку куда надо и выходит.

Через пару минут он тихонько подходит до нее и как ахнет ее по загривку.

Девчонка как с перепугу завизжит, как забьется.

И, знаете, заговорила.

Говорит и говорит, прямо удержу нету. И домой просится. И за свою мамку цепляется. Хотя взгляд у ней стал еще более беспокойный и такой вроде безумный. Родители говорят:

— Скажите, она не станет после этого факта дурочкой?

Лекарь говорит:

— Этого я не могу вам сказать. Мне, говорит, дело сообщить ей дар речи. И это есть налицо. И, говорит, меня не так интересует ваша трешка, а мне, говорит, забавней видеть подобные результаты.

Родители подали ему трешку и отбыли.

А девочка, действительно, заговорила. Действительно верно, она немного в уме свихнулась, немножко она такая стала придурковатая, но говорит, как пишет.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ!

Москва до чего быстро шагает. Прямо у нас, у ленинградских жителей, голова кружится.

Недавно мы писали — трамваи будут отапливаться, а теперь опять не слава богу, — финиковые пальмы будут в Москве посажены. На бульварах.

Очень в Москве темп отчаянно быстрый. Через два года, небось, из Африки попугаев выпишут или обезьян. Очень уж там быстро техника шагает.

Главное, в газетах определенно сказано:

Сухумский питомник МКХ предназначается для выращивания субтропических растений, которые будут отсюда перевозиться в Москву. Первая партия растений сухумского питомника будет получена в Москве летом будущего года. В эту партию войдут 4000 финиковых пальм и другие растения. Часть финиковых пальм предназначается для продажи населению, а остальные будут рассажены на бульварах и скверах.

Мы, ленинградцы, прямо загрустили от такого сообщения. Все Москве и Москве. И пальмы Москве, и попугаи Москве. А у нас только и экзотики, что «Ленинградодежда».

А только вот что. Из такой большой партии благородных деревьев прилично бы и нам хотя бы 200 пальм уделить. У нас, в Ленинграде, и климат мягче. У нас скорее пальмы привыкнут. И, может, даже начнут плоды давать — государству на пользу, пиццетресту на удивление.

А то в Москве чертовские морозы зимой бывают. Завянут же пальмы. Или их ватином будут обкладывать? Все можно ожидать.

Между прочим, «Пушка» решила в складчину купить себе три пальмы. Посадим их перед входом. На Фонтанке. Смехота.

НЕПРИЯТНОСТЬ

Вот довольно поучительный факт. Необходимо знать каждому гражданину.

Один наш знакомый человек всыпался в историю.

А была у него небольшая квартира. Первоначально это была большая квартира. А после раздела наш знакомый имел одну комнату, кухню и переднюю.

А знакомый был очень такой подвижной, характерный человек. Вообще энергичный. А главное — ему с семьей мало было одной комнаты.

И начал он прикидывать в уме, чего ему сделать. И вдруг придумал.

«Передняя комната — это, думает, излишняя роскошь. Я не эппман. Гости могут не раздеваясь сидеть. Или пущай польты под себя подкладывают. Дай, думает, из этой просторной передней я себе две комнаты сочиню. Столовую комнату и детскую».

Очень загорелся наш знакомый на это дело. Однако, человек бывалый — побегал до правления и попросил разрешения воздвигнуть стенку.

Там очень обрадовались.

— Пожалуйста, говорят, об чем речь!

И с этим согласием наш знакомый в ударном порядке занялся строительством и в скором времени заимел симпатичную квартиру из трех комнат.

И только он обжился в этом помещении, вдруг правление заявляется.

— Так что, говорят, как известно, у вас теперича три комнаты. Так что, говорят, образовались внутрикомнатные излишки. Вам, говорят, как удобнее — вселить к вам или, наоборот, вы будете платить в тройном счете?

— За что же, говорит, платить? Ведь это передняя.

— Была, говорят, передняя, а теперича наглядно видать две комнаты.

Очень загрузил наш друг. И через день собственными силами сломал злополучную стенку. И снова теперь имеет переднюю.

А только он снова имеет неприятность. Зачем сломал стенку без разрешения и тем самым нанес ущерб жилищному строительству. И вообще возникает уголовное дело.

Давеча мы встретили нашего знакомого. Идет скучный.

— Лучше бы, говорит, не рыпался.

Пожалуй, верно.

СЕРЕНАДА

Вот опять приходится извиняться за бедность сюжета. Сюжет, действительно, опять выходит мало актуальный. И слабо отвечает на вопросы дня.

Даже ликвидацию неграмотности не можно сюда подвести.

А только это не беда! Пущай население хоть раз в жизни прикоснется к легкому художественно-агитационному чтению. А то все ликвидация неграмотности да борьба с алкоголем — читателя аж в бутылку загнали.

Пущай он немного отдохнет. Тем более, факт очень оригинальный и показательный. Схватились два человека, и слабый человек, то есть совершенно ослабевший, золотушный парнишка наклепал сильному.

Прямо даже верить неохота. То есть как это слабый парень может, товарищи, нарушить все основные физические и химические законы? Чего он сжулил? Или он перехитрил того?

Нет! Просто у него личность преобладала. Или я так скажу: мужество. И он через это забил своего врага.

А подрались, я говорю, два человека. Водолаз, товарищ Филиппов. Огромный такой мужчина с буденновскими усами. И другой парнишка, вузовец, студент. Такой довольно грамотный полуинтеллигентный студентик. Между прочим, однофамилец нашего знаменитого советского романиста Малашкина.

А водолаз Филиппов, я говорю, был очень даже здоровый тип. В водолазном деле слабых, конечно, не употребляют, но это был ужасно какой здоровый дьявол.

А студент был, конечно, мелковатый, непрочный субъект. И он красотой особой не отличался. Чего-то у него завсегда было на морде. Или золотуха. Я не знаю.

Вот они и подрались.

А только, надо сказать, промежду них не было классовой борьбы. И тоже не наблюдалось идеологического расхождения. Они оба-два были совершенно пролетарского происхождения. А просто они, скажем грубо, не поделили между собой бабу. На двенадцатом году революции они не поделили бабу! Это ж прямо анекдот.

Такая была Шурочка. Так, ничего себе. Ротик, носик — это все есть. Но особенного такого сверхъестественного в ней не наблюдалось.

А водолаз, товарищ Филиппов, был в нее влюбившись. На двенадцатом году революции.

А она с ним немножко погуляла и перекинулась на сторону полуинтеллигенции. Она на Малашкина кинулась. Может, он ей разговорчивей показался. Или у него руки были чище. Я не знаю. Только, она, действительно, отошла к нему.

А тот, знаете, и сам не рад своему счастью. Потому, глядит, очень ужасный у него противник. Однако, виду не показывает. Ходит довольно открыто и водит свою мадам в разные места.

А водолаз, конечно, его задевает. Прямо не дает ему дыхнуть.

Называет его разными хамскими именами. В грудь пихает. Пихнет и говорит:

— А ну, выходи на серенаду! Сейчас я тебе, паразит, башку отвинчу.

Ну, конечное дело, студент терпит. Отходит.

А раз однажды стоят ребята во дворе дома. Тут все правление. Члены. Контрольная комиссия. Водолаз тоже сбоку стоит. И вдруг идет по двору Костя Малашкин со своей Шурочкой. А водолаз нарочно громко говорит контрольной комиссии:

— На морде, говорит, проказа, а, между прочим, барышень до дверей провожает.

Тогда студент провожает свою даму и возвращается назад.

Он возвращается назад, подходит до компании и хлоп товарища водолаза по морде. Водолаз, конечно, удивляется такому нахальству и хлоп, в свою очередь, студента. Студент брык наземь. Водолаз к нему подбегает и хлоп его обратно по брюху и по разным важным местам.

Тут, конечно, контрольная комиссия оттеснила водолаза от студента. Поставили того на ноги. Натерли его слабую грудку снегом и отвели домой.

Тот ничего, отдышался и вечером вышел подышать свежей прохладой.

Он вышел подышать прохладой и на обратном ходу встречает водолаза. И тогда он снова быстрым темпом подходит до водолаза и обратно бьет его в харю.

Только на этот раз не было контрольной комиссии, и водолаз, товарищ Филиппов, порядочно отутюжил нашего студента. Так что пришлось его на шинельке домой относить.

Только проходит, может, полторы недели. Студент совершенно поправляется, встает на ножки и идет на домовое собрание.

Он идет на домовое собрание и там обратно встречает водолаза.

Водолаз хочет его не увидеть, а тот подходит до него вплотную и хлоп обратно по рылу.

Тут снова происходит безобразная сцена. Студента кидают, вращают по полу и бьют по всем местам. И снова уносят на шинельке.

Только на этот раз дело оказалось серьезней. У студента стали отниматься передние и задние ноги.

А дело было к весне. Запевали птички. И наш голубчик студент после этой битвы ежедневно сидел у раскрытого окна — отдыхал. И водолаз всегда отворачивался и проходил мимо. А когда к водолазу подходил народ, даже хотя бы с контрольной комиссии, он ужасно сильно вздрагивал и башку назад откидывал, будто его бить хотели.

Через недели две студент еще три раза бил водолаза и два раза получал сдачи, хотя не так чувствительно.

А в третий и в последний раз водолаз сдачи не дал. Он только потер харю и говорит:

— Я, говорит, перед вами сдаюсь. Я, говорит, через вас, товарищ Костя Малашкин, совершенно извелся и форменно до ручки дошел.

Тут они полюбовались друг другом и разошлись.

Студент вскоре расстался со своей Шурочкой. А водолаз уехал на Черное море нырять за «Черным Принцем».

На этом дело и кончилось.

Так что сила силой, а против силы имеется еще одно явление.

ЛОШАДИНАЯ ИСТОРИЯ

Это было в городе Сарапуле. Я так, конечно, думаю, что в Сарапуле. Потому что это событие описано в сарапульской газете «Красное Прикамье» (№ 287). И надо полагать, что газета описывает свои собственные уездные происшествия и делишки, а не наши ленинградские.

Так вот в городе Сарапуле произошла раз однажды крупная лотерея. То есть обыкновенная выигрышная лотерея с разрешения начальства.

Были указаны разные заманчивые выигрыши. И среди них был объявлен самый главный, знаменитый выигрыш — живая лошадь с упряжкой. А которые не захотят лошадь, тем пятьсот монет чистоганом. Так было в афише указано.

И вот поперло счастье одному рабочему пролетарию. Взял он всего один билет и выиграл эту самую лошадь.

Ну, ясное дело, обрадовался.

— Лошадка, думает, мне, конечно, не требуется. Я на ней ездить не приучен. А дай, думает, вместо этой лошадки приму деньги.

Начал он требовать свои пречистые пятьсот рублей, — не дают.

— Так что, говорят, извиняемся, денег мы не дадим, а лошадь, в крайнем случае, если хотите, — берите. Только, говорят, приплатите нам 108 рублей за ее харчи.

Конечное дело, выигравший расстроился.

— За что же, говорит, помилуйте, 108 рублей?

— То есть, говорят, как за что? Лошадь-то мы кормили, ай нет?

— Ну, говорит, кормили.

— А раз, говорят, кормили, то, говорят, деньги тратили. И, значит, платите 108 рублей и уносите скорее своего коня, а то он стоит не жравши с момента выигрыша.

Счастливым рабочий говорит:

— Братцы, да может, вся ваша лошадь вместе со своим хвостом стоит 106 рублей. Как же так? Я же выиграл, я же еще и докладать два рубля должен? Войдите, говорит, в положение выигравшего человека.

Ему говорят:

— Ты, говорят, выиграл, а не мы. Ты, говорят, и разбирайся в вопросах. А только ты нас должен крайне благодарить, что мы своевременно кормили твоего коня. Ну те, вообрази — мы бы его не кормили! Он бы взял и подох или стоял бы при смерти? Чего бы ты тогда выиграл? Ну, разве тебе приятно мертвое лошадиное тело выигрывать?

— Да, говорит, действительно неприятно.

— А раз, говорят, так, то об чем речь?

Ну, тут, конечно, они еще поторговались и сошлись на 50 руб. Счастливый рабочий заплатил деньги и увел своего коня. Что он теперь с ним делает — неизвестно. А конь, говорят, уже нажрал рублей на двести. Бывают в жизни огорчения!

Между прочим, главное огорчение выпало заведующему товарищу Гришину. Его пришили к делу. А конь все жрет и жрет и ничем больше не интересуется.

НЕ ЗАБАВНО

Конечно, город Минусинск — это вам не Москва.

Это в Москве бывает все быстро, спешно и в ударном порядке. А тут, так сказать, наоборот и совсем напротив. Тут течение жизни медленное. Все идет с прохладцей. Никто зря на дело не кидается. А если чего и делают, то подумавши несколько дней. Иначе, наверное, сибирский суровый климат не позволяет.

А произошел в этом самом Минусинске такой драматический эпизод.

Уперли деньги у одного товарища. Одним словом, свистнули какую-то сумму у одного физкультурника из «Динамо».

Как именно и при каких обстоятельствах произошел этот кошмарный случай — мы не знаем. Газета «Власть Труда» не сообщает этих подробностей. А мы сами не можем на таком расстоянии угадывать. Мы только знаем, что потерпевший был вполне симпатичный гражданин. И что днем у него еще шуршали эти деньги в кармане. А к вечеру и шуршать перестали — уперли.

И хотя очень расстроился наш потерпевший гражданин, однако, присутствия духа не потерял.

Он тотчас смотался в адмотдел, поднял там тревогу и объяснил, сколько у него денег уперли и кто именно упер.

Он подозревал одного человечка.

В отделе говорят:

— Это, говорят, хорошо, что вы подозрение имеете на определенное лицо. Это очень помогает расследованию.

Главное — мы теперь знаем, у кого ваши деньги искать. Мы небольшой обыск произведем и ваше лицо, как пить дать, засыпется. Считайте свои деньги обратно в кармане.

Очень все порадовались этим словам и со спокойной душой разошлись по домам.

И снова в городе потекла жизнь тихая и спокойная. Днем снежок сыпется. Ночью луна сияет на небосводе. Одну ночь луна сияет. Потом вторую ночь сияет. Третью ночь сияет.

И вот в эту третью ночь адмотдел, обдумавши все до тонкости, пошел делать обыск у несчастного гражданина, на которого пало тяжелое подозрение.

Конечно в Москве или в Ленинграде сделали бы этот обыск немного побыстрей. Ну, в тот же день — вечером. Или на другой день. Но для провинции и это — достижение.

Газета подтверждает наши мысли:

Вместо того, чтобы обыск у этого гражданина сделать в тот же вечер, адмотдел соизволил придти с обыском через два дня. Ясно, что ничего обнаружить не удалось.

Дело, так сказать, закончилось к общему благополучию, и снова жизнь в городе потекла ровно и без перебоев. У потерпевшего снова, небось, завелись деньжата. А который спер, тот, небось, уже поистратился. И снова, небось, обдурмывает свои мелкие делишки.

Сыпется снежок в Минусинске. Температура — минус восемнадцать.

Неинтересный климат!

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Вот говорят — спеедство. Спецов, дескать, заедают. Дескать, им дыхнуть не дают. Это — грубые слова и ничего больше.

Вон в Славянске специально для них дом отгрохали. Специально для инженеров. Пушай живут. Пушай не страдают. Пушай работают.

Теперь является вопрос — кто этот дом производил? Кто его строил? Надо полагать — его строили сами товарищи инженеры. Какие-нибудь, наверное, гражданские инженеры с высшим образованием. Хотя если на дом со стороны поглядеть, то высшего образования не можно увидеть. Потому небольшой изъян в глаза бросается.

Нам в Славянске не приходилось бывать. Так сказать, выражаясь старым языком, господь Бог оберек нас от этого грустного путешествия. И в силу этого нам не пришлось полюбоваться на инженерский домик. Но «Рабочая газета» пишет:

На Харьковской улице построен дом для инженеров. Но выдвинули его на целую сажень на тротуар, поэтому дом придется перестраивать.

Первоначально у нас мелькнула идея — в Славянске гнойник открылся. И появились вредители. Потом видим — нет. Домишко построен для себя. Так что подозрения излишни.

И потом, в чем дело? Чего такое значит одна сажень в общем государственном строительстве? Если бы они домик поперек улицы поставили, тогда действительно трудно было бы пешеходам и гражданам (гляди рисунок).

А так — в чем дело! Маленько небрежно выдвинули вперед, а уж кругом недовольны. Перестраивать велют.

Зачем перестраивать? Пушай так живут. Небось, самим будет противно.

Не надо обижать славянских инженеров. Они сами себя обидели.

ХОРОШИЙ ЗНАКОМЫЙ

Пушай читатель за свои деньги чувствует — я печатаю этот рассказ прямо с опасностью для здоровья.

Это есть истинное происшествие. Все, так сказать, взято из источника жизни. И я побаиваюсь, как бы главное действующее лицо не набило бы мне морды за разглашение подобных фактов.

Ну, да, может, как-нибудь мирно обернется. А факт уж очень густой. Прямо не могу молчать.

А было это в Москве. И жил в этой Москве, на Зацепе, такой московский гражданин А. Ф. Царапов.

Особенно он ничем таким не отличался. Только тем он отличался, что в свое время учился в одной и той же прогимназии с одним очень ответственным товарищем. Одним словом, с наркомом. Вот только я позабыл, с каким наркомом.

Или с наркомом труда или собеса. А, может быть, и чего-нибудь другого. Я не запомнил.

Ну, и, конечно, в силу этого он любил похвалиться этим обстоятельством своей жизни. Дескать, они и в перышки вместе игрались. И будто, я извиняюсь, за волосья друг друга дергали. И даже будто раз однажды товарищ нарком французскую булку у него скушал. Франзоль.

Про этот факт А. Ф. Царапов особенно любил наворачивать. И при этом у него завсегда слезы в глазах горели от разных гуманных чувств и переживаний.

Только, товарищи, предупреждаю. Я за это дело не отвечаю. Тем более, может, это вранье со стороны Царапова. Хотя факт вполне допустимый. Тем более правительство рабоче-крестьянское. Вожди из народа. Не министры. Это министры, действительно верно, в детском возрасте, может, пирожки с кремом жрали, а от простой французской булки морды отворачивали. А тут вполне допустимое явление.

Так вот, — раз однажды, когда А. Ф. Царапов обратно начал касаться этой французской булки, подходит до него один такой, безработный жилец и так ему говорит:

— Вот, — говорит, — вы разные слова произносите и, говорит, кормите наркома французской булкой... Чего я вас попрошу... Закиньте пару словец насчет меня... Как я, — говорит, — есть безработный с одна тысяча девятьсот двадцать второго года и не могу найти службу... А тут как раз слышу подобные речи и факты.

А. Ф. Царапов говорит:

— Ладно! Специально я ехать к нему не буду. У него делов и без нас хватает. Но, — говорит, — как-нибудь, отчего же. Об чем разговор...

Все многолюдное общество и сам безработный так ему говорят:

— Да вы, — говорят, — не откладывайте это дело. Вы, — говорят, — звякните ему.

И, конечно, приперли к стенке Царапова. И пришлось ему позвонить.

Или нарком, действительно, узнал в нем своего бывшего одноклассника. Или просто не хотел грубить по телефону. Только он так ему говорит:

— Насчет протекции это хуже. Я гляжу против протекции, хвостизма и спецеедства, но, говорит, поговорить на разные темы, отчего же, можно.

И велит, значит, Царапову приехать к часу дня.

И вот, на другой день А. Ф. Царапов под громкие аплодисменты и овации всего дома отбыл к наркому, совершенно не предполагая, что в пути произойдет с ним непредвиденное обстоятельство, которое нарушит весь торжественный ход событий. Только не подумайте — не встреча с наркомом. Другое.

А подходит товарищ Царапов до трамвая. И садится. Он садится в трамвай и ожидает движения. А движения, видит, нету.

А, надо сказать, это была конечная трамвайная станция. И сразу там, конечно, движения не бывает. Надо и кондуктору погреться в помещении и, может, ведомость написать.

Одним словом, нет и нет движения.

Начал Царапов слегка волноваться — не опоздать бы.

Вышел на площадку. Легонько про себя ругается. Тут же какой-то гражданин стоит. Такой у него неопределенный облик. Хотя, видать, трудящийся. В ватном полупальте. И тоже выражает недовольствие.

— Беруть, — говорит, — по 8 копеек, а, между прочим, стоят.

А. Ф. Царапов ему говорит:

— Главное, товарищ, мне надо к наркому ехать. А они определенно не чешутся.

Трудящийся говорит:

— Они так завсегда. Деньги им подай, а ехать они не хотят. На стоянках отыгрываются. Ток экономят... Эвон глядите — вожатый, как более сознательный, идет, а кондукторша, зараза, еще греется.

Начал Царапов говорить, зачем он едет и вообще про французскую булку и вдруг, знаете, позвонил. Дернул сигнал, дескать, можно ехать.

Чего у него в эту минуту было на душе — остается тайной природы. Но только он позвонил. И так говорит:

— Пушай без кондукторши поедem. Как-нибудь обойдемся, раз мы имеем от них такие поступки. Не опаздывать же.

И вагон, конечно, поехал.

Едут. Доехали до трамвайной остановки. Вошла публика. Царапов обратно дает сигнал.

Опять поехали.

Через три остановки начала публика глядеть, где кондуктор. Глядит — нету. Глядит — пассажир и звонки названивает, и денег не берет, и жалованья не требует.

Пожалуйста, думают. Дешевле ехать. И молчат.

Так бы, может, и доехал наш Царапов до своего знакомого наркома, но тут очень видную роль сыграла служба связи.

Поднялась, конечно, тревога на конечном пункте. Дескать, трамвай ушел, — задержать и все такое. Ну, и задержали на шестой остановке.

Конечно, схватили Царапова. Окружили. Начали его ругать. А сильнее всех ярился вожатый. Он даже хотел своей медной рукояткой личность ему разбить за такое нахальство. Только удержали.

Из публики говорят:

— Одно не понять, чего он, обалдуй, с окружающих граждан денег не брал. Все равно сидеть.

А. Ф. Царапов, конечно, умоляет и вообще вопит, что его зарезали этим делом, что теперь он может опоздать к наркому.

Однако, как он ни бился и как ни кусался, его не выпустили и доставили в милицию.

Правда, через два часа его освободили, но к наркому он уже не поехал. Безработный жилец остался безработным с 22-го года. И вся жизнь потекла по прежнему руслу.

А этим художественным произведением автор хочет сказать: не гордись. А ежели гордишься, поезжай, в крайнем случае, на извозчике.

ДОМАШНЕЕ СРЕДСТВО

Конечно, население само виновато. Приходится сознаться. Население ненаучно подходило к врачам — било их последнее время по мордасам и по чем попало.

А то был еще такой небольшой период — убивать начали за слишком неважное лечение.

Потом бросили убивать, опять поколачивать стали. Хотя это все реже и реже, и надо полагать, что самосознание масс вскоре целиком восторжествует и население будет тихо и безропотно лечиться.

И очень горячо советуем. А то такой ненаучный подход самим во вред оборачивается.

Ясное дело, врачи стали нервничать, стали грустить от своей профессии, стали позабывать разные нехирургические инструменты во внутренностях больных граждан.

Надо будет врачей окружить полной тишиной и спокойствием. Пущай они успокоятся, оправятся, почистят свои инструменты. И пущай не будет больше таких прискорбных фактов, как этот последний, случившийся несомненно на почве нервной невнимательности.

А лежали в одной больнице в Ленинграде два человека. Совершенно не родственники, но однофамильцы. Один, конечно, имел прогрессивный паралич. А другой, я извиняюсь, был алкоголик. Он, дай бог ему здоровья, проходил курс принудительного лечения.

Паралитик имел фамилию А. Р-ов, а голубчик алкоголик — С. Р-ов.

И, значит, понадобилось по медицинским соображениям подбавить крови паралитику. Ему надо было подбавить крови от малярийного больного. Говорят, от этого домашнего средства паралич уменьшается. Не знаю. Не думаю.

Ну, конечно, отдали распоряжение схватить, то есть вообще взять, так сказать, предложить больному отправиться с фельдшером, в другую больницу.

И как раз тут и произошла полная невнимательность со стороны медицинского персонала. Заместо одного больного схватили другого, а именно нашего голубчика, страдающего любовью к выпивке.

Газета пишет по этому поводу:

По невнимательности вместо А. Р-ва в больницу им. Балинского был направлен его однофамилец — С. Р-в, находившийся на принудительном излечении от алкоголизма.

Когда ошибка была замечена, С. Р-ву было уже сделано переливание крови.

Наверное он, голубчик, отбивался, кричал и все такое, но наука восторжествовала над темнотой и несознательностью. Человеку влили чего следует и только потом заметили, что вкатили не тому.

Конечно, безусловно, те же врачи теми же гениальными домашними средствами, несомненно, вылечат пострадавшего человека от малярии, но все же как будто не тово...

Хотя, говорят, этот факт и вообще курс такого энергического лечения дал счастливые результаты.

Говорят, все больные алкоголики, находившиеся в то время в больнице, — пить бросили.

— Это, говорят, ну, слишком безобразно — пить в наше время.

И не пьют. Боятся.

Адреса больницы не оглашаем. Там, дорогой читатель, и без нас с вами, небось, закрутили большое дело. А сообщаем обо всем просто так, для информации.

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Нэпманам, разным нашим богачам и вообще иностранным капиталистам завидовать не приходится.

Жизнь у них, безусловно, тяжелая.

У них масса лишних переживаний в связи со своими деньжатами. Приходится всю жизнь следить за своим добром, прятать, дрожать, чтоб не уперли.

Тоже и подыхать при деньгах несладко. В ад-то с собой монету не возьмешь.

А очень такую удивительную денежную историю я слышал про одного нэпмана. История очень наглядно рисует капиталистов со всех ихних сторон. Вообще это есть отчаянная сатира, обернутая против нэпманов, а также против всяких людей, которые деньги обожают больше жизни.

А жил в Ленинграде такой П. Я. Сисяев. Такой довольно арапистый человек. Он в начале нэпа парикмахерскую дер-

жал. Только, кроме стрижки и брижки, он еще иностранной валютой торговал и вообще разные темные делишки обстрипывал. Ну, и, конечно, засыпался.

Он засыпался в 26 году летом. Маленько посидел, где следует. И вскоре его, голубчика, выперли из Ленинграда куда-то подальше. Ему чего-то, одним словом, дали — минус 7, или плюс 7, или 8, черт его разберет. Я в этих делах пока что слабо понимаю. Одним словом, его, как плута и спекулянта, выслали в Нарымский край.

И, значит, он, хочешь не хочешь, поехал.

А надо сказать, он своего ареста ожидал. У него сердце не было спокойно. Он еще за неделю сказал своим компаньонам, дескать, как бы не угадать куда-нибудь.

И, конечно, на всякий случай он взял старую кожаную тужурку, подпорол ей бортник и зашил туда десять царских золотых монет и один золотой квадратик. Может быть, помните — государство в 24 году выпустило такие золотые квадратики для технических надобностей.

Вот он, значит, на всякий пожарный случай и подзашил свое добро в тужурку и прямо из этой тужурки он больше не вылезал. Да еще в брюки он тоже зашил разные бумажные деньги.

И стал поджидать.

Только он недолго ждал. Вскоре после того его взяли вместе с тужуркой. И осенью он поехал куда следует.

Только неизвестно, как он там жил. Может быть, скорей всего, он не очень худо жил. Тем более, бумажных денег у него было вдоволь припасено. Он знай себе подпарывал брю-

ки и вынимал что-то из бумажника. А до золота он, между прочим, не дотрагивался.

Только живет он так больше года. И вдруг хворает.

Он хворает воспалением легких. Он там простудился. Его там просквозило на работе. И он там захворал.

Конечно, кашель поднялся, насморк, хрипы, температура минус 40 градусов. В боку колет. Аппетита нету. И вообще человек чувствует приближение собственной кончины.

И тогда ночью сымает он с себя кожаную свою тужурку и вновь подпарывает ей бортик.

Он подпарывает ей бортик, кладет на язык золотые монетки и глотает их в порядке живой очереди.

Только, может, он проглотил их пять или шесть штук, как вдруг замечает эти преступные действия один из его приятелей. Их там по 7 человек вместе жило.

Заметил это приятель, поднял тарарам и не допустил глотать остальные деньги.

И хотя тот за того хватался и умолял, но этот говорит:

— Мне, говорит, не так золото жалко. Я себе золота не возьму. Но я, говорит, не могу допустить проглатывать. Тем более, воспаление легких иногда проходит. А тут и денег не будет и, вообще, засорение желудка.

Короче говоря, вскоре больной поправился. Грудь ему освободило. Дыхание вернулось. Но является новая беда — в желудке колет, кушать неохота и слюни не идут.

И спасибо, что больной не все монеты заглотал. А то бы совсем невозможно получилось.

Конечно, можно было больному схлопотать в Томск поехать, на операцию лечь. Но только он сам не захотел. Ему здоровье не позволяло. Да и он, может, пугался, что во время хлороформа он не досмотрит и хирурги разворуют его монеты.

Он только допустил разные внутренние средства и дозволил себя массировать.

Разные сильные средства, конечно, выгнали монеты наружу, но по подсчету их оказалось меньше чем следует.

Тут вообще дело темное. Или уперли во время тарарама несколько монет, или они в желудке остались.

Так что ежели считать, что в желудке ничего нету, то недостает трех монет и одного квадратика. Тогда, значит, действительно уперли. И тогда, значит, надо прекратить массаж и лечение.

Но зачем на людей тень наводить? Может быть, монеты лежат себе в желудке. Тем более, для здоровья это не играет роли. Золото не имеет права давать ржавчину, так что оно может лежать до бесконечности.

Конечно, жалко, что валюта лежит без движения. Но, может, она и в движении у других граждан.

ТУХЛОЕ ДЕЛО

Довольно радостное сообщение мы вычитали в газетах. Отныне не будут выкидываться в помойку испорченные куриные яйца, а будут из них производить какой-то там технический желток. Уже, говорят, использовали для этой цели не то 10, не то 10 000 вагонов яиц.

Ах, это очень мило со стороны хозяйственников использовать подобную требуху!

Оно, конечно, симпатичней было бы совершенно не портить яички. Но раз эти хозяйственники закрепились на таких позициях, то что ж делать.

Ладно уж. Валяйте! Благословляем на это тухлое дело. А благодаря этому принципу, очень счастливые горизонты открываются в связи с кампанией по снижению качества продукции.

Скажем — не задался ситчик. Скажем — брак. Скажем — вышел из-под машины редковатый ситчик. Такой, что костюм из него шить неловко, а кидать в помойку обидно. Чего делать?

А делать из него можно, для примеру, сачки. Чтоб ловить бабочек. Очень мило и элегантно получается. Бабочкам тепло и не дует. И ребенку смешно. Побольше бы такого ситчику!

А если бабочки будут пугаться очень яркой и грубой раскраски, то это дело поправимое. Такой ситчик через пару солнечных дней абсолютно беленький будет. Побольше бы такого ситчику!

Или, скажем, хлеб выпечен плоховато. Скажем — подгорелый хлеб или, напротив того, выжимать можно. В рот такой хлеб не лезет, а кидать его скучно. Чего делать?

А делать из него можно чего угодно. Можно, обратно, шахматы лепить. Или шашки. Или детские игрушки производить. Побольше бы такого хлебчика!

Или вот вспомнилось нам кирпичное производство. Скажем — кирпич не удался, как это теперь часто бывает.

Скажем — и форма прилично вышла, и цвет приятный, но вообще мягковато получилось. Не булка, конечно, но слегка мнется при нажиме.

Одним словом, небоскреба с такого кирпича не построишь, а кидать жалко. Собственно, даже не жалко, а так, вообще, обидно.

Чего с ним делать? А ничего с ним делать нельзя. Так, разве что сложить — и пущай лежит в пирамидах для красоты и благоустройства. И вообще это подбадривает. Все-таки как-то на душе энергичней становится. Поглядишь, а это жил-площадь напоминает. Правда, отдаленно.

Так что очень, я говорю, здорово получается, благодаря отбросам. Все приспособлено.

Единственно не знаем, куда наших таких горемычных вредителей приспособить, черти их подери совсем. То ли им бабочек ловить, то ли им в шашки в поддавки играть, то ли еще что.

1 : 0

Если, для примеру, милиция схватила уличную торговку и ее тянет куда надо — обязательно народ собирается.

Которые, конечно, яблочки собирают. А которые сочувствуют.

И какая-нибудь, чаще всего нервная дамочка или, скорей всего, какой-нибудь нежизненный тип из бывших словес интеллигенции, по характеру своему нытик и малOVER,

начинает хвататься за обмундирование и самым тонким сопрано произносит слова, дескать, просьба всей собравшейся публики — отпустить эту мелкую торговку. Дескать, у ней и заработку, может, шесть копеек в неделю и ейный бывший муж, может, бывший подпольщик и так далее. И, дескать, побойтесь бога и вообще, где же мировая справедливость...

Оно, конечно, в такие милицейские дела наилучше всего посторонним не соваться со своим сопраном.

Потому доказать мировую справедливость нипочем невозможно. И, тем более, есть специальная инструкция. Так что милиция отвечает на это довольно резко и определенно.

Ну, и в крайнем случае, если малOVER еще продолжает сомневаться и вообще рвет обмундирование, — заматают.

Тем не менее, однако, все-таки, зная такой распорядок и такую, так сказать, повестку дня, решили мы, не жалея собственных нервов и бумаги, встрять в одно такое именно милицейское дело.

Нам сообщают из Старого Петергофа:

Начальник урицкой милиции Гарнец со своими милиционерами в футбол играет, но вместо мяча бьет ногами по корзинкам уличных торговков. Штрафовать — не штрафует, патентов не проверяет, а просто чикает.

Так вот, решили мы, невзирая на лица, встрять в это дело. И хотя начальник милиции уже получил выговор, однако, мы желаем еще подбавить пару. И в силу этого печатаем по-

добный футбольный случай — пушай человек прочтет и застесняется.

А если торговки прочтут — пушай не наглеют и пушай со своими корзинками вперед не прутся. Штрафовать определенно будут. Но ножками ковырять товар не позволим.

Одним словом, футбольная игра окончена 1 на 0 не в пользу урицкой милиции. Неприлично!

ТЕРПЕТЬ МОЖНО

Конечно, об чем говорить, каждая профессия имеет свой брак.

Взять хотя бы такое мелкое и глупое дело — парикмахерское. И то без брака там не обходится. Другой озверевший парикмахер в выходной день до того обработает своего пассажира, что после родная мама его не узнает.

Или, обратно, стекольщики. Газеты пишут, будто эти славные ребята имеют на круг пятнадцать процентов брака.

То есть, для примеру, произвели стекольщики сто графиров. Так из этих ста стеклянных вещиц — пятнадцать вовсе невозможно пустить в продажу. Остальные проценты тоже, собственно говоря, не следовало бы пускать на прилавок, но приходится. Надо же чем-нибудь торговать. Тем более покупатель — он купит. Действительно, будет плакать, отбиваться и морду отворачивать, но купит.

Или, обратно, повара и доктора. Они также имеют свой брак. Говорить об этом не приходится. Каждый кушал и после к врачам заходил.

Одним словом, какую профессию ни возьми — везде есть брак.

И только есть одна профессия. Она не имеет брака. Это, прямо скажем, — почтовое дело.

Ну сами посудите, сами раскиньте своим воображением. Ну какой может быть брак в этом культурном деле? Что ли, вместо марки на ладонь штемпель ставить? Или заказные письма проглатывать?

Прямо не может быть у них брака.

А это, может быть, очень обидно показалось почтовым начальникам.

То есть, говорят, каждый комиссариат имеет льготы, а мы вроде и не люди, а собаки.

Неизвестно, как в Сибири к этому отнеслись, но Средневожское управление, утомленное такой несправедливостью, поправило это дело. Оно выработало свои нормы брака.

Эти святые строчки можно петь на мотив «Две гитары за стеной».

Средневожское управление связи выработало нормы брака для корреспонденции. Этими нормами разрешалось безнаказанно терять двенадцать процентов писем, шесть процентов заказных писем, четыре процента телеграмм...

Одним словом, почтовики кое-как уравнились с другими профессиями. Нормы допущены подходящие. Не зверские.

Другое бы управление, дорвавшись до такой полноты власти, махнуло бы сразу: «Теряй, робя, пятьдесят процентов на нашу голову». А это такие деликатные мальчишки попались. Обдумали, чего сколько терять. И, заметьте, как глу-

боко продумано. Например, четыре процента телеграмм. Не три и не пять, а четыре. Тонкость какая, замечаете?

При такой тонкости надо бы, я извиняюсь, и про денежные переводы чего-нибудь намекнуть, а они ни гугу. Помалкивают в тряпочку. Ну, надо полагать, тоже не свыше пятнадцати процентов.

Одним словом, терпеть можно. Пальто не снимают. Извиняюсь за обидное сравнение.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

1. Не про людей

Чего-то надоело про людей писать.

Все про людей и про людей. Дозвольте написать о неодушевленных предметах. Для примеру — о кастрюльках.

А то если опять начать про людей, то чего-нибудь нехорошее загнешь. А дело к весне. На сердце, может, цветки распускаются. И обижать никого неохота.

Так вот, имеете рассказ насчет кастрюльки.

Если, скажем, пойти в кооперацию, то, несмотря на некоторую давку и неприятные взгляды работников прилавка, кастрюльку все же можно купить. И довольно даже недорого. Три рубля семь гривен — средняя кастрюлька с крышкой и с ручкой за те же деньги.

Это, ей-богу, недорого! Да оно дешевле и нельзя. И так чуть себе не в убыток торгуют. Очень уж этот товар дефицитный. Его надо много возить. Из Ленинграда в Москву и обратно.

Слов нет, такая кастрюлька после выпуска недорогого стоит — чего-то два рубля с небольшим. Такие кастрюльки у нас в Ленинграде производят на «Красном выборжце». Москва заказывает.

Так вот, берут эти славные двухрублевые кастрюльки с ручкой и везут в нашу красную столицу, в Москву, в ГУМ.

ГУМ полюбуется на эти кастрюльки, поколдует, прикинет чего-то на счетах и велит их везти обратно в Ленинград, в магазины. Газеты так и пишут про это:

Правление ГУМа заказывает металлическую посуду «Кр. выборжцу», везет эту посуду на московский склад, а потом из Москвы присылает в ленинградские магазины.

Вот оно и выходит. Туда, назад повезли — оно и округляется. Спасибо еще, что те кастрюльки в международных вагонах не везут, а то бы, знаете, набежало.

А так совсем недорого. Хорошая, симпатичная кастрюлька, побывавшая в Москве кастрюлька, которая не протекает, несмотря на дальнюю дорогу, стоит всего три рубля семь гривен. Ей-богу, недорого! А вы брюзжите...

2. Про людей

А уж если вам так охота про людей — можно и про людей. Не обижайтесь только.

А этой осенью потребовались на Сахалин работники. Там, на Сахалине, японская концессия имеется. Довольно выгодная. Нефтяная.

Так понадобились японцам рабочие.

А специалисты где? Специалисты по нефти определенно где — в Баку. Можно сказать — на другом конце света.

Вот взяли оттуда 218 рабочих и повезли их, как миленьких, на Сахалин.

Везли, везли.

Больше месяца везли.

Привезли.

Говорят по-японски — дескать, привезли.

Японцы говорят:

— Вот, говорят, и мерси-спасибо! А кого вы привезли?

— А мы, говорят, привезли обыкновенно кого — нефтяников-котельщиков. Тем более мы так располагаем, что у вас нефтяное дело.

— Дело, говорят, у нас, без сомнения, нефтяное, но только нам надо совсем обратную профессию: нам бурильщики до зарезу нужны. А котельщиков у нас — завалиться можно.

Ну, и повезли обратно в Баку. Небось, больше месяца везли.

Оно, конечно, ошибка бывает. Одначе все-таки везти через всю страну 218 человек — это, знаете, чего-нибудь стоит. Это вам не кастрюльки.

Ну, конечно, наверно, кое-кто присел по этому делу. «Известия» писали, будто привлекли кого-то.

Ну, скажем, сидят. Шамают казенный паек. А легче от этого, что ли?

Братцы-сестрицы! Нельзя же из Баку и обратно. Тьфу, ей-богу!

ЛЕТНЯЯ ПЕРЕДЫШКА

Конечно, занять собственную отдельную квартирку — это все-таки как-никак мещанство.

Надо жить дружно, коллективной семьей, а не запираться в своей домашней крепости.

Надо жить в коммунальной квартире. Там все на людях. Есть с кем поговорить. Посоветоваться. Подраться.

Конечно, имеются свои недочеты.

Например, электричество дает неудобство.

Не знаешь, как рассчитывать. С кого сколько брать.

Конечно, в дальнейшем, когда наша промышленность развернется, тогда можно будет каждому жильцу в каждом углу поставить хотя по два счетчика. И тогда пускай сами счетчики определяют отпущенную энергию. И тогда, конечно, жизнь в наших квартирах засияет, как солнце.

Ну, а пока, действительно, имеем сплошное неудобство.

Для примеру, у нас 9 семей. Один провод. Один счетчик. В конце месяца надо к расчету строиться. И тогда, конечно, происходят сильные недоразумения и другой раз мордобой.

Ну, хорошо, вы скажете: считайте с лампочки.

Ну, хорошо, с лампочки. Один сознательный жилец лампочку-то, может, на пять минут зажигает, чтоб раздеться или блоху поймать. А другой жилец до 12 ночи чего-то там жует при свете. И электричество гасить не хочет. Хотя ему не узоры писать.

Третий найдется такой, без сомнения интеллигент, который в книжку глядит буквально до часу ночи и больше, не считаясь с общей обстановкой.

Да, может быть, еще лампочку перевертывает на более ясную. И алгебру читает, что днем.

Да закрывшись еще в своей берлоге, может, тот же интеллигент на электрической вилке кипятик кипятит или макароны варит. Это же понимать надо!

Один у нас такой был жилец — грузчик, так он буквально свихнулся на этой почве. Он спать перестал и все добивался, кто из жильцов по ночам алгебру читает и кто на вилках продукты греет. И не стало человека. Свихнулся.

И после того, как он свихнулся, его комнату занял его родственник. И вот тогда и началась форменная вакханалия.

Каждый месяц у нас набегало по счетчику, ну, не более 12 целковых. Ну, в самый захудалый месяц, ну, 13. Это, конечно, при контроле жильца, который свихнулся. У него контроль очень хорошо был поставлен. Он, я говорю, буквально ночи не спал и каждую минуту ревизию делал. То сюда зайдет, то туда. И все грозил, что топором разрубит, если найдет излишки. Еще удивительно, как другие жильцы с ума не свихнулись от такой жизни.

Так вот, имели в месяц не свыше 12 рублей.

И вдруг имеем 16. Пардон! В чем дело? Это какая же собака навертела такое количество? Или это вилка, или грелка, или еще что.

Поругались, поругались, но заплатили.

Через месяц имеем обратно 16.

Которые честные жильцы, те прямо говорят:

— Неинтересно жить. Мы будем, как подлецы, экономить, а другие току не жалеют. Тогда и мы не будем жалеть. Тогда и мы будем вилки зажигать и макароны стряпать.

Через месяц мы имели по счетчику 19.

Ахнули жильцы, но все-таки заплатили и начали наворачивать. Свет не тушат. Романы читают. И вилки зажигают.

Через месяц имели 26.

И тогда началась полная вакханалия.

Одним словом, когда докрутили счетчик до 38 рублей, тогда пришлось прекратить энергию. Все отказались платить. Один интеллигент только умолял и за провод цеплялся, но с ним не посчитались. Обрезали.

Конечно, это сделали временно. Никто не против электрификации. На общем собрании так и заявили: дескать, никто не против и в дальнейшем похлопочем и включимся в сеть. А пока и так ладно. Дело, тем более, к весне. Светло. А там лето. Птички поют. И свет ни к чему. Не узоры писать. Ну, а зимой — там видно будет. Зимой, может, снова включим электрическую тягу. Или контроль устроим, или еще что.

А пока надо летом отдохнуть. Устали от этих квартирных делов.

МАТЕРИНСТВО И МЛАДЕНЧЕСТВО

Вот кому я не завидую — это старухам. Вот старухам я, действительно верно, почему-то не завидую. Мне им, как бы сказать, не с чего завидовать.

Это народ негибкий. Они в жизни обертываются худо. Или я так скажу: неумело. К тому же, в силу возраста они не могут заняться физкультурой, отчего имеют постоянную душевную меланхолию и непонимание путей строительства. И вообще цепляются за старый быт.

Только я ничего не говорю — бывают разные пансионаты для престарелых старух, разные, так сказать, богадельни. Их туда принимают. Им там кушать дают. Там им светло и тепло. И они там чай пьют, и мягкие булки жрут и котлетами закусывают.

Конечно, попасть туда не все могут. А то бы, знаете, чересчур набилось. Некоторым, может, трудового стажа не хватает туда попасть. Опять же некоторые бывают классово невыдержанные старушки. Этим я тоже не завидую. Жалеть не жалею, но не завидую.

Такая была А. С. Баранова. Такая немолодая старуха. Ей невозможно было пенсион схлопотать по причине ее ненастоящего происхождения. Ее супруг был, я извиняюсь, бывший торговец. Он при царизме ларек держал.

Так что в этом житейском отношении старушке была труба. Главное, родственнички ее все, как один, подошли за бурные годы нэпа. А супруг ее, бывший торговец, тоже не очень давно скончался от расстройства сердечной деятельности. И осталась эта гражданка ни при чем.

То есть, что значит — ни при чем. Она имела какое-то барахлишко. Она имела некоторую мебель, некоторые лампы и абажуры и всякие разные вещицы от ее бывшего затхлого мещанского быта.

Только про это она так располагала:

— Ну, думает, прожру я эти бывшие вещицы, а, может, я еще 35 лет протяну. Это же надо понимать.

А тут начали, конечно, ей разные жильцы советы преподавать.

— Ты, — говорят, — цветки делай на пасхальные дни. Или, говорят, перекинься на антисанитарный фронт — полы мой или окошки протирай.

А был среди домашних жильцов такой вообще сукин сын Петров-Тянуев. Вообще интеллигент. Он так ей говорит:

— Допустим, говорит, человек должен прокормиться. И допустим он ничего не знает, ничего не понимает, цепляется за старый быт и в союзе не состоит. На какой он фронт должен тогда податься? А он должен податься на детский фронт. Пуцай происходят разные колебания, но, промежду прочим, такое явление, как материнство и младенчество, завсегда остается в силе. Или, говорит, еще кухня. Хотя, говорит, это последнее потерпело некоторые изменения. Разные произошли общественные столовые и, вообще, раскрепощение домашних хозяек.

А. С. Баранова отвечает:

— Кухню я, безусловно, не могу. Я, говорит, от жары чрезвычайно сильно задыхаюсь и имею крупное сердцебиение. А что касается младенчества, то, говорит, я их и в руках никогда не имела и их не понимала.

Петров-Тянуев так ей говорит:

— А вам, говорит, ничего такого и не надо. Я, говорит, сам очень огорчаюсь и сочувствую, что я не дама, я бы,

говорит, свободно заимел тогда легкую и приятную жизнь. Я бы, говорит, ходил себе по садикам, ходил бы по бульварам. Я бы, говорит, разных ребят похваливал. Или бы маме чего-нибудь похвальное сказал в смысле ихнего малыша или младенца. Родители, говорит, это очень обожают и за это в долгу не останутся. А вы, говорит, тем более, такая старушка чистенькая. Вам копейку неловко подать. Вам две копейки дадут. А кто и три. Или велят клистирчик малютке поставить. Или попросят кашку сварить. Одним словом, вам очень прилично пойти на детский фронт.

Или он ее еще уговаривал, или она сразу раскумекала, как и чего, только действительно пошла по такой легкой тропинке.

Недели, может, три или две она славно жила. Она имела мягкие булки и детские квадратные печенья. Она имела бутерброды и детские игрушки. Но потом ей не понравилось это дело и она перекинулась на санитарный фронт.

То есть, не то чтобы ей не понравилось. Ей понравилось. А только невозможно было работать. Нерентабельно. Ей младенца подсудобили.

Она имела разговор на бульваре. Ей девочка понравилась. Она ее маме об этом сказала.

Мамаша, чей младенец, так ей говорит:

— Вы, говорит, действительно так детей обожаете?

— Да уж, говорит, прямо горю, как на их гляжу.

— А ну, говорит, подержите девочку.

Сначала подержите, потом поносите. И сошла с круга.

Наша А. С. Баранова ждала и волновалась, но после отдала младенца в милицию. А очень над ней в доме хохотали. Петров-Тянуев говорит:

— Это говорит, просто несчастный случай. Конечно, особенно захваливать не требуется, но это верное, святое дело — материнство и младенчество. Умоляю вас, не бросайте!

Однако А. С. Баранова бросила это дело и перекинулась на санитарный фронт. И живет не так худо. Хотя и не так хорошо.

НЯНЯ

Очень возмутительное дело произошло на этих днях на наших ленинградских улицах.

Тут такие супруги Фарфоровы имели няню. Они взяли ее до своего ребенка. Они сами не могли своему ребенку обеспечить уход и ласку. Они оба-два служили на производстве.

Сам Серега Фарфоров служил. И она служила. Он рублей, может, шестьдесят брал. И она не менее полста огребала.

И вот при такой ситуации у них происходит рождение ребенка.

Родился у них ребенок, как таковой, и, конечно, пришлось до него взять няню. А то бы, конечно, они не взяли.

А тут тем более выгодней иметь няню, чем самой мадам Фарфоровой покинуть место службы и удалиться с производства.

И вот, конечно, определилась к ним няня.

Не очень такая старая и не очень такая молодая. Одним словом, пожилая и довольно-таки на вид страхолюдная.

Но они нарочно такую определили, чтоб она не шлялась и чтобы не имела личного счастья и чтобы только смотрела на ихнего младенца.

И, тем более, они взяли ее по рекомендации и через газету. Им так и сказали — дескать, это вполне непьющий и пожилой человек.

И вот они берут себе эту няню и видят — золото, а не няня.

Тем более, она сразу полюбила ребенка. Все время с ним ходит, с рук не спускает и прямо гуляет с ним до ночи.

А Фарфоровы, являясь передовыми людьми, не перечили в этом. Они понимали, что воздух и гулянье вполне укрепляют организм ихнему младенцу. И думают: «Пожалуйста!»

И вот происходит такая ситуация.

Утром родители — на производство, а ихняя няня берет младенца, берет пузырек с коровьим молоком и идет гулять по улицам Ленинграда.

Только раз однажды идет по улице член правления Цаплин. С домкома.

Он идет по улице, думает, может, про свои интимные дела и вдруг глядит: стоит на углу довольно затрюшанная гражданка. Она стоит, как таковая, и держит при себе ребенка. И под этого ребенка просит.

Семен Михайлович Цаплин давать ей не хотел, он только просто так поглядел в ее личность. И видит — личность будто знакомая. И глядит: да, действительно это суть няня с фарфоровским ребенком.

Член правления С. М. Цаплин ничего ей на это не сказал и вообще ни копыя не подал, но повернулся и пошел обратно домой.

Неизвестно, как он дожил до вечера, но вечером говорит самому Фарфорову:

— Я, говорит, чересчур удивляюсь, уважаемый товарищ, но, говорит, или вы своей домработнице деньжат не платите, или, говорит, я не пойму такую ситуацию. А если, говорит, вы ее нарочно засылаете под ребенка просить, то вы, говорит, есть определенно чуждая прослойка в нашем пролетарском доме.

Фарфоров, конечно, говорит:

— Я извиняюсь, об чем речь?

Тогда член правления говорит про что видел.

Тут происходят разные сцены. Происходят крик и улыбки. И все выясняется.

Тогда зовут няню. Ей говорят:

— Как же так можно?

Она говорит:

— В этом пороку нету. Так ли я стою, или мне сердобольные прохожие в руку дают. Я, говорит, прямо не пойму, об чем разговор. Ребенок через это не страдает. И, может, ему даже забавно видеть такое вращение людей вокруг себя.

Тем не менее, все-таки товарищ Фарфоров наорал на нее и с позором выгнал.

И вскоре после этого взял молодую девчонку.

И пока никаких эксцессов с ней еще не было.

НЕ ДАЮТ РАЗВЕРНУТЬСЯ

Вот довольно странное психологическое явление. Скажем, за прилавком всегда обязательно мужчина работает, а за кассой определенно женщина.

И почему такое? Почему за кассой женщина? Что за странное явление природы?

Или наш брат мужик не может равнодушно глядеть на вращение денег около себя? Или он запивает от постоянно-го морального воздействия и денежного звона? Или еще есть какие-нибудь причины? Но только очень изредка можно увидеть нашего брата за этим деликатным денежным делом. И то это будет по большей части старый субъект вроде бабы с осололевшими глазами и с тонким голосом.

Между прочим, на этой почве разыгралась трагедия в станице Бабинская. Это где-то у них на Кубани.

А был в этой станице универсальный кооператив «Пролетарский путь». Кстати сказать, очень отличный кооператив.

В других станичных кооперативах один и тот же работник одной ручкой деньги принимает, в другую ручку сморкается, а после за колбасу берется. А тут, как в Европе. Даром, что не очень громадная станица, а дело поставлено шикарно.

Один колбасу стрижет. Другой, я извиняюсь, в винном отделе. А за кассой, не угодно ли, кассирша ручку вертит за те же деньги.

Скажите, какие европейские данные!

Да еще заведывающий в придачу.

Заведывающий, так сказать, лакирует все ихнее дело. Он надзирает, чтоб все было без сучка, без задоринки. И слов нет, дело шло чересчур аккуратно. Никто не обижался.

Только были обиды со стороны кассирш.

Их за короткую зиму троих сменили.

Их заведывающий отставлял. Поработает барышня месяц, и ее обратно отсылают. Мол, не соответствует своему назначению.

Были, конечно, через это дамские слезы, оскорбления и разные слова, но дело не изменялось.

И оно не могло измениться. Тем более заведывающий имел на этот счет свою твердую психологию. Он иной раз говорил промежду своих ребят:

— Хотя бы, говорит, один раз нам мужчину прислали, а то все бабы и бабы. Прямо, говорит, у меня коломитно на душе становится.

Работники прилавка говорят:

— Да уж это как есть. При бабе после трудового дня и поругаться немислимо и вообще нету такой душевной спайки.

Заведывающий говорит:

— Вот именно. Совершенно то есть неудобно. Может, я хочу после трудового дня при подсчете товара не иметь на себе лишней одежды. Или, может быть, я хочу выругаться. Почем кто знает, чего я хочу. Я только знаю, что баба, хотя бы она и кассирша, совершенно меня стесняет и не даст мне творчески развернуться. Пушай бы нам мужика прислали. Мы бы с ним живо спелись.

Ну и, конечно, за зиму при таких обстоятельствах сменили трех кассирш.

Значит, снимут и ждут: вот, даст бог, из своего лагеря пришлют — кассира.

А отдел труда (или, я не знаю, откуда кассирш засылают), так отдел все барышень и барышень шлет.

И неизвестно, как долго продолжалась бы эта конвейерная система из барышень, если б не один случай.

А месяц тому назад уволили одного работника прилавка. Вот он обозлился и размотал все дело.

А заведывающий, милый человек, на допросе так сказал: — Действительно, я троих уволил. Только я сам щадил ихнюю наивность. У меня фронтовая привычка ругаться. Когда публика, я ругаюсь мало. Но в конце дня я нервничаю и не могу сдержаться. А меня кассирша смущает. Я сознаю, что поступил неправильно, но я не хотел молодых женщин подвергать оскорблению.

Газета «Знамя труда» сообщает, что на заведывающего С. Дошевца наложено дисциплинарное взыскание.

Наверное, он теперь ругается дома.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Не знаю, как в других городах, а у нас, в Ленинграде, беспартийные очень в громадном почете.

У нас беспартийных очень берегут, лелеют и даже поручают им разные ответственные партийные дела.

Не знаю, как в других городах, а у нас беспартийные иной раз даже партийных чистят. Ей-богу!

Недавно у нас один беспартийный председателем был на партийной чистке. И ничего.

Это было как раз, когда ветеринарно-фельдшерскую школу чистили.

Действительно, ее очень спешно чистили. С одной стороны, надо ребятам в лагерь ехать, а с другой стороны — чистка.

Тогда некоторые говорят:

— Придется, безусловно, в две комиссии чистить. Пущай будут две комиссии и два председателя. Оно, может, побыстрей пойдет.

И вот, конечно, организовали вторую комиссию. Остановка только за председателем.

Тогда первый председатель, один известный товарищ, бежит до телефона и вызывает с одного учреждения назначенного партийного товарища. Он вызывает этого партийного товарища и просит его в ударном порядке бросить всякие мирные дела и приехать.

Тут, конечно, происходила такая небольшая неувязка.

Заместо одного товарища вызывают как раз другого. Или председатель запарился и не те звуки стал произносить, или который вызывал — ошибся. Только требуют до телефона одного беспартийного товарища.

Фамилия партийного товарища была что-то вроде Миллер, а беспартийного — вроде Швиллер. Одним словом, фамилии, безусловно, похожи. Ну, дело не в фамилии, а в факте.

И вот подводят к телефону этого беспартийного Швиллера и говорят ему разные высокие ответственные слова. Дескать, будьте добры, пятое-десятое, приезжайте чистить и так далее.

Очень тут беспартийный товарищ Швиллер поначалу оробел и забеспокоился от таких слов, начал отмахиваться, начал он за других хвататься. Дескать, как это понять — меня на чистку вызывают?

Другие говорят:

— Надо, безусловно, ехать, раз вызывают. Может, такая инструкция есть, чтобы беспартийные чистили. Поезжайте с богом.

Вот, значит, наш Швиллер, или — как его — Швильдер, почистил ботинки и со скорбящей душой заспешил на ответственное дело.

Ну, приезжает. Скромно здоровается. А ему стулья подвигают, чернильницу напротив его ставят и разные ответственные партийные слова говорят.

— Будьте, говорят, любезны и так далее — примите председательствование.

Наш голубчик, конечно, руками делает отвороты, дескать, ну как это можно? Разве я смею? Не извольте беспокоиться — я и так посижу. И вообще, говорит, я извиняюсь, — не только председателем, а я, говорит, и на собраниях-то никогда раньше не бывал. Не смешите меня!

Ну, на него поглядели — дескать, уставший товарищ отнекивается и... начали чистку.

А надо сказать, что перед этим была совершенно непонятная ситуация.

Первый председатель отлично знал этого беспартийного. Он с ним поздоровался за ручку, угостил папироской и не обратил внимания на такое странное появление. Одним словом, в спешке запарился.

И вот, не знаю, как в других городах, но у нас, в Ленинграде, беспартийный товарищ присел за стол, и началась чистка.

Полтора часа самосильно чистили. В конце концов, наш беспартийный осмелел и тоже начал разные гордые слова произносить. Только вдруг является настоящий партийный товарищ, и все, конечно, разъясняется. Тут встает со своего почетного места наш беспартийный голубчик и скромно уходит без лишних слов.

— До свидания, говорит, я пойду!

Теперь эту чистку признали недействительной. И мы с этим совершенно то есть согласны. Хотя нам и жалко которых чистили.

Шлем привет беспартийному товарищу.

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Многие думают, что Волынкина деревня находится где-нибудь в Псковской губернии. А, между прочим, она расположена в Ленинграде.

Это такой пригородный район. Ну, вроде как Малая Охта.

Так вот как раз в этом районе проживали два брата. Фамилия ихняя — Сергачевы. А имена неизвестны. Газета не отметила. Только буквочки проставлены — С. и Ф. Надо думать — Серега Сергачев и Федя.

Один брат, С. Сергачев, конечно, служил на заводе. А другой брат был безработный гражданин.

Только раз однажды который заводский — загулял.

Он парень, конечно, нестарый, опять же работу имеет, деньги к нему плывут, положение. Одним словом, имея такие горизонты, парень загулял.

Он насосался вина, начал по улицам ходить, начал затрагивать женский элемент, после драться начал. И, конечно, засыпался. И главное дело — его уличили в хулиганских поступках. Тем более, он кому-то морду разбил.

Конечно, сейчас нету возможности разобраться в этом происшествии. Тем более, один так говорит, а другой этак. А сам Серега прямо от всех делов отрешивается. То есть, говорит, никого не трогал, шел, как ангел православный, и песни пел.

Тем не менее, парня замели и под суд отдали.

Суд, конечно, видит — нарушен классовый инстинкт у парня. И дают ему, чтобы вперед неповадно было, два месяца.

Тут, конечно, взвыл человек. То есть, думает, беда. То есть, думает, теперича на заводе обратят такое внимание и примут к сведению и руководству. И по случаю чистки могут даже, конечно, выгнать под лозунгом — худая трава с поля вон.

Одним словом, видит человек: ему немыслимо в тюрьму сесть.

Тогда он говорит своему родному брату:

— Дескать, такое форменное положение. Ты, говорит, человек безработный. За тобой никакого присмотра нету. Опять же я тебе передачу буду носить и дам немного деньжонок. И тебе, говорит, прямо сплошная выгода в тюрьме сидеть.

Брат говорит:

— Ладно, говорит, давай. В крайнем случае, я за тебя сяду.

Сговорились они полюбовно и по-семейному, и, конечно, Ф. Сергачев сел за брата.

И, значит, сидит он полтора месяца. Все чинно, благородно. Брат на работу ходит. Все его любят и уважают. А этот знай себе сидит и молчит в тряпочку.

Только вдруг на заводе слух идет — дескать, судили, два месяца, хулиганство, и так далее.

И, значит, берут этого брата и имеют с ним разговор.

Дело, конечно, открывается. Братья удивляются: об чем речь? Разве это нельзя? Мы же по-семейному.

И вот заваривается новое дело. И вскоре обоих братьев будут судить за мошенничество.

Которые опытные юристы говорят, что дадут полгода.

А младшего братишку до чего жалко! Пострадал за братца.

ПРОИСШЕСТВИЕ

Конечно, об чем может быть речь — дети нам крайне необходимы.

Государство без них не может так гладко существовать. Они нам — наша смена. Мы на их надеемся и расчеты на их строим.

Тем более, взрослые не так легко могут расстаться со своими мещанскими привычками. А детишки, может быть, подрастут и определенно выровняют нашу некультурность.

Так что в этом отношении детей мы прямо на руках должны носить и пыль с них сдувать и носики им сморкать. Не взирая на то — это наш ребенок или ребенок чужой и нам посторонний.

А только этого как раз мало наблюдается в нашей жизни.

Нам вспоминается одно довольно оригинальное событие, которое развернулось на наших глазах в поезде, не доезжая Новороссийска.

Которые были в этом вагоне, те почти все в Новороссийск ехали.

И едет, между прочим, в этом вагоне среди других такая вообще бабочка. Такая молодая женщина с ребенком.

У нее ребенок на руках. Вот она с ним и едет.

Она едет с ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе. Вот она к нему и едет.

И вот она едет к мужу. Все как полагается: на руках у ней малютка, на лавке узелок и корзинка. И вот она едет в таком виде в Новороссийск.

Едет она к мужу в Новороссийск. А у ей малютка на руках очень такой звонкий. И орет и орет все равно как оглашенный. Он, видать, хворает. Его, как оказалось, в пути желудочная болезнь настигла. Или он покушал сырых продуктов, или чего-нибудь выпил, только его в пути схватило. Вот он и орет.

Одним словом — малютка. Он не понимает, что к чему и зачем у него желудочек страдает. Ему сколько лет? Ему, может быть, три года или там два. Не наблюдая детей в частной жизни, затруднительно определить, сколько этому предмету лет. Только он, видать, пионер. У него такой красный нагрудничек повязан.

И вот едет эта малютка со своей мамой в Новороссийск. Они едут, конечно, в Новороссийск, и, как назло, в пути с ним случается болезнь.

И по случаю болезни он каждую минуту вякает, хворает и требует до себя внимания. И, конечно, не дает своей мамаше ни отдыха, ни сроку. Она с рук его два дня не спускает. И спать не может. И чаю не может попить.

И тогда перед станцией Лихны она, конечно, обращается до пассажиров:

— Я, говорит, очень извиняюсь, — поглядите за моим крошкой. Я побегу на станцию Лихны, хотя бы супу покушаю. У меня, говорит, язык к глотке прилипает. Я, говорит,

ну, прямо не предвижу конца. Я, говорит, в Новороссийск еду до своего мужа.

Пассажиры, конечное дело, стараются не глядеть, откуда это говорится, отворачиваются, дескать, еще чего: то орет и вякает, а то еще возись с ним! Еще, думают, подкинет. Смотри какая мамаша. Другая мамаша очень просто на это решится.

И, значит, не берутся.

А едет в вагоне, между прочим, один такой гражданин. Он, видать, городской житель. В кепочке и в таком международном прорезиненном макинтоше. И, конечно, в сандалиях.

Он так обращается до публики:

— То есть, говорит, мне тошно на вас глядеть. То есть, говорит, что вы за люди — я прямо дивуюсь! Нельзя, говорит, граждане, иметь такой слишком равнодушный подход. Может, на наших глазах мать покушать затрудняется, ее малютка чересчур сковывает, а тут каждый от этих общественных дел морду отворачивает. Это, ну прямо ведет к отказу от социализма!

Другие говорят:

— Вот ты и погляди за крошкой! Какой нашелся бродяга — передовые речи в спальном вагоне произносит!

Он говорит:

— И хотя я есть человек холостой и мне спать хочется, и вообще не мое дело, в крайнем случае, за это самое братья, но я не имею такого бесчувствия в детском вопросе.

И берет он малютку на руки, качает его и пальцем его забавляет.

Конечно, молодая женщина очень горячо его благодарит и на станцию Лихны сходит.

Уходит она на эту станцию в буфет и долго не является. Поезд стоит десять минут. Эти десять минут проходят, и уже дается сигнал. И дежурный махает красной шапкой. А ее нету...

И уже дергается состав, и поезд бежит по рельсам, а молодой матери нету.

Тогда происходят разные сцены в вагоне. Которые открыто хохочут, которые хватаются за тормоза и хотят состав остановить.

А сам, который в сандалиях, сидит побледневший, как сукин сын, и спать больше не хочет.

Он держит малютку на своих коленях и разные советы слушает.

Ну, один, конечно, советует телеграмму за свои деньги дать, другие, напротив того, говорят: «Довезите до Новороссийска и сдайте в ГПУ. А если там малютку не примут, то усыновите в крайнем случае».

А малютка, между тем, вякает, хворает и с рук нипочем не уходит.

И вот проходит отчаянных два часа, и поезд, конечно, останавливается на большой станции. Который в сандалиях берет свою малютку и хочет пойти на платформу в ГПУ. Только вдруг молодая мамаша в вагон вкатывается.

— Я, говорит, извиняюсь! Я как горячего супу покушала, так меня сразу и разморило, я и зашла в тот соседний вагон и маленько подзаснула. Я, говорит, два дни не спавши.

И берет она своего крошку и снова его нянчит. Который в сандалиях говорит:

— Довольно неаккуратно так поступать, гражданка! Но раз вы поспали, то я вхожу в ваше положение. Дети нам — наша смена, — я не против за ними поглядеть.

Тут в вагоне происходит веселый смех. И все кончается к общему благополучию.

ЧЕСТНОЕ ДЕЛО

Вот некоторые, конечно, специалистов поругивают, — дескать, это вредители, спецы и так далее.

А я, например, особенно худых специалистов не видел. Не приходилось.

Наоборот, которых встречал, все были такие милые, особенные.

Как, например, этим летом.

У нас из коммунальной квартиры выехала на дачу одна семья. Папа, мама и ихнее чадо.

Ну, выехали. Заперли на всякий замок свою комнатенку. Один ключ себе взяли, а другой, конечно, соседке отдали, — мало ли чего случится. И отбыли.

А надо сказать был у них в комнате инструмент — рояль. Ну, обыкновенное пианино. Они его брали напрокат от Музпреда.

Брали они напрокат этот рояль для цели обучения своего оболтуса, который действительно бил по роялю со всей своей детской изворотливостью.

И вот наступает лето, — надо оболтуса на дачу везти.

И, конечно, знаете, повезли.

А этот рояль, или — проще скажем — пианино, заперли в комнате с разными другими вещами и отбыли. Отдыхают они себе на даче. Вдруг, значит, является на ихнюю городскую квартиру специалист — настройщик роялей, присланный, конечно, своим учреждением.

Конечно, соседка ему говорит: мол, сами уехавши до осени, рояль заперли и, безусловно, его настраивать не приходится.

Настройщик говорит:

— Это не мое постороннее дело входить в психологию отъезжающих. Раз, говорит, у меня на руках наряд, то я и должен этот наряд произвести, чтоб меня не согнали с места службы, как шахтинца или вредителя.

И, значит, открыла ему дверь; он пиджачок скинул и начал разбирать это пианино, развинчивая всякие гаечки, штучки и гвоздики. Развинтил и начал свою какофонию. Часа два или три, как больной, определял разные звуки и мурыжил соседей. После расписались в его путевке, он очень просветлел, попрощался и отбыл.

Только проходит месяц — снова является.

— Ну, как, говорит, мой рояль?

— Да ничего, говорят, стоит.

— Ну, говорит, я еще беспрерывно должен его настроить. У нас раз в месяц настраивают. Такой порядок.

Начали его жильцы уговаривать и урезонивать, — мол, не надо. Комнатка, дескать, заперта. Рояль еще два месяца будет стоять без движения. К чему такие лишние траты производить!

Уперся на своем.

— У меня, говорит, наряд на руках. Не просите. Не могу.

Ну, опять развинтил рояль. Опять часа два назад свинчивал. Бренчал и звучал и на брюхе под рояль ползал.

После попрощался и ушел, утомленный тяжелой специальностью. На днях он в третий раз приперся.

— Ну, как, говорит, не приехавши?

— Нет, говорят, на даче отдыхают!

— Ну, так я еще поднастрою. Приедут — очень великолепно звучать им будет.

И хотя ему объясняли и даже один наиболее горячий жилец хотел ему морду наколотить за потусторонние звуки, однако он дорвался до своего рояля и снова начал свои научные изыскания.

Сделал свое честное дело и ушел на своих интеллигентных ножках.

ЧЕЛОВЕКА ЖАЛКО

Наконец-то вышло обязательное постановление насчет пьющих граждан. Немного им поубавили свободу действия.

Раньше, бывало, захочет, например, пьяненький показаться на трамвае — пожалуйста, выезжайте, милый человек, освежайтесь поездочкой. Не хочет на трамвае, хочет на поезде — можно и на поезде.

Одним словом, раньше к ихним услугам был любой транспорт. На чем хочешь, на том и дуй.

Ну а теперь прекратили это удовольствие. Вышло постановление. Расклеено по всем трамваям. Мол, не допускайте и так далее пьяному влезать на транспорт. А то, мол, он может с пьяных глаз сунуться под колеса. А управление после плати.

Ей-богу, прочтешь такие гуманные слова, и с новой энергией жить охота. Потому — заботятся, берегут, не допускают тебя, архаровца, под колеса падать.

И надо отметить — это не только канцелярская отписка. Это живая жизнь. Давеча мы сами наблюдали, как это самое проводится на деле. Пьяному человеку нипочем не позволили в трамвае ехать.

А сидит он в трамвае и едет. Слов нет, сидит он довольно тихо, никого по мордасам не ударяет. Но, конечно, видно, что пьяный. Бубнит чего-то. Ручками махает. Елозит на своем месте. Но пока никого не бьет и не замахивается.

Едет он, едет, только вдруг группа пассажиров высказывает свое полное возмущение.

— Раз, говорят, обязательное постановление, то довольно странно наблюдать на транспорте такую категорию людей. Кондукторша говорит:

— Да разве за ними углядишь! Они влезают как совершенно трезвые, а после их на транспорте развозит.

И подходит она до пьяного и велит ему сходить.

— А то, говорит, вы под колесья угодите, а я за вас отвечай!

А пьяного если тронуть, он обязательно характер обнаруживает. Так и тут.

Начал он оскорбляться. Замахиваться. Ногами пихаться — дескать, не подходите.

Но тут пассажиры поднавалились и начали дружно его ссаживать. Кое-кто, конечно, заступается:

— Да пушай, говорят, он едет. Чего там, ей-богу! Не троньте его. Действительно, вы его под колесья пихнете.

Ну, которые волокут, — высказывают свое соболезнование.

— Да уж, — говорят, — пьяному человеку долго ли до греха. Того и гляди — сунется.

И, конечно, поскорей ссаживают.

Выволокли его на площадку. Остановили вагон. Выперли на мостовую.

А он орет, безобразничает, обратно протискивается, пытается вновь в трамвай войти. Его, конечно, спихивают, щекотят грудь, чтоб ему руки отцепить.

Тут, конечно, трамвай трогается, и пьяный падает со своих копыт прямо чуть не под колесья.

И еще довольно удачно упал. Ножки прямо на волосок от колеса. Еще бы полвершка — и ноги недочет.

А тут ничего. Только что морду разбил. И грудку ушиб.

Но ничего. Встал. Орет безобразно, кулаками грозит, — зачем, дескать, чуть не угробили...

Да, уж эти пьяные. Разве они соображают? Если о них трезвые не позаботятся, они, безусловно, сразу под колеса падать начнут.

Вот за них и хлопочут, издают правила движения, бумагу тратят и так далее.

Потому — жалко человека. Хоть и пьяный человек, а все грустно его навеки потерять.

МЕРСИ

В этом году население еще немножко потеснилось.

С одной стороны, конечно, нэпманы за город выехали во избежание разных крупных недоразумений и под влиянием декрета. С другой стороны, население само уплотнилось, а то в тройном размере платить не каждому интересно.

И, безусловно, уничтожение квартирного института тоже сыграло выдающуюся роль.

Так что этот год очень даже выгодно обернулся в смысле площади.

Если каждый год такая жилплощадь будет освобождаться — это вполне роскошно, это новых домов можно пока что не возводить.

В этом году очень многие пролетарии квартирки и комнаты заимели путем вселения. Вот это хорошо!

Хорошо, да не совсем. Тем более это вселение производят без особого ума. Только бы вселить. А чего, и куда, и к кому — в это, безусловно, не входят.

Действительно верно, особенно входить не приходится в силу такого острого кризиса.

Но, конечно, хотелось бы, если нельзя сейчас, то в дальнейшем иметь некоторую точность при вселении. Или гарантию, что, скажем, к тихому человеку не вселяли бы трубака или танцора, который прыгает, как бешеный дурак, до потолка и трясет квартиру.

Или бы так. Научных секретарей вселять, скажем, к научным секретарям. Академиков, прошедших чистку аппарата, — к академикам. Зубных врачей — к зубным врачам. Которые на флейте свистят, опять же к своим ребятам — вали свисти вместе.

Ну, конечно, если нельзя иметь такую точность при вселении, то и не надо. Пушай бы по главным признакам вселяли. Которые люди умственного труда и которые любят по ночам книжки перелистывать — вали к своим ночным труженикам.

Другие — к другим. Третьи — к третьим.

Вот тогда бы жизнь засияла. А то сейчас очень другой раз обидно получается. Как, например, такой факт с одним нашим знакомым. Он вообще рабочий. Текстильщик. Он фамилию свою просил не употреблять. Про факт велел рассказать, а фамилию не позволил трогать. А то, говорит, меня могут окончательно доконать звуками.

Так что назовем его ну хотя бы Захаров.

Его, голубчика, как раз вселили в этом году. Конечно, мерси и спасибо, что вселили, а то он у своих родственников проживал. А только это вселение ему боком вышло.

Был это славный гражданин и хотя, конечно, нервный, но довольно порядочного здоровья. А теперича — будьте любезны — невроз сердца и вся кровь выкипела от раздражения.

А главная причина — он в этой квартире не ко двору пришелся. Эту квартирку как раз интеллигенты населяли. В одной комнате — инженер. В другой, конечно, музыкальный техник — он в кино играет и в ресторанах. В третьей, обратно, незамужняя женщина с ребенком. В ванной комнате — домашняя работница. Тоже, как назло, вполне интеллигентная особа, бывшая генеральша. Она за ребенком приглядывает. А ночью в ванне проживает. Спит.

Одним словом, куда ни плюнь — интеллигенты. И ихняя жизнь не такая подходящая, как, конечно, хотелось бы.

Для примера, Захаров встает, конечно, не поздно. Он часов в пять встает. Или там в половине пятого. У него такая привычка — пораньше встать. Тем более, он на работу встает, не на бал.

А инженер об это время как раз ложится. Или там на часик раньше. И в стенку стучит. Мол, будьте любезны, тихонько двигайтесь на своих каблуках.

Ну, Захаров, конечно, ему объясняет — мол, не на бал он спешит. Мол, он должен помыться, кипяточек себе скипятить и так далее.

И тут, конечно, происходит первая схватка.

Хочет Захаров пойти помыться — в ванной комнате интеллигентная дама спит. Она визг подымает, дискуссии устраивает, и так далее.

И, конечное дело, после таких схваток и дебатов человек является на работу не такой свеженький, как следует.

После приходит он обратно домой. Часам, что ли, к пяти. Ну, подзаправится. Поглядит газету.

Где бы ему тихонечко полежать, подумать про политику или про качество продукции — опять нельзя.

По левую руку уже имеется музыкальный квинтет. Наш музыкант с оркестра имеет привычку об это время перед сеансом упражняться на своем инструменте. У него флейта. Очень ужасно звонкий инструмент. Он в него дудит, продувает, слюнки выколачивает и после гаммы играет.

Ну, выйдет Захаров во двор. Посидит часик-другой на тумбочке — душа домой просится.

Придет домой, чайку покусает, а по правую ручку у инженера уже гости колбасятся. В преферанс играют. Или на своей пианоле какой-нибудь собачий вальс Листа играют. Или шимми танцуют — наверное, в дни получек.

Глядишь, и вечерок незаметно прошел. Дело к ночи. И хотя, конечно, ночью они остерегаются шуметь, а то можно и в милицию, но все-таки полного спокойствия нету. Двигаются. За паркет ножками цепляются. И так далее.

Только разошлись — музыкант с ресторана или с вечеринки заявляется. Кладет свой инструмент на комод. С женой ругается.

Только он поругался и затих — инженер задвигался: почитал, видите ли, и спать ложится.

Только он лег спать — Захарову встать надо.

Только Захаров встал — инженер расстраивается, в стенку ударяет, не велит на каблуках вращаться.

Только в ванную пошел — визг и крики, — мол, зачем брызги падают, и так далее, и так далее.

И, конечно, от всего этого работа страдает: ситчик, сами видите, другой раз какой редкий и неинтересный бывает — это, наверное, Захаров производит. И как ему другой произвести — ножки гнутся, ручки трясутся и печенка от огорчения пухнет.

Вот я и говорю: ученых секретарей надо к ученым секретарям, зубных врачей к зубным врачам и так далее. А которые на флейте свистят, тех можно за городом поселить.

Вот тогда жизнь засияет в полном своем блеске.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Землетрясение в Крыму было, как всем известно, два года тому назад. Однако убытки только сейчас окончательно выясняются.

Конечно, официальные убытки тогда же подсчитали — два миллиона рублей. Но к этой скромной цифре надо добавить, как теперь выясняется, еще небольшую суммишку рублей этак в сто.

Как раз на эту цифру пострадал один милый человек такой, некто Снопков. Сапожник.

Он — кустарь. Он держал в Ялте мастерскую. Не мастерскую, а такую каменную будку имел, такую небольшую каменную халупку.

И он работал со своим приятелем на пару. Они оба-два приезжие были. И производили починку обуви как местному населению, так и курсовым гражданам.

И они жили определенно нехудо. Зимой, безусловно, голодовали, но летом работы чересчур хватало. Другой раз даже выпить было некогда. Ну, выпить-то, наверное, времени хватало. Чего-чего другого...

Так и тут. Перед самым, значит, землетрясением, а именно, кажется, в пятницу одиннадцатого сентября сапожник Иван Яковлевич Снопков, не дождавшись субботы, выкушал полторы бутылки русской горькой.

Тем более, он кончил работу. И тем более, было у него две бутылки запасено. Так что, чего же особенно ждать? Он взял и выкушал. Тем более, он еще не знал, что будет землетрясение.

И вот выпил человек полторы бутылки горькой, немножко, конечно, поколбасился на улице, спел чего-то там такое и назад к дому вернулся.

Он вернулся к дому назад, лег во дворе и заснул, не дождавшись землетрясения.

А он, выпивши, обязательно во дворе ложился. Он под крышей не любил в пьяном виде спать. Ему нехорошо было под потолком. Душно. Его мучило. И он всегда чистое небо себе требовал.

Так и тут. Одиннадцатого сентября в аккурат перед самым землетрясением Иван Яковлевич Снопков набрался горькой, сильно захмелел и заснул под самым кипарисом во дворе.

Вот он спит, видит разные интересные сны, а тут параллельно с этим происходило знаменитое крымское землетрясение. Домишки колышутся, земля гудит и трясется, а Снопков спит себе без задних ног и знать ничего не хочет.

А что до его приятеля, так его приятель с первого удара дал тигалю и расположился в городском саду, боясь, чтоб его камнем не убило.

Только рано утром, часов, может, около шести, продрал свои очи наш Снопков. Проснулся наш Снопков под кипарисом и, значит, свой родной двор нипочем не узнает. Тем более, ихнюю каменную будку свалило. Не целиком свалило, а стена расползлась и заборчик набок рухнул. Только что кипарис тот же, а все остальное признать довольно затруднительно.

Продрал свои очи наш Снопков и думает:

«Мать честная, куда ж это меня занесло? Неужели, думает, я в пьяном виде вчера еще куда-нибудь зашел? Ишь ты, кругом какое разрозненное хозяйство! Только не понять — чье. Нет, думает, нехорошо так в дым напиваться. Алкоголь, думает, действительно чересчур вредный напиток, ни черта в памяти не остается».

И так ему на душе неловко стало, неинтересно.

«Эва, думает, забрел куда. Еще спасибо, думает, во дворе прилег, а ну-те на улице: мотор может меня раздавить или собака может чего-нибудь такое отгрызть. Надо, думает, полегче пить или вовсе бросить».

Стало ему нехорошо от этих всех мыслей, загорюнился он, вынул из кармана остатние полбутылки и тут же от полного огорчения выкушал.

Выкушал Снопков свою жидкость и обратно захмелел. Тем более, он не жрал давно и, тем более, голова была ослабши с похмелюги.

Вот захмелел наш Снопков, встал на свои ножки и пошел себе на улицу.

Идет он по улице и с пьяных глаз нипочем улицу не узнает. Тем более, после землетрясения народ стаями ходит. И все на улице, никого дома. И все не в своем виде, полуодетые.

Вот Снопков ходит себе по улице, и душа у него холодеет.

«Господи, думает, семь-восемь, куда же это я, в какую дыру зашел? Или, думает, я в Батум на пароходе приехал? Или, может, меня в Турцию занесло. Эвон народ ходит раздевшись, как в тропиках».

Идет, пьяный, и прямо чуть не рыдает.

Вышел на шоссе и пошел себе, ничего не признавая.

Шел, шел и от переутомления и от сильного алкоголя свалился у шоссе и заснул, как убитый.

Только просыпается — темно, вечер. Над головой звезды сверкают. И прохладно. А почему прохладно — он лежит при дороге раздетый и разутый. Только в одних подштанниках.

Лежит он при дороге совершенно обобранный и думает:

«Господи, думает, семь-восемь, где же это я обратно лежу?»

Тут действительно испугался Снопков, вскочил на свои босые ножки и пошел по дороге.

Только прошел он сгоряча верст, может, десять и присел на камушек.

Он присел на камушек и загорюнился. Местности он не узнает и мыслей он никаких подвести не может. И душа и тело у него холодеют. И жрать чрезвычайно хочется.

Только под утро Иван Яковлевич Снопков узнал, как и чего. Он у прохожего спросил.

Прохожий ему говорит:

— А ты чего в кальсонах тут шляешься?

Снопков говорит:

— Прямо и сам не понимаю. Скажите, будьте любезны, где я нахожусь?

Ну, разговорились. Прохожий говорит:

— Так что до Ялты верст, может, тринадцать будет. Эва куда ты зашел!

Ну, рассказал ему прохожий насчет землетрясения и чего где разрушило и где еще разрушается.

Очень Снопков огорчился, что землетрясение идет и зашепшил в Ялту.

Так через всю Ялту и прошел он в своих кальсонах. Хотя, конечно, никто и не удивился по случаю землетрясения. Да, впрочем, и так никто бы не поразился. После подсчитал Снопков свои убытки: уперли порядочно. Наличные деньги — шестьдесят целковых, пиджак — рублей восемь, штаны — рубля полтора и сандалии почти что новенькие. Так что набежало рублей до ста, не считая пострадавшей будки.

Теперь И. Я. Снопков собирался ехать в Харьков. Он хочет полечиться от алкоголя. А то выходит себе дороже.

Чего хочет автор сказать этим художественным произведением? Этим произведением автор энергично выступает против пьянства. Жало этой художественной сатиры направлено в аккурат против выпивки и алкоголя.

Автор хочет сказать, что выпивающие люди не только другие более нежные вещи — землетрясение и то могут проморгать.

Или как в одном плакате сказано: «Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!»

И очень даже просто.

ЧИСТАЯ ВЫГОДА

Скажу вам откровенно: я раньше чуждался самокритики, не особенно ей доверяя.

Я, одним словом, боялся, как бы чего с ней не вышло. Как бы эту нашу тонкую и деликатную классовую прослойку в лице интеллигенции не очень раздражать разными намеками, — мол, такой-то — жуликоват, а такой-то — бюрократ, а этот — вообще сукин сын.

Я думал, как бы этим не разбередить ихние раны. А то прочтут утром, чего про них напечатано, и работать будут уже не с таким энтузиазмом, как раньше.

Тем более, это люди с психологией. Они, я думал, сразу загрустят по прежней спокойной жизни.

Но теперь вижу обратный ход действия.

Слов нет, некоторые, конечно, обижаются, ежатся под горячими словами, но, между прочим, чистая выгода уже наблюдается.

Для примера такой факт. Проживает в нашем доме один такой гражданин. Такой, ну, черт его дери, вообще гражданин Ф. Полную фамилию его трогать не будем. А то, конечно, петушиться будет. Или какую-нибудь пакость состряпает. Или моего ребенка с лестницы спихнет.

Но не в этом суть. Так, я говорю, проживает в нашем доме такой гражданин Ф. И, надо сказать, он у нас в доме вроде как барометр. Чего в политике делается, то он на себе и отражает. И после всякого декрета в лепешку разбивается. Старается на чем-нибудь не пострадать. Бывают такие пугливые интеллигенты с нежной конституцией.

И когда, например, нэп вводили, он первый колбасился и всем советовал магазины открывать.

В голодные годы он тоже не отставал от века — ездил куда-то с мешками и фабриковал детские продовольственные карточки.

Во время зажима самокритики он жил себе, как обыкновенный гражданин. Ходил вообще на работу, кушал, чего выдавала кооперация, газеты читал.

А тут, глядим, чересчур изменился человек. После того, как велено энергично ввести самокритику, нельзя было узнать нашего Федотова.

Очень он закопошился. И вся квартира у него закопошилась. В первую голову, видим, бежит его мадам Федотиха на своих ножках.

Что? Куда? Почему такая спешка?

Она, видите ли, бежит на своих ножках няньку поскорей зарегистрировать. А то у ней была взята нянька до ее малютки, так она была без регистрации.

Побежала мадам в соцстрах, а наряду с этим в квартире происходят хлопоты. Один молодой вузовец вселяется как ихний родственник. Уплотняет ихнюю квартирку.

Что? Почему такое? Зачем такие действия?

Соседи говорят:

— Это у них было маленько площади зажулено, так они теперича боятся, как бы это не вскрылось под огнем самокритики.

Ну, прописали парня как родственника и ждем, чего будет дальше.

Только, видим, обратно бежит Федотиха на своих ножках. Добегает до своей квартиры и, мало отдохнувши, снова вниз спускается.

И снова поскорей бежит на своих ножках, — ей надо, видите ли, свою собачку отметить и налог за нее заплатить. У них, видите ли, пудель имеется. Не чистой породы, но вообще пудель. Он тринадцать лет без жетончика бегал, не имея своей регистрации. Так вот надо ему, наконец, жетончик приобрести, пока не околел от старости. Тем более, к чему жулить, когда можно собачку и честно содержать.

Регистрирует Федотиха собачку, а в это время бежит в домовую контору сам гражданин Ф.

— Ай, говорит, по декрету надо сына в школу отдавать, ему девятый годик, а я все сроки промигал. Как бы чего не вышло. А то тиснет кто-нибудь в газету — мол, у такого-то сынишка школу не посещает. Еще со службы сгонят.

Ну, дали ему справку, что промигал сроки, — успокоился. Только ненадолго. Обратно бежит — узнать, надо ли

трехламповый радиоприемник регистрировать или можно на нем зайцем играть.

Побежал регистрировать.

А давеча, видим, идет наш гражданин Ф. со своей Федотихой. Под ручку ее ведет. Скажите на милость! То ее чуть багром не отпихивал и предметами в нее кидался, а тут под ручку, — мол, вполне честная семейная жизнь, без мордобоя.

Ну, видим, произошли в природе большие сдвиги.

Правда, это, конечно, мелкие мелочи, но если так дальше и глубже пойдет, то, черт подери, пожалуй, в стране скоро ни одного жулика не останется.

Все будут честные, порядочные. Все будут смело друг другу в глаза глядеть и друг на дружку любоваться.

Вот тогда жизнь засияет в полном своем блеске!

БЕССОННИЦА

Очень в Одессе любопытное, показательное дело произошло.

А главное — оно очень принципиальное. Тем более, голова разделились. Одни говорят: это издевательство. Другие говорят: что вы, что вы!

А мы тоже ничего издевательского не видим. Можно сказать — все в полном порядке.

А речь идет, я говорю, про Одессу. Про одесскую милицию. Там сам начальник гормилиции немного подзашился.

Ему перед самой чисткой обвинение кинули, — мол, сползает с классовой линии.

Что так? Почему такое? Парень выдающийся, боевой. Зачем ему сползать с линии?

— А как же, говорят, он издевается над младшим составом. Он их на карточку снимает, а после издевается.

— Что вы говорите! Не может того быть? Неужели на карточку снимает?

— Да, говорят, определенно.

А дело такое.

Может, знаете, такой порядок — некоторые начальники имеют обыкновение ловить с поличным. Ну, заснет часовой или постовой, а его и накроют. Винтовку отберут или шапку снимут. А после к ответу тянут.

Дело, безусловно, обыкновенное. Надо дисциплину соблюдать и не дрыхнуть без задних ног на ответственных постах.

Хотя надо сказать — такая ловля спящих мало действительна.

Другие такие нахальные попадают — отопрутся, — и все.

— Я, говорит, и не спал. Я, говорит, только прищурил глазки, а этот ренегат, может, нажрался жирной пищи и налетает — шапку сразу сымает с головы... У них стрелочники завсегда виноваты.

Так что такая ловля, я говорю, не так уж достигает цели.

А очень выдающийся способ изобрел начальник одесской гормилиции. Он ходит с аппаратом и чуть что — на карточку

сымает. Такой у него фотоаппаратик девять на двенадцать.

Вот он с ним и ходит. Заметит какой-либо беспорядок и сымает моментально или с небольшой выдержкой.

Сымет, например, на карточку спящую милицию, проявит, отпечатает и после в стенную газету вклеивает. Позор!

Главное — и отвертеться нельзя. Улики, можно сказать, налицо. Сам сидишь, сам спишь, и морда твоя виднеется со всеми подробностями: там, скажем, глазки закрыты, изо рта пузыри вылетают. Одним словом, наглядная панорама.

А очень это фотографическое дело обернулось в неожиданную сторону.

Перед самой чисткой начальника гормилиции со своим аппаратом пришили к делу.

— Так что, говорят, помилуйте, это форменное издевательство. Немного задремлешь, а тебя уж на карточку чикают. Прямо всякий сон пропадает, и аппетит теряется. И бессонница наступает.

Ну, поднялась целая история и тарарам.

Тройка встряла в это дело.

— Да, говорят, издевательство налицо. Поставить на сегодняшний день под сомнение его классовую личность и наложить взыскание.

Но тут, спасибо, чистка подошла.

Ну, и, конечно, никакого издеательства не нашли.

Так что можно в крайнем случае снова заняться фотографией.

Вот только жаль — аппаратов в продаже нету. Не делают. А пора бы небольшой заводик открыть. Чтобы было чем снимать дремлющую публику. Тем более, таковой на сегодняшний день весьма порядочно.

РАСПИСКА

Недавно произошло одно очень даже характерное дело. Оно тем более интересно, что это факт. Тут нету, что ли, такой выдумки или чистой фантастики. Наоборот, все взято, так сказать, с источника жизни.

И оно тем более интересно, что дело имеет любовную подкладку. И в силу этого многим забавно будет поглядеть, как и чего в данную минуту бывает на этом довольно важном и актуальном фронте.

Так вот, два года тому назад, а именно в городе Саратове, произошли такие мелкопомещанские события. Один довольно-таки безыдейный молодой человек Сережа Хренов, а именно служащий, или — вернее — браковщик-приемщик с одного учреждения, начал вроде как ухаживать за одной барышней, за одной, скажем, работницей. Или она за ним начала ухаживать. Сейчас за давностью времени нету возможности в этом разобраться. Только известно, что стали их вместе замечать на саратовских улицах.

Начали они вместе гулять и выходить. Начали даже под ручку прохаживаться. Начали разные всякие любовные слова произносить. И так далее. И тому подобное. И прочее.

А этот молодой франтоватый браковщик однажды так замечает своей даме:

— Вот, говорит, чего, гражданка Л. Сейчас, говорит, мы гуляем с вами и вместе ходим и безусловно, говорит, совершенно не можем предвидеть, чего от этого будет и получится. И, говорит, будьте любезны, дайте мне расписку, мол, в случае чего и если произойдет на свет ребенок, то никаких данных вы к означенному лицу не имеете. А я, говорит, находясь с такой распиской, буду, говорит, более с вами откровенен, а то, говорит, сейчас окончательно убита любовь, и каждое действие предусматривает уголовный кодекс. И я, говорит, скорее всего отвернусь от нашей с вами любви, чем я буду впоследствии беспокоиться за свои действия и платить деньги за содержание потомства.

Или она была в него слишком влюблена, или этот франтик заморочил ей голову в своем болоте безыдейности, но только она не стала с ним понапрасну много спорить, а взяла и подписала ему бумажку. Мол, и так далее и в случае чего я никаких претензий к нему не имею и с него денег требовать не буду.

Она подписала ему такую бумажку, но, конечно, сказала кой-какие слова.

— Это, говорит, довольно странно с вашей стороны. И даже мне, говорит, чересчур обидно делается, раз ваша любовь принимает такие причудливые формы. Но, говорит, раз вы настаиваете, то я, конечно, могу потрудиться подписать вашу бумаженцию.

Браковщик говорит:

— Да уж будьте любезны. Я, говорит, двенадцать лет присматриваюсь к нашей стране и знаю, чего бывает.

Одним словом, она подписала бумажку. А он, не будь дурак, засвидетельствовал подпись ее прелестной ручки в домоуправлении и спрятал этот драгоценный документ поближе к сердцу.

Короче говоря, через полтора года они, как миленькие, стояли перед лицом народного судьи и докладывали ему о своем прежнем погасшем чувстве.

Она стояла в белом своем трикотажном платочке и показывала малютку.

— Да, говорит, действительно, я по глупости подписалась, но вот родился ребенок как таковой, и пушай отец ребенка тоже несет свою долю. Тем более, я не имею сейчас работы, и так далее.

А он, то есть бывший молодой отец, стоит таким огурчиком и усмехается в свои усики.

Мол, об чем тут речь? Чего такое тут происходит, ась? Чего делается — я не пойму. Когда и так все ясно и наглядно, и при нем, будьте любезны, имеется документ.

Он торжественно распахивает свой пиджак, недолго в нем роется и достает свою заветную бумажку.

Он достает заветную бумажку и, тихонько смеясь, кладет ее на судейский стол.

Народный судья поглядел на эту расписку, посмотрел на подпись и на печать, усмехнулся и так говорит:

— Безусловно, документ правильный!

Браковщик говорит:

— Да уж совершенно, так сказать, я извиняюсь, правильный! И вообще не остается никакого сомнения. Все, говорит, соблюдено и все не нарушено.

Народный судья говорит:

— Документ, безусловно, правильный. Но только является такое соображение: закон стоит на стороне ребенка и защищает как раз его интересы. И в данном случае по закону ребенок не должен отвечать или страдать, если у него отец попался довольно-таки хитрый сукин сын. И в силу, говорит, вышеизложенного ваша расписка не имеет никакой цены, и она только дорога как память. Вот, говорит, возьмите ее обратно и спрячьте ее поскорей себе на грудку.

Короче говоря, вот уже полгода, как бывший отец платит деньги.

ДАМА С ЦВЕТАМИ

Вот, знаете, до чего дошло — напишешь на серьезную тему не такой слишком смешной рассказ, а уж публика обижается.

— Мы, говорят, хотели веселенькое почитать, а тут про чего-то научное нацарапано. Так нельзя! Фамилия автора должна отвечать сама за себя.

Так что приходится теперь всякий раз извиняться, если чего-нибудь не так и если, скажем, темка взята не такая чересчур смехотворная.

Другой раз бывают такие малосмешные темки, взятые из жизни. Так, какая-нибудь драка, мордобой, безобразное убийство или имущество свистнули.

Тут, действительно, много не посмеешься и не посмешишь почтеннейшую публику. И рад бы, так сказать, обслужить читателя с этой стороны, да обстановка не позволяет.

Или, например, этот рассказ. Определенно печальный. Про то, как одна интеллигентная дама потонула.

Так сказать, смеха с этого факта не много можно собрать.

Так что покорнейшая просьба извинить автора за его нахальство и за то, что он хватается за такие слишком грустные полунаучные описания.

Ну, как-нибудь потерпите на этот раз, а там в дальнейшем можно будет расстараться и снова дурака валять.

Хотя, надо сказать, что и в этом рассказе будут некоторые смешные положения. Сами увидите.

Конечно, я не стал бы затруднять современного читателя таким не слишком бравурным рассказом, но уж очень, знаете, ответственная современная темка. Насчет материализма.

Одним словом, это рассказ насчет того, как однажды через несчастный случай окончательно выяснилось, что всякая мистика, всякая идеалистика, разная неземная любовь и так далее, и тому подобное, есть форменная брехня и ерундистика. И что в жизни действителен только настоящий материальный подход и ничего, к сожалению, больше.

Может быть, это чересчур грустным покажется некоторым отсталым интеллигентам и академикам, может быть, они через это обратно поскулят, но, поскуливши, пуцай оки-

нут взором свою прошедшую жизнь и тогда увидят, сколько всего они накрутили на себя лишнего.

Так вот, дозвоьте старому грубоватому материалисту, окончательно после этой истории поставившему крест на многие возвышенные вещи, рассказать эту самую историю. И дозвоьте еще раз извиниться, если будет не такой сплошной смех, как хотелось бы.

Тем более, повторяем, какой уж там смех, если одна дама потонула. Она потонула в реке. Она хотела идти купаться. И пошла по бревнам. Там на реке у берега были гонки. Такие плоты. И она имела обыкновение идти по этим бревнам подалее от берега для простору и красоты и там купаться. И, конечно, потонула.

Но дело не в этом.

А в деревню Отрадное по реке Неве приехал в этом году на дачу некто такой инженер Николай Николаевич Горбатов.

Он — инженер-технолог или путеец. Одним словом, у него на форменной фуражке какой-то производственный значок — напильник и еще чего-то такое. Но не в этом суть.

Весной в этом году приехал в Отрадное этот инженер со своей молодой супругой Ниной Петровной.

Ничего такого особенного в ней не наблюдалось. Так, да-ма и дама. Черненькая такая, пестренькая. Завсегда в ручках цветы. Или она их держит, или нюхает. И, конечно, оде-та очень прекрасно.

Несмотря на это, инженер Горбатов ее до того любил, что было удивительно наблюдать.

Действительно верно, он ничего другого от жизни не имел и никуда не стремился. Он общественной нагрузки не нес. Он физкультурой не занимался. Статей не писал. И вообще, надо откровенно сказать, он избегал общественной жизни.

Он не попал в ногу с современностью. Ему было, конечно, лет сорок, и он весь был в своем прошлом. Ему, одним словом, нравилась прошлая буржуазная жизнь с ее разными подушечками, консоме и так далее.

А в настоящей текущей жизни он ничего, кроме грубого, не видел и свою личность от всего отворачивал.

И, поскольку она — супруга и не выдаст его, он рассказывал ей свои разные реакционные мысли и взгляды:

— Я, говорит, человек глубоко интеллигентный, мне, говорит, доступно понимание многих мистических и отвлеченных картин моего детства. И я, говорит, не могу удовлетвориться той грубой действительностью, спецедеством, сокращением, квартирной платой и так далее. И, говорит, воспитан на многих красивых вещах и безделушках, понимаю тонкую любовь и не вижу ничего приличного в грубых объятиях и так далее, и тому подобное.

И вот, в силу всего этого, он оторвался от масс и окончательно замкнулся в свою семейную жизнь и в свою любовь к этой своей милочке с цветочками.

А она, безусловно, соответствовала своему назначению.

И, поскольку она была его супругой, она в тон ему пела, со всем таким соглашалась и чересчур горевала о прежней жизни.

Одним словом, это была поэтическая особа, способная целый день нюхать цветки и настурции или сидеть на берегу и глядеть вдаль, как будто там чего-нибудь имеется определенное — фрукты или ливерная колбаса.

Вот, значит, такие это были супруги со своей любовью.

Про нее нельзя сказать, чтоб она его чересчур любила и обожала, но он, действительно, глаз с нее не сводил. Утром он уезжает на пароходе, а она, в своем маленьком пеньюаре, спешит его провожать на своих тонких интеллигентских ножках. Он ее за локоток придерживает, чтоб, боже сохрани, она ножки себе не вывихнула. И чего-то ей щебечет, воздушные поцелуи с парохода посылает. Одним словом, противно глядеть.

Вот он уехал, а она села и сидит, что дура, мечтает про разные отвлеченные вещи. Ну, пойдти постирай, если не хочешь физкультурой заняться. Или пойдти тому же своему Горбатову кровать прибири. Нет! Сидит и сидит. И кушать не просит. Зато потом, наверное, легко растерялась со своими мечтами и не могла через это на сушу выбраться.

Ну, постольку поскольку она уже потонула, не будем тревожить ее память разными оскорбительными замечаниями.

Так вот, часов около семи Горбатов приезжал обратно с места своей службы. Он приезжает с места службы и спешит увидеть свою голубку.

Он первый прыгает с парохода. И чего-нибудь несет в своих руках. Или там гостинцы, или там трусики ей, или какой-нибудь новенький бюстгальтер.

Он дарит ей тут же и сам ее по спинке хлопает, дурачит-ся, обнимает. Чего ему! Он, главное, никакой общественной нагрузки не несет и весь замкнулся в свой горизонт и в свои нежные переживания.

Ну, она посмотрит, чего он принес, нахмурит носик и идет на своих тонких ножках.

Только, одним словом, она потонула. Очень, конечно, жалко, вполне прискорбный факт, но вернуть ее к жизни, тем более с нашей медициной, невозможно.

Конечно, занимайся она в свое время хотя бы зарядовой гимнастикой, она нашлась бы в самый последний момент и выплыла бы. А тут со своими цветами окунулась и враз пошла ко дну, не сопротивляясь природе.

Тем более, она шла по скользким бревнам. Она всегда по этим бревнам ходила купаться. А тут пошла после дождя на своих французских каблучках и свалилась. Только что трусички остались на плоту.

А, может быть, она и нарочно в воду сунулась. Может, она жила, жила с таким отсталым элементом и взяла и утонула. Тем более, может быть, он заморочил ей голову своей мистикой.

Но только, конечно, вряд ли. Скорей всего, если объяснить психологически, она поскользнулась на бревнах и потонула.

Конечно, не будем чересчур расстраивать читателей художественным описанием дальнейших событий. Скажем только, что инженер Николай Николаевич чрезвычайно убивался и страдал от этого факта! Он валялся на берегу,

рыдал, и все такое, но его подруга погибла безвозвратно и даже ее тело не могли найти, а от этого инженер тоже чересчур страдал и расстраивался.

— Если бы, — говорил он своей хозяйке, — она нашлась, я бы больше успокоился. Но, говорит, такая жуткая подробность, что ее не нашли, совершенно меня ослабляет. И я, говорит, через это ночи не сплю и все про нее думаю. Тем более, я ее любил совершенно неземной любовью и мне, говорит, только и делов сейчас, что найти ее, приложиться к ее праху и захоронить ее в приличной могилке и на ту могилку каждую субботу ходить, чтобы с ней духовно общаться и иметь с ней потусторонние разговоры.

Так он сказал, настриг листочков и на этих листочках написал крупным шрифтом — мол, нашедшему тело, и так далее, будет дано крупное вознаграждение в размере тридцати рублей, и тому подобное.

И эти записульки он расклеил по всей деревне и по рыбацкому поселку.

Только проходит месяц — безрезультатно. Очень многие ее ищут кошками, баграми, и так далее, но почему-то найти не могут.

А он, голубчик инженер Горбатов, ходит все время стороной, ни с кем не здоровается и только у него и делов, что ожидает — не найдут ли его подругу.

Конечно, никакое горе особенно долго не может продолжаться. В этом отношении наш организм дивно устроен.

И самая кошмарная драма слишком скоро забывается и почти ничего от нее не остается.

Так что горе инженера немножко тоже поутихло. Хотя он и продолжал горевать, считая, что его крупная любовь останется с ним навеки.

И, горя, он не переехал с дачи, а продолжал ежедневно ездить, не желая расставаться с дорогими местами.

И вот, в начале сентября, рыбаки отыскиали ее тело. Ее течением отнесло верст на пять и прибило к берегу.

Ну, приезжают к инженеру два рыбака и докладывают — мол, осмотрите, надо опознать и, в случае чего, с вас приходится.

Ах, он очень засуетился, побледнел, заторопился в своих движениях, сел в лодку и поехал с рыбаками.

Не будем особенно сгущать краски и описывать психологические подробности, скажем только, что инженер Горбатов тут же на берегу подошел к своей бывшей подруге и остановился подле нее. Кругом рыбаки, конечно, стоят молча и глядят на него, чего он скажет — признает ли он или не признает, тем более, признать было, конечно, затруднительно — время и вода сделали свое черное дело. И даже грязные тряпки от костюма были теперь мало похожи на что-нибудь такое приличное, на бывший прекрасный костюм. Не говоря уже про лик, который был тем более попорчен временем.

Тогда один из рыбаков, не желая, конечно, терять понапрасну драгоценное времечко, говорит — дескать, ну, как?

Она? Если не она, так давайте, граждане, разойдемся, чего стоять понапрасну!

Инженер Горбатов наклонился несколько ниже, и тут полная гримаса отвращения и брезгливости передернула его интеллигентские губы.

Носком своего сапожка он перевернул лицо утопленницы и вновь посмотрел на нее.

После он наклонил голову и тихо прошептал про себя:

— Да... это она!

Снова брезгливость передернула его плечи. Он повернулся назад и быстро пошел к лодке.

Тут рыбаки начали на него кричать — мол, а деньги, деньги, мол, посулил, а сам тигалья дает, а еще бывший интеллигент и в фуражке!

Горбатов, конечно, без слова вынимает деньги и подает рыбакам и прибавляет еще пять целковых с тем, чтобы они захоронили эту даму на здешнем кладбище.

И после этого Н. Н. Горбатов уехал в Отрадное, а оттуда в Ленинград.

А недавно его видели — он шел по улице с какой-то дамочкой. Он вел ее под локоток и что-то такое вкручивал.

Так вот и вся история.

Память утонувшей и глубокую неземную любовь к ней со стороны инженера почтим вставанием и перейдем к текущим делам. Тем более, время не такое, чтоб подолгу задерживаться на утонувших гражданах и подводить под них всякую психологию, физиологию и тому подобное.

БУРЛАЦКАЯ НАТУРА

В том месяце вычистили из партии одного человечка. Кто он — не суть важно. Важно, что его вычистили. А вычистили его по бытовому признаку — он выпивать любил.

Ну, такая у него вообще бурлацкая натура. Он чуть что — за воротник заливал. Хотя и в меру. А других делов за ним не значилось. Он и работал ничего себе. И с женой довольно миролюбиво обходился. И по займу 106 процентов заплатил. Вот, ей-богу, обидно-то!

Главное, комиссия такая слишком строгая подобралась. Кто что, кого чего, кому почему? Ну, и доездили человека. Почему, говорят, на фронте не был? А он, может быть, завожился по хозяйственной части и не попал на фронт. А теперь ему это на вид ставят.

Ну, одним словом, уволили.

— Хотя, говорят, вы будете и пролетарский элемент, но, говорят, чего-то в вас наблюдается мелкобуржуазное. Вы, говорят, не подходите в реконструктивный период нашего времени.

А очень человеку обидно стало.

«Ах, так, думает. Сколько лет, думает, я крепился и сдерживал свою бурлацкую натуру, а вы мне такие песенки поете. Сколько лет, думает, я не позволял себе ничего ударить и с женой довольно миролюбиво обходился. И займу сто шесть процентов заплатил. А мне такие песенки подносят».

И, одним словом, развернул человек свою деятельность. Завил горе веревочкой и начал ежедневно колбасить. Меньше чем в одну неделю, он побил весь жакт, все свое домоуправление. Содрал у них со стены разные актуальные лозунги. Жену отвозил, находясь в стадии опьянения. Одним словом, в короткое время таких делов натворил, что даже на него протокол составили.

Только наряду с этим происходит другое течение.

Как я есть беспартийный товарищ, то я не знаю, как это технически происходит. Но только дело этого человека после увольнения движется. И им интересуются. Ах, дескать, это бурлацкая натура! Кто что, кого чего, кому почему? И, одним словом, восстанавливают человека в его правах.

Восстанавливают человека в его правах и дают ему об этом знать.

Заместо крупного веселья он очень беспокоился.

Ничего такого не говорит, только говорит: «Братцы, братцы...» И сам за всех хватается и вроде как мысленно прощение себе требует за свои последние дела. И, конечно, бежит, куда ему надо.

Как я есть беспартийный товарищ, то я и не знаю, куда надо в таких случаях бежать. Только, одним словом, он бежит, куда ему следует бежать, и там восклицает:

— Ах, ах, да что же вы со мной делаете?

— А что? — говорят.

— Да как же — что? Сначала меня чистите. После обратный ход даете. Это же неизвестно, как человеку вести себя.

И на каких правах жить? Или как беспартийцу находиться? Или, наоборот, опять сдерживаться.

— А что? — говорят.

— Да как же, говорит, я за это переходное время разных мелкобуржуазных делов натворил и слегка сполз с классовой линии.

Ему говорят:

— Ну, значит, товарищ, вы не чистой воды пролетарий. И настоящий партийный коммунист в любое время дня и ночи должен быть вроде как одинаковый и сверкать, как стеклышко.

Тут опять возникает дело, и его, голубчика, снова сгоняют с платформы.

Но, несмотря на это, он ведет себя тихо, лежит на кровати и «мама» сказать боится. И надеется, что его обратно восстановят.

Не знаю. Не могу обещать.

ПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Презабавная история произошла со мной на транспорте этой осенью.

Конечно, эта история, как бы сказать, не бичует разные темные стороны нашей жизни и не откликается на урожай, на отсутствие тары, и так далее, и тому подобное. А просто в ней говорится, чего со мной этим летом произошло.

Хотя, с другой стороны, прочитавши этот рассказ, можно, безусловно, заклеить порядочки и вообще железнодорожную администрацию, зачем она допускает такие прискорбные факты. Так что, вообще говоря, эта сатира не совсем беззубая. Она кое-кого кусает и кое-кого призывает к порядку.

Тем более, действительно, нельзя же допускать подобные обстоятельства. Что вы, что вы!

А ехал я, конечно, в Москву. Из Орловской губернии. Я там был в одном совхозе. Поглядел, как и чего там делается.

Действительно верно, очень грандиозные картины наблюдаются. Тракторы ходят взад и вперед. Всюду на сегодняшний день пшеница поспевает. Овес так и растет из-под земли.

Но, конечно, не об этом речь.

А сажусь я в поезд на своей станции Петровская, чтобы, конечно, после незабываемых картин природы следовать в Москву.

И вот, подходит почтово-пассажирский поезд в 6.45 вечера.

Сажусь в этот поезд.

Народу не так чтобы безобразно много. Даже, в крайнем случае, сесть можно.

Прошу потесниться. Сажусь.

И вот гляжу на своих попутчиков.

А дело, я говорю, к вечеру. Не то чтобы темно, но темновато. Вообще сумерки. И огня еще не дают. Провода экономят.

Так вот гляжу на окружающих пассажиров и вижу — компания подобралась довольно славная. Такие все, вижу, симпатичные, ненадутые люди.

Один такой без шапки, длинногривый субъект, но не поп. Такой вообще интеллигент в черной тужурке.

Рядом с ним — в русских сапогах и в форменной фуражке. Такой усатый. Только не инженер. Может быть, он сторож из зоологического сада или агроном. Только — видать — очень отзывчивой души человек. Он держит своими ручками перочинный ножик и этим ножичком нарезает антоновское яблоко на кусочки и кормит своего другого соседа — безрукого. Такой с ним рядом, вижу, безрукий гражданин едет. Такой молодой пролетарский парень. Без обеих рук. Наверное, инвалид труда. Очень жалко глядеть.

Но он с таким аппетитом кушает. И, поскольку у него нету рук, тот ему нарезает на дольки и подает в рот на кончике ножа.

Такая, вижу, гуманная картинка. Сюжет, достойный Рембрандта.

А напротив них сидит немолодой седоватый мужчина в черном картузе. И все он, этот мужчина, усмехается.

Может, до меня у них какой-нибудь слишком забавный разговор был. Только, видать, этот пассажир все еще не может остыть и все хохочет по временам: «Хее и хее!»

А очень меня заинтриговал не этот седоватый, а тот, который безрукий. Такой, вижу, молодой, а уж безрукий.

И гляжу я на него с гражданской скорбью и очень меня подмывает спросить, как это он так опростоволосился и на чем конечности потерял. Но спросить неловко.

Думаю, привыкну к пассажирам, разговорюсь и после спрошу.

Стал посторонние вопросы задавать усатому субъекту, как более отзывчивому, но тот отвечает хмуро и с неохотой.

Только вдруг в разговор со мной ввязывается первый интеллигентный мужчина, который с длинными волосами.

Чего-то он до меня обратился, и у нас с ним завязался разговор на разные легкие темы и за жизнь — куда едете, почему капуста и есть ли у вас жилищный кризис на сегодняшний день.

Он говорит:

— У нас жилищного кризиса не наблюдается. Тем более, мы проживаем у себя в усадьбе, в поместье.

— И что же, говорю, вы комнату имеете или как, угол?

— Нет, говорит, зачем комнату. Берите выше. У меня шестнадцать комнат, не считая, безусловно, людских, сараев и так далее.

Я говорю:

— Что ж, говорю, вас не выселили в революцию, или это есть совхоз?

— Нет, говорит, это есть мое родовое поместье, особняк. Да вы, говорит, приезжайте ко мне. Я еще довольно роскошно живу. Иногда вечера устраиваю. Кругом у меня фонтаны брызжут. Симфонические оркестры поминутно собачьи вальсы играют...

— Что же вы, говорю, я извиняюсь, арендатор будете или вы есть частное лицо?

— Да, говорит, я частное лицо. Я помещик.

— То есть, говорю, как вас, позвольте, понимать? Вы есть бывший помещик? То есть, говорю, пролетарская револю-

ция смела же вашу категорию. Я, говорю, извиняюсь, мне чего-то не разобраться в этом деле. Может быть, у вас дарственное имение за особые заслуги перед революцией?

Он говорит:

— Ну да, безусловно, за особые заслуги... Да вы приезжайте — увидите. Ну, хотите, — сейчас заедем ко мне? Очень, говорит, роскошную жизнь встретите. Поедем.

Что, думаю, за черт! Поехать, что ли, поглядеть, как это он сохранился сквозь пролетарскую революцию. Или он брешет.

Тем более — вижу — седоватый мужчина смеется. Все хочется: «Хее и хее!»

Только я хотел сделать ему замечание за неуместный смех, а который усатый, который раньше нарезал яблоко, отложил свой перочинный нож на столик, дожрал остатки и говорит мне довольно громко:

— Да вы с ними перестаньте разговор поддерживать. Это психические.

Тут я поглядел на всю честную компанию и вижу — бабюшки мои! Да ведь это, действительно, ненормальные едут со сторожем. И который длинноволосый — ненормальный. И который все время хохочет. И безрукий тоже. На нем просто смирительная рубашка надета — руки скручены. И сразу не разобрать, что он с руками. Одним словом, едут ненормальные. А этот усатый — ихний сторож. Он их перевозит.

Гляжу я на них с беспокойством и нервничаю — еще, думаю, черт их побери, задушат, раз они есть психические и не отвечают за свои поступки!

Только вдруг — вижу — один ненормальный с черной бородой, мой сосед, поглядел своим хитрым глазом на перочинный ножик и вдруг — хватает его в руку.

Тут у меня сердце екнуло, и мороз по коже прошел. В одну секунду я вскочил, навалился на бородатого и начал у него ножик отбирать.

А он отчаянное сопротивление мне оказывает. И прямо меня норовит укусить своими бешеными зубами.

Только вдруг усатый сторож меня назад оттягивает.

— Чего вы, говорит, на них навалились, как вам, право, не совестно! Это ихний ножик. Это не психический пассажир. Вот эти трое — да, мои психические. А этот пассажир просто едет, как и не вы. Мы у них ножик одалживали — попросили. Это ихний ножик. Как вам не совестно!

Которого я подмял, говорит:

— Я же им ножик давай, они же на меня и накидываются! Душат за горло! Благодарю — спасибо! Какие странные поступки с ихней стороны!

Я говорю:

— Я извиняюсь, я думал — вы психический.

— Вы, говорит, думали! Думают индейские петухи!.. Чуть, сволочь, не задушил за горло.

Тут, слегка побранившись, мы вскоре приехали на станцию Игрень, и наши психические со своим проводником вышли. И вышли они довольно в строгом порядке. Только что «безрукого» пришлось слегка подталкивать.

А после кондуктор нам сказал, что на этой станции Игрень как раз имеется дом для душевнобольных, куда до-

вольно часто возят таких психических. И что как же их еще возить? Не в собачьей теплушке же? Обижаться нечего.

Да я, собственно, и не обижаюсь. Глупо, конечно, произошло, что разговорился, как дурак, но ничего! А вот которого я подмял, тот, действительно, обиделся. Он долго глядел на меня хмуро и следил за моими движениями. А после, не ожидая от меня ничего хорошего, перешел с вещами в другое отделение.

Пожалуйста!

ГОРЬКО

В нашей коммунальной квартире имеется такой ответственный работник товарищ П.

Про него, конечно, нельзя сказать, что он, например, интеллигент. Но он все-таки чего-то там такое знает. Чего-то такое читал и проходил. Так что он имеет полную ответственность и всецело должен отдавать отчет в своих действиях.

Так вот он, значит, в прошлом году женился.

Он женился в прошлом году на такой Верочке. Такая была тоже с нашего дома Верочка. Такая вообще барышня.

Она миленькая, ничего про нее не скажешь, но, безусловно, она передовых взглядов не имела. Она всецело мечтала о белищем манто, о всяких разных чулочках, ленточках, каблучках и так далее, и тому подобное.

И в силу своих взглядов она одевалась чересчур бойко. Завсегда коротенькая юбочка, шляпочка такая, шелковое пальтецо на пуговках.

И она губки свои очень отчаянно красила помадой. И с глазками своими тоже чего-то такое производила, какую-то махинацию. Что ли, она их карандашиком оттеняла. Давала им особую такую игру и выразительность. Так что все мужчины на нее засматривались и мечтали с ней сойтись.

Конечно, когда товарищ П. начал за ней ухаживать, он сразу взвесил все данные.

Да, видит, барышня, безусловно, заметная, но, безусловно, так сказать, что ли, чуждый элемент. Придется заново ее воспитать и привить ей новые взгляды. Чтоб это, главное, был человек, а не обезьянка с бантиком.

Но, думает, на то я и передовой товарищ, чтоб за такие трудные делишки браться.

Так вот он подумал и развелся со своей прежней женой.

Развелся со своей прежней супругой и женился на этой хорошенькой барышне.

Конечно, многие усмехались. Мол, что ли, это неудобно. Неэтично, что ли, ему жениться на такой слишком яркой особе, у которой только и делов, что свою фигурку покрасивей нарядить.

Но он пресек все эти пересуды. Мол, не сомневайтесь, милые товарищи. Барышня, действительно, выражает собой, ну, что ли, мелкобуржуазную стихию нашего дома. Но не пройдет и полгода, как все это переменится, и это будет вполне сознательный товарищ, спутник трудовой жизни, полноправный гражданин, у которого на первом месте бу-

дут разные ответственные мысли и классовый интерес, а уж потом все такое остальное.

— Ну, — говорят ему, — глядите, товарищ. Не вкапайтесь. Многие крупные деятели общественной мысли пропадали по случаю того, что у них были такие мелкобуржуазные супруги с накрашенными губками.

Он говорит:

— Мне, право, смешно слышать, чего вы такое говорите. Будьте любезны поглядеть на мою воспитательную работу через полгода.

Начал он после женитьбы воспитывать эту девочку, начал ей разные вопросы задавать. Начал ее стыдить перед лицом советской общественности.

Мол, зачем вы, Верочка, губки свои красите. И зачем у вас, я извиняюсь, юбочки слишком коротки. И зачем у вас ножки. И почему глазки. И, дескать, надо быть сознательным, вдумчивым гражданином, а не такой безответственной фигуркой на фоне общественной мысли.

Очень, конечно, от этого нажима барышня горевала и конфузилась, но потом довольно незаметно начала перевоспитываться.

Короче говоря, меньше чем через полгода эта барышня очень удивительно переменилась к лучшему.

Она перестала мазать свои губки. Она пошила себе длинные платица. Она начала ходить с портфельчиком. И так далее, и тому подобное.

Короче говоря, это была воспитательная работа, достойная всеобщего удивления.

В короткое время пустую барышню он превратил в достойного спутника своей жизни, с которым он пошел рука об руку к намеченным идеалам.

Правда, шли они так недолго. Месяца два или полтора, чего-то вроде этого. После чего тов. П. развелся с ней и женился на другой молодой барышне.

Слов нет. Эта последняя не была сознательным товарищем. Она ярко мазала свои губки. Она носила коротенькие юбочки. И кокетливо глядела на мужчин своими огненными глазами. Но тов. П. не смущали подобные крупные препятствия.

Короче говоря, он женился на этой новенькой малютке. И начал ее перевоспитывать, с тем чтобы из этой напудренной обезьянки сделать настоящего, достойного человека, с которым прилично будет ему идти рука об руку к намеченным идеалам.

А сколько времени он будет таким образом с ней идти — покажет дальнейшее будущее. Надо полагать, не менее полгода.

Одним словом, честь имеем поздравить дорогого новобрачного. Горько! Чрезвычайно горько.

НЕ СОГЛАСЕН

А вот я, братцы мои, не согласен с этой поговоркой: «Готовь летом сани...»

Я ничего не говорю. Эта народная поговорка или там половица довольно мудрая. Но только не на все случаи жизни она годится.

В самом деле, вот уже сколько раз эта симпатичная поговорка не оправдывала своего назначения и вообще вводила в заблуждение публику.

Вот сейчас расскажу, чего в связи с этим вспомню.

1. Нэпман не угадал

Тут, в Ленинграде, был такой нэпман. По фамилии С. Яков. Очень такой, говорят, башковитый, предусмотрительный господинчик.

Он в прошлом году, не дожидаясь генеральной линии, взял да и построил себе небольшую дачку под самым Ленинградом.

«А то, думает, мало ли чего в революцию бывает. Нажмут на нашу категорию — и податься будет некуда. Или за сорок верст угонят. Ездить будет неудобно».

Вот он взял и построил домик. Поближе к центру. Так сказать, заготовил сани летом... А только сейчас эти сани по декрету у него отбирают, как у лишенца. А вы говорите — готовь сани...

2. Домик не удался

Или вот в нашем доме. Захотело наше домоуправление прикоснуться к строительству. Видит — стоит во дворе двухэтажный флигель. «Ах, так, думает. Ладно. Дай, думает, третий этаж надстроим. Тем более, небо позволяет тянуться в высоту». Очень такие радужные перспективы рисовались нашим строителям.

Вот навезли они, заметьте себе, строительного материала. Пригласили за крупные деньги инженера. Сочинили план. Согласовали. Ну, одним словом, продумали все до мелочей. Тем более, помнят, такая есть мудрая поговорка: готовь сани заранее... Вот они заранее все и обмозговали... За полгода. Или за год.

Наступило лето. Надо строиться. Вызывают с биржи рабочих.

Биржа говорит:

— Да, говорит, действительно, безработных у нас пока до черта, тем более конторщиков и парикмахеров, но, говорят, штукатуров и кровельщиков как раз нету на ваше такое несчастье. Погодите, может, скоро они освободятся.

Но наши строители ждать не стали и обратно продали материал. А сейчас, говорят, штукатуры понаехали.

3. Химия не позволяет

Моя квартирная хозяйка купила бумазеи к зиме. Не могу сказать, где она купила. Кажется, у частника. А, может быть, и нет.

Одним словом, купила она, как запасливая дама, еще летом бумазею и положила ее в комод.

Только подходит зима, разворачивает хозяйка эту бумазею, хочет из нее пошить себе разные теплые предметы и юбки, а бумазея, как бисер, рассыпается.

Что? Почему? Откуда такая напасть?

Да, говорят, в другой раз попадаетесь такая едкая химическая краска, которая нипочем не переносит ткани. Или

ткань ее не переносит. Только, одним словом, они вместе не уживаются.

Таким образом, иногда качество продукции не позволяет заранее планы строить.

4. Дядя Петя ошибается

Или вот с нашего же дома — извозчик Петр Антонович Горелов. Или дядя Петя, как его называют.

Он, сердечный человек, совсем с ног сбился с этой чертовой поговоркой.

А взял он летом и отдал сани в ремонт.

Довольно крупную сумму на это ухлопал. Но зато саночки починили ему на славу.

«Ладно, думает, хотя, думает, коляска у меня — дерьмо, но зато санки славненькие. Как-нибудь доезжу до зимы, а зимой фасон давить буду и свои финансы поправлю».

Вот подходит ноябрь месяц. Потом декабрь. После январь наступает, а снегу нету. Сами знаете, какая у нас в Ленинграде зима в этом году. Горе, а не зима. Фиалки в Левашове зацвели. Пчелки по воздуху порхают.

Дядя Петя прямо волком воет. Главное — коляска у него еле-еле держится, а санки во дворе, как новенькие, сияют.

Хочет дядя Петя санки продать, чтобы коляску отремонтировать. Санки он завтра продаст, а послезавтра, глядишь, к марту месяцу, снежок выпадет. Вот вам и чертовы санки.

Я ничего не говорю: поговорка довольно мудрая, но только она на всякий житейский случай поправку себе требует...

ХИТРОСТЬ

А я настоящих изобретателей никогда не видел. Не приходилось. Так что не могу удовлетворить ваше любопытство. Не могу вам объяснить, что это за люди — изобретатели. И с чем их кушают.

Одного парнишку, впрочем, пришлось видеть. Он чего-то там такое мозговал, ковырялся, чего-то такое думал, но так ни черта и не придумал. Придумал, но это впоследствии что-то вроде примуса оказалось. Так что, собственно говоря, этого молодого человека нельзя причислить к лику изобретателей.

Вспоминаю еще про одну девицу, про одну гражданку Марусю Н. Но это тоже ерунда. Тоже не изобретение. Хотя изобретение, но пустяковое. Так, для собственных нужд. Ерунда! Даже патент неловко взять.

И, к тому же, цель изобретения — низкая, — охрана собственных вещичек.

Но поскольку собственность исчезает и жизнь в этом смысле перестраивается, то, пожалуй, будет интересно поглядеть на таких последних скромных изобретателей. Как они ухитряются и на что идут, чтоб сберечь свои вещички в целости и сохранности.

Так вот про эту девицу. Какая она из себя — я не могу вам сказать. Я ее не видел. А мне про нее один студентик рассказывал, один втузовец. Это было как раз в их общежитии. То есть рядом. В женском отделении.

Так вот, в этом отделении находилась одна довольно симпатичная девица, одна гражданка Маруся Н.

Довольно-таки кокетливая, вертлявенькая и вообще склонная к мещанскому уюту.

У ней перед кроватью стоял столик, завсегда прикрытый бархатной салфеточкой. А на салфеточке были расположены разные штучки — пудра, зеркальце, разная подмазка и духи во флакончике.

Вот через эти духи все и произошло.

А стала пропадать эта драгоценная влага. Так, видать, по-немногу кто-то пользуется и отливает.

А девица, конечно, свободных денег не имеет на такую роскошь. И она только руками всплескивает. До того ей жалко этой жидкости.

Уж она и в столик прятала свои духи, и под подушку зарывала, — не помогает. Чья-то невидимая рука нет-нет — да и скрадет немного.

Стала она отметки делать на этикетке — сколько было. Тоже не помогает. Воры с этим не считались и при каждом удобном случае, знай себе, отливают.

Короче говоря, Маруся Н. придумала такую штуку. Она взяла и на баночке наклейку сделала — «яд» — и поверх наклейки изобразила череп с двумя костями. И этот флакончик на стол поставила.

С тех пор никто и не прикасался к жидкости.

За исключением, впрочем, одного раза. Одна истеричка зараз выпила всю жидкость.

Она, видите ли, с одним знакомым поссорилась. И сдурю заглотала всю жидкость, правда, без опасного вреда для себя.

А если б на этот случай изобретение было бы на высоте положения? Можно было бы даже патент хлопотать, — так сказать, за остроту мысли.

Но, безусловно, изобретение несколько меркнет, ибо оно направлено на мещанские интересы — на охрану собственности.

Других изобретателей нам не приходилось видеть.

ОДИН ДЕНЬ

Вот некоторые думают, что я — меланхолик. У меня, говорят, лицо какое-то такое меланхоличное. И взор вбок смотрит.

Что я меланхолик, то это глубоко неверные слова. А вот морда у меня действительно грустноватая. Давайте постараюсь объяснить, отчего это произошло.

Началось, конечно, с пустяков.

В прошлом году летом я шел по улице и думал о нашей жизни. И вдруг со всего маху зацепил лицом за навес. Такие, знаете, бывают парусиновые навесы у магазинов. Так вот об такой навес я и ударяюсь.

Ударяюсь я об такой навес и думаю: до чего у нас на людей мало внимания обращают. Ну спусти навес так, чтобы средний человек мог свободно пройти. Так нет — спустят как придется и плюют на публику.

Или, например, вчера. Вчера у меня был выходной день. Дозвольте по порядку рассказать об этом дне. Только об одном дне.

Вот лежу утром в кровати. Думаю, насколько прекрасно проведу сегодня день.

Сейчас, думаю, встану, пойду прогуляюсь по набережной, как барон, подышу невским ароматом, после подзаправлюсь в столовой. После побегая на коньках. А вечером в кино схожу. И после засну сладким сном утомленного человека.

Вот такое мысленное расписание представил себе, вскочил на свои ножки, оделся и весело, без никакой меланхолии спускаюсь во двор. Спускаюсь и от полноты жизни песни пою.

Дохожу до ворот, хочу пройти на улицу — нельзя. Под воротами яму роют во всю ширину.

Что такое? Зачем яма? Почему яма?

Так что, говорят, временный разрыв трубы. Пойдите, советуют, у ворот либо погуляйте по двору. Не более как через час-полтора все обстряпают.

Гляжу — у ворот народ столпился человек по десять с обеих сторон. Ругаются...

— Это, говорят, никакого внимания к людям! Ну оставьте хотя небольшой перешеек, небольшую тропочку для перехода, так нет — раскопали, черти, во всю ширину.

Я говорю:

— А вдруг, братцы, пожар?

Председатель жакта говорит:

— Вдруг только блох ловят! Вы вечно всякую дрянь увидите... А раз у меня лопнувши труба, то мне, говорит, важнее ее заклепать, чем за жильцами ухаживать.

Минут через двадцать он говорит:

— Вот чего: которым мракобесам не терпится и которые стремятся поскорее на улицу выйти — айда на седьмой этаж, я сейчас ключи принесу и через клуб всю пачку выпущу.

Вскоре после того вышел я на улицу. Уж такой бодрости и безопасности нету.

Иду к набережной. Прохожу мимо нашей образцовой столовой, гляжу — уже очередь образовалась.

Дай, думаю, сначала неприятные вещи сделаю, а после легкие; сначала, думаю, лучше подзаправлюсь, а после на прогулку пуущу.

Через час подзаправился. Вышел на набережную. Гулять чего-то неохота. Дай, думаю, домой схожу. Погляжу, можно ли через ворота ходить. Если можно, возьму коньки — и на каток смотаюсь.

Яму под воротами хотя не зарыли, но досточку положили.

Взял свои новенькие коньки. Пошел на каток.

Прихожу на Инженерную улицу — перерыв до пяти часов.

Иду на Таврический каток — закрыто по случаю хоккея.

Бегу на третий — можно, допускают, разрешают кататься.

Надеваю коньки. Встаю на лед. Не могу идти. Не скользят ноги. В чем дело? Или разучился. Или еще что...

Потрогал пальцем коньки (куплены на пр. Володарского, 51, Охотсоюз) — вон в чем дело: полозы до того шершавые, что никакого скольжения нельзя достичь.

Отвинтил коньки. Пошел домой. Морда уже грустная. А встречные небось думают: «Эвон меланхолик идет с коньками, даже спорт не действует на этого сукинова сына».

Отдал коньки в мастерскую починки.

Вечером пошел в кино. Начал глядеть драму. Вижу — чего-то знакомое показывают. Гляжу дальше — вижу, вертят какую-то муру, которую я уже в театре видел и в романе читал. Плюнул на свои любезные денежки и пошел домой вместе со своей грустной мордой.

Так что я и говорю: я очень даже жизнерадостный гражданин. Я очень люблю жизнь и людей. А вот жизнь и люди меня не любят. И не оказывают мне хотя бы самого маленького внимания. А пора бы.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Очень интересная психологическая история произошла на этой неделе.

Один наш знакомый, слесарь Василий Антонович К. (не будем называть его фамилию), задумал развестись со своей супругой.

Он прожил с ней, что ли, три или четыре года и, значит, решил, что будет. А то он, видите ли, начал скучать в ее обществе. Ну, вообще остыл к ней. Разлюбил ее.

И вот, значит, берет он своего приятеля Федю Т., заходит с ним после работы в портерную, выпивает пару пива и с ним советуется. Он беседует с Федей по текущему вопросу — как ему быть: сразу ли супруге сказать, мол, развожусь, или подготовить, чтоб ей удара не было. Или, может быть, просто в загс зайти и им поручить уведомление, чтоб сам-

ому не займеть разных мещанских сцен, дамских воплей и так далее, и тому подобное.

Приятель говорит:

— Да уж наилучше всего прийти домой и сразу наотрез сказать ей, что б ни случилось. А то чего там канитель тянуть и только себя беспокоить. Иди сейчас и выложи. Только, говорит, конечно, дельце это нелегкое. Некоторые супруги в этот момент пуще всего звереют и черт знает на что решаются. Другие падают в обморок. Третьи, наиболее отсталые, кислотой обливают. Так что, говорит, я тебе не особо завидую. Но только идти надо. А я с тобой пойду. Подожду тебя у дверей. В случае чего, ежели понадобится моя помощь, ты меня кликнешь.

И вот идут они оба-два на квартиру.

Подходят они к своему, то есть к слесареву, дому и поднимаются по лестнице.

Они поднимаются по лестнице и вдруг встречают супругу, эту самую злополучную слесареву супругу — Анну Николаевну, Аню.

Они поднимаются по лестнице, а она вниз сбегает. Она быстро сбегает вниз в своих желтых туфельках. Очень такая нарядная, завитая, вспылчивая и хорошенькая.

Слесарь, конечно, остановился и удивленно на нее глядит. А она слегка краснеет и, значит, хочет идти дальше.

Слесарь спрашивает:

— Ты, говорит, куда?

— Я, говорит, туда... Вообще по своим делам.

— По каким делам? Какие у тебя дела?

— А я, говорит, тебе не намерена отвечать.

Тут они начинают бурно разговаривать, а она ему говорит:
— Вот, говорит, чего, Василий Антонович. Я тебе давно хотела сказать: ты мне надоел со своим характером, и я с тобой разводиться думаю.

Слесарь так и обомлел.

— То есть как разводиться?

— А так, говорит. Ты скучаешь в моем обществе, и мне, говорит, с вами тоже интерес небольшой. Я долго сдерживалась про это говорить, но теперь определенно рада, что сказала. Я с тобой развожусь!

Слесарь ее за руки хватает. Воскрицает:

— Ах так! У тебя небось любовники! Ты меня опутала своей любовью. Аня, говорит, Анечка!

Его приятель Федя Т. моргает ему: мол, дурак, сам же ты хотел развестись, а теперь назад ручку крутишь. А слесарь восклицает:

— Анечка, подумай малость. Не разводись!

И сам ее обнимает, и шляпку с нее снимает, и каждую минуту за ручки берет.

А Федя Т. стоит обалдевший и глазам своим не верит.

После Федя махнул ручкой и ушел. Так что чем кончилось объяснение на лестнице — неизвестно. Известно только, что слесарь с женой не развелся и, кажется, разводиться не намерен. Наоборот, после работы слесарь бежит прямо домой, не заходя в пивную.

Как понять этот случай? В чем тут запятая? Почему слесарь вдруг переменился? Нет ли тут низменных чувств? Нет ли мещанского уклона? Нет ли собственничества?

Автор, утомленный своей литературной работой, не может сразу разобраться в этой сложной психологической канители. Пущай читатели сами разбираются! Нельзя же все разжевывать и в рот класть. А ну, поработайте сами!..

НЕУВЯЗКА

Новый быт наступает, а многие родители еще и за ум не схватились.

Многие родители еще называют своих детишек — Коля, Петя, Андрюша и так далее.

А через двадцать лет, когда, можно сказать, засияет жизнь, такие мещанские названия, как Петя, будут прямо убийственны.

Безусловно, другие родители и рады бы сейчас давать новые имена, да, знаете, выбору маловато. Раз-два и обчелся. Да и неувязка может произойти. Как у моих знакомых.

У моих знакомых в том сезоне родился мальчик.

Родители, люди очень такие, что ли, передовые, обрадовались.

— Ага, говорят, уж в этом случае мы будем на высоте положения. Уж мы дадим ему настоящее название. Это будет не какой-нибудь Петя.

Начали они думать, как назвать. Два дня думали и глядели в календари, на третий прямо захворали. Не могут придумать подходящего красивого названия.

Вдруг приходит ихний сосед.

— Да вы, говорит, откройте любой политсловарь и хватайте оттуда какую-нибудь выдающуюся фамилию. И называйте этой фамилией свою невинную крошку.

Развернули родители словарь. Словарь впоследствии оказался «Походным политсловарем».

Видят — симпатичная, красивая фамилия — Жорес. Читают: «Вождь социалистического движения во Франции... Предательски убит из-за угла».

Думают: подходящее. Пушай мальчик будет Жорес, в честь героя Жореса. Ура!..

И назвали своего мальчика этим именем. Зарегистрировали его, конечно, и стали называть Жоря.

Вдруг приходят к ним гости. И, между прочим, братишка жены, комсомолец Паша К-ов.

Паша говорит:

— Да, говорит, имечко вы дали довольно странное, если не сказать больше...

И сам усмехается.

— А что? — говорят.

— Да как же, говорит. Жорес, говорит, хотя и был социалистом, но он был врагом коммунизма. Он деятель II Интернационала. Он вроде как меньшевик. Ну и дали вы имечко, поздравляю, милые родители!

Тут родители растерялись. Развернули словарь — социалист. На Пашку поглядят — Пашка усмехается.

Начали родители огорчаться. Начали ахать и за мальчика своего хвататься.

Мамаша говорит:

— Это такая неувязка произошла. Хорошо, что сын маленький, а то бы ему неловко было такое меньшевистское название иметь.

Отец говорит:

— Надо завтра побежать в ЗАГС — поменять имя. Пущай назовем хотя бы Магний.

И, значит, на другой день побежала мамаша со своим младенцем в ЗАГС.

— Так и так, говорит, будьте любезны, а то прямо скандал...

Там ей отвечают:

— Очень, говорят, печально, но, говорят, по закону запрещается менять имена и фамилии до 18 лет. Пущай ваш мальчик зайдет через 17 лет в понедельник, от 2 до 3, тогда будет можно.

Так и не разрешили.

А родители убиваются. Хотя и не теряют надежды.

А надежды терять не надо.

Надо полагать, что какая-нибудь крупная инстанция все же разрешит это досадное недоразумение.

НЕ НАДО СПЕКУЛИРОВАТЬ

Пока мы тут с вами решаем разные ответственные вопросы насчет колхозов и промфинплана — жизнь идет своим чередом. Люди устраивают свою судьбу, женятся, выходят

замуж, заботятся о своем личном счастьешке, а некоторые даже жулят и спекулируют.

Конечно, в настоящее время спекулировать довольно затруднительно. Но вместе с тем находятся граждане, которые придумывают чего-то такое свеженькое в этой области.

Вот об одной такой спекуляции я и хочу вам рассказать. Тем более, факт довольно забавный. И тем более, это — истинное происшествие. Один мой родственник прибыл из провинции и поделился со мной этой новостью.

Одна симферопольская жительница, зубной врач О., вдова по происхождению, решила выйти замуж.

Ну, а замуж в настоящее время выйти не так-то просто. Тем более, если дама интеллигентная и ей охота видеть вокруг себя тоже интеллигентного, созвучного с ней субъекта.

В нашей, так сказать, пролетарской стране вопрос об интеллигентах — вопрос довольно острый. Проблема кадров еще не разрешена в положительном смысле, а тут, я извиняюсь, — женихи.

Ясное дело, что интеллигентных женихов нынче немного. То есть, есть, конечно, но все они какие-то такие — или уже женатые, или уже имеют две-три семьи, или вообще лишенцы, что, конечно, тоже не сахар в супружеской жизни.

И вот при такой ситуации живет в Симферополе вдова, которая в прошлом году потеряла мужа. Он у ней помер от туберкулеза.

Вот, значит, помер у ней муж. Она сначала, наверное, легко отнеслась к этому событию. А-а, думает, ерунда. А после

видит — нет, далеко не ерунда, — женихи по свету не бегают пачками. И, конечно, загоревала.

И вот, значит, горюет она около года и рассказывает о своем горе молочнице. К ней ходила молочница, молоко приносила. Поскольку муж у ней помер от туберкулеза, так вот она начала заботиться о себе — усиленно питалась.

Вот она пьет молоко около года и, между прочим, имеет дамский обывательский разговор со своей молочницей.

Неизвестно, с чего у них началось. Наверное, она пришла на кухню и разговорилась. Вот, мол, продукты дорожают. Молоко, дескать, жидковатое и вообще женихов нету.

Молочница говорит:

— Да, мол, безусловно, чего-чего, а этого мало.

Зубной врач говорит:

— Зарабатываю подходяще. Все у меня есть — квартира, обстановка, деньжата. И сама, говорит, я не такое уж мурло. А вот, подите ж, вторично выйти замуж буквально не в состоянии. Прямо хоть в газете печатай.

Молочница говорит:

— Ну, говорит, газета — это не разговор. А чего-нибудь такое надо, конечно, придумать.

Зубной врач отвечает:

— В крайнем случае, я бы, говорит, и денег не пожалела. Дала бы денег той, которая меня познакомит в смысле брака.

Молочница спрашивает:

— А много ли вы дадите?

— Да, — говорит врачиха, — смотря какой человек отыщется. Если, конечно, он интеллигент и женится, то, говорит, червонца три я бы дала, не сморгнув глазом.

Молочница говорит:

— Три, говорит, это мало. Давайте пять червонцев, тогда я вам подыму это дело. У меня, говорит, есть на примете подходящий человек.

— Да может он неинтеллигентный, — говорит врачиха, — может он крючник.

— Нет, говорит, зачем крючник. Он очень интеллигентный. Он — монтер.

Врачиха говорит:

— Тогда вы меня с ним познакомьте. Вот вам пока червонец за труды.

И вот на этом они расстаются.

А, надо сказать, у молочницы ничего такого не было на примете, кроме собственного ее супруга.

Но крупная сумма ее взволновала, и она начала прикидывать в своем мозгу, как и чего и как бы ей попроще выбить деньги из рук этой врачихи.

И вот приходит она домой и говорит своему супругу:

— Вот, мол, Николаша, чего получается. Можно, говорит, рублей пятьдесят схватить так себе, здорово живешь, без особых хлопот.

И, значит, рассказывает ему всю суть дела. Мол, чего если она нарочно познакомит его с этой разбогатевшей врачихой, а та сдуру возьмет да и отсыпет ей пять червонцев.

— И, говорит, в крайнем случае, если она будет настаивать, можно и записаться. В настоящее время это не составляет труда. Сегодня ты распишешься, а завтра или там послезавтра — обратный ход.

А муж этой молочницы, этакий довольно красивый сукин сын, с усами, так ей говорит:

— Очень отлично. Пожалуйста! Я, говорит, всегда определенно рад пятьдесят рублей взять за ни за что. Другие ради такой суммы месяц работают, а тут такие пустяки — записаться.

И вот, значит, через пару дней молочница знакомит своего мужа с зубным врачом.

Зубной врач сердечно радуется и без лишних слов и причитаний уплачивает молочнице деньги.

Теперь складывается такая ситуация. Муж молочницы, этот известный трепач с усами, срочно записывается с врачихой, переходит временно в ее апартаменты и пока что живет там.

Так он живет пять дней, потом неделю, потом десять дней. Тогда приходит молочница.

— Так что, говорит, в чем же дело?

Монтер говорит:

— Да нет, я раздумал вернуться. Я, говорит, с этим врачом жить останусь. Мне тут как-то интересней получается.

Тут, правда, он схлопотал по морде за такое свое безобразное поведение, но мнения своего не изменил. Так и остался жить у врачихи.

А врачиха, узнав про все, очень хохотала и сказала, что поскольку нет насилия, а есть свободный выбор, то инцидент исчерпан.

Правда, молочница еще пару раз заходила на квартиру и дико скандалила, требуя возврата своего супруга, однако ни черта хорошего из этого не вышло. Больше того — ей отказали от места, не велели больше носить молока во избежание дальнейших скандалов и драм.

Так за пять червонцев скупая и корыстная молочница потеряла своего красивого, интеллигентного супруга.

ЛОШАДИНОЕ СРЕДСТВО

Очень оригинальный случай произошел недавно. Дело было на Юго-Восточной железной дороге. Факт отмечен «Красной газетой», так что выдумки нет никакой.

А идет, представьте себе, по этой Юго-Восточной дороге обыкновенный пассажирский курсовой поезд.

Идет он, как полагается, без опоздания, точно по расписанию. Тем более машинист на нем — старый, опытный работник, знающий свое дело. И кондуктора, то есть вся бригада, тоже подобралась такая исправная, сознательная бригада. И пассажиры то же самое — прекрасные, трезвые пассажиры, не мешающие движению. Ну, насчет пассажиров утверждать не будем. Пес их знает, какие это были пассажиры. Может, половина — форменная дрянь. Но только не в пассажирах дело. В настоящее время пассажир погоды не делает.

Так вот, идет себе курсовой поезд недалеко от станции Россошь.

Вдруг бригада замечает чего-то такое неладное в хвосте поезда. Одним словом, какой-то шум, треск, пыхтение и так далее.

Вот бригада, не поленившись, поглядела, чего делается. И вдруг видит, батюшки мои, невиданное зрелище — какой-то состав прет позади их. И, видать, догоняет. Расстояние заметно уменьшается.

Тут у многих поджилки затряслись. Потому как небывалый факт во всей мировой истории — поезд поезд догоняет.

Вот бросилась бригада к голове поезда. Дают знать машинисту, — мол, голубчик, гони во всю прыть, а то задний машинист сейчас в хвост ударит и тогда будет катастрофа, вопреки категорическому указанию тов. Рухимовича.

Вот машинист обернулся, да, видит, факт небывалый. И, не растерявшись, подбавил пару и дал полный ход.

И тут, можно сказать, начались форменные скачки. Первый состав гонит, но и второй не отстает. И даже свистки подает: мол, а вот я тебя сейчас догоню.

Наконец, прибыли на станцию почти одновременно.

Выбежала вся бригада, машинист соскочил, интересуются, что за странный поезд. Видят — с заднего состава сходит машинист, некто такой гр. Сергеев. И улыбается.

— Чего, говорит, перетрусили, ребята? Еще бы, говорит, маленько, и я бы вас догнал.

Конечно, на другой станции безусловно схватили бы этого машиниста, отправили бы в ГПУ, а тут довольно легко отнесли.

— Пущай, говорят, дальше едет до станции Россошь, там разберут.

Машинист с курсового поезда говорит:

— Только пущай он впереди едет, а то он мне нервы портит перегонками.

Вот поехали дальше. Но на первой станции машинист Сергеев задел за какой-то состав и разбил пару вагонов. И только тогда его арестовали за арапские действия.

Начали составлять протокол. Спрашивают его, как же он так небрежно и нахально себя ведет.

Сергеев говорит:

— Да я, знаете, хотел уволиться со службы, да меня не увольняют. Вот я и решил чего-нибудь такое натворить.

Можно сказать — летуны нонче пошли решительные. Добиваются своего.

Этот нахальный Сергеев тоже добился, — уволили. Что касается более выгодного места, то, несомненно, и место получит. С хорошим казенным пайком.

Черт знает, какие бывают паршивые люди!

СТОРОЖ

Один знакомый парнишка рассказал мне эту занятную историю. Только, к сожалению, я позабыл название села, где развернулись все эти события. Не то Кривючи, не то Кривуши. Где-то, одним словом, недалеко от Пскова.

Так вот была в этом селе церковь Никола-на-могильцах. Ну, такое у ней было название. Не могу вам объяснить, отчего она так называлась.

И вот при этой церкви Никола-на-могильцах находился сторож некто Морозов.

И вот стало известно во Пскове, что этого сторожа нещадным образом эксплуатируют. Держат его без страховки, без жалованья и без выходных дней. Ну, там, может, кинут ему, как собаке, рубля три в месяц, и живи как хочешь.

Но, между прочим, сам сторож не жаловался. В довершение всего это был религиозный старик и при церкви находился вроде как бы по призванию. Ну, что ли, ему нравилось быть церковным сторожем. Это, что ли, отвечало его религиозным запросам. Однако от этого картина эксплуатации не менялась.

И, значит, отрядили в эту деревню, в это село Кривуши легкую кавалерию. Отрядили трех ребят-комсомольцев обследовать, как и чего и верно ли, что сторожу жалованья не платят.

Вот прибыли ребята на село и взяли сторожа в оборот. Мол, как обстоят дела? И, небось, вам жалованья не платят, поскольку вы не застрахованы. Ну, а если это так, то можете с них потребовать за все проработанное время.

Очень от этих слов взволновался старикан.

— То есть, говорит, как, позвольте, понимать ваши слова? Значит, я могу с них деньги потребовать?

— Да, говорят, можете требовать разницу. И если вам, для примера, кидали по пятерке, то можете получить остальное сколько не хватало до ставки.

— А сколько эта ставка?

— Рублей, наверное, 20 или 18.

— И за три года я могу получить?

— Да, говорят, можете. Сколько вам платили?

Тут, значит, у сторожа психология надвое раздвоилась.

С одной стороны, очень уж ему захотелось деньжонок хапнуть. С другой стороны, как будто бы неловко церковь под удар подводить. Ну, скажи он: трешку платят. И сразу невиданная сумма перейдет в его карман. А с другой стороны — неловко, срамota, религиозное чувство страдает и вообще для церкви непоправимый удар.

Очень стал старикан мучиться, волноваться, бороденку свою зубами кусать. Начал чего-то бормотать, карман наружу выворачивать.

После все-таки деньги перетянули.

— Да, говорит, безусловно, какая же от них плата. Рубля три отвалят и, значит, целый месяц кушай кошkin навоз. Они завсегда рады чью-нибудь шкуру содрать.

Кавалерия говорит:

— Очень великолепно! Сейчас составим акт и двинем дело под гору.

Сторож говорит:

— Да уж будьте милостивцы! Пуцай с них деньги сдерут. Три года им дарма храм стерег. Неинтересно получается.

Вот кавалерия уехала, и вскоре после этого попу представили иск на 280 рублей.

Чего тут было — описать перу нету возможности. Были скандалы, волнения, крики и форменная неразбериха.

Однако делать нечего. Пришлось сторожа застраховать и пришлось ему понемногу выплачивать.

А, надо сказать, все это было в аккурат под самую пасху.

Тут, значит, идет разное богослужение, церковный звон, исповедь и тому подобная религиозная волынка. И, значит, наряду с этим такой скандал.

И вот последнюю неделю поста во время исповеди сторож Морозов пришел с измученной душой к попу исповедываться. И наряду с другими прихожанами стал скромненько в очередь.

Поп, конечно, его увидел, вышел из-за ширмы и так ему говорит:

— Я тебя, Морозов, исповедывать не буду. Отойди с богом в сторону. Ты мне храм начисто разорил, и не будет тебе никакой исповеди и прощения!

Сторож говорит:

— Батюшка, это есть гражданское дело по советским законам, а исповедь есть вроде как религия, и вы не можете мне отказать в этом, поскольку происходит отделение церкви от государства.

Поп говорит:

— Уйди, я тебя не буду исповедывать! Откажись от своих нахальных претензий — и тогда другой разговор.

Очень они тут оба взволновались, начали срамить друг друга. Сторож говорит:

— Ну, не хочешь, — не надо. Пес с тобой! И поскольку церковь не одна, то я могу в другой приход сходить. А только мне без исповеди нельзя, — меня грехи мучают.

Взял лошадь и поехал за 16 верст.

Теперь получилась такая картина. Сторож Морозов служит при этой церкви. Однако в этом храме он ничего религиозного себе не позволяет. Даже не крестится и демонстративно ходит в шапке.

А молиться и за другими мелкими религиозными делишками ездит в соседний приход. Так, сердечный, и живет, не бросая религию. Пушай его.

«ВЫДВИЖЕНЕЦ»

Эта грубая история произошла у ворот завода.

Главным героем этого дела оказался Кузьмин, рабочий железнокотельного цеха.

А пришел этот Кузьмин на работу 4 сентября.

Ну, немного поработал чего-то там такое и, значит, видит — папирос у него нет.

Пошарил по карманам — нету, выкурил.

«Дай, думаю, смотаюсь за ворота, приобрету в киоске».

А было, конечно, рабочее время. Половина одиннадцатого.

Ну, потерпи до перерыва. Ну, стрельни у приятеля. Ну, поработай энергичней заместо куренья. Так нет, приспичило ему, видите ли, немедленно за ворота пойти.

Сунулся он к воротам. Охрана не пускает.

Начал наш Кузьмин кричать разные грубые слова, кулаками размахивать, начал охрану оскорблять. И дело неожиданно дошло до зубочистки. Кузьмин размахнулся и ударил сторожа Воробьева по зубам.

Ну, свели его к коменданту. Он и там не оставил свой грубый характер и ругался почему зря и кричал:

— Я и мой брат — выдвиженцы... Мы вам покажем... Мы еще поговорим, где следует.

Что он собирался поговорить и о чем — не сказал. И что хотел показать — тоже не выяснилось. А только показывать ему, товарищи, абсолютно нечего. Ну, в лучшем случае, он может бумагу показать, в которой будет, наверное, сказано: уволен с завода за хулиганский поступок.

А больше и показывать ему нечего.

НЕКРАСИВАЯ ИСТОРИЯ

Слезай — приехали!

Об этом безобразном деле была напечатана уже заметка. А только мы еще желаем подбавить пару. Потому уж очень невозможное дело.

Понадобился рабочему Мамаеву больничный листок. Неизвестно, на что ему понадобился. Ну, может, маленько отдохнуть хотел, утомившись ударной работой, или там из деревни брат в гости приехал. Ну, неизвестно, одним словом.

Вот пошел он к хирургу тов. Иоффе и, значит, предъявлял ему свою руку.

— Вот, говорит, обратите внимание — рука захворала.

Врач осмотрел руку — ничего такого не видеть. Рука как рука, свеженькая, аккуратная рука, ни пупырышка на ней нету, и никакого внутреннего заболевания не заметно.

Хирург говорит:

— Поскольку вы здоровы, не могу дать больничного листка. Извиняюсь.

Очень от этих слов Мамаев расстроился, и в расстройстве чувств закричал такую фразу:

— Знаем мы ваши еврейские привычки.

Врач, хотя, конечно, возмутился, но не стал с ним браниться и направил его к главному врачу.

Главный врач осмотрел ручку и тоже ничего лишнего не нашел. И нельзя было найти, поскольку в ней ничего не было. Я говорю, аккуратная рука, такую руку каждому интересно иметь. Такой рукой гири подбрасывать можно.

Снова расстроился Мамаев и говорит:

— Знаем, говорит, вы из одной компании.

Схватил свою тетрадку своей захворавшей ручкой, сильно хлопнул дверью и ушел себе в душевном страдании.

На этом дело и кончилось. Хотя как для кого. Для Мамаева, небось, не кончилось, а только начинается. Потому как невозможно, товарищи, допускать такие антисемитские выходы. Требуется слегка одернуть.

СПЕШНОЕ ДЕЛО

Теперь поговорим, братцы мои, о внутренних делах.

Ну, случись, для примеру, пожар на заводе. Надо дать сигнал. Ну, начнется беготня, суетня и так далее. Начнут сигнальный аппарат искать.

А только сдается нам, что его не найдут. Или назавтра за кустом отыщут. Очень уж эти сигналы в незаметных и скромных местах расположены.

Или надо какие-нибудь стрелки нарисовать или указатели, куда бежать.

Или еще чего-нибудь.

А если стрелки рисовать затруднительно, то, в крайнем случае, можно неподалеку от сигнала портрет повесить. Скажем, человек в полной пожарной форме. Наилучше всего взять портрет того самого человека, который не додумался насчет сигнализации. Народ, скажем, посмотрит на портрет и сразу сообразит, что сигнал надо где-то тут поблизости искать.

А то можно еще, конечно, перенести сигналы на более видные места.

Одним словом, надо не пожалеть мозгов и подумать, пока над нами не каплет.

НЕ ЗАБАВНО

Об этом дельце прямо противно говорить. Противно говорить, но приходится. Тем более, что тут пять человек замешано. Можно сказать — целая «ударная бригада». Это не баран чихнул.

Главное, до 12 часов было тихо и спокойно. Работишка самосильно шла. Обрубщики старались. Делали чего-то там такое в своем чугунолитейном цехе.

А после перерыва два обрубщика перемигнулись про-
между себя. Перемигнулись, и один из них легонько щелкнул
себя пальцем по горлу, дескать, не мешало бы выпить, това-
рищи.

Одним словом, два обрубщика, Ильин и Величко, прихва-
тили с собой беспартийную прослойку в лице Углова, Кадом-
ского и Терентьева и отправились в пивную. Или наоборот,
беспартийная прослойка прихватила двух партийных об-
рубщиков. Это осталось неизвестным.

Известно только, что половина первого «ударная брига-
да» закончила работу и тихо, смирно, без особых возгласов и
пения пошла в пивную.

Сколько они там выпили, чего кушали и сколько приш-
лось им с носа заплатить — этого мы не знаем, поскольку
они нас с собой не пригласили.

По этой причине не можем вам подробно объяснить, что
у них там после выпивки вышло.

Но один парнишка, осветивший все это дело, рассказал
нам, что произошло у них какое-то там темненькое дельце.
Кто-то кого-то по личности съездил. Когда они выходили,
встретили еще какого-то обрубщика. И схватились с ним. То
есть, вернее, один с ним схватился. Один обрубщик, беспар-
тийный с 1895 года, схватился с ним, начал ругаться и схло-
потал себе по морде.

Одним словом, грубое, некрасивое дело.

И тем более некрасивое, что в цехе стояла срочная рабо-
та. А это, может, вело к срыву производства.

Неинтересно получается, товарищи. Некультурно. Надо постараться, чтоб впредь ничего подобного не было.

А то прямо писать об этом противно.

Перо из рук валится.

Невроз сердца от таких дел нажить легко.

Захворать можно.

НА ЗАВОДЕ

(Из записной книжки)

За последние два месяца я побывал на нескольких заводах с ударной бригадой писателей, и с «буксиром» «Красной газеты», и просто так, как любопытный.

Здесь я хочу напечатать кое-какие заметки из моей записной книжки. В этих заметках я ничего не придумал, и многое записано буквально.

Должен сказать, что я видел на заводе большую мужественную работу и настоящий труд, однако в этих заметках я буду касаться только лишь недостатков. У меня, как и у каждого юмориста, так устроено зрение, что я главным образом замечаю отрицательные явления, то есть те недочеты и упущения и те мелкие смешные и забавные черточки, которых, вероятно, другой человек и не увидит.

В силу этого заметки мои несколько односторонни, и я прошу читателя учесть это обстоятельство, прежде чем делать из этого материала какие-либо выводы.

1. Точка зрения

Мастер говорит на собрании:

— Считаю, товарищи, своим долгом информировать вас насчет труддисциплины. Со всей своей откровенностью я должен сказать, что труддисциплина у нас в цехе всецело расшатавши. Я сколько лет мастер. Я каждого рабочего понимаю. Но пускай же и меня рабочий понимает. Я скажу для примера: я хожу по цеху — рабочий курит. Я прохожу около него, он на меня ноль своего внимания. Он курит. Он сидит и курит. И меня он видеть не хочет. Он не встает и за работу не берется. Он не берется, товарищи, за работу при виде меня.

Голос с места: А ты хочешь, чтоб перед тобой дрожали? Старая закваска.

Мастер: Вы совершенно не те слова пускаете, товарищ. Мне не нужно дрожания. Я не нуждаюсь в вашей вытяжке. Но меня затрагивает другое. Меня то затрагивает, что он не вскакивает работать. Ну возьми какую-нибудь гаечку в руки. Ну верти чего-нибудь, если ты сознательный член профсоюза. Нет, он только курит. И меня он видеть не хочет. Это не есть труддисциплина, товарищи. От такого рабочего результат, как от моего пальца. Отсюда, я так понимаю, идут прогулы, халатное отношение и появляются разные другие явления.

2. Разговор

Формовщик объясняется с заведующим цехом:

— Товарищ заведующий, чего я вас попрошу — дайте пропуск за ворота.

- А что?
- Да я домой хочу идти...
- То есть как домой, когда рабочее время? Ты болен?
- Я не больной. Только я сейчас работать не умею. У меня сегодня нету настроения. Говорю это в интересах производства.
- Не могу пропуска дать. Вставай на работу.
- Я встать могу... Только в интересах же производства...
Мое дело предупредить... У меня сегодня не на то мысли направлены. Я могу чего-нибудь не то сделать.

3. Грамматика хромает

Меня иногда упрекают за то, что я коверкаю язык, придумываю смешные словечки и беру слова в другом значении, чем они есть. Это неверно. Я просто стараюсь более или менее правильно передать язык, который есть на самом деле.

Вот дословно записанная фраза. В столовой, кушая винегрет, рабочий рассказывает своему соседу:

— ...Вдруг он подходит до мене и говорит: «Поделись хоть ты моим состраданьем. От этих делов выходит, что я один и есть страдавший». Я ему говорю: «Видел, говорю, этих страдавших. Раз тебе, говорю, сменили чин за хаотическое отношение к работе, то ты, говорю, вроде как и есть сам себе страдавший».

Другая фраза.

Рабочий у станка упрекает товарища, выронившего из пальцев инструмент:

— Такое мягкое существо, как язык, и то, кажись, удержит от уронения.

Еще фраза:

— В недалеком будущем это было на днях...

4. «Безвыходное положение»

Высококвалифицированный токарь. Прогульщик. Зарабатывает в час 1 р. 60 к. На него поступила письменная жалоба:

...Поскольку он такой токарь и ему нету другого, и его нечем заменить, то он весь ходит развинтившись и к работе имеет смутное отношение. В том месяце он прогулял шесть дней. В этом он прогулял четыре. В июле он поехал на Кавказ со своей женой. С Кавказа он на работу сразу не вернулся. Он неделю с Кавказу отдыхал. На все претензии он имеет привычку говорить: пожалуйста, пусть меня увольняют, меня с моей работой каждый возьмет.

Что про него придумать, является загадкой для меня.

Загадка была вскоре разрешена: токаря уволили. Однако через неделю его снова приняли.

ВОЛОКИТА

Канцелярию ругать — это святое дело.

Каждый умеет канцелярию ругать.

Такого и человека не найти, который бы в свое время не обложил эту могучую отрасль производства и строительства.

Можно сказать — грубая брань висит над всем канцелярским делом!

Разные обидные слова для этой цели придуманы: канцелярские крысы, волокитчики, конторщики, кувшинные рыла и так далее, и тому подобное.

Дозвольте заступиться.

Дозвольте сказать, что это несправедливо.

Дозвольте привести факт, когда канцелярия с ее бумажной системой на некоторое время засияла небесной чистотой.

Факт, конечно, был небольшой. Мелкий. Некрупный. Тем не менее нам желательно о нем рассказать. Нам желательно объяснить, что и канцелярское дело со своей бумажной душой вносит посильную лепту в общий котел строительства.

Это было на одном ленинградском заводе. В октябре месяце.

Вот представьте себе — проходная контора. Вот дежурный за столичком сидит. На носе у него пенсне. В руке перышко. Так пузырек с чернилами стоит. Так — кипочка бумага. Промокашка. И так далее. Одним словом, знакомая и милая сердцу картина.

Напротив дежурного — дверь. За дверью — улица. Трамваи звонят. Воздух чудный. Осеннее солнце сияет с неизвестной высоты.

В соседней комнате комендант сидит. Барышня на машинке чего-то такое кропает. Ну, одним словом, все в порядке. Благодать. Не оскорбительно. Вдруг происходит телефонный звонок.

— Алло! Что такое? В чем дело?

Мастер литейного цеха вызывает дежурного.

— Товарищ, говорит, сейчас сквозь вашу контору пройдет один такой рабочий, по фамилии С., так вы его пропустите. Он у меня со сверхурочной работы направляется.

Дежурный говорит:

— Алло! Ежели тот самый вышеуказанный рабочий имеет пропуск, то, говорит, имейте в виду — я его свободно пропущу безо всякой с моей стороны задержки. Я, говорит, его задерживать не буду. Пушай идет... Одним словом, пишите ему пропуск.

Мастер отвечает:

— Бросьте свои канцелярские штучки. Нам, знаете, некогда пропуска писать. У нас, говорит, нету свободных минут перья в чернильницу макать. Пропустите его так, как идущего со сверхурочной работы. И разговор окончен. Не срывайте темпов.

В это время входит в контору вышеуказанный рабочий, берется за дверку и, назвав себя, хочет пойти в город. Дежурный ему вежливо отвечает:

— Постольку поскольку у вас пропуска нету, то я, говорит, не могу вас пропустить. Возьмите, говорит, от своего мастера пропуск и тогда свободно себе идите. Я, говорит, вас не задержу.

Рабочий, может быть утомленный сверхурочной работой, начинает отвечать и срамить канцелярскую систему. Вдруг приходит комендант.

— Да, говорит, без пропуска не пушу.

Рабочий говорит:

— Ах, вас тут компания Зингер собралась. Тогда ладно. Сейчас пойду мастеру скажу. Какое безобразие!

Тут обратно мастер звонит:

— Ах так, говорит, мало вас, канцелярских чертей, травили, так вы опять поднимаете голову и разводите нам свой бюрократизм. Опять, говорит, своими бумагами нам дыхание закрываете. Сообщите свою фамилию!

Дежурный говорит:

— Вы меня фамилией не пугайте. А вместо этого напишите пропуск, и тогда можете ожидать от меня полную любезность и свободный проход.

Мастер говорит:

— Тогда ладно. Я, говорит, вижу, что вы без бумаг жить не можете. Сейчас напишу. Подавитесь...

Вскоре, значит, показывается на горизонте вышеуказанный рабочий со своим пропуском.

Дежурный говорит:

— Вот теперь идите.

После читает через свое пенсне этот пропуск и видит: вместо первой причины: «Идет со сверхурочной работы», сказано уже немного другое: «Отпущен по личной надобности».

Вот тут-то канцелярия и засияла в своем полном блеске.

И верно. Сказать чего угодно можно. Можно сказать: «Идет иностранный делегат — пропустите». А на бумаге уже оно так гладко и картинно не получится. Рука, она не так врет, как голос. Одним словом: бумага — страшное дело.

Вот поучительная история, которая снова заставляет нас посмотреть с гордостью и восхищением на наше нелюбимое детище.

НАХАЛЬСТВО

Тут на днях одна комсомольская ячейка разбирала бытовое дело насчет одного комсомольца.

Этот паренек показал себя с невыгодной стороны. Он гулял с тремя девицами и всем жениться наобещал. А сам он был давно женатый, и даже у него в колыбельке малютка копошился.

Про малютку и про жену он ничего не сказал вверенным ему девицам, а наплел им разных небылиц про свою одинокую, холостую жизнь.

Одной наплел, что он секретарь полпреда. И повезет ее в Ригу. Где и купит несколько пар чулок. К другой втерся в доверие и тоже чего-то такое набрехал несуразное. Одним словом, «молодец» и донжуан.

А донжуан, по буржуазной литературе,— это такой определенный сукин сын, который согласен сразу за всеми дамами ухаживать.

Вот наш комсомолец, проживающий на Песочной улице, расставил свои паутины во всех углах и не горюет. Посещает кино. Ходит на свидания. Врет. Конфеты трескает. И думает, что оно так и будет до старости лет.

Только стали доходить до комсомольской ячейки слухи: мол, поведение этого комсомольца довольно недостойное, поскольку он вводит в обман несколько пар женщин.

Вот вызывают этого комсомольца в ячейку и говорят ему разные слова.

— Объяснитесь, что вы за человек и почему за вами какая-то дрянь наблюдается?

Комсомолец говорит:

— Очень, говорит, странно. Это, говорит, есть всецело личное мое дело, и мне, говорит, просто удивительно слушать, чего вы ко мне прилипаете. За мной, говорит, никаких преступных делов нету. Я форменно удивлен вашим заявлением.

И, значит, в полном негодовании уходит.

Только вскоре узнается, что с этим комсомольцем произошла совершенно уже некрасивая история.

Одна женщина ударяет его по лицу, или, правильней сказать, по морде, делает ему истерику в общественном месте и вообще устраивает скандал.

Тогда ячейка решает энергичней взяться за это дело. И назначает товарищеский суд и разбирательство.

Вызывают на суд этого комсомольца, но он упирается.

— Мне же, говорит, морду набили, меня же и судить будут. Очень, говорит, удивительно — какие хорошие юристы нашлись!

И в назначенный день вместо явки он присылает заявление.

В заявлении говорится:

«Товарищи, считаю, что вы поступаете в высшей степени некорректно, вмешиваясь в мои интимные дела. По этой причине не считаю более возможным оставаться в узких рамках ВЛКСМ. Мои политические убеждения остаются со мной независимо от членского билета».

Ну, конечно, зачитывается эта бумага на собрании.

Происходят улыбки и смех. Некоторые ребята удивляются нахальству и глупости. И, одним словом, решают не задерживать этого человека в «узких рамках» ВЛКСМ.

Вот теперь-то небось и наделает делов этот нахальный беспартийный молодой человек.

А зря его, товарищи, отпустили. Надо было его сначала нажучить хорошенько.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Совершенно необыкновенное происшествие случилось на одном ленинградском заводе. Нами этот случай даже в заводской газете описан.

Оно, конечно, можно сказать, на каком именно заводе. Но что толку-то? Ну, предположим, сказали. Другие заводы начнут читать наше произведение. «Э, скажут, тут не про нас написано». И отложат в сторонку наш поучительный фельетон.

Так что, нам сдается, выгодней не называть завода.

Тогда каждый про себя и про свои дела подумает.

Так вот, на одном заводе очень сильно нуждались в одном материале. А именно: не хватало особой такой стали-самокалки.

Других материалов было вдоволь, а вот в этой стали нехватка ощущалась.

Вот рабочие начали начальство тревожить. Мол, нехватка и так далее, нельзя ли выписать эту сталь, а то в противном случае работа может замереть.

Только вдруг однажды во время обеденного перерыва идут два рабочих по двору.

Вот идут они по двору, разговаривают, может быть, как раз про эту сталь-самокалку. И вдруг видят — на свалке чего-то такое знакомое лежит. И глядят — эта самая сталь лежит.

Ну, конечно, забились сердца у наших рабочих. Подошли они поближе. Начали глядеть на драгоценный металл. Да, сомненья нету, — валяется великолепная сталь-самокалка.

Грустно переглянулись рабочие.

— Вот, говорят, наши порядочки. Вот какая распушенность, неорганизованность и необразованность. Мы нуждаемся в этой стали, как в правой руке. А тут эта сталь гниет и ржавеет. Пылью покрывается.

Очень они тяжело вздохнули, захватили с собой по бруску этой стали и пошли в свой цех.

Вот идут они в цех и встречают группу рабочих. Начинаются разговоры. Откуда, мол, ребята, прете с этой сталью? Никак, это — сталь-самокалка. Где вы ее нашли?

Находчики говорят:

— Да, братцы, наблюдается форменное безобразие. В то время как, и так далее, такой ценный металл и все такое гниет на помойке.

Бросились, конечно, рабочие на свалку, живо схватили эту сталь и разнесли ее по цехам, ругая, на чем свет стоит, свое горемычное начальство.

В тот день, можно сказать, народ преобразился. Такая бурная работа пошла, какой давно не было.

Только вдруг часа в четыре бежит по двору один такой человек. Очень такой бледный, весь трясется. Зубы у него лязгают. И весь он сам не свой.

Добегают он до коменданта и лепечет ему разные слова.

— Товарищ, говорит, или, говорит, я свихнулся, или, говорит, все свихнулись, кроме меня. Я, говорит, есть приемщик. А сегодня, говорит, ночью завезли нам сталь-самокалку. Я, говорит, велел ее сложить на дворе. А сейчас прохожу по двору — никакой стали нету. Или, говорит, я заболел тяжелым нервным заболеванием, или, говорит, я не понимаю, что происходит.

Комендант говорит:

— Может быть, вы место позабыли, куда было сложено. Пойдемте.

Вот бросились они оба на двор. Начали шарить и искать. Приемщик чуть не рыдает. Боится, как бы ему наклёпки не было.

Комендант говорит:

— А, может быть, никакой стали и не было? Может быть, вам это во сне приснилось? Бывают такие сны — привозят сталь, а вы ее принимаете.

Приемщик говорит:

— Прямо, говорит, чудо на Висле. Может быть, действительно, мне приснилось. Да нет, говорит, какое, к черту, приснилось, раз у меня на груди накладная лежит.

Порылся он на своей груди, достал накладную. Да, действительно, сомнения нету. Комендант говорит:

— Тогда пойдем по цехам. Может быть, успели растаскать.

Вот пошли они по цехам, и, конечно, все дело распуталось.

Стали тогда отбирать этот драгоценный металл. Половину отобрали, а другую половину так и не нашли...

Да и мудрено ее было найти. Небось, за четыре часа успели уж из нее разных нужных вещей наделать.

Получилось, прямо скажем, неорганизованно. Если не сказать крепче.

ЗАПУТАЛИСЬ

Сегодня мы, товарищи, хотим рассказать про 3-ю Детско-сельскую школу.

Там произошло такое запутанное дело, что многие ребята караул кричат.

Но погодите, ребята, кричать караул. Сейчас «Баклажка» разберется в этом деле.

Сначала все было хорошо. Ребята имели клуб в две комнаты, столовую, классы, садик. В саду росли деревья. Птички чирикали.

Ну, все — прямо как на заказ. Аккуратно. Мило. Так и надо.

Только вдруг однажды смещают заведующую школой Балинскую. Ей дают должность зава учебной частью. А на ее место из Ленинграда засылают более энергичного, стойкого педагога, от которого ожидают всего хорошего.

Вот, значит, приезжает новый заведующий и, конечно, поскорее занимает квартиру Балинской. А Балинскую, конечно, поскорее помещают в клубе. Дают ей эти две клубные комнаты. И велят ей там жить. Или она сама туда переехала. Неизвестно.

Вот живет она себе в клубе. Вдруг возникает вопрос, — мол, без клуба как-то нехорошо, неловко, — ребятам заниматься негде.

Вот тогда берут столовую, вытаскивают оттуда столы и скамейки. Вешают на стены портреты. И, значит, клуб есть.

Вдруг возникает вопрос: а как же, мол, ребятам без столовой? Ребятам, мол, без столовой неуютно — им кушать негде.

Вот тогда берут коридор. Ставят туда столы и стулья. Кладут на столы вилки и ложечки. И, значит, ребята имеют столовую.

Конечно, придумали очень мило. Но, конечно, имеются неудобства. Давайте тогда придумаем улучшения.

Дадим, предположим, Балинской две клубные комнаты и столовую. Тогда клуб — в коридор, коридор — в переднюю. Переднюю — в сад. Сад — на улицу... Нет, погодите, не так.

Дадим Балинской две комнаты и коридор. Тогда коридор — в столовую. Столовую — в переднюю. Переднюю — в клуб. Клуб — в сад. Сад — на крышу. Крышу — на улицу... Фу, подождите, запутались.

Дадим Балинской две комнаты, коридор и столовую. Тогда коридор — на улицу. Улицу — в сад. Сад — в квартиру заведующего. Заведующего — на крышу. Крышу — на заведующего... Нет, погодите. Не выходит. Дайте отдышаться. Вот как сделаем.

Дадим Балинской временно одну комнату в клубе. В другой комнате останется клуб. В столовой остается столовая, коридор — в коридоре.

Ну, теперь, кажется, лучше получилось.

Совсем будет хорошо, если заведующий потеснится и даст в своей квартире одну комнату Балинской. Вот тогда совсем будет хорошо и отлично.

Так что, ребята, прежде чем кричать караул, надо всегда в «Баклажку» обращаться. Ох, «Баклажка» в таких делах очень умеет разбираться. «Баклажка» в таких делах собаку съела.

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

Это маленькое незаметное происшествие случилось на станции Ряжи.

Там наш поезд остановился минут на десять, поджидая встречного.

Вот наш поезд остановился. Посыпалась, конечно, публика в вагоны. А среди них, семена ножками, видим, протискивается один такой немолодой уже гражданин с мешком за плечами.

Это был такой довольно затюканный интеллигентик. Такие у него были усишки висячие, как у Максима Горького. Кожица на лице такая тусклая. Ну, сразу видать — человек не знаком с физкультурой и вообще, видать, редко посещает общие собрания.

Вот он спешит по платформе к вагону. А на спине у него довольно-таки изрядный мешок болтается. И чего в этом мешке — пока неизвестно. Но поскольку человек спешит из деревенского района, то можно заключить, что в мешке не еловые шишки лежат, а пшеница, или там сало, или, скорей всего, мука, поскольку с мешка сыплется именно эта самая продукция.

Помощник дежурного по станции оглядел вверенных ему пассажиров и вдруг видит такой прискорбный факт — мешочник.

Вот он мигнул агенту, — мол, обратите внимание на этого субъекта. И, поскольку в связи с уборкой урожая спекулянты и мешочники закопошились и начали хлеб вывозить, так вот — не угодно ли — опять факт налицо.

Агент дежурному говорит:

— То есть наглость этих господ совершенно не поддается описанию. Каждый день сорок или пятьдесят спекулянтов

вывозят отсюда драгоценное зерно. То есть на это больно глядеть.

Тем временем наш интеллигентик побрякивая взобрался в вагон со своим товаром. Сел и, как ни в чем не бывало, засунул свой мешок под лавку. И делает вид, что все спокойно, — он, изволите видеть, в Москву едет.

Дежурный агенту говорит:

— Позвольте, позвольте, я где-то этого старикана видел. Ну да, говорит, я его тут на прошлой неделе видел. Он, говорит, по платформе колбасился и какие-то мешки и корзинки в вагон нагружал.

Агент говорит:

— Тогда надо у него удостоверение личности потребовать и поглядеть его поклажу.

Вот агент с дежурным по станции взошли в вагон и обращаются до этого интеллигента: мол, будьте добры, прихватите свой мешочек и будьте любезны за нами следовать.

Пассажир, конечно, побледнел, как полотно. Начал чего-то такое лопотать, за свой карманчик хвататься.

— Позвольте, говорит, в чем дело? Я в Москву еду. Вот мои документы. Я есть доктор медицины.

Агент говорит:

— Все мы доктора! Тем не менее, говорит, будьте любезны без лишних рассуждений о высоких материях слезть с вагона и проследовать за нами в дежурную комнату.

Интеллигент говорит:

— Но, позвольте, говорит, скорей всего, поезд сейчас тронется. Я запоздать могу.

Дежурный по станции говорит:

— Поезд еще не сейчас тронется. Но на этот счет вам не приходится беспокоиться. Тем более, у вас скорей всего мало будет шансов ехать именно с этим поездом.

Начал наш пассажир тяжело дышать, за сердечишко свое братья, пульс щупать. После видит — надо исполнять приказание. Вынул из-под лавки мешок, нагрузил на свои плечики и последовал за дежурным.

Вот пришли они в дежурную комнату.

Агент говорит:

— Не успели, знаете, урожай собрать, как эти форменные гады обратно закопошились и мешками вывозят ценную продукцию. Вот шлепнуть бы, говорит, одного, другого, и тогда это начисто заглохнет. Нуте, говорит, развяжи мешок и покажи, чего там у тебя внутри напихано.

Интеллигент говорит:

— Тогда, говорит, сами развязывайте. Я вам не мальчик мешки расшнуровывать. Я, говорит, из деревни еду и мне, говорит, удивительно глядеть, чего вы ко мне прилипаете.

Развязали мешок. Развернули. Видят, поверх всего каравай хлеба лежит.

Агент говорит:

— Ах, вот, говорит, какой ты есть врач медицины! Врач медицины, а у самого хлеб в мешках понапихан. Очень великолепно! Вытрясите весь мешок!

Вытряхнули из мешка всю продукцию, глядят — ничего такого нету. Вот белишко, докторские подштанники. Вот

пикейное одеяльце. В одеяльце завернут ящик с разными докторскими щипцами, штучками и чертовщинками. Вот еще пара научных книг. И больше ничего.

Оба-два администратора начали весьма извиняться. Мол, очень извините и все такое. Сейчас мы вам обратно все в мешок запахаем и, будьте любезны, поезжайте со спокойной совестью.

Доктор медицины говорит:

— Мне, говорит, все это очень оскорбительно. И поскольку я послан с ударной бригадой в колхоз, как доктор медицины, то мне, говорит, просто неинтересно видеть, как меня спихивают с вагона чуть не под колеса и роются в моем гардеробе.

Дежурный, услышав про колхоз и ударную бригаду, прямо даже затрясся всем телом и начал интеллигенту беспрестанно кланяться. Мол, будьте так добры, извините. Прямо это такое печальное недоразумение. Тем более, нас мешок ввел в заблуждение.

Доктор говорит:

— Что касается мешка, то мне, говорит, его крестьяне дали, поскольку моя жена, другой врач медицины, выехала из колхоза в Москву с чемоданом, а меня, говорит, еще на неделю задержали по случаю эпидемии остро-желудочных заболеваний. А жену, говорит, может быть, помните, на прошлой неделе провожал и помогал ей предметы в вагон носить.

Дежурный говорит:

— Да, да, я чего-то такое вспоминаю.

Тут агент с дежурным поскорей запихали в мешок чего вытряхнули, сами донесли мешок до вагона, расчистили место интеллигенту, прислонили его к самой стеночке, чтоб он, утомленный событиями, боже сохрани, не сковырнулся во время движения, пожали ему благородную ручку и опять стали сердечно извиняться.

— Прямо, говорят, мы и сами не рады, что вас схватили. Тем более, человек едет в колхоз, лечит, беспокоится, лишний месяц задерживается по случаю желудочных заболеваний, а тут наряду с этим такое неосмотрительное канальство с нашей стороны. Очень, говорят, сердечно извините!

Доктор говорит:

— Да уж ладно, чего там! Пушай только поезд поскорей тронется, а то у меня на вашем полустанке голова закружилась.

Дежурный с агентом почтительно поклонились и вышли из вагона, рассуждая о том, что, конечно, и среди этой классовой прослойки — не все сукины дети. А вот некоторые, не щадя своих знаний, едут во все места и отдают свои научные силы народу.

Вскоре после этого наш поезд тронулся.

Да перед тем как тронуться, дежурный лично смотался на станцию, приволок пару газет и подал их интеллигенту.

— Вот, говорит, почитайте в пути, неравно заскучаете.

И тут раздался свисток, гудок, дежурный с агентом взяли под козырек и наш поезд самосильно пошел.

Приложение

«ЗЛАТОГОРСКАЯ, КАЧАЙ!»

<Глава из романа «Большие пожары»>

Это был простой двухэтажный дом. Он ничем почти не отличался от прочих златогорских строений. Только что у ворот дома стояла будка. Да еще на стене, над окнами, висела вывеска: «Златогорская пожарная часть имени тов. Цыпулина».

От будки до угла дома ходил дежурный пожарный. Он, время от времени притопывая ногами, не от холода, но от скуки, мурлыкал про себя: «Кари глазки, куда вы скрылись».

Было три часа дня.

В первом этаже в казармах было светло и тихо.

На койке у окна сидел старый пожарный Григорий Ефимович Дубинин. Вокруг него сидели, кто на чем попало, златогорские серые герои.

— А я люблю быть пожарным, — говорил Григорий Ефимович. — Я тридцать пять лет на борьбе с этой стихией и от этого не устаю. А что часто меня на пожар тревожат или, может быть, редко — это мне спать не мешает.

— Вы, Григорий Иванович, человек, как бы сказать, пожилой, — сказал молодой пожарный Вавилов. — У вас, кроме пожаров, и запросов, может, никаких не сохранилось.

А нам, как бы сказать, неинтересно два раза в сутки выезжать.

— Это действительно верно! — подхватили другие пожарные. — Они поджигать будут, а мы им туши по два раза в сутки. Это абсурд с ихней стороны поджигать.

— Поджигать! — сказал Григорий Ефимович. — Это к чему же поджигать? Это не может того быть, чтоб пожары поджигали. Это чистая абстракция — поджигать. Ну, может, неосторожное обращение с огнем. Или, опять-таки, чрезмерная топка. Но поджигать — с этим я не согласен. Это того быть не может.

— Это, Григорий Ефимович, не проверено, — сказал молодой Вавилов, — хотя, говорят, все-таки...

— Говорят! — сердито сказал Григорий Ефимович. — Это к чему же поджигать, сообрази своей дырявой головой. Это кому же польза поджигать? Я, может, тридцать пять лет работаю на пожарную стихию. Действительно, верно, бывают поджоги — слов нет. В девятом году купец Великанов магазин свой поджег. А почему он магазин свой поджег? Потому он магазин свой поджег, что хотел он через это страховую сумму получить. Вот почему он свой магазин поджег. А теперь, предположим, горит дом. И страхованья, положим, на нем нету. Это к чему же его поджигать? Это чистая абстракция.

— Говорят, Григорий Ефимович, таких специальных бабочек выпускают — они и поджигают.

— Бабочек! — сказал Григорий Ефимович. — Бабочка, она насекомая. Животная. Порхать она может. Огня она не

может из себя давать. Откуда она может огня давать? Или она со спичками, думаешь, летает?

— А если, Григорий Ефимович, химическая бабочка, — неуверенно сказал Вавилов. — Если это химическая бабочка?

— Химическая бабочка? — сказал Григорий Ефимович с полным знанием дела, — это, опять-таки, я вам скажу, чистая абстракция. Химическая бабочка не может выше одного аршина подниматься.

Тут Григорий Ефимович, проработавший тридцать пять лет на борьбе со стихийными бедствиями, несколько осекся. За тридцать пять лет ему не приходилось разговаривать на такие сложные химические темы. К тому же он никогда и не слышал о химических бабочках. Он только презрительно махнул рукой, желая прекратить досадный разговор, разговор, который мог бы подорвать авторитет старого пожарного спеца.

Однако живой интерес к химическим бабочкам пересилил мелкие ощущения Григория Ефимовича.

— Ну хорошо, ну химическая бабочка, ладно, — сказал он равнодушно, — но, опять-таки, какая это химическая бабочка? Химическая бабочка не всегда подаст огонь... Или как ты думаешь?

— Я думаю, — мечтательно сказал Вавилов, — что, может, при общем движении науки и техники какие-нибудь, может, профессора удумали какую-нибудь сложную материальную бабочку...

— Ну? — сказал Григорий Ефимович.

— Может быть, они удумали механическую бабочку, которая летит и вращается и искру из себя выпускает. Может быть, при ней вроде, как бы сказать, зажигалка такая пристроена. Искра и выпускается...

— Искра! — сердито сказал Григорий Ефимович. — Чистая абстракция. Зачем ученые профессора будут удумывать такие искры?

В это время по Златогорской улице бежал человек в расстегнутом пальто и без шапки. Человек был явно не в себе. Лицо его было бледное и испуганное.

Он добежал до пожарной части и, сильно размахивая руками, начал что-то говорить дежурному пожарному. Тот подошел к будке и нехотя стал за веревку дергать небольшой колокол.

Тотчас во втором этаже открылось окно, и супруга брандмейстера, высунувшись по пояс, спросила:

— Захарыч, горит, что ли? Где?

— Да на Шоссейной, Елена Дмитриевна.

Во дворе уже сустились пожарные. Они бегали по двору, подтягивая руками свои широкие парусиновые штаны.

Нестарый, плотный брандмейстер, с крепкими стоячими усами, зычно кричал:

— Жива! Запрягай...

Минут не больше как через десять златогорская пожарная команда в полной боевой готовности выехала за ворота.

Впереди ехала линейка с пожарными. Несколько позади — платформа с рукавами и пожарной помпой.

Выезд был — нельзя сказать, чтоб удачный. Заднее колесо платформы делало восьмерку. И через два квартала это колесо вовсе отвалилось. Обычно это колесо всякий раз отваливалось, но по большей части вблизи пожара. На этот же раз, как на грех, оно отвалилось вблизи самой пожарной части.

Но тут надо отдать должное златогорским героям — колесо было изумительно быстро прилажено. И пожарная процессия снова двинулась дальше.

На Шоссейной улице уже стояла огромная толпа. Все с крайним любопытством глядели на окна второго этажа. Одно окно было разбито. И из разбитого окна валил дым. Дым валил не особенно густо. Ну, примерно как из самоварной трубы.

— Это буржуйка с третьего номера, — говорил какой-то парень, чувствуя себя героем. — В третьем номере от чермерной топки стена затлела. Все кончено. Потушили.

Вокруг парня стала собираться публика. Парень воодушевился и начал что-то сильно привирать.

Народ на улице собирался все гуще и гуще. Пожарные с трудом протискались к дому.

— Полундра! — восторженно кричали мальчишки. — Златогорская, качай!

Перепуганные жильцы и соседи, на всякий пожарный случай, выволокли из квартир свое барахло на улицу. И теперь сидели, каждый на своей куче, пересчитывая то и дело кастрюли и перины.

Вокруг суетились какие-то молодые люди и с жадным любопытством разглядывали домашнюю утварь.

Толпа прибывала. Все соседние улицы были забиты народом.

Старый пожарный спец, Григорий Ефимович, стоял на линейке и, махая рукой, кричал:

— Расходися, граждане. Никакого тебе пожару... Чрезмерная топка... — Нетути поджога... Иди по своим делам... Тоже — химические бабочки! Говорил — чистая абстракция...

Однако толпа не расходилась.

И уже уперли где-то подушку. По крайней мере домашняя хозяйка истощным голосом вопила об этом происшествии.

Уже кое-где произошла давка. И кого-то помяли.

Толпа все стояла и глядела на окна второго этажа.

И можно было видеть в этой толпе всех наших, оставшихся в живых, героев. Одни, потрясенные разными событиями, стояли молча, испуганно покачивая головами, другие оживленно беседовали.

У самого злополучного дома, у ворот, стоял наш дорогой приятель, товарищ Мишин, начальник уголовного розыска. Он мрачно глядел на толпу и неопределенно пожимал плечами.

Тут же стоял Берлога. Вернее, он не стоял, он бегал с места на место. Он нырял в толпу и в толпе прислушивался к разговорам и толкам.

Вдруг в толпе, в том месте, где нырнул Берлога, раздался отчаянный вопль.

— Ложи назад! — кричал кто-то. — Вот я тебе по морде сейчас дам!

И в эту минуту Берлога, сильно потрепанный, вынырнул из толпы.

В руках его был какой-то сверток, какие-то бумаги.

Берлога дышал тяжело и прерывисто. Глаза его блуждали. Он, видимо, кого-то искал.

Сейчас, в куче домашнего скарба, на одной из перин, он случайно увидел сверток. Это был какой-то грязный, потрепанный сверток. Однако до боли знакомые цифры на нем 1057 потрясли Берлогу. Он схватил с перины сверток с бумагами, нырнул сквозь толпу, и теперь, прижимая бумаги к груди, стоял в некоторой неподвижности.

Но вот он увидел товарища Мишина и ринулся к нему. Он подбежал к начальнику уголовного розыска и, несколько отдышавшись, торопливо развернул бумаги. Трепет прошел по телу Берлоги. Это было украденное дело № 1057.

Примечания

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Восп. — Вспоминая Михаила Зощенко / Сост. и подг. текста Ю. В. Томашевского. Л., Художественная литература, 1990.

ИП — Зощенко Мих. Избранные повести. Л., Гослитиздат, 1936.

Лицо и маска — Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. и публ. Ю. В. Томашевского. М., Олимп — ППП, 1994.

Летопись — Хронологическая канва жизни и творчества Михаила Зощенко / Сост. Ю. В. Томашевский // Лицо и маска. С. 340–365.

Мат 1 — Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб, Наука, 1997.

Мат 2 — Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 2. СПб, Наука, 2001.

Мат 3 — Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 3. СПб, Наука, 2002.

НЗ — Неизданный Зощенко. Анн Арбор <1976>.

Серапионовы братья — «Серапионовы братья» в зеркалах переписки / Сост. Е. Лемминга. М., 2004.

СС 6 — Зощенко Мих. Собрание сочинений: В 6 т. Л.; М., Прибой — Гослитиздат, 1929–1932.

СС 3 — Зощенко Мих. Собрание сочинений: В 3 т. / Сост., подг. текста, прим. Ю. В. Томашевского. Л., Художественная литература, 1986–1987.

УГ — Зощенко Мих. Уважаемые граждане: Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные комедии / Изд. подг. М. З. Долинским. М., Книжная палата, 1991.

Дрова (с. 7)*

Смехач. 1925. № 1.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 34–37.

В новой редакции включен в «Голубую книгу» под заглавием «Поимка вора оригинальным способом (Быль)» (раздел «Коварство»).

Эпиграф — из шуточных стихов А. Блока (1919).

Новое в искусстве (с. 10)

Бузотер. 1925. № 1 (5). Январь. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 224–225.

Спичка (с. 11)

Бузотер. 1925. № 1 (5). Подпись: М. З.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 105–106.

Первоначальный вариант см.: УГ. С. 246–247.

Самодельцы (с. 12)

Бузотер. 1925. № 1 (5). Подпись: Гаврила.

Печ. по: УГ. С. 247–248.

Дорвались (с. 14)

Лапоть. 1925. № 2.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 462–464.

* В скобках после названия произведения указана страница в данном томе.

Дым отечества (с. 16)

Бегемот. 1925. № 3. Заглавие: Ох! Та! Без подписи.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 222–223.

Хитер человек (с. 18)

Смехач. 1925. № 3.

Печ. по: УГ. С. 249–250.

Тяжелые времена (с. 20)

Бегемот. 1925. № 4. Без подписи.

Печ. по: Зощенко М. Тяжелые времена. М., 1926. С. 28–29.

Два кочегара (с. 22)

Смехач. 1925. № 4.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 198–200.

Светлый гений (с. 25)

Бузотер. 1925. № 4.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 267–268.

С (с. 27)

Бузотер. 1925. № 4. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 267–268.

УИК откомслуж — Уездный исполнительный комитет отдела коммунальной службы.

Вукоопспилка — Всеукраинский кооперативный союз (спилка).

Птичье молоко (с. 29)

Бузотер. 1925. № 5. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 469–470.

Химики (с. 31)

Смехач. 1925. № 5.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 467–469.

Актер (с. 33)

Ленинград. 1925. № 6. Заглавие: Искусство Мельпомены.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 107–110.

Рассказ — вариация фабулы фельетона «Новое в искусстве» (см. выше). Публиковался также под заглавием «Высшее искусство».

«Кто виноват?» — заглавие романа А. И. Герцена (1845–1846).

Вятка (с. 37)

Смехач. 1925. № 6. Подпись: М. З.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 470–471.

Валяйте, нам не жалко! (с. 38)

Бузотер. 1925. № 6. Без подписи.

Печ. по: УГ. С. 250–251.

Теперь-то ясно (с. 40)

Бузотер. 1925. № 7.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 271–272.

Попалась, которая кусалась (с. 43)

Бузотер. 1925. № 7.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 233–234.

Врид — временно исполняющий должность.

Столичная штучка (с. 44)

Смехач. 1925. № 8.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 80–83.

Кресты — бытовое название известной петербургской «краткосрочной тюрьмы» на Арсенальной набережной, построенной в форме креста.

300 % (с. 48)

Бузотер. 1925. № 8. Подпись: М. 3.

Печ. по: УГ. С. 251–252.

Дефективные люди (с. 50)

Бузотер. 1925. № 8.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 472–473.

Точка зрения (с. 52)

Бегемот. 1925. № 9.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 77–79.

Ошибочка (с. 54)

Смехач. 1925. № 9. Заглавие: Ошибка.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 113–115.

Засыпались (с. 56)

Бузотер. 1925. № 9–10.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 255–257.

Первоначальный вариант см.: УГ. С. 252–254.

Тараканы (с. 58)

Бузотер. 1925. № 9–10. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 211–212.

Баня (с. 60)

Бегемот. 1925. № 10.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 7–10.

На живца (с. 63)

Бегемот. 1925. № 11. Заглавие: Честная гражданка.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 57–59.

Ужасы внутреннего распорядка (с. 66)

Бузотер. 1925. № 11. Подпись: Гаврила.

Печ. по: УТ. С. 254–255.

МСНХ — Московский совет народного хозяйства, Моссовнархоз.

О вреде грамотности (с. 67)

Бузотер. 1925. № 11. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 228–229.

Пасхальный случай (с. 69)

Бузотер. 1925. № 12. Заглавие: Рассказ о том, как Семен Семенович Курочкин куличи святил.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 12–14.

Примыкает к циклу «Веселые рассказы» (см. т. 1).

Публиковался также под заглавием «Пустяковый обряд».

Белиберда (с. 71)

Бузотер. 1925. № 12. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 475–476.

Крестьянский самородок (с. 73)

Бегемот. 1925. № 12. Заглавие: Самородок.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 149–152.

Бедный Тыркин (с. 76)

Бегемот. 1925. № 13.

Печ. по: УГ. С. 256–257.

Откомхоз — отдел коммунального хозяйства.

№ 1028 (с. 79)

Бузотер. 1925. № 13. Подпись: Гаврила.

Печ. по: УГ. С. 257–258.

Мокрое дело (с. 81)

Бузотер. 1925. № 14.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 144–146.

Мещанство (с. 83)

Бегемот. 1925. № 14.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 287–288.

Суконное рыло (с. 85)

Смехач. 1925. № 14.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 288–289.

Насчет этики (с. 88)

Бузотер. 1925. № 15. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 204–206.

Кузнеца обидели (с. 90)

Бузотер. 1925. № 15. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 207–208.

РКК — рабочая конфликтная комиссия.

Завком — заводской комитет.

Домашнее средство (с. 92)

Бузотер. 1925. № 15. Подпись: Гаврила.

Печ. по: УГ. С. 261.

Одноименный фельетон публиковался в журнале «Ревизор». 1929. № 2 (см. далее).

Контролер (с. 93)

Бегемот. 1925. № 16.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 133–135.

Вредные мысли (с. 95)

Бузотер. 1925. № 16.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 220–221.

Окрсовпроф — окружной совет профсоюзов.

Туман (с. 97)

Бегемот. 1925. № 17. Подпись: М. З.

Печ. по: Тетка Марья рассказала. М., 1926. С. 18–21.

Человек с нагрузкой (с. 99)

Смехач. 1925. № 18.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 293–294.

Доходная статья (с. 102)

Бегемот. 1925. № 18.

Печ. по: Зощенко М. Собачий нюх. М., 1927. С. 12–15.

Николай Кровавый — обычное в советское время именование императора Николая II (1868–1918).

Счастливое детство (с. 105)

Бегемот. 1925. № 19.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 23–25.

Таврический сад — в центре Петербурга, примыкает к Таврическому дворцу, построенному для кн. Г. Потемкина-Таврического в 1783–89 гг.

Нервы (с. 107)

Бегемот. 1925. № 20.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 298–299.

Пассажир (с. 110)

Бегемот. 1925. № 21.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 56–59.

Комики (с. 113)

Бегемот. 1925. № 22. Подпись: С. Курочкин.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 483–485.

Воры (с. 116)

Бегемот. 1925. № 23.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 50–52.

В новом варианте включен в «Голубую книгу» под заглавием «Рассказ о том, как чемодан украли» (раздел «Коварство»).

Жмеринка — город в Винницкой области на Украине, в сатирической журналистике имя использовалось как нарицательное обозначение советской глубинки, провинции.

Рабочий костюм (с. 118)

Бегемот. 1925. № 24. Заглавие: Костюм.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 60–62.

Совнарком — Совет народных комиссаров, официальный высший орган исполнительной власти в СССР.

Шипы и розы (с. 121)

Бегемот. 1925. № 25. Подпись: Семен Курочкин.

Печ. по: УГ. С. 264–265.

Под этим заглавием в СС 6 был опубликован рассказ «Повышают» (1924; см. Т. 1). Фельетон же в прижизненные издания не входил.

Уличное происшествие (с. 123)

Бегемот. 1925. № 26.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 131–132.

Улица Третьего Июля — название Садовой улицы (1918–1944), в память подавления Временным правительством рабочей демонстрации в июле 1917 г.

Стакан (с. 125)

Смехач. 1925. № 27.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 16–19.

Свободный художник (с. 128)

Бегемот. 1925. № 29.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 307–308.

Скверный анекдот (с. 131)

Бегемот. 1925. № 30. Подпись: Бегемот.

Печ. по: УГ. С. 265–266.

В сборнике «Личная жизнь» (Л., 1934) авторская дата: 1924 г. Заглавие повторяет название повести Ф. М. Достоевского (1862).

Одноименная заметка в «Бузотере» (1925. № 13) включена в цикл «Черт знает что такое» (см. далее).

Спец (с. 133)

Бегемот. 1925. № 30. Подпись: М. З.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 308–310.

Расстратчик — человек, израсходовавший государственные деньги.

Фомка — небольшой ломик, которым пользуются вору-взломщики.

Чудный отдых (с. 135)

Бегемот. 1925. № 31. Подпись: Семен Курочкин.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 264–266.

В козла, что ли? — Козел — жаргонное обозначение игры в домино.

Очко, двадцать одно — распространенная карточная игра.

Тормоз Вестингауза (с. 137)

Бегемот. 1925. № 32.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 63–65.

Вестингауз Джордж — американский изобретатель, в 1869 г. получивший патент на пневматический железнодорожный тормоз.

Пауки и мухи (с. 140)

Бегемот. 1925. № 33.

Печ. по: Зощенко М. Нервные люди. Харьков, 1928. С. 86–88.

Муж (с. 143)

Смехач. 1925. № 33.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 53–55.

Публиковался также под заглавием «На семейном фронте».

Трамблям в Саратове (с. 146)

Бузотер. 1925. № 19. Сентябрь. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 479–480.

Гений из Алешек (с. 148)

Бузотер. 1925. № 20. Подпись: Гаврила.

Печ. по: УГ. С. 266–267.

НКЮ — Народный комиссариат юстиции.

Люес — сифилис.

Хитрее мухи (с. 150)

Бузотер. 1925. № 20. Подпись: Гаврила.

Печ. по: УГ. С. 267–268.

Обштопали (с. 151)

Бузотер. 1925. № 21. Подпись: Гаврила.

Печ. по: УГ. С. 268–269.

Зеленый ужас (с. 153)

Бузотер. 1925. № 21. Подпись: Гаврила.

Печ. по: УГ. С. 269–271.

Стихийное бедствие (с. 156)

Бузотер. 1925. № 21. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 480–481.

Академия наук двухсотлетие отпраздновала — двухсотлетие
АН отмечалось в 1924 г.

Опасная пьеска (с. 158)

Бузотер. 1925. № 22. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 218–219.

Гибель строителей (с. 159)

Бузотер. 1925. № 22. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 216–217.

Еще касается того же! (с. 161)

Бузотер. 1925. № 22. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 481–482.

Кто прост — тому коровий хвост (с. 162)

Бузотер. 1925. № 23.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 485–487.

УИК — уездный исполнительный комитет.

Сельская идиллия (с. 165)

Бузотер. 1925. № 24. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 487–488.

«Великая годовщина» (с. 167)

Бузотер. 1925. № 25. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 488–489.

Нарпит — профсоюз рабочих народного питания.

ЕПО — единое потребительское общество.

Что за шум, а драки нету? (с. 169)

Бегемот. 1925. № 26. Подпись: Гаврила.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 489–491.

Сотрудник Михал Михальч — речь идет о самом Зоценко.

Папаша (с. 171)

Бегемот. 1925. № 34.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 31–33.

Утонувший домик (с. 174)

Бегемот. 1925. № 35.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 47–49.

Соцстрах — социальное страхование.

Инженер (с. 176)

Бегемот. 1925. № 38.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 147–149.

Крематория нет... — Строительство крематория как способ борьбы с религиозными обрядами занимало большое место в планах Советской власти. Первый крематорий в Москве появился в 1922 г. Временный крематорий в Петрограде был открыт в переоборудованном здании бани в 1919 г., но вскоре прекратил свое существование (см.: Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999. С. 100–103). Мотив строительства крематория есть в «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петро-

ва (гл. 4) и в ряде других произведений советской литературы 1920-х гг. (см.: Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Золотой теленок» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М., 1995. С. 376–377; здесь дана иная дата открытия московского крематория — 1927 г.).

Кризис (с. 178)

Бегемот. 1925. № 44.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 3–6.

Юбилей (с. 182)

Бегемот. 1925. № 46. Подпись: Бегемот.

Печ. по: УГ. С. 273–275.

Нервные люди (с. 186)

Бегемот. 1925. № 47.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 82–85.

Прописать ижицу — сделать выговор, наказать.

Сильное средство (с. 189)

Бегемот. 1925. № 4. Подпись: М. З.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 79–81.

Авантюрный рассказ (с. 191)

Бегемот. 1925. № 49.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 45–47.

Святочная история (с. 193)

Бегемот. 1925. № 50.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 76–78.

В переработанном виде вошел в «Голубую книгу» под заглавием «Таинственная история, кончившаяся для одних печально, для других удовлетворительно» (раздел «Деньги»).

Через сто лет (с. 196)

Зощенко Мих. Рассказы. Л., 1925.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 41–44.

Фарман — самолет фирмы французского авиаконструктора А. Фармана (1874–1958), основанной в 1912 г.

Рефрактор — телескоп особой конструкции, в котором изображение создается за счет преломления лучей в линзовом объективе.

Черт знает что такое (с. 199)

Печ по: Зощенко М. Над кем смеетесь?! М.; Л., 1928. С. 172–182.

Наиболее полная публикация цикла, собранного из миниатюр, печатавшихся в «Бузотере», «Дрезине», «Красном вороне» в 1923–1925 гг. В СС 6 цикл вошел в сокращенном виде, без № 2, 5, 10, 14–17, 20.

Бондарная мастерская — мастерская по изготовлению бочек.

Губоно — губернский отдел народного образования.

Дамские штучки (с. 212)

Бузотер. 1926. № 1. Подпись: Михал Михалыч.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 226–227.

Родные люди (с. 214)

Бегемот. 1926. № 2.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 75–76.

Бабье счастье (с. 215)

Бегемот. 1926. № 3.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 326–327.

Герой (с. 217)

Бегемот. 1926. № 4. Подпись: М. 3.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 492–493.

Есть одноименный рассказ (1923), первоначально называвшийся «Медаль» и, в отличие от этого фельетона, включенный в СС 6 (см. Т. 1).

Практикант (с. 219)

Бузотер. 1926. № 4. Подпись: Михал Михалыч.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 237–238.

Дешевая распродажа (с. 220)

Бузотер. 1926. № 4. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 276–277.

Телефон (с. 222)

Бегемот. 1926. № 5.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 101–103.

Юрист из провинции (с. 225)

Бузотер. 1926. № 6.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 213–215.

Редкий случай (с. 227)

Бузотер. 1926. № 6. Подпись: Гаврила.

Печ. по: УГ. С. 277–278.

Фельетон написан по материалу, предложенному редакцией журнала (письмо рабкора). См. письмо Зощенко Э. Я. Герману (Эмилию Кроткому) 22 января 1926 г.: Файман Г. Уголовная история советской литературы и театра. М., 2003. С. 146–147.

Американская реклама (с. 229)

Бегемот. 1926. № 12. Заглавие: Вонючий случай. Подпись: М. З.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 119–120.

Публиковался также под заглавием «Квартирка».

Шутка (с. 230)

Смехач. 1926. № 13.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 330–331.

Именинница (с. 233)

Бегемот. 1926. № 13.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 145–148.

В переработанном виде включен в «Голубую книгу» под заглавием «Рассказ об имениннице» (раздел «Неудачи»).

Паразит (с. 236)

Бегемот. 1926. № 14. Подпись: З.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 496–498.

В сборник «Нервные люди» (Харьков, 1928) вошел без трех последних абзацев, заканчиваясь словами о «прозе жизни».

Часы (с. 239)

Бегемот. 1926. № 15.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 116–118.

Публиковался также под заглавием «Случай в угрозыске».

Четыре дня (с. 242)

Бегемот. 1926. № 16.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 86–88.

Повторение заглавия рассказа В. М. Гаршина (1877).

В сборнике «Рассказы» (Л., 1934) в конце добавлена еще одна разъясняющая фраза: «И здоровье стало прямо выдающееся» (см. также: СС 3. Т. 1. С. 333–335).

Дамское горе (с. 244)

Бегемот. 1926. № 17.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 150–152.

На посту (с. 246)

Бегемот. 1926. № 19.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 89–91.

Бочка (с. 249)

Бегемот. 1926. № 20.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 92–94.

Рассказ написан на основе фельетона «Хорошо, да не дюже» (Бузотер. 1925. № 15). Подпись: Гаврила.

В СС 3 заглавие фельетона указано неточно: «Хорошо, да не очень».

Публиковался также под заглавием «Домашнее средство».

В 1930-е гг. при слове «кооперация» по всему тексту было вычеркнуто определение «красная».

Бывает (с. 251)

Бегемот. 1926. № 21. Подпись: М. З.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 164–166.

В СС 3 со ссылкой на СС 6 опубликован под заглавием «Протекция».

Гипноз (с. 254)

Смехач. 1926. № 21.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 107–109.

Режим экономии (с. 256)

Бегемот. 1926. № 22. Заглавие: Худо ли.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 104–106.

Отчаянные люди (с. 258)

Бегемот. 1926. № 23.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 344–345.

Кинодрама (с. 260)

Бегемот. 1926. № 24.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 98–100.

Бешенство (с. 262)

Бегемот. 1926. № 25.

Печ. по: Зощенко Мих. Над кем смеетесь?! М.; Л., 1928.
С. 92–93.

Прискорбный случай (с. 264)

Бегемот. 1926. № 26.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 95–97.

Кузница здоровья (с. 267)

Бегемот. 1926. № 28.

Печ. по: Зощенко М. Десять рассказов. Л., 1926. С. 18–20.

Рачис (с. 269)

Бегемот. 1926. № 29. Заглавие: Несчастный случай.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 125–127.

Фабула рассказа напоминает анекдот, использованный в «Трех сестрах» Чехова: написанное учителем слово «чепуха» ученик читает «по-латински»: реникса. Любопытно, что такая же учительская оценка появится в книге «Перед восходом солнца» как факт биографии Зощенко: «Я получил единицу по русскому сочинению. Кроме единицы, под сочинением была надпись красными чернилами: “Чепуха”» (главка «Пытка» в разделе III «Опавшие листья»).

Гибель человека (с. 271)

Бегемот. 1926. № 42.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 167–169.

Театр для себя (с. 273)

Смехач. 1926. № 42.

Печ. по: Зощенко Мих. Над кем смеетесь?! М.; Л., 1928. С. 104–106.

Заглавие повторяет название работы режиссера, драматурга, философа театра Н. Н. Евреинова (1915–1916); с 1925 г. Евреинов находился в эмиграции.

Театральный механизм (с. 275)

Бегемот. 1926. № 43. Заглавие: Сложный механизм.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 110–112.

В 1930-е гг. рассказ получил заглавие «Монтер». Здесь вместо реплики монтера: «Господ нынче нету!» — появилось: «Теноров нынче нету!» (см. СС 3. Т. 1. С. 355–356).

«Руслан и Людмила» — опера М. И. Глинки (1837–1842), написанная на сюжет одноименной поэмы А. С. Пушкина. В опере две теноровые партии: доброго волшебника Финна и певца Бояна.

Праздничный подарок (с. 278)

Бегемот. 1926. № 44. Подпись: З.

Печ. по: УТ. С. 158–159.

Октябрьские праздники — годовщина Октябрьской революции 1917 г., которая праздновалась 7 ноября (25 октября по ст. стилю).

Узел (с. 280)

Смехач. 1926. № 44.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 147–149.

Мещане (с. 282)

Смехач. 1926. № 46. Заглавие: Мещанский уклон.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 6–8.

Прелести культуры (с. 284)

Бегемот. 1926. № 46.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 123–127.

Печатался также под заглавием «В театре».

Лимонад (с. 288)

Бегемот. 1926. № 47.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 9–11.

Спешное дело (с. 291)

Бегемот. 1926. № 49.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 32–34.

На основе рассказа написана одноактная комедия «Преступление и наказание» (1933).

Товарищ Гоголь (с. 293)

Смехач. 1926. № 49.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 499–500.

Суэта суэт (с. 295)

Бегемот. 1926. № 50.

Печ. по: УГ. С. 280–281.

Гости (с. 297)

Бегемот. 1927. № 1.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 15–18.

Качество продукции (с. 300)

Бегемот. 1927. № 2.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 38–41.

Хиромантия (с. 303)

Смехач. 1927. № 3.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 367–368.

Мелкота (с. 305)

Бегемот. 1927. № 3.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 158–160.

Мелкий случай (с. 308)

Бегемот. 1927. № 5. Заглавие: Мелочи жизни.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 142–146.

Социальная грусть (с. 312)

Смехач. 1927. № 5. Подпись: М. З.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 201–203.

Волокита (с. 315)

Бузотер. 1927. № 5.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 138–141.

В переработанном виде включен в «Голубую книгу» под заглавием «Интересное происшествие в канцелярии» (раздел «Неудачи»).

Бледнолицые братья (с. 318)

1–2 — Смехач. 1927. № 1. Общее заглавие: Бледнолицые мои братья; 3–4 — Бегемот. 1927. № 6; 5 — Зощенко Мих. Обезьяний язык. М., 1926.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 177–186.

Скупой рыцарь — повторение заглавия «маленькой трагедии» А. С. Пушкина (1830).

Пушкин (с. 327)

Бегемот. 1927. № 7. Заглавие: Гроб (Из повестей Белкина).

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 28–31.

Демьян Бедный (псевдоним Е. А. Придворова, 1883–1945) — поэт, творчество которого воспринималось как придворно-государственное.

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) — театральный режиссер, очень популярный в 1920-е гг.

Цензор Дмитрий Михайлович (1877–1947) — поэт-сатирик, приятель Зощенко, упоминается в автобиографии Зощенко и рассказе «Случай в провинции» (1924; см. Т. 1).

О пользе грамотности (с. 330)

Бегемот. 1927. № 8. Заглавие: Интеллигентный случай.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 230–232.

Рассказу предшествовал фельетон «Ликвидация неграмотности ко дню юбилея Гаврилы» (Бузотер. 1925. № 26. Подпись: Михал Михалыч).

Сила красноречия (с. 332)

Бегемот. 1927. № 9.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 157–160.

Царские сапоги (с. 335)

Бегемот. 1927. № 10.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 35–37.

Коленкоров — фамилия условного рассказчика «Сентиментальных повестей». В предисловии к ним упоминается его сестра Ек. Вас. Коленкорова.

Мадаполам (модеполам) — тонкая и прочная белая хлопчатобумажная ткань, из которой шили носильное и постельное белье.

Капельдинер — служащий, проверяющий билеты в театре; вероятно, имеется в виду камердинер, комнатный слуга.

Литератор (с. 338)

Бегемот. 1927. № 13.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 153–156.

Свадьба (с. 341)

Бегемот. 1927. № 14.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 150–154.

В переработанном виде вошел в «Голубую книгу» под заглавием «Свадебное происшествие» (раздел «Любовь»). Рассказ также стал основой одноименной одноактной комедии (1933).

Галоша (с. 345)

Бегемот. 1927. № 15.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 134–137.

С незначительными изменениями включен в «Голубую книгу» под заглавием «Мелкий случай из личной жизни» (раздел «Неудачи»).

Административный восторг (с. 348)

Бегемот. 1927. № 16.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 194–197.

Много ли человеку нужно (с. 351)

Бегемот. 1927. № 25.

Печ. по: Зощенко Мих. Над кем смеетесь?! М.; Л., 1928. С. 107–108.

Заглавие варьирует название притчи Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно» (1886).

Мелкое происшествие (с. 353)

Бегемот. 1927. № 26.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 121–122.

Рука ближнего (с. 355)

Бегемот. 1927. № 28.

Печ. по: СС 6. Т. 1. С. 161–164.

Ямбург — город в Ленинградской области, на границе с Эстонией, в 1922 г. переименован в Кингисепп.

Карболка — дезинфицирующая жидкость, раствор карболовой кислоты.

Игра природы (с. 358)

Бегемот. 1927. № 29.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 191–193.

Поэт и лошадь (с. 360)

Пушка. 1927. № 30.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 235–236.

Детское Село — название Царского Села в 1918–1937 гг., позднее — г. Пушкин.

Любитель (с. 361)

Бегемот. 1927. № 30.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 155–157.

Дырка (с. 363)

Бегемот. 1927. № 31.

Печ. по: Зощенко Мих. Над кем смеетесь?! М.; Л., 1928. С. 89–91.

Ватерпас — прибор для проверки горизонтального положения различных поверхностей, представляющий уровень в деревянной оправе или треугольник с отвесом.

Бутылка (с. 366)

Пушка. 1927. № 31.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 390.

Полезная площадь (с. 368)

Пушка. 1927. № 32.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 391.

Сажень — старая русская мера длины — 2,13 м.

Душевная простота (с. 369)

Бегемот. 1927. № 32.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 19–21.

Негритянская негрооперетта — негритянская труппа, гастролировала в СССР в апреле — мае 1926 г.

Пароход (с. 371)

Бегемот. 1927. № 33.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 128–130.

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) — русский писатель.

Игрушка (с. 374)

Пушка. 1927. № 33.

Печ. по: УГ. С. 284–285.

Каторга (с. 376)

Бегемот. 1927. № 34.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 131–133.

Несчастный случай (с. 379)

Пушка. 1927. № 34.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 393–394.

Событие (с. 380)

Пушка. 1927. № 35. Подпись: Михал Михалыч.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 395–396.

Драка (с. 381)

Бегемот. 1927. № 36.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 267–269.

Операция (с. 383)

Бегемот. 1927. № 37.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 22–24.

Гримаса нэпа (с. 386)

Бегемот. 1927. № 38.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 25–27.

Печатался также под заглавиями «Гримасы нэпа», «Безобразие», «Человека обидели».

Баретки (с. 388)

Пушка. 1927. № 38.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 3–5.

Включен в «Голубую книгу» под заглавием «Рассказ о том, как девочке сапожки покупали» (раздел «Коварство»).

Зубное дело (с. 391)

Бегемот. 1927. № 39.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 261–263.

Мелочи жизни (с. 393)

1 — Пушка. 1927. № 29; 2 — Пушка. 1927. № 37; 3 — Пушка. 1927. № 39; 4 — Бегемот. 1927. № 35.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 270–277.

Веселенькая история (с. 400)

Бегемот. 1927. № 40.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 52–54.

Печатался также под заглавием «Забавное происшествие».

Щукин рынок — часть Апраксина двора на Садовой улице в Петербурге, где торговали фруктами.

Что-нибудь особенное (с. 403)

Пушка. 1927. № 40.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 405–406.

Кошка и люди (с. 404)

Пушка. 1927. № 41. Заглавие: Печка.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 60–62.

Жакт — жилищно-арендное кооперативное товарищество (существовало до 1936 г.); организация, занимавшаяся сдачей и обслуживанием квартир.

Шапка (с. 406)

Бегемот. 1927. № 46.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 55–57.

Научное явление (с. 408)

Бегемот. 1927. № 47.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 58–59

Гавань — западная часть Васильевского острова, включающая берег Финского залива.

Закорючка (с. 410)

Бегемот. 1927. № 48. Заглавие: Легкая жизнь.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 258–260.

Быстры, как волны, все дни нашей жизни (с. 413)

Пушка. 1927. № 48. Подпись: М. З. В сопровождении 4 рисунков Н. Радлова.

Печ. по: УТ. С. 288.

Заглавие — неточно воспроизведенная первая строка романа на стихотворение А. П. Серебрянского «Вино» (начало 1830-х гг.).

Айвазовский Иван Константинович (1817–1900) — русский художник, прославившийся прежде всего морскими пейзажами.

Графология (с. 414)

Пушка. 1927. № 49. Рассказ сопровождается 4 рисунками и 4 стилизованными подписями Б. Малаховского.

Печ. по: УГ. С. 288–289.

Ростов (с. 416)

Бегемот. 1927. № 50.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 69–70.

Новая эпоха (с. 418)

Пушка. 1927. № 51. Подпись: М. З. В сопровождении 4 рисунков Н. Радлова.

Очень просто (с. 419)

Бегемот. 1927. № 51.

Печ. по: Зощенко Мих. Трезвые мысли. М., 1928. С. 38–41.

О пользе неграмотности (с. 423)

Бегемот. 1927. № 52. Заглавие: Жулик.

Печ. по: Зощенко Мих. Трезвые мысли. М., 1928. С. 32–34.

Больные (с. 425)

Бегемот. 1928. № 1.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 54–56.

Дарвин Чарльз Роберт (1809–1882) — английский естествоиспытатель, автор теории эволюции, существенным моментом которой является борьба за существование.

Берегите здоровье! (с. 427)

Пушка. 1928. № 3.

Печ. по: УГ. С. 292.

Хамство (с. 429)

Бегемот. 1928. № 4.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 63–65.

Публиковался также под заглавием «Пора отвыкать».

Хотел на Максима Горького посмотреть. — В 1920-е гг. Горький жил на итальянском острове Капри; поездки к нему русских путешественников в Европу, главным образом — писателей, стали такими же ритуальными, как ранее визиты к Л. Толстому в Ясную Поляну.

Неприятность (с. 431)

Пушка. 1928. № 4. Подпись: Михал Михалыч.

Печ. по: УГ. С. 292–293.

Существует одноименный рассказ (1929; см. далее).

Выгодная комбинация (с. 433)

Бегемот. 1928. № 6.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 170–172.

Цыганский мотив (с. 436)

Пушка. 1928. № 9. Подпись: Гаврила.

Печ. по: УГ. С. 293–294.

Некоторые наши учреждения... — ироническая перелицовка начала поэмы Пушкина «Цыганы» (1827).

Работяги (с. 437)

Пушка. 1928. № 10. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 294–295.

Красота! (с. 438)

Пушка. 1928. № 11. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 295.

Брачный аппарат «Тустеп» (с. 439)

Пушка. 1928. № 12. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 295–296.

Ваньку валяют (с. 440)

Пушка. 1928. № 12. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 296.

Каждый сам себе — заграница (с. 441)

Пушка. 1928. № 13. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 296–297.

Помыться захотелось (с. 442)

Пушка. 1928. № 16. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 298.

Старая история (с. 443)

Пушка. 1928. № 19. Заглавие: Все в порядке! Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: Зощенко Мих. Личная жизнь. Л., 1934. С. 137–138.

Грубо (с. 445)

Пушка. 1928. № 20. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УТ. С. 299–300.

Иностранцы (с. 446)

Бегемот. 1928. № 21. Заглавие: Все в порядке.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 66–68.

Не все потеряно (с. 449)

Прожектор. 1928. № 33.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 75–80.

«И вся-то наша жизнь есть борьба» — цитата из «Марша Буденного» (слова Д'Актиля, музыка Д. Покрасса).

Пожар (с. 454)

Бегемот. 1928. № 34.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 246–248.

Не забавно (с. 457)

Пушка. 1928. № 36. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 513.

Существует одноименный фельетон (1929; см. далее).

Карманная кража (с. 458)

Пушка. 1928. № 36. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УТ. С. 300–301.

Музыканты допрыгались (с. 459)

Пушка. 1928. № 38. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 301.

Раздули кадило (с. 460)

Пушка. 1928. № 38. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 301.

Обмишурились (с. 461)

Пушка. 1928. № 42. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 513–514.

«Чуден, говорит, Днепр при тихой погоде» — неточная цитата из главы X повести Гоголя «Страшная месть» (1832).

Ломбардия (с. 462)

Пушка. 1928. № 43. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 302.

Пора вставать (с. 463)

Пушка. 1928. № 44. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 302–303.

Тяга к чтению (с. 464)

Пушка. 1928. № 44. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 303.

Малинин Александр Федорович (1834–1888), Буренин Константин Петрович (?–1882) — соавторы известных школьных учебников и задачников по физике и математике.

Краевич Константин Дмитриевич (1833–1892) — физик, известный педагог, автор многократно переиздававшихся учебников по физике и алгебре.

Шутка (с. 466)

Пушка. 1928. № 45. Ноябрь. С. 4. Подпись: Гаврилыч.

Печатается по этому изданию.

Существует одноименный рассказ (1926, см. выше).

Рассказ, кажется, не переиздавался.

Спецеедство — политические преследования специалистов-профессионалов, обвинявшихся в буржуазности и вредительстве.

Черт возьми! (с. 468)

Пушка. 1928. № 46. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 304.

Крысы (с. 469)

Пушка. 1928. № 46. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 304–306.

Рассуждение об иностранцах. Рассуждение первое (с. 472)

Пушка. 1928. № 47. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 306.

Семейный купорос (с. 473)

Пушка. 1928. № 47. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 161–163.

Подождем, над нами не каплет (с. 476)

Пушка. 1928. № 48. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 514–515.

Заграничная история (с. 477)

Пушка. 1928. № 48. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 427–428.

«Вечерка» — разговорное обозначение «Вечерней Москвы» или «Вечернего Ленинграда».

Всюду жизнь (с. 479)

Пушка. 1928. № 48. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 306–307.

Заметка сопровождается рисунком В. Краева.

Непорядки на земном шаре (с. 480)

Пушка. 1928. № 49. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 307–308.

«И скучно, и грустно...» — ироническая перелицовка стихотворения М. Лермонтова (1840).

[Грустно] (с. 482)

Пушка. 1928. № 49. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 308–309.

В журнале опубликовано без заглавия; заглавие дано републикатором заметки Ю. Томашевским.

Руководство для начинающих наблюдателей (с. 483)

Пушка. 1928. № 50. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 309–310.

«Пушка» — Пушкину (с. 485)

Пушка. 1928. № 50. Подпись: Пушкинист Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 310.

Кому что, кому ничего (с. 486)

Пушка. 1928. № 52. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 310–311.

Уэллс Герберт Джордж (1866–1946) — английский писатель-фантаст.

Пустое дело (с. 487)

Чудак. 1928. № 1. Декабрь.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 42–44.

Трезвые мысли (с. 489)

Зощенко Мих. Трезвые мысли. М., 1928.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 107–108.

В СС 6 помещен в разделе 1921–1923 гг. Публикация ранее 1928 г. не установлена.

Неприятная история (с. 491)

Бегемот. 1927. № 27.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 71–74.

Включен в «Голубую книгу» в новом варианте под заглавием «Интересный случай в гостях» (раздел «Коварство»). Фамилия Троцкого заменена на Рыкова, потом вычеркнута и она. Цензурная купюра сохранилась даже в СС 3 (Т. 3. С. 317).

Позднее под заглавием «Неприятная история» печатался фельетон 1934 г. (см. СС 3. Т. 2. С. 375–378).

Троцкий Лев Давидович (1879–1940) — революционер-большевик, один из руководителей Советского государства в 1920-е гг. В 1929 г. был выслан за границу и впоследствии

убит в Мексике по приказу Сталина. Имя Троцкого после высылки стало в СССР запрещенным. Оно исчезло и из рассказа Зоженко.

Встреча (с. 494)

Зоженко М. Дни нашей жизни. М., 1928.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 173–176.

Существует одноименный рассказ: Крокодил. 1937. № 31.

Дни нашей жизни (с. 497)

Печ. по: 1–9 — Зоженко М. Дни нашей жизни. Л., 1928. С. 30–40; 10–17 — СС 3. Т. 1. С. 530–534.

Цикл сформирован Зоженко из заметок, публиковавшихся в журнале «Пушка» в 1928 г. В СС 3 дополнен Ю. Томашевским (с одновременным исключением № 3, 4, 5). В СС 6 вошел лишь фельетон № 8 под заглавием «Смешно» (Т. 2. С. 239–240).

Клад (с. 515)

Чудак. 1929. № 2.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 48–51.

Кража (с. 518)

Пушка. 1929. № 2. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 244–245.

ЦРК — центральный рабочий кооператив.

Медицинский случай (с. 520)

Чудак. 1929. № 3.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 45–47.

Что делается! (с. 523)

Пушка. 1929. № 3. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УТ. С. 318–319.

Неприятность (с. 524)

Пушка. 1929. № 3. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УТ. С. 319–320.

Серенада (с. 525)

Чудак. 1929. № 4.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 86–90.

С незначительными изменениями включен в «Голубую книгу» под заглавием «Рассказ о студенте и водолазе» (раздел «Удивительные события»).

«*Черный принц*» — английский пароход, погибший вблизи Севастополя в ноябре 1854 г. во время Крымской войны. Его поискам Зоценко посвятил отдельную повесть (1936).

Лошадиная история (с. 530)

Пушка. 1929. № 4. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 252–253. Печатался также под заглавием «Не ври».

Не забавно (с. 532)

Пушка. 1929. № 5. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 241–242.

Существует одноименный фельетон (1928; см. выше).

Все в порядке (с. 534)

Пушка. 1929. № 6. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 321.

Спецедство — см. прим. к «Шутке» (1928).

Хороший знакомый (с. 535)

Ревизор. 1929. № 1. Март.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 81–85.

Хвостизм — сатирическая метафора, введенная В. И. Лениным для определения противников, отрицавших революционные методы борьбы и тем самым плетущихся в «хвосте монархической буржуазии».

Домашнее средство (с. 540)

Ревизор. 1929. № 2.

Печ. по: СС 6. Т. 2. С. 249–251.

Существует одноименный фельетон (1925; см. выше).

Сильнее смерти (с. 542)

Ревизор. 1929. № 3.

Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 95–98.

В переработанном виде включен в «Голубую книгу» под заглавием «Рассказ про одного спекулянта» (раздел «Деньги»).

Тухлое дело (с. 545)

Ревизор. 1929. № 4. Подпись: Назар Синебрюхов.

Печ. по: УГ. С. 324–325.

1 : 0 (с. 547)

Ревизор. 1929. № 4. Без подписи. Атрибуция М. Долинского.
Печ. по: УТ. С. 325–326.

Терпеть можно (с. 549)

Ревизор. 1929. № 5. Апрель.
Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 518–519.

Природа и люди (с. 551)

Ревизор. 1929. № 6. Подпись: Назар Синебрюхов.
Печ. по: УТ. С. 326–328.

Летняя передышка (с. 554)

Ревизор. 1929. № 7.
Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 70–73.

Материнство и младенчество (с. 556)

Чудак. 1929. № 11.
Печ. по: СС 6. Т. 3. С. 91–94.

Няня (с. 560)

Ревизор. 1929. № 12–13.
Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 51–53.

В переработанном виде включен в «Голубую книгу» под заглавием «Рассказ про няню, или Прибавочная ценность этой профессии» (раздел «Деньги»).

Не дают развернуться (с. 563)

Ревизор. 1929. № 14–15. Подпись: Михал Михалыч.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 57–59.

В существенно переработанном виде включен в «Голубую книгу» под заглавием «Забавное происшествие с кассиршей» (раздел «Коварство»).

Необыкновенная история (с. 565)

Ревизор. 1929. № 20.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 74–77.

Чистка — кампания по очищению рядов, проводившаяся партией большевиков в 1921–1936 гг. В результате «классово чуждых» и случайных лиц исключали из партии или комсомола, увольняли из государственных структур.

В 1930-е гг. последняя фраза рассказа была изменена: «Шлем привет беспартийному бойцу» (вместо — «товарищу»).

Семейное дело (с. 568)

Ревизор. 1929. № 22. Подпись: М. Гаврилов.

Печ. по: СС 3. Т. 1. С. 519–521.

Происшествие (с. 571)

Ревизор. 1929. № 23.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 40–44.

Включено в «Голубую книгу» под тем же заглавием (раздел «Удивительные события»). В варианте «Голубой книги» ГПУ было заменено транспортной охраной.

Честное дело (с. 575)

Ревизор. 1929. № 25. Подпись: Мих. Гаврилов.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 63–65.

Музпред — музыкальное представительство.

Шахтинец или вредитель. — В 1928 г. был сфабрикован процесс над специалистами (спецами), инженерами и техниками Донбасса, обвиненными во вредительстве в угольной промышленности; слово приобрело нарицательный смысл.

Человека жалко (с. 577)

Ревизор. 1929. № 26. Подпись: Мих. Гаврилов.

Печ. по: Зощенко Мих. Личная жизнь. Л., 1934. С. 125–127.

Мерси (с. 580)

Ревизор. 1929. № 27.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 78–82.

Лист Ференц (1811–1886) — венгерский композитор и пианист.

Шимми — парный импровизированный танец, похожий на фокстрот, популярный в 1920-е гг.

Землетрясение (с. 584)

Ревизор. 1929. № 28.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 5–10.

Землетрясение в Крыму было... два года тому назад. — Разрушительное крымское землетрясение 11 сентября 1927 г. изображено также в 39 главе романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

Чистая выгода (с. 589)

Ревизор. 1929. № 29.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 66–69.

Рассказ кончается той же фразой, что и рассказ «Мерси» (см. выше).

Бессонница (с. 592)

Ревизор. 1929. № 30. Подпись: М. Гаврилов.

Печ. по: УГ. С. 329–330.

В сборнике «Личная жизнь» (Л., 1934) авторская дата: 1926 г.

Расписка (с. 595)

Ревизор. 1929. № 36.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 11–14.

В переработанном виде включен в «Голубую книгу» под заглавием «Последний рассказ под названием “Коварство и любовь”» (раздел «Любовь»).

Дама с цветами (с. 598)

Прожектор. 1929. № 38.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 31–39.

Включен в «Голубую книгу» под заглавием «Рассказ про даму с цветами» (раздел «Любовь»).

Спецедство — см. прим. к «Шутке» (1928).

Бурлацкая натура (с. 607)

Ревизор. 1929. № 38. Подпись: Мих. Гаврилов.

Печ. по: УГ. С. 331–332.

В переработанном виде включен в «Голубую книгу» под заглавием «Рассказ о человеке, которого вычистили из партии» (раздел «Неудачи»). На основе рассказа написана трехактная комедия «Уважаемый товарищ» (1930).

Приятная встреча (с. 609)

Чудак. 1929. № 39.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 24–30.

В переработанном виде включен в «Голубую книгу» под заглавием «Мелкий случай из личной жизни» (раздел «Удивительные со-бытия»).

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) — голландский живо-писец.

Горько (с. 615)

Ревизор. 1929. № 40.

Печ. по: Зощенко Мих. Личная жизнь. Л., 1934. С. 121–124.

Не согласен (с. 618)

Ревизор. 1930. № 4.

Печ. по: УТ. С. 332–334.

Опубликован в тематическом номере «Готовь зимой телегу, а летом сани!»

Хитрость (с. 622)

Ревизор. 1930. № 7. Подпись: Мих. Гаврилов.

Печ. по: УТ. С. 334–335.

В переработанном виде входит в «Голубую книгу» под заглави-ем «Хитрость, допущенная в одном общежитии» (раздел «Ковар-ство»).

Один день (с. 624)

Ревизор. 1930. № 8. Подпись: Мих. Гаврилов.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 362–364.

Психологическая история (с. 627)

Ревизор. 1930. № 9. Подпись: Мих. Гаврилов

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 364–366.

Ударная бригада писателей, «буксир» «Красной газеты» — добровольные объединения писателей и журналистов, отправлявшиеся на заводы для помощи в организации процесса производства; в сентябре — ноябре 1930 г. Зощенко работал в такой бригаде на Балтийском судостроительном заводе (см. далее публикации из газеты «Балтиец»).

Неувязка (с. 630)

Ревизор. 1930. № 11. Подпись: М. Гаврилов.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 60–62.

Жорес Жан (1859–1914) — французский социалист, убит 31 июля 1914 г., накануне мировой войны.

Не надо спекулировать (с. 632)

Ревизор. 1930. № 15.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 15–19.

В переработанном виде включен в «Голубую книгу» под заглавием «Рассказ про одну корыстную молочницу» (раздел «Деньги»). Печатался также под заглавием «Спекуляция».

Лошадиное средство (с. 637)

Ревизор. 1930. № 24. Подпись: М. Гаврилов.

Печ. по: УГ. С. 337–338.

Сторож (с. 639)

Ревизор. 1930. № 27.

Печ. по: СС 6. Т. 5. С. 20–23.

«Выдвиженец» (с. 643)

Некрасивая история (с. 644)

Спешное дело (с. 645)

Балтиец. 1930. № 69. 20 сентября. Подпись: Гаврилыч.

Печ. по: УГ. С. 338–340.

Не забавно (с. 646)

Балтиец. 1930. № 71. 27 сентября.

Печ. по: УГ. С. 340–341.

На заводе (с. 648)

Ревизор. 1930. № 31.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 366–368.

Волокита (с. 651)

Ревизор. 1930. № 32.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 368–370.

Существует одноименный рассказ (1927, см. выше), в переработанном виде включенный в «Голубую книгу».

«Зингер» — американская электротехническая компания, поставившая в Россию швейное и текстильное оборудование; здесь: сговор, организация.

Нахальство (с. 655)

Ревизор. 1930. № 34.

Печ. по: СС 3. Т. 2. С. 368–372.

Полпред — полномочный представитель.

Необыкновенное происшествие (с. 660)

Ревизор. 1930. № 36.

Печ. по: УГ. С. 341–343.

Запутались (с. 660)

Ленинские искры. 1930. № 105. 27 декабря.

Печ. по: УГ. С. 343–344.

«Баклажка» — сатирический отдел газеты «Ленинские искры», где был опубликован фельетон Зощенко.

Доктор медицины (с. 662)

СС 6. Т. 5. С.45–50.

Печатается по этому изданию.

Более ранняя публикация не установлена.

Приложение

«Златогорская, качай!»

<Глава из романа «Большие пожары» > (с. 668)

Огонек. 1927. № 19. С. 6–7.

Печатается по этому изданию.

Этот текст — фрагмент коллективного романа 25 писателей, сочинявших главу за главой без всякой предварительной договоренности. Придумал «Большие пожары» и написал последнюю главу главный редактор журнала «Огонек» М. Кольцов. В осуществлении «проекта» приняли участие И. Бабель, В. Каверин, Б. Лавренев, Л. Леонов, А. Толстой, К. Федин и др. Первую главу, завязку фабулы, сочинил А. Грин.

В городе Златогорске происходят таинственные пожары: за две недели сгорело восемнадцать зданий. Разобраться в событиях и написать об этих то ли пожарах, то ли поджогах хочет репортер Берлога: «Старожилы сообщили нам в редакции, что двадцать лет назад, в, так сказать, мрачные времена царизма, Златогорск пережил подобную же серию пожаров, и поручили мне открыть это для трудящихся читателей». Вместе с делопроизводителем Мигуновым он едет в архив, чтобы отыскать старое судебное дело № 1057. Передача его Берлоге сопровождается внезапным появлением и исчезновением желтой бабочки, «пламенной сильфиды», похожей на «странный цветок». После ухода героев в архиве тоже начинается пожар.

По воле других писателей в романе происходит еще множество таинственных (и плохо связанных между собой) событий. Дело

№ 1057 исчезает. Берлогу заманивают в сумасшедший дом. Таинственный концессионер-иностранец, удачливый игрок в карты, возводит в городе «чудовищный особняк», в котором тоже появляются всякие таинственные личности и происходят загадочные события.

В своей главе (№ 19) Зощенко соединяет привычную сказовую стилистику и бытовую фактуру с навязанной предшественниками уголовной фабулой: бежавший из лечебницы репортер обнаруживает после очередного пожара пропавшее дело.

Подробнее о творческой истории и фабуле «Больших пожаров» см.: Быков Д. Большие пожары: Роман двадцати пяти писателей // Огонек. 2001. № 21. С. 40–43.

Фрагменты романа (9 глав) см.: Новая Юность. 2004. № 1–2 (публикация Е. Голубовского).

Кари глазки, куда вы скрылись... — цитата из популярного городского романа, авторы которого неизвестны; упоминается в «Рассказе певца» (см. Т. 1).

Алфавитный указатель произведений

1 : 0	547
300 %	48
№ 1028	79
Авантюрный рассказ	191
Административный восторг	348
Актер	33
Американская реклама	229
Бабье счастье	215
Баня	60
Баретки	388
Бедный Тыркин	76
Белиберда	71
Берегите здоровье!	427
Бессонница	592
Бешенство	262
Бледнолицые братья	318
Больные	425
Бочка	249
«Брачный аппарат Тустеп»	439
Бурлацкая натура	607
Бутылка	366
Бывает	251
Быстры, как волны, все дни нашей жизни	413
Валяйте, нам не жалко	38
Ваньку валяют	440
«Великая годовщина»	167

Веселенькая история	400
Волокита («Канцелярию ругать...»)	651
Волокита («Недавно один уважаемый товарищ...»)	315
Воры	116
Вредные мысли	95
Все в порядке	534
Встреча	494
Всюду жизнь	479
Выгодная комбинация	433
«Выдвиженец»	643
Вятка	37
Галоша	345
Гений из Алешек	148
Герой	217
Гибель строителей	159
Гибель человека	271
Гипноз	254
Горько	615
Гости	297
Графология	414
Гримаса нэпа	386
Грубо	445
[Грустно]	482
Дама с цветами	598
Дамские штучки	212
Дамское горе	244
Два кочегара	22
Дефективные люди	50

Дешевая распродажа	220
Дни нашей жизни	497
Доктор медицины	662
Домашнее средство («Конечно, население...»)	540
Домашнее средство («Неохотно нынче народ...»)	92
Дорвались	14
Доходная статья	102
Драка	381
Дрова	7
Душевная простота	369
Дым отечества	16
Дырка	363
Еще касается того же!	161
Заграничная история	477
Закорючка	410
Запутались	660
Засыпались	56
Зеленый ужас	153
Землетрясение	584
«Златогорская, качай!»	668
Зубное дело	391
Игра природы	358
Игрушка	374
Именинница	233
Инженер	176
Иностранцы	446
Каждый сам себе — заграница	441
Карманная кража	458

Каторга 376
Качество продукции 300
Кинодрама 260
Клад 515
Комики 113
Кому что, кому ничего 486
Контролер 93
Кошка и люди 404
Кража 518
Красота! 438
Крестьянский самородок 73
Кризис 178
Крысы 469
Кто прост — тому коровий хвост 162
Кузнеца обидели 90
Кузница здоровья 267
Летняя передышка 554
Лимонад 288
Литератор 338
Ломбардия 462
Лошадиная история 530
Лошадиное средство 637
Любитель 361
Материнство и младенчество 556
Медицинский случай 520
Мелкий случай 308
Мелкое происшествие 353
Мелкота 305

Мелочи жизни 393
Мерси 580
Мещане 282
Мещанство 83
Много ли человеку нужно 351
Мокрое дело 81
Муж 143
Музыканты допрыгались 459
На живца 63
На заводе 648
На посту 246
Насчет этики 88
Научное явление 408
Нахальство 655
Не все потеряно 449
Не дают развернуться 563
Не забавно («Оно, конечно, борьба с алкоголем...») 457
Не забавно («Конечно, город Минусинск...») 532
Не забавно («Об этом дельце прямо противно говорить...») 646
Некрасивая история 644
Не надо спекулировать 632
Необыкновенная история 565
Необыкновенное происшествие 657
Непорядки на земном шаре 480
Неприятная история 491
Неприятность («Вот довольно поучительный факт...») 524
Неприятность («Давеча на радиофронте...») 431
Нервные люди 186

Нервы 107
Не согласен 618
Несчастный случай 379
Неувязка 630
Новая эпоха 418
Новое в искусстве 10
Няня 560
Обмишурились 461
Обштопали 151
О вреде грамотности 67
Один день 624
Опасная пьеска 158
Операция 383
О пользе грамотности 330
О пользе неграмотности 423
Отчаянные люди 258
Очень просто 419
Ошибочка 54
Папаша 171
Паразит 236
Пароход 371
Пассажир 110
Пасхальный случай 69
Пауки и мухи 140
Подождем, над нами не каплет 476
Пожар 454
Полезная площадь 368
Помыться захотелось 442

Попалась, которая кусалась 43
Пора вставать 463
Поэт и лошадь 360
Праздничный подарок 278
Практикант 219
Прелести культуры 284
Природа и люди 551
Прискорбный случай 264
Приятная встреча 609
Происшествие 571
Психологическая история 627
Птичье молоко 29
Пустое дело 487
«Пушка» — Пушкину 485
Пушкин 327
Работяги 437
Рабочий костюм 118
Раздули кадило 460
Расписка 595
Рассуждение об иностранцах 472
Рачис 269
Редкий случай 227
Режим экономии 256
Родные люди 214
Ростов 416
Рука ближнего 355
Руководство для начинающих наблюдателей 483
С 27

Самодеятели	12
Свадьба	341
Светлый гений	25
Свободный художник	128
Святочная история	193
Сельская идиллия	165
Семейное дело	568
Семейный купорос	473
Серенада	525
Сила красноречия	332
Сильнее смерти	542
Сильное средство	189
Скверный анекдот	131
Событие	380
Социальная грусть	312
Спец	133
Спешное дело («Теперь поговорим, братцы мои, о внутренних делах...»)	645
Спешное дело («Это будет рассказ про нэпмана...»)	291
Спичка	11
Стакан	125
Старая история	443
Стихийное бедствие	156
Столичная штучка	44
Сторож	639
Суета сует	295
Суконное рыло	85
Счастливое детство	105

Тараканы 58
Театр для себя 273
Театральный механизм 275
Телефон 222
Теперь-то ясно 40
Терпеть можно 549
Товарищ Гоголь 293
Тормоз Вестингауза 137
Точка зрения 52
Трамблям в Саратове 146
Трезвые мысли 489
Туман 97
Тухлое дело 545
Тяга к чтению 464
Тяжелые времена 20
Ужасы внутреннего распорядка 66
Узел 280
Уличное происшествие 123
Утонувший домик 174
Хамство 429
Химики 31
Хиромантия 303
Хитер человек 18
Хитрее мухи 150
Хитрость 622
Хороший знакомый 535
Царские сапоги 335
Цыганский мотив 436

Часы	239
Человека жалко	577
Человек с нагрузкой	99
Через сто лет	196
Черт возьми!	468
Черт знает что такое	199
Честное дело	575
Четыре дня	242
Чистая выгода	589
Что делается!	523
Что за шум, а драки нету?	169
Что-нибудь особенное	403
Чудный отдых	135
Шапка	406
Шипы и розы	121
Шутка («Вот не угодно ли — девятый год революции...»)	230
Шутка («Конечно, некоторые товарищи говорят, будто это спецеество...»)	466
Юбилей	182
Юрист из провинции	225

Содержание

НЕРВНЫЕ ЛЮДИ Рассказы и фельетоны 1925–1930

Дрова	7	678
Новое в искусстве	10	678
Спичка	11	678
Самодеятели	12	678
Дорвались	14	678
Дым отечества	16	679
Хитер человек	18	679
Тяжелые времена	20	679
Два кочегара	22	679
Светлый гений	25	679
С	27	679
Птичье молоко	29	680
Химики	31	680
Актер	33	680
Вятка	37	680
Валяйте, нам не жалко	38	680
Теперь-то ясно	40	680
Попалась, которая кусалась	43	681
Столичная штучка	44	681
300 %	48	681
Дефективные люди	50	681
Точка зрения	52	681
Ошибочка	54	681

Засыпались	56	682
Тараканы	58	682
Баня	60	682
На живца	63	682
Ужасы внутреннего распорядка	66	682
О вреде грамотности	67	682
Пасхальный случай	69	683
Белиберда	71	683
Крестьянский самородок	73	683
Бедный Тыркин	76	683
№ 1028	79	683
Мокрое дело	81	683
Мещанство	83	684
Суконное рыло	85	684
Насчет этики	88	684
Кузнеца обидели	90	684
Домашнее средство («Неохотно нынче народ...») ..	92	684
Контролер	93	684
Вредные мысли	95	685
Туман	97	685
Человек с нагрузкой	99	685
Доходная статья	102	685
Счастливое детство	105	685
Нервы	107	685
Пассажир	110	686
Комики	113	686
Воры	116	686
Рабочий костюм	118	686

Шипы и розы	121	686
Уличное происшествие	123	687
Стакан	125	687
Свободный художник	128	687
Скверный анекдот	131	687
Спец	133	687
Чудный отдых	135	688
Тормоз Вестингауза	137	688
Пауки и мухи	140	688
Муж	143	688
Трамблям в Саратове	146	688
Гений из Алешек	148	689
Хитрее мухи	150	689
Обштопали	151	689
Зеленый ужас	153	689
Стихийное бедствие	156	689
Опасная пьеска	158	689
Гибель строителей	159	690
Еще касается того же!	161	690
Кто прост — тому коровий хвост	162	690
Сельская идиллия	165	690
«Великая годовщина»	167	690
Что за шум, а драки нету?	169	690
Папаша	171	691
Утонувший домик	174	691
Инженер	176	691
Кризис	178	691
Юбилей	182	692

Нервные люди	186	692
Сильное средство	189	692
Авантюрный рассказ	191	692
1. Таинственная западня	191	692
2. Врач принимает незнакомца	192	692
3. Чистая работа	192	692
Святочная история	193	692
Через сто лет	196	692
1. Аэроразврат	196	692
2. Халатность	197	692
3. Тормозят науку	198	692
4. Старая история	198	692
Черт знает что такое	199	693
1. Национальное самосознание	199	693
2. На театральном фронте	199	693
3. Кстати о деревообделочниках	200	693
4. Веселый директор	201	693
5. Подкрепил	201	693
6. Скверный анекдот	202	693
7. Позвольте выйти!	203	693
8. Бедность	203	693
9. Строгий местком	204	693
10. Научное сообщение	204	693
11. Василий Исаевич	205	693
12. Новый метод преподавания	206	693
13. С перепугу	206	693
14. Деликатные машинисты	207	693
15. 25 %	208	693

16. Удостоверение	209	693
17. Герой труда	209	693
18. Тонкое соображение	210	693
19. Просвещенный человек	211	693
20. Землемер	211	693
Дамские штучки	212	693
Родные люди	214	693
Бабье счастье	215	693
Герой	217	693
Практикант	219	694
Дешевая распродажа	220	694
Телефон	222	694
Юрист из провинции	225	694
Редкий случай	227	694
Американская реклама	229	695
Шутка («Вот не угодно ли...»)	230	695
Именинница	233	695
Паразит	236	695
Часы	239	695
Четыре дня	242	695
Дамское горе	244	696
На посту	246	696
Бочка	249	696
Бывает	251	696
Гипноз	254	697
Режим экономии	256	697
Отчаянные люди	258	697
Кинодрама	260	697

Бешенство	262	697
Прискорбный случай	264	697
Кузница здоровья	267	698
Рачис	269	698
Гибель человека	271	698
Театр для себя	273	698
Театральный механизм	275	699
Праздничный подарок	278	699
Первый образчик. На случай дождя	278	699
Второй образчик. На случай хорошей погоды ..	279	699
Узел	280	699
Мещане	282	699
Прелести культуры	284	699
Лимонад	288	700
Спешное дело («Это будет рассказ про нэпмана...»))	291	700
Товарищ Гоголь	293	700
Суета сует	295	700
Гости	297	700
Качество продукции	300	700
Хиромантия	303	701
Мелкота	305	701
Мелкий случай	308	701
Социальная грусть	312	701
Волокита	315	701
Бледнолицые братья	318	701
1. Идейный организм	318	701
2. Квартира	319	701

3. Юморист	320	701
4. Скупой рыцарь	322	701
5. Обезьяний язык	324	701
Пушкин	327	702
О пользе грамотности	330	702
Сила красноречия	332	702
Царские сапоги	335	703
Литератор	338	703
Свадьба	341	703
Галоша	345	703
Административный восторг	348	704
Много ли человеку нужно	351	704
Мелкое происшествие	353	704
Рука ближнего	355	704
Игра природы	358	704
Поэт и лошадь	360	705
Любитель	361	705
Дырка	363	705
Бутылка	366	705
Полезная площадь	368	705
Душевная простота	369	706
Пароход	371	706
Игрушка	374	706
Каторга	376	706
Несчастный случай	379	706
Событие	380	706
Драка	381	707
Операция	383	707

Гримаса нэпа	386	707
Баретки	388	707
Зубное дело	391	707
Мелочи жизни	393	707
1. Рубашка-фантази	393	707
2. Колпак	395	707
3. Непредвиденное обстоятельство	397	707
4. Зеленая продукция	398	707
Веселенькая история	400	708
Что-нибудь особенное	403	708
Кошка и люди	404	708
Шапка	406	708
Научное явление	408	708
Закорючка	410	709
Быстры, как волны, все дни нашей жизни	413	709
Графология	414	709
Ростов	416	709
Новая эпоха	418	709
Очень просто	419	710
О пользе неграмотности	423	710
Больные	425	710
Берегите здоровье!	427	710
Хамство	429	710
Неприятность («Давеча на радиофронте...»)	431	711
Выгодная комбинация	433	711
Цыганский мотив	436	711
Работяги	437	711
Красота!	438	711

Брачный аппарат «Тустеп»	439	711
Ваньку валяют	440	712
Каждый сам себе — граница	441	712
Помыться захотелось	442	712
Старая история	443	712
Грубо	445	712
Иностранцы	446	712
Не все потеряно	449	712
Пожар	454	713
Не забавно («Оно, конечно, борьба с алкоголем...»)	457	713
Карманная кража	458	713
Музыканты допрыгались	459	713
Раздули кадило	460	713
Обмишурились	461	713
Ломбардия	462	714
Пора вставать	463	714
Тяга к чтению	464	714
Шутка («Конечно, некоторые товарищи...»)	466	714
Черт возьми!	468	715
Крысы	469	715
Рассуждение об иностранцах	472	715
Семейный купорос	473	715
Подождем, над нами не каплет	476	715
Заграничная история	477	715
Всюду жизнь	479	715
Непорядки на земном шаре	480	716
[Грустно]	482	716

Руководство для начинающих наблюдателей	483	716
«Пушка» — Пушкину	485	716
Кому что, кому ничего	486	716
Пустое дело	487	717
Трезвые мысли	489	717
Неприятная история	491	717
Встреча	494	717
Дни нашей жизни	497	718
1. Оазисы	497	718
2. Хорошие перспективы	498	718
3. Спасибо	499	718
4. Подкачали	501	718
5. Симпатичное начинание	502	718
6. Наверяд ли!	503	718
7. Третий способ	504	718
8. Смехота	506	718
9. И скучно и грустно	507	718
10. Трамвай дыбом	508	718
11. О чем только раньше думали!	509	718
12. Раздевают	511	718
13. Мысли театрала	511	718
14. Музыкальный антракт	512	718
15. Строгий Губпродком	513	718
16. Хозяйственный расчет	514	718
17. Барин	514	718
Клад	515	718
Кража	518	718
Медицинский случай	520	718

Что делается!	523	718
Неприятность («Вот довольно поучительный факт...»)	524	719
Серенада	525	719
Лошадиная история	530	719
Не забавно («Конечно, город Минусинск...»)	532	719
Все в порядке	534	719
Хороший знакомый	535	720
Домашнее средство («Конечно, население...»)	540	720
Сильнее смерти	542	720
Тухлое дело	545	720
1 : 0	547	720
Терпеть можно	549	721
Природа и люди	551	721
1. Не про людей	551	721
2. Про людей	552	721
Летняя передышка	554	721
Материнство и младенчество	556	721
Няня	560	721
Не дают развернуться	563	721
Необыкновенная история	565	722
Семейное дело	568	722
Происшествие	571	722
Честное дело	575	722
Человека жалко	577	723
Мерси	580	723
Землетрясение	584	723
Чистая выгода	589	723

Бессонница	592	724
Расписка	595	724
Дама с цветами	598	724
Бурлацкая натура	607	724
Приятная встреча	609	725
Горько	615	725
Не согласен	618	725
1. Нэпман не угадал	619	725
2. Домик не удался	619	725
3. Химия не позволяет	620	725
4. Дядя Петя ошибается	621	725
Хитрость	622	725
Один день	624	726
Психологическая история	627	726
Неувязка	630	726
Не надо спекулировать	632	726
Лошадиное средство	637	727
Сторож	639	727
«Выдвиженец»	643	727
Некрасивая история	644	727
Спешное дело («Теперь поговорим, братцы мои, о внутренних делах...»)	645	727
Не забавно («Об этом дельце прямо противно говорить...»)	646	727
На заводе	648	727
1. Точка зрения	649	727
2. Разговор	649	727

3. Грамматика хромает	650	727
4. «Безвыходное положение»	651	727
Волокита	651	727
Нахальство	655	728
Необыкновенное происшествие	657	728
Запутались	660	728
Доктор медицины	662	728
Приложение		
«Златогорская, качай!»	668	729
Примечания	675	
Алфавитный указатель произведений	728	

Литературно-художественное издание

Мих. Зощенко

Собрание сочинений

Нервные люди

Рассказы и фельетоны

1925—1930

Редактирование и корректура

Елена Кузьменок

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Подписано в печать 29.07.2008.

Формат 70×108¹/₃₂. Бумага писчая.

Усл. печ. л. 32,9. Тираж 3000 экз.

Заказ № 577.

«Время»

115326 Москва, ул. Пятницкая, 25

Телефон (495) 951 5568

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленным

оригинал-макетом в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

Бли́зкий Вам Банк!

Более **300** отделений по всей России –
от Калининграда до Владивостока!

Все, что нужно для Вас и Вашего бизнеса:

- вклады;
- кредитование;
- денежные переводы и платежи;
- расчетно-кассовое обслуживание;
- пластиковые карты;
- сейфовые ячейки и др.

Русь-Банк основан 5 сентября 1994 года.
Является участником Системы обязательного
страхования вкладов. По данным ЦБ РФ входит
в список 30 крупнейших российских банков.

www.russbank.ru

8-800-200-80-60

(по России звонок бесплатный)

ОАО «Русь-Банк». Генеральная лицензия ЦБ РФ № 3073. Реклама.

МИХ.
ЗОЩЕНКО

НЕРВНЫЕ ЛЮДИ

Рассказы и фельетоны
1925—1930

